СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

IV

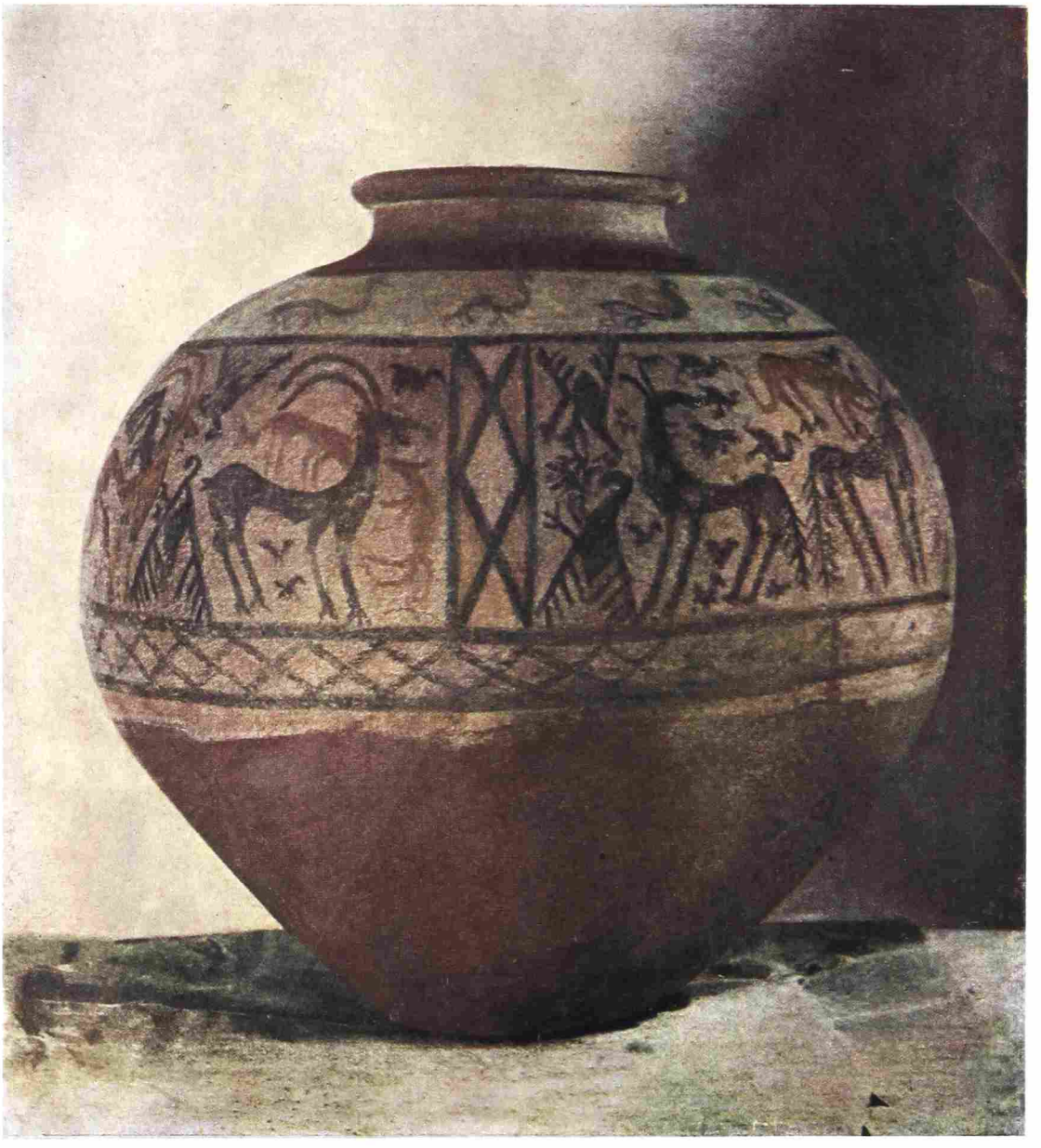

Рис. 3. Селение Шахтахты. Сосуд с росписью.
К статье А. Алекперова.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АНТРОПОЛОГИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор издания
директор Института антропологии, археологии и этнографии
акад. *В. В. Струве*

Отв. ред. и председатель редколлегии акад. И. И. Мещанинов
Ответственный секретарь С. Н. Замятнин
Члены редколлегии: В. А. Городцов, П. П. Ефименко, В. И. Равдоникас
Секретарь редакции В. В. Храмова

Технический редактор Д. С. Бабкин
Корректор З. Л. Спиваков

Сдано в набор 31 марта 1937 г.—
Подписано к печати 16 ноября
1937 г.—340 стр. (110 рис.)+6 вклеек.
Формат бум. 72×110 см.—23¼ печ.
л.—25,22 уч.-авт. л.—54.464 тип. зн. в
л.—Тираж 2200.—Ленгорлит № 5295.
АНИ № 84, — Заказ № 413

★

Типография Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Памяти Н. Я. Марра (1864—1934) 5

СТАТЬИ

В. И. Равдоникас (Ленинград). Элементы космических представлений в образах наскальных изображений 11
П. Н. Третьяков (Ленинград). Расселение древне-русских племен по археологическим данным 33
А. В. Арциховский (Москва). В защиту летописей и курганов 53
Б. В. Лунин (Ростов на Дону). К вопросу о действительном возрасте «Подкумского человека» в свете археологических данных 63

МАТЕРИАЛЫ

М. И. Артамонов (Ленинград). Раскопка курганов в долине р. Маныча . . 93
Д. Н. Эдинг (Москва). Идолы Горбуновского торфяника 133
Н. П. Милонов (Москва). Дмитровское городище (Кремль города Дмитрова). 147
В. И. Смирнов (Архангельск). Обзор археологических памятников Беломорского побережья Северной области 169
А. А. Мансуров (Москва). Археологическая карта р. Прони 211
А. П. Смирнов (Москва). Могильник Бигер-Шай 239
А. Алекперов (Баку). Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство 249
М. В. Покровский и Н. В. Анфимов (Краснодар). Карта древнейших поселений и могильников Прикубанья 265

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

Е. И. Горюнова (Москва). Археологические разведки на территории горного правобережья Волги в пределах Марийской ССР 279
Е. И. Горюнова (Москва). Сретенская и Кугунурская курганные группы. . 285
А. В. Дмитревская (Ленинград). Палецкие курганы 289
К. Я. Виноградов (Москва). Новые памятники фатьяновской культуры. . 300
М. В. Покровский (Краснодар). Грифон Лысой горы 305
Н. В. Валукинский (Воронеж). Разведки в Воронеже 308
В. Я. Козловская (Киев). Некролог. Памяти проф. В. Е. Данилевича . . 313

ХРОНИКА

А. П. Окладников (Ленинград). Археологические исследования на Ангаре. 319
Л. Н. Соловьев (Сухуми). Археологические раскопки близ г. Очемчири в Абхазии 323
С. В. Киселев (Москва). Раскопки карасукского могильника на р. Бее в Хакассии летом 1936 г. 324
Н. Н. Чернягин (Ленинград). Раскопки Псковского кремля 327
П. Н. Третьяков (Ленинград). Калужская экспедиция Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра 1936 г. 328
А. П. Смирнов (Москва). Исследование городища Сувар 330
Г. В. Подгаецкий (Ленинград). Краткий отчет о работах Орской экспедиции. 332
Г. Ф. Дебец (Москва). Палеоантропология Африки (библиографический обзор). 335

SOMMAIRE

Pages

À la mémoire de N. J. Marr (1864—1934) 5

MÉMOIRES

V. Raudonikas (Léningrad). Les éléments de représentations cosmiques dans les figures des gravures rupestres 11
P. Tretjakov (Léningrad). La distribution territoriale des Russes anciens d'après les données archéologiques 33
A. Arcichovskij (Moscou). Plaidoyer en faveur des chroniques et des tumuli. 53
B. Lunin (Rostov sur Don). Sur l'âge réel de l'«homme du Podkoumok» à la lumière des données archéologiques 63

MATÉRIAUX

M. Artamonov (Léningrad). Fouilles de tumuli dans la vallée du Manytch . 93
D. Eding (Moscou). Les idoles de la tourbière de Gorbounovo 133
N. Milonov (Moscou). Le gorodistché (kremlin) de Dmitrov 147
B. Smirnov (Arkhangelsk). Revue des monuments archéologiques du littoral de la mer Blanche dans la province du Nord. 169
A. Mansourov (Moscou). Carte archéologique de la rivière Pronia 211
A. Smirnov (Moscou). Le cimetière de Bigher-Chaï 239
A. Alekperov (Bakou). La céramique peinte du pays de Nakhitchévan et le royaume de Van 249
M. Pokrovskij et N. Anfimov (Krasnodar). Carte des plus anciens localités cimetières de la région du Kouban 265

BRÈVES COMMUNICATIONS

E. Goĭrunova (Moscou). Explorations archéologiques dans la région montagneuse de la rive droite de la Volga, dans la république des Mari. 279
E. Gorĭunova (Moscou). Les groupes de tumuli de Sretensky et de Kougounour. 285
A. Dmitrevskaja (Léningrad). Les tumuli de Palets 289
K. Vinogradov (Moscou). Nouveaux monuments de la culture de Fatianovo. 300
M. Pokrovskij (Krasnodar). Le griffon de la montagne Lyssaïa 305
N. Valukinskij (Voronèje). Explorations à Voronèje 308
V. Kozlovskaja (Kiev). Nécrologie A la mémoire du professeur V. Danilevič . 313

CHRONIQUE

A. Okladnikov (Léningrad). Travaux archéologiques sur l'Angara 319
L. Solovjev (Soukhoumi). Fouilles archéologiques près de la ville d'Otchemtchiri en Abkhasie 323
S. Kiselev (Moscou). Fouilles exécutées en été 1936 dans le cimetière de Karassouk sur la rivière Biia en Khakassie 324
N. Černjagin (Léningrad). Les fouilles du kremlin de Pskov 327
P. Tretjakov (Léningrad). La mission archéologique de Kalouga de l'Académie N. Marr d'Histoire de la Culture matérielle (1936) 328
A. Smirnov (Moscou). L'exploration du gorodistché de Souvar 330
G. Podgaeckij (Léningrad). Compte rendu sommaire des travaux de la mission d'Orsk 332
G. Debec (Moscou). La paléoanthropologie de l'Afrique (revue bibliographique) . 335

ПАМЯТИ Н. Я. МАРРА (1864—1934)

20 декабря 1937 г. исполняется три года со дня смерти великого советского ученого и выдающегося советского общественного деятеля-революционера академика Николая Яковлевича Марра.

День смерти Н. Я. Марра является горестно-памятной датой для советской общественности и для советской науки. С особой силой памятен этот день советским археологам, в лице Н. Я. Марра утратившим своего руководителя, учителя и друга.

В широких кругах с именем Н. Я. Марра обычно связано представление об исключительно ярком образе гениального лингвиста, основателя нового учения о языке, проложившего новые пути для языковедных исследований и создавшего школу лингвистов новой советской формации.

Это представление без сомнения верно, но оно далеко не полностью отвечает всей широте подлинного значения Н. Я. Марра в истории науки.

Н. Я. Марр действительно был общепризнанным гениальным лингвистом, владевшим многими десятками разнообразных языков и всю необъятную сумму своих конкретных лингвистических знаний заложившим в качестве фундамента в основу созданного им нового учения о языке. Но вспомним, что ведь самая существенная и самая глубокая особенность этого нового учения заключается в его историзме. Следовательно, уже в пределах лингвистики Н. Я. Марр был прежде всего и более всего историком. Язык, согласно взглядам Н. Я. Марра, есть продукт общественно-исторического развития, и научно понять его можно только в историческом аспекте, в связи со всей многогранной историей общества, прослеживая изменения в языке и мышлении от стадии к стадии (учение о стадиальности). С другой стороны, в самом языке отложились и крепко запечатлелись все пережитые человечеством стадии исторического развития, начиная с самых древнейших эпох. Следовательно, данные языка, обработанные с помощью марровской палеонтологии речи, являются полноценным историческим источником. Сам Н. Я. Марр умел с поразительным, следует сказать, искусством и глубиной извлекать из этого, как море безбрежного, источника исключительное богатство новых исторических данных, проникая до самых древнейших глубин человеческой истории. Палеонтологические работы Н. Я. Марра, все его исследования по меняющейся семантике слов от архетипов и до слов в языках нашего времени представляют сокровищницу как раз для археологов, изучающих памятники первобытной истории, начиная от времен становления общества, от эпохи первобытного стада.

Пользуясь данными языка для исторических исследований, Н. Я. Марр в совершенстве владел и всеми другими видами источников, разрабатывая на их основе историческое знание. Древние письменные тексты — иероглифические, клинописные (халдские, ахеменидские) и т. д. — материалы этнографии и фольклора, памятники искусства, памятники материальной культуры в полной мере были важны, доступны и понятны для Н. Я. Марра, как документы исторической жизни человечества, как опорные пункты для

раскрытия человеческой истории. Н. Я. Марр в качестве историка — это особая, чрезвычайно широкая и сложная тема, потому что Н. Я. Марр внес огромный вклад в историческую науку. Мы коснемся здесь только части этой темы, именно — отношения Н. Я. Марра к вещественным археологическим памятникам.

Тем, кто работал с Н. Я. Марром и даже тем, кто просто читал его труды, хорошо известно, что одной из самых любимых и самых плодотворных его идей была на ряду с учением о стадиальности в языке и мышлении и палеонтологией речи идея увязки языка и материальной культуры в историческом исследовании. Нет надобности приводить цитаты — ими можно было бы заполнить целую книгу — и не отдельные высказывания только, а целые работы посвящал Н. Я. Марр страстной пропаганде этой своей идеи, долгими годами выношенной им в своем уме и в своем сердце. Сколько горьких упреков и сарказмов расточал Н. Я. Марр по адресу многих наших археологов, не всегда и не у всех встречая отклики на свои пламенные призывы воспринять его новые идеи и последовать по проложенному им пути. Марровское требование увязки языка и материальной культуры заключается прежде всего в том, чтобы и к данным языка и к вещественным памятникам исследователь подходил как к источникам истории человечества, объединяя эти оба вида источников и проверяя их друг другом при разрешении всех тех исторических проблем, для которых они имеются в наличии. Отсюда взгляд Н. Я. Марра на археологию, как на науку с широкими и важными историческими задачами. Археолог в его понимании непременно должен быть историком, владеющим специфическими особенностями вещи, как источника. Таким был сам Н. Я. Марр во всех своих археологических исследованиях, начиная от полевых работ и кончая широкими историческими обобщениями.

Полевые исследования Н. Я. Марра совершенно бесспорно сделали эпоху в археологии. Его замечательные многолетние раскопки в Ани (1892, 1904—1917) дали ему во можн сть шаг за шагом вдумчиво разработать основы методики раскрытия памятника по целостным комплексам с целью расшифровки во всей полноте их исторического значения, а не только с целью разыскания внешне блестящих вещевых находок, чем по сравнению с Н. Я. Марром как раз наоборот руководствовалось большинство старых археологов-вещеведов. В результате этих раскопок старые представления о средневековой истории Армении были в корне перестроены на основе новых археологических открытий и глубокой их исторической, чисто марровской, интерпретации. Исследования в Ани создали новую школу археологов — учеников Н. Я. Марра, и анийские полевые традиции бесспорно должны лежать в основе методики советской археологии. Именно по раскопкам Н. Я. Марра в Ани советские археологи должны учиться тому, как надо раскрывать и понимать археологические памятники в увязке их с данными языка и со всеми другими видами источников. Такое же значение имеют и все остальные археологические изыскания Н. Я. Марра — раскопки языческого храма в Гарни, изучение гигантских каменных изваяний Армении — «вишапов», исследования по халдским памятникам и т. д.

С полным и непререкаемым правом поэтому Н. Я. Марр идейно и организационно возглавлял советскую археологию по самый день своей смерти Он был первым председателем реформированной после великой пролетарской революции Археологической Комиссии, превращенной затем по декрету, подписанному В. И. Лениным, в Гос. Академию истории материальной культуры (ГАИМК), ныне носящую имя Н. Я. Марра.

До 1934 г. он был бессменным руководителем этого центрального советского археологического учреждения и направлял всю его работу в сторону конкретных исторических исследований. Он был врагом псевдосоциологизаторства и пустой трескучей болтовни. Как раз к археологии должны быть отнесены следующие его знаменательные слова:

«Есть области знания, не проработанные марксистски, и необходимо овладеть этими областями знания. Однако это овладение предполагает не легкий акт применения как прикладной декорации марксистского метода к той или иной области знания, а проработку ее материала».

С особым вниманием и заботливостью Н. Я. Марр относился к экспедиционным археологическим исследованиям, направляя полевые поиски исследователей и их творческую мысль в актуальную для советской науки сторону. Каждый археолог — из ГАИМК, из Ташкента, из области Коми — все равно — в любую минуту мог притти к Н. Я. Марру, несмотря на всю его огромную загруженность научной, политической и вообще общественной работой, быть внимательно выслушанным и получить незаменимый, врезавшийся в память совет. Смерть Н. Я. Марра для ГАИМК была поистине потрясающим глубоко трагическим событием. Уже ближайшие после этого события месяцы показали, что, воспользовавшись отсутствием Н. Я. Марра, враги народа, пробравшиеся к руководству ГАИМК, вредительски повели это учреждение к развалу, к дезорганизации, к ликвидации самой археологии как науки, и только в самое последнее время, благодаря глубоко мудрым сталинским указаниям, им был дан сокрушительный отпор.

Величие и сила Н. Я. Марра как ученого и как общественного деятеля заключается в том, что он был всегда тесно связан с массами, черпал от них свои творческие устремления, понимал и принимал близко к сердцу их интересы. Именно это и заставило его — ученого и революционера — всецело отдать себя на служение великой Пролетарской Революции и под конец своей жизни — в 1930 г. формально вступить в ряды ленинско-сталинской коммунистической партии. Он с честью нес великое звание большевика и со всей страстью, со всей силой своей могучей воли и своего необузданного темперамента овладевал большевизмом как в политике, так и в науке.

Работы последних лет его жизни ярко свидетельствуют о том, что, преодолевая свои ошибки, в самом себе он перерабатывал стихийного материалиста в сознательного материалиста-диалектика, глубоко искреннего последователя марксизма-ленинизма. Этого требовал он и от всех других ученых, на которых он распространял свое влияние.

В годовщину смерти Н. Я. Марра советские археологи должны еще раз вспомнить, что усвоение великого наследства этого замечательного советского деятеля является необходимым залогом успешности и продуктивности их исследовательской работы.

Ученый-большевик, ученый-революционер Н. Я. Марр навсегда останется в памяти, как руководитель всех подлинно советских археологов. Под гениальным Сталинским руководством, в условиях нашей родной социалистической страны, представляющей безграничные, небывалые в истории возможности для научной работы, каждая наука, в том числе и археология, имеет перед собой блестящий расцвет в качестве перспективы. Марксистско-ленинская археология, к которой стремился Н. Я. Марр, осуществляется в социалистической стране, руководимой вождем народов великим Сталиным.

Редакция.

СТАТЬИ

В. И. РАВДОНИКАС

ЭЛЕМЕНТЫ КОСМИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ОБРАЗАХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ

Те реалистические наскальные изображения, к анализу которых мы пытались подойти в предшествующем нашем очерке,[1] сигнализируют нам, по всей вероятности, все же лишь о пережиточном мировоззрении, хотя еще и достаточно крепком, но уже вытесняемом новыми представлениями, вносящими новое содержание в старые образы и переоформляющими их. Во всяком случае в изображениях Онежского озера мы имеем весьма мощный слой фигур совершенно иного рода и по стилю и по содержанию. Сюда входят многочисленные фигуры символического характера и фигуры, утратившие свой реалистический стиль. Остановимся лишь на некоторых таких фигурах из числа тех, которые мы хотели бы считать для себя уясненными.

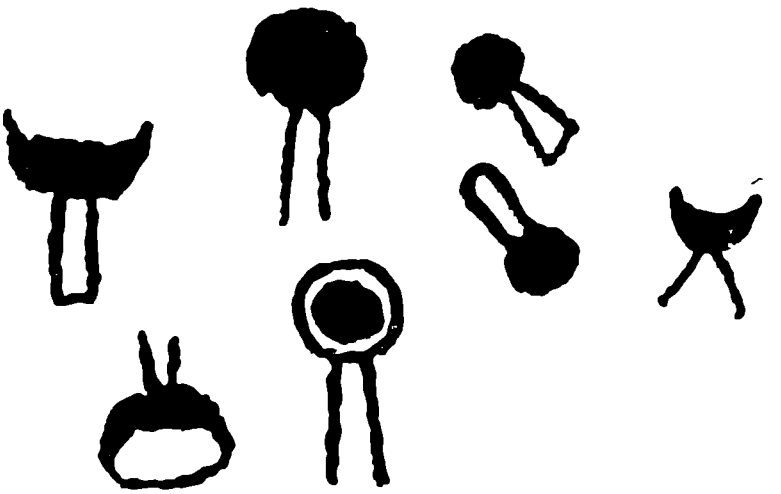

Рис. 1. Изображения солярных и лунарных знаков. Онежское озеро.

Среди изображений Онежского озера почти во всех группах повторяются многочисленные фигуры в виде круга, иногда концентрического, или полумесяца с двумя (значительно реже — с тремя) отходящими от них — чаще всего под углом — линиями (рис. 1). Иногда эти линии почти параллельны, ингда они соединены на концах поперечной ломаной или

[1] См. Советская археология, № 3.

округлой линией — и тогда они принимают форму как бы прорезной рукояти. Об этих любопытных фигурах в нашей литературе высказывались различные мнения, но среди них, с нашей точки зрения, нет ни одного правильного.

Авторы середины прошлого столетия П. Швед и Гревингк считали некоторые из таких фигур изображениями циркуля, другие — изображениями зеркала и т. п. Любопытно, что и современный нам известный английский доисторик Беркит именует круги с расходящимися линиями зеркалами, а в некоторых из них усматривает почему то даже фаллические изображения. У нас в СССР широко распространилось и узаконилось мнение А. М. Линевского и А. Я. Брюсова, согласно которому эти фигуры представляют изображения капканов. На выставке Исторического музея в Москве круги и полумесяцы с расходящимися линиями до сего времени фигурируют в качестве капканов, яко бы иллюстрирующих способы охоты неолитического времени.

Мы остановимся несколько ниже на аргументах в защиту этой точки зрения, что бы доказать ее полную несостоятельность, а взгляды на эти фигуры, как на циркули или зеркала, или фаллические символы и вовсе оставим без внимания. Даже удивительно, как могло случиться, что образы в форме круга или полумесяца, бесчисленное множество раз повторяющиеся в искусстве неолита и более поздних эпох доклассового общества, безусловно (это много раз доказывалось в частности по отношению к фигурам этого рода среди наскальных изображений Скандинавии) имеющие космическую солярную или лунарную семантику, могли подвергаться иному истолкованию. Н. Я. Марр многократно с помощью палеонтологии речи показывал, что термины: круг, колесо, даже арка, свод и т. д. — в своей исходной форме имели космическое содержание, обозначали небо и солнце с их дериватами. Почему же круги и полукруги наскальных изображений должны иметь другую семантику? Смущают, очевидно, линии, отходящие от круга или полумесяца, принимаемые за ножки циркуля или рычаги капкана. Но, во-первых, среди наскальных изображений Онежского озера имеется достаточно таких фигур (т. е. кругов и полумесяцев) без этих линий. А во-вторых смущающие линии также не представляют ничего удивительного. Это просто изображение лучей, живительных лучей солнца или мертвых лучей луны. Достаточно вспомнить хотя бы о знаке для солнца из египетских иероглифов (рис. 2), чтобы с этим согласиться.

Если египетская параллель покажется слишком отдаленной, то можно сослаться и на местный материал. От изображений солнца на шаманских бубнах у саамов (лопарей) ведут обычно в разные стороны четыре линии или нити, обозначающие, что власть солнца распространяется на всю землю. Эти нити носили на языке саамов название «naelja paeiva labikie, что значит в переводе «четыре возжи солнца».[1] Превращение лучей

[1] Н. Харузин. Русские лопари, стр. 143.

в рукоятку, если это не просто усложненная символика, также можно понять, например, представив себе, что космический символ в форме круга или полумесяца превратился в культовый предмет, который носят во время

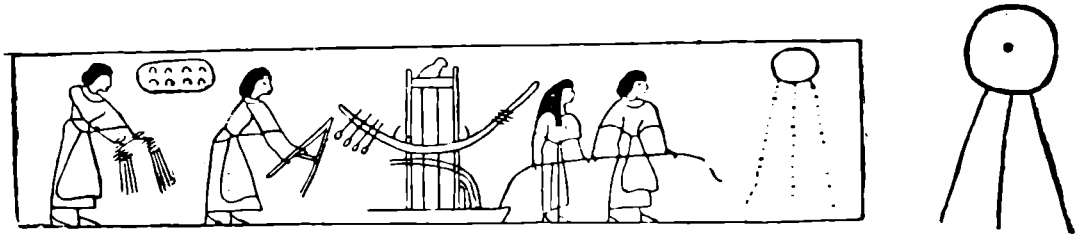

Рис. 2. Египетское изображение, относящееся к солярному культу. Справа египетский иероглиф солнца.

религиозных церемоний. Среди наскальных изображений южной Скандинавии мы имеем, например, фигуру (рис. 3), лучше всяких слов наглядно объясняющую подобное превращение. Эта фигура показывает, что наш космический знак в виде круга с лучами действительно носился в свое время на руках, как культовое изображение, и что в силу этого лучи действительно приняли форму рукояти.

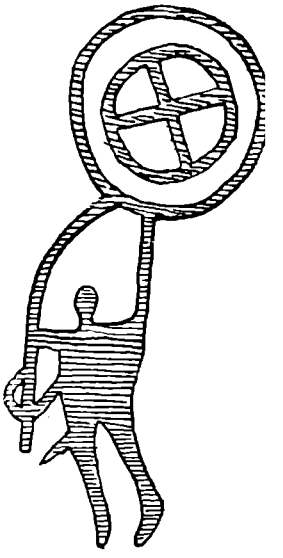

Рис. 3. Наскальное изображение человека со знаком солнца в руках. Богуслен, Швеция.

Итак вряд ли можно сомневаться, что данная категория фигур, будь то просто изображение солнца или луны, или изображение культовых предметов, их символизирующих, отображает уже космические солярные и лунарные представления. А многочисленность таких фигур свидетельствует о важном значении космических представлений в идеологии общества данной эпохи. К символам солнца или луны следует добавить астральные символы, например, изображения звезд. Все это, как известно, элементы обозначения верхнего неба. Следует полагать, хотя доказать это труднее, что и представители двух остальных небес — среднего (земля) и нижнего (вода, преисподняя) — фигурируют среди наших изображений. Для земли — это могут быть дерево, подошва или часть ноги человека (по изысканиям Н. Я. Марра: «земля» — «semelle») (рис. 4); для воды — кроме рыб, чудовищная ящерица [изображение которой на Бесовом Носу достигает 2.56 м (рис. 5) в длину] и фантастическая змея, олицетворявшие преисподнюю (рис. 6). Расшифровка всех этих образов дается в свете семантических изысканий Н. Я. Марра.

Если согласиться с К. Гентце, считающим образ мифического существа с тремя пальцами на руке связанным с лунарными представлениями,[1]

[1] C. Hentze. Mythes et symboles lunaires. Anvers, 1932, стр. 108 сл.

то наличие значительного числа трехпалых человеческих фигур (рис. 7) на скалах Онежского озера подтверждает насыщенность солярно-лунарной символикой наших наскальных образов.

Таким образом все три сферы первобытного представления о космосе нашли свое отображение в искусстве наскальных изображений Карелии. Космическое мировоззрение перед нами налицо в этом слое позднейших символических образов. Но и старые образы тотемического характера приобретают теперь, повидимому, ту же космическую семантику. Уловить это помогает нам учение Н. Я. Марра.

Рис. 4. Изображение ноги. IV мыс Пери Носа.

Одна из самых важных идей Н. Я. Марра — лежащее в основе всей его палеонтологии речи, всего учения о стадиальности—положение о том, что «в семантике на различных ступенях стадиального развития одни и те же слова получают различные восприятия значимости»,[1] что семантика слов и образов меняется в зависимости от сдвигов в общественной жизни и от смены форм мышления. «Возможность, — пишет Н. Я. Марр в „Иштари", — разобраться в бесконечных ускользающих от нас теоретически идеоизлучениях архетипных слов нам обеспечивается не современными нам и вообще историческому человечеству натуралистически-реальными понятиями и соответственной логикой, сменой мировоззрения действительно первобытного человечества, вырастанием взглядов на казавшихся ему реальными богов, скатыванием в клубок слагавшихся постепенно, в длительном процессе многих десятков тысячелетий в его мышлении представлений о человеке, впоследствии о себе, и окружающем его мире».[2] Эту меняющуюся семантику с ее непрерывными превращениями, с ее сложными узлами и пучками разветвляющихся значений Н. Я. Марр конкретно раскрывал, прослеживал на различных языковых фактах во множестве своих работ, устанавливая таким путем свои стадии развития речи и мышления. Во всеоружии палеонтологии речи, с замечательной проницательностью он открывал в частности

[1] К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем. Известия ГАИМК, т. VII, вып. 7—8, стр. 14.

[2] Н. Я. Марр. Язык и общество, стр. 308—309.

Рис. 5. Изображение ящерицы. Бесов Нос.

Рис. 6. Изображение змеи. II мыс Пери Носа.

«пути, — по его образному выражению, — странствования богов», т. е. изменения и превращения религиозных представлений, столь характерных для мышления первобытных эпох. В результате этих исследований выяснилось, что как старые слова, старые термины переносились на новые явления и понятия, вырабатывавшиеся вследствие перемен в производстве и в общественной жизни вообще (для примера напомню о работе Н. Я. Марра «Из истории средств передвижений»), так подобно этому новые религиозные представления внедрялись в старые образы и лишь с течением времени переоформляли их. Блестящая работа Н. Я. Марра «Иштарь» демонстрирует этот процесс на многочисленных разнообразных фактах. И тотемизм с его животными или растительными тотемами, сменяясь космическим мировоззрением, должен был поэтому долго сохранять свои образы. Но эти тотемические образы наполнялись новым, осложненным содержанием с наличием уже космических элементов... «Тотем, — писал Н. Я. Марр, — как название производственной социальной группы (а мы знаем, что такое название вначале было названием животного или растения. — *В. Р.*) впоследствии племенное название на соответственной космической ступени стадиального развития было синонимом 'неба', 'солнца', народы отсюда пережиточно именовались 'детьми неба', 'солнца', и т. п.» [1]

Рис. 7. Изображение трехпалого человека. III мыс Пери Носа.

Изменение семантики тотемических образов среди наших наскальных изображений лучше всего можно проследить по фигурам, служившим аргументами для истолкования космических знаков в виде кругов или полукру-

[1] Н. Я. Марр. Право собственности по сигнализации языка. Избр. работы, т. III, 1934, стр. 186.

гов с линиями как изображений якобы капканов, свидетельствующих по выражению Н. Я. Брюсова «о распространенном способе охоты». Выдвинувший эту точку зрения А. М. Линевский делал особый упор на одну фигуру из группы изображений VI мыса Пери Носа, которую он считал «изображением хищника, попавшего в капкан» и писал, что оно «является наиболее ценным наглядным доказательством, так как без такого изображения можно было бы оспаривать, что все эти фигуры изображают капканы. Оскаленная пасть, острое ухо, сведенная передняя лапа и пышный хвост — вот штрихи, которыми первобытный художник изобразил издыхающего хищника, лежащего на спине и ущемленного за грудь большим капканом».[1] Если посмотреть на эту фигуру в том виде, в каком скопировал и воспроизвел ее А. М. Линевский (рис. 8), то как будто бы перед нами и в самом деле весьма экспрессивная картина, рисующая хищника, издыхающего в капкане. Однако здесь прискорбное недоразумение, причиной которого является, говоря мягко, очень неточное воспроизведение оригинала. На рис. 9 показана та же самая фигура, но так, как она выглядит в действительности по выполненной нами в 1935 г. точной копии. Как видим, здесь нет никакого издыхающего хищника. Вместо «пышного хвоста» перед нами отлично моделлированная нога человека, переходящая вверху в человеческое туловище; вместо «оскаленной пасти и острого уха» — спокойное изображение морды животного; вместо «сведенной передней лапы» — рука человека; вместо «большого капкана», ущемляющего за грудь — предмет, аналогии которого мы уже рассматривали в качестве лунарных знаков. Перед нами не хищник в капкане, а уже хорошо знакомая нам фигура получеловека-полуживотного, изображающая тотемного предка, но с той, без сомнения, весьма существенной разницей, что этот тотемный предок изображен с космическим аттрибу-

Рис. 8. Изображение на VI мысе Пери Носа в воспроизведении А. М. Линевского (А. М. Линевский. Промыслы доисторической Карелии, рис.5).

Рис. 9. Подлинный вид того же изображения на VI мысе Пери-Носа по нашей копии 1935 г.

[1] А. М. Линевский. К вопросу о петроглифах Карелии. Сборник ЛОИКФУН, т. I, стр. 62.

том в виде лунарного символа в руках. О чем сигнализирует здесь этот символ? О том, мне кажется, что старый образ тотема-животного получил усложненное содержание, что тотем-животное превращается в космический тотем с противоречивой двойственной и даже тройственной природой. Вместе с тем космический символ в руках тотемного предка или же замаскированного под тотема человека проливает свет и на происхождение шаманских бубнов, своей формой и содержанием своих фигур олицетворявших небесный круг — космос.

Таков действительный смысл этого замечательного изображения, до сих пор фигурирующего на выставке Исторического музея в Москве в качестве «волка в капкане». Полагаем, что с легендой о капканах, как и вообще с механистической трактовкой наскальных изображений необходимо покончить.

Фигура, аналогичная только что описанной, известна и на северной скале Бесова Носа (рис. 10).

Здесь замаскированный, повидимому, под медведя, но с длинным не медвежьим хвостом, человек держит в руках оба космические символа — солярный и лунарный. Под ногами у него изображена, к сожалению плохо сохранившаяся, волнистая черта, возможно изображение змеи — символа неба-преисподней. Тотем или представляющий его персонаж изображен здесь так же как и на предшествующей фигуре с выявлением сложной тройственной и противоречивой его природы — животной, затем человеческой и, наконец, космической в аспекте верхнего неба, как носителя светлого или доброго начала, причем верхнее небо показано обоими его воплощениями — солнцем и луной. Это могущественный тотем, силы которого умножены благодаря сопричастию его к космическим, небесным силам. Если он действительно попирает ногами змея — олицетворение преисподней, носителя мрака и зла, то центральной идеей этой композиции будет тогда широко распространенный сюжет борьбы двух начал — света и мрака, тепла и холода, добра и зла. Представитель светлого и доброго начала — покровитель рода или племени животно-космический тотем показан в роли победителя, очевидно с целью магического предопределения действительной победы света над мраком и добра над злом.

При наличии двух последних фигур, религиозное и культовое значение которых неоспоримо, вряд ли можно, кстати сказать, сомневаться в тотемическом и культовом содержании всех вообще получеловеческих-полузвериных изображений, показанных нами в предшествующем очерке. И следовательно нельзя сомневаться и в существовании тотемизма в прошлом того общества, которое оставило нам наскальные изображения в Карелии.

Космическое осложнение природы тотема мы можем проследить и на других образах, особенно на изображениях птиц. Н. Я. Марр много раз писал и доказывал, что слово «птица» и каждое название особого вида птицы оказались разновидностями слов, означающих «небо» или «небеса»,

Рис. 10. Изображение получеловека-полумедведя. Северный мыс Бесова Носа.

впоследствие «небесенок».[1] В частности он указывал, что название птицы — лебедя будет «совпадать с белым цветом но... не по связи с 'птицами', ниже со 'снегом', а с 'небом' его долевым проявлением или воплощением в светилах, звездах, луне, солнце, дне, да и лете; здесь источник последовательного развития понятий 'светлый', потом 'белый', 'чистый', как и обратно 'священный', 'святой', 'чистый'». Эта связь названия, добавлю — и образа птицы, в частности лебедя, — с космическими терминами и образами.

[1] Н. Я. Марр. Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 7—8.

переходящими в абстрактные понятия (и их термины) — белизна, чистота, добро, святость и т. д. — со всей непререкаемой убедительностью выступает в наших наскальных изображениях. Таково, например, отдельное изображение лебедя с Карецкого Носа, расположенное далеко в стороне от остальных фигур (рис. 11). Лебедя здесь сопровождает космический образ солнца в виде геометрически правильного круга. Таково же другое, также отдельное, изображение птицы с северной скалы Бесова Носа (рис. 12). Птице сопутствуют здесь оба космических знака для верхнего неба — знак солнца и знак луны. На том же мысе имеется уже отнюдь не реалистическая, а сильно геометризированная фигура лебедя с геометрически-треугольным туловищем и почти прямолинейной шеей (рис. 13). На шее этого лебедя изображен знакомый нам солярный знак в виде круга с лучами, обращенными к лебедю. И все вообще схематизированные и геометризированные изображения птиц, повидимому, насыщены космической семантикой как, например, лебедь с дугами на туловище и с геометризированной шеей с северного мыса Бесова Носа [1] или лебедь с третьего мыса Пери Носа (рис. 14).

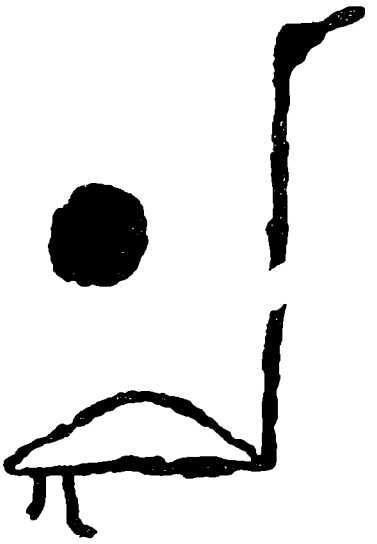

Рис. 11. Изображение лебедя с солярным знаком. Карецкий Нос.

Как видим, от древнего реализма здесь осталось не слишком много следов. Всю компановку этих фигур определяют параллельные дуги, высеченные по туловищу птиц. Но такие дуги в искусстве первобытных народов имеют совершенно определенную семантику: они изображают радугу, т. е. опять-таки один из элементов, один из долевых признаков верхнего неба. Это, следовательно, также космический образ и в наших примерах он настолько сливается с образом птицы и даже определяет его, что не может быть сомнений в преобладающем космическом содержании этих комбинированных изображений. Можно ли после всех этих наглядно-убедительных фактов сомневаться в реальности установленного Н. Я. Марром семантического ряда: 'солнце' → 'небо' → 'птица' → 'небесенок', так характерного для космических представлений.

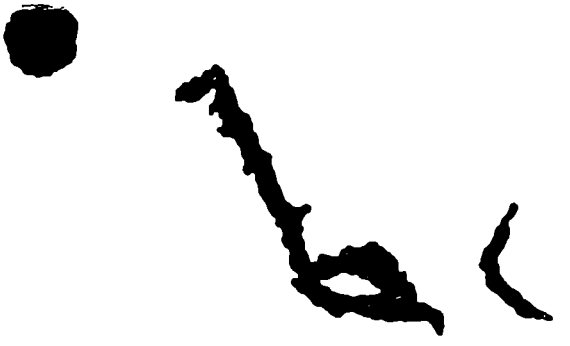

Рис. 12. Изображение птицы с солярным и лунарным знаками. Северный мыс Бесова Носа.

[1] См. Советская археология, № 1, стр. 45, рис. 17.

От птиц мы можем перейти и к четвероногим животным. Вспомним о знаменитом «яфетическом коне» и его стадиальном предшественнике олене. Коня еще нет ни в производстве, ни в идеологии изучаемого нами общества, но олень здесь давно существует. Следует думать, что это как раз тот самый «яфетический олень», который в производстве по функции и в мышлении по семантике был предшественником лошади. После работ Н. Я. Марра ясно, что термин, «скиф» → «сколот» → «колх» семантически связан с терминами 'золото' и 'солнце' и что скифский тотем 'олень' есть носитель этой племенной и в то же время космической солярной семантики. Олень-солнце с его круговым бегом по небесному своду, олень в качестве светлого солнечного божества, умирающего в борьбе со злым началом и вновь воскресающего, подобно заходу и восходу дневного светила, представляет образ, свойственный не только скифскому миру. Нам кажется, что именно этот образ, стадиально присущий различным обществам на определенной ступени их развития, мы находим и среди наскальных изображений Карелии. Ведь не даром Н. Я. Марр так любил переноситься на своем яфетическом коне,—аналоге и преемнике оленя,—из одного конца света в другой, от басков европейского запада — к далекому востоку Сибири, от «Кавказа и Черноморья на север до крайних полночных стран».[1]

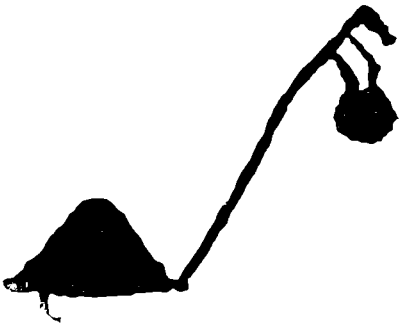

Рис. 13. Изображение лебедя с солярным знаком. Северный мыс Бесова Носа.

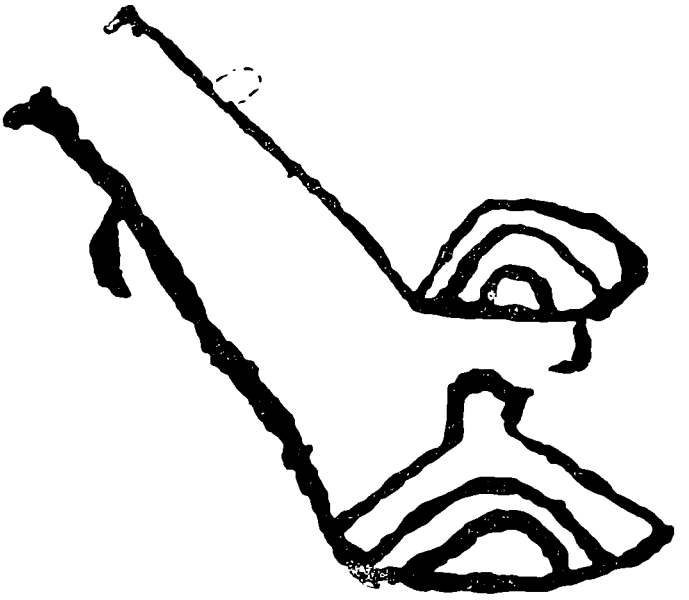

Рис. 14. Геометризированные изображения лебедя. III мыс Пери Носа.

[1] Н. Я. Марр. Лингвистические намечаемые эпохи. Избр. работы, т. III, стр. 59.

Именно с этой точки зрения следует, повидимому, толковать одну фигуру с VI мыса Пери Носа (рис. 15). Хотя и схематично, но достаточно отчетливо, она изображает оленя или, может быть, его двойника по религиозной семантике — лося. Геометрически правильный круг, соединенный чертой со спиной оленя, трудно рассматривать иначе, как тот же космический солярный знак. Соединительная черта должна изображать неразрывное семантическое единство его с оленем. Следовательно и олень становится

Рис. 15. Изображение оленя с солярным знаком. VI мыс Пери Носа.

теперь космическим солнечным тотемом, как это мы видели в отношении птиц. Отметим, что в мифологии саамов (лопарей) олень сопричастен солнцу и солнце часто именно на олене едет по небу.

Таким образом наше изображение показывает, что олень становится солнцем, но мы можем пойти еще дальше и попытаться доказать, что олень-солнце и в представлениях творцов наскальных изображений Карелии совершает свой цикл передвижения по небесным сферам, олицетворяя своим движением миф об умирающем и воскресающем боге. Для этого нам нужно ознакомиться с новой категорией наших фигур.

Согласно первобытным космическим представлениям одна из небесных сфер — нижнее небо, подземный мир или царство мертвых — преисподн-

няя — понимается как море, как водная стихия. Следовательно, движение по космосу в целом непременно включает в себя, как один из моментов, переплывание этой водной стихии преисподней. Отсюда космическая семантика образа корабля или лодки, чрезвычайно характерного для космического мировоззрения и порождаемого им искусства. Только в этой связи можно понять многочисленные условные изображения лодок, высеченные на скалах Онежского озера.

Аналогичные, хотя в большинстве более сложные изображения Скандинавии многократно подвергались тщательному изучению. Ворсо еще в середине прошлого века установил их солярный смысл, что было не очень трудно сделать, так как скандинавские изображения лодок в огромном числе случаев прямо несут на себе солярные знаки (рис. 16), чего нет на изображениях нашего севера. Мнение Ворсо было поддержано Монтелиу-

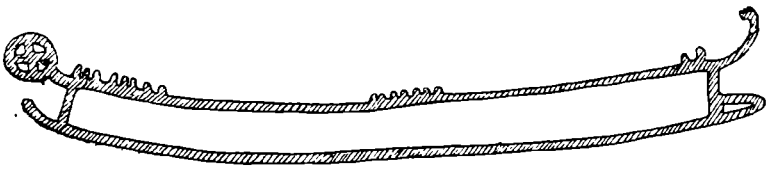

Рис. 16. Изображение лодки с солярным знаком. Швеция. Богуслен.

сом, Софусом Мюллером, Дешелеттом, хотя многие ученые придавали и придают им другое, реалистическое значение.

В последние годы шведский ученый Оскар Альмгрен изучил эту категорию наскальных изображений Скандинавии с исключительной обстоятельностью на основе огромного сравнительного материала. Он пришел к выводу, что эти корабли или лодки имели безусловно культовое значение и были связаны с солярным культом, с культом плодородия, а следовательно, и с культом умирающего и воскресающего бога.[1] Культовое содержание изображений лодок О. Альмгрен выявил на множестве фактов из области верований, культа и обрядов различных эпох — от эпохи бронзы в Европе, эпох вавилонской, египетской, древне-греческой истории и до наших дней. Он полагает, что культовая лодка пережиточно существует еще даже в современной Франции, фигурируя, например, в карнавальных процессиях Парижа. Воспользуемся некоторыми аргументами О. Альмгрена, видоизменяя и расширяя их применительно к нашим изображениям.

Может быть наиболее яркие факты дают нам египетские верования и мифы. Солнечные боги Ра, Аммон-Ра, Озирис и др. совершают свои передвижения по небу неизменно на лодках и это отражено не только в египетских текстах, но и в египетской живописи. Ряд таких изображений воспроизвел недавно И. Г. Лившиц в своей статье «О времени и пространстве в еги-

---

[1] O. Almgren. Nordische Felszeichnungen als religiöse Urkunden, Frankfurt am Main, 1934.

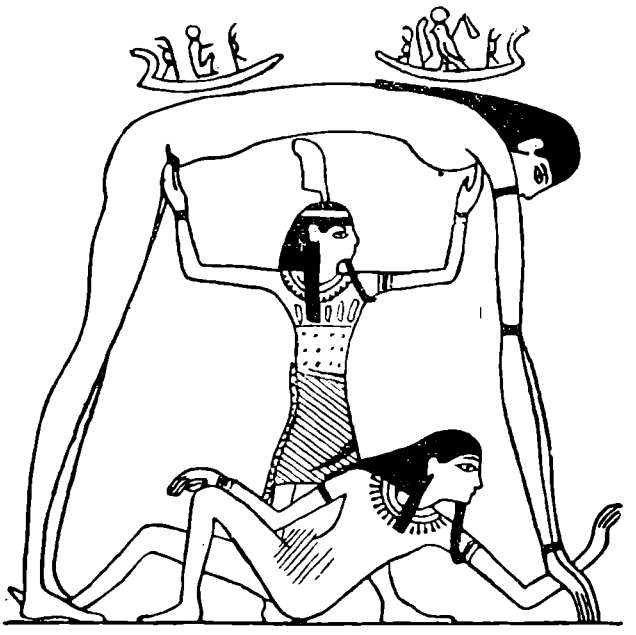

Рис. 17. Египетское изображение Космоса.

петской иероглифике».[1] Мы заимствуем от него наиболее подходящий для нас рисунок (рис. 17). Здесь изображен космос. Внизу бог земли Геб, над ним бог воздуха Шу поддерживает богиню неба Нут с двумя ладьями, изображающими солнце — солнечное божество. Другое аналогичное изображение (рис. 18) с двумя симметрично расположенными лодками с солнечным божеством показывает восход солнца на востоке (подымающаяся кверху правая лодка) и заход его на западе (спускающаяся вниз левая лодка). Традиционно изображение Озириса, сидящего в своей солнечной ладье (рис. 19). Космические образы здесь, в египетском религиозном искусстве уже антропоморфизированы, что совершенно естественно для классового общества. Но они содержат пережиточные доклассовые элементы, к которым при-

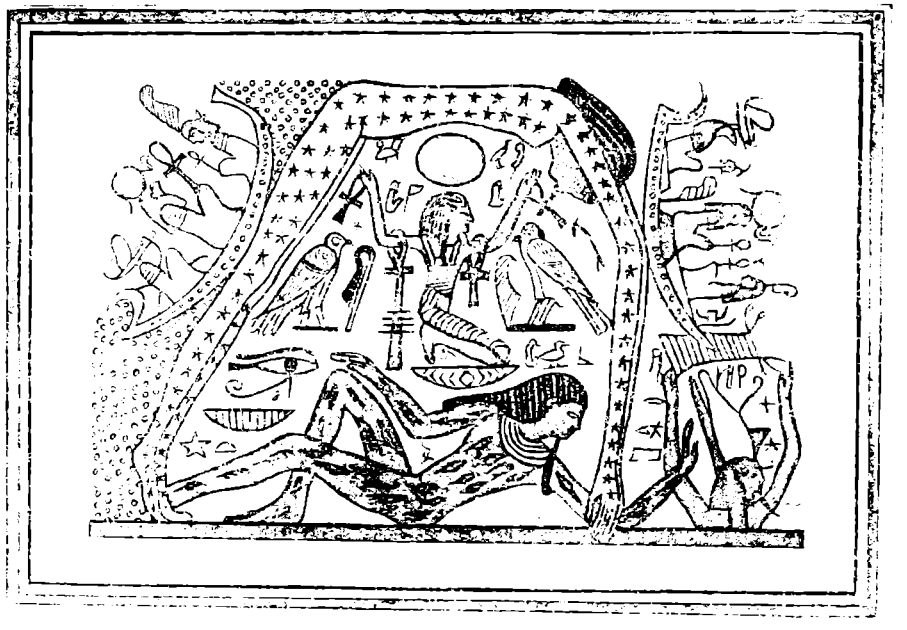

Рис. 18. Египетское изображение Космоса.

[1] Сб. «Академия Наук СССР — Н. Я. Марру», Л., 1935, стр. 223.

надлежит и образ солнечной лодки, известный еще додинастическому Египту в оформлении, удивительно близком к изображениям севера Европы, в том числе к изображениям Карелии.

Итак, восход и заход солнца, движение солнечного божества по космосу, смерть и воскресение солнечного бога изображались в египетской иконографии с помощью образа солнечной, плывущей по небесным сферам, ладьи: днем она плывет по верхнему небу, ночью по воде в преисподней, в царстве мертвых. И в древне-греческой религии аналог Озириса — бог-

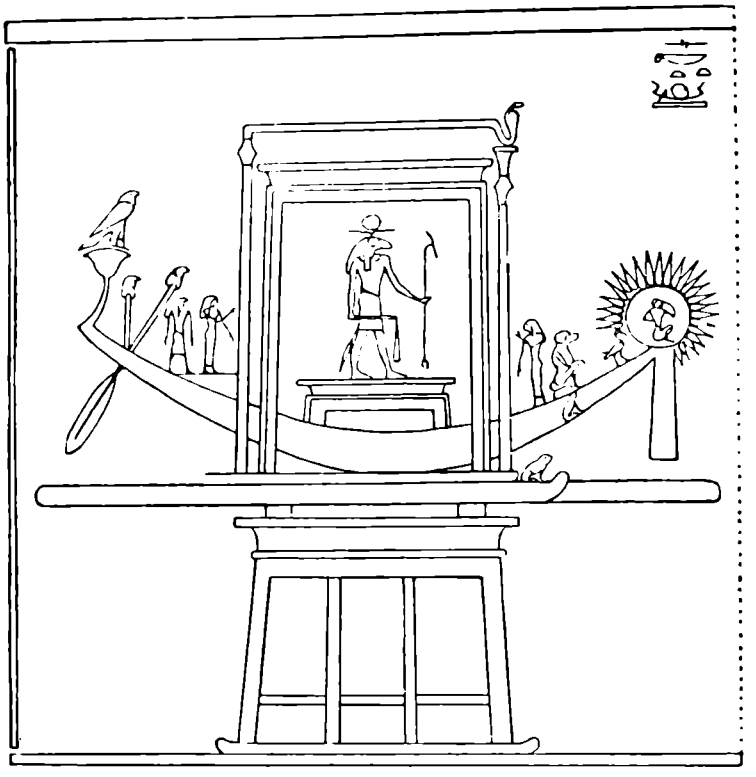

Рис. 19. Египетское изображение Озириса в солнечной ладье.

плодородия Дионис также восседал на лодке, без сомнения, в знак своего солярного достоинства. В культовых процессиях изображение Диониса или представляющего его жреца возили на лодке, поставленной на колесницу. Вазовая живопись сохранила нам изображения этого рода. Культовую ладью мы находим среди изображений древнего Крита, Кипра, в представлениях древнего Вавилона, зафиксированных документами до середины третьего тысячелетия до н. э., в целом ряде мифов, центрирующихся вокруг образа Иштари, в римской мифологии, в мифологии германцев и т. д. Обряд сожжения покойника в лодке или корабле, так же как и обычай хоронить в лодке или сооружать могилу из камней ладьеобразной формы, несомненно входит в этот же круг широко распространенных для определенной ступени общественного развития общечеловеческих представлений. И если мы

вспомним, что плывущий по небу солнечный бог Озирис был богом мертвых, но в то же время богом плодородия, как был им и Дионис и как это вообще свойственно солнечному божеству, то может быть для нас станет ясным одно любопытное и загадочное место из Калевалы (руна 48), где говорится, как Вейнемейнен, чтобы добыть материал для волшебной сети, посеял лен на месте, где находилась зола от сожженной лодки.[1]

«Здесь тот лен и был посеян,
Погружен в сухую золу...»

И что же?

«Хорошо взошло растенье,
Лен роскошно там поднялся,
Неожиданно он вырос
Лишь в теченье летней ночи».

Не есть ли это чудесное произрастание льна в течение одной ночи плод благотворного магического действия солнечного божества плодородия, оказавшего свое влияние при посредстве лодки, как своего главного атрибута или даже воплощения? Ведь не просто на золе посеял Вейнемейнен свой лен, а на золе от сожженной лодки. Что касается сожжения, то оно также имеет свою семантику. Сожжение есть сопричастие огню и, следовательно, солнцу, так как культ огня и культ солнца связаны между собой.

Калевала дает нам и ряд других, не менее показательных образов, выявляющих культовую и космическую семантику лодки. Так, в руне 16 Пеллервейнен по поручению Вейнемейнена ищет дерево для волшебной лодки. Он подходит сначала к осине, затем к ели, но убеждается, что эти деревья не годятся для такой цели. Наконец, Пеллервейнен обращается к дубу:

«Ты быть может дуб годишься
Как мать дерево на лодку».

И дуб отвечает ему утвердительно, ссылаясь при этом на свою сопричастность к солнцу и луне:

«Дерева во мне довольно
Чтобы сделать киль у лодки.
Статен я, без недостатков,
Пустоты внутри не знаю:
Ведь уж трижды в это лето
Внутрь меня сходило солнце
И сиял в вершине месяц».

Вейнемейнен делает из этого солнечного дуба лодку, но не может ее закончить, так как в необходимом для успеха работы магическом заклинании

[1] Калевала, изд. Academia, 1933, стр. 278.

у него не хватает трех слов. Где же ищет эти магические слова, необходимые для сооружения волшебной лодки Вейнемейнен? Прежде всего в Манале или Туонеле, т. е. в преисподней, в царстве мертвых, представляющем остров или холм среди воды.

«На реке Туони мрачной
У глубоких вод Маналы».

Попасть в Маналу-преисподнюю можно только на лодке. И Вейнемейнен восклицает:

«Дай мне лодку дочь Туони
Дай паром дитя Маналы,
Чтобы реку перейти мне,
Чрез пролив туда добраться».

Это, конечно, позднейшие завуалированные отголоски более ранних представлений, но в них ясно слышится тот самый мотив космической семантики образа лодки, который так громко звучит в воззрениях и образах древнего мира — передней Азии, Египта, Средиземного моря и античной Греции. Египетская ладья Озириса, служившая и для перевозки мертвых, впоследствии греческая ладья Харона и карельская ладья Туонелы — разве не из общего корня первобытно-космических представлений исходят эти образы? И через Калевалу, выросшую на той же почве и в той же стране, которая дала нам и наскальные изображения, мы вновь можем вернуться к этим памятникам, чтобы продолжить наш конкретный их анализ.

Изображения лодок — самые традиционные, можно сказать, самые однообразные среди наскальных изображений Онежского озера (рис. 20 и 21). Корпус лодки передается длинной чертой, корма — загнутой кверху, нос — также загнутой, и, кроме того, украшенной головой животного. Экипаж лодки, ее пассажиры, изображаются короткими вертикальными линиями. И все. Как видно, это фигуры весьма схематические и условные. У нас также, как мы это видели в солярных и лунарных знаках, выдаваемых за капканы, распространено сугубо механистическое понимание этих на самом деле условных фигур. Их считают простыми изображениями реально бытовавших лодок без всякой другой семантики, так сказать, рисунками с натуры. Например, тот же А. Я. Брюсов вслед за А. М. Линевским, в некоторых онежских композициях усматривает «охоту с лодок на лосей во время их переправы через воду», «охоту с лодок на оленей» и т. п.[1] Такое истолкование соответствующих композиций, чтобы не быть произвольным, требует доказательств. Само положение изображений лодок на священных скалах среди других фигур, имеющих, как мы видели, прямую связь с религиозными верованиями, заставляет и их считать также связанными с этими верованиями. Кроме того эти фигуры на Онежском озере слишком условны

[1] Путеводитель по Историческому музею. Первобытно-Коммунистическое общество. Составил А. Я. Брюсов, М., 1934, стр. 30—31.

и схематичны, чтобы принимать их за точные изображения бытовавших объектов. Несколько иной характер имеют изображения лодок в беломорской группе наскальных изображений, вообще более древних и более реалистичных, чем изображения Онежского озера.

Не отрицая реалистического происхождения образа лодки, мы полагаем, что необходимо дифференцированное толкование изображений лодок в различных местонахождениях. Что касается онежских изображений лодок, то это без сомнения, те же солярные ладьи, на которых совершают свой цикл передвижений по космосу Ра, Озирис, Дионис и другие солнечные божества. Это ладьи, которые служат для перевоза мертвых в потусторонний мир и олицетворяют смерть и воскресение бога, расточающего свет, тепло и плодородие.

А теперь обратим особое внимание на одну деталь наших изображений, повторяющуюся почти во всех случаях (редкие исключения объясняются или незаконченностью фигур или сокращением образов). Эта ведущая деталь на носу лодки есть неизменная голова непременно рогатого животного, без сомнения, оленя или лося как его аналога. Она занимает как раз то самое место, на котором в скандинавских изображениях помещается прямо солнечный диск (рис. 16) и не может рассматриваться иначе, как его заместитель, как его семантический двойник, а вовсе не как простое украшение. Олень, ставший солнцем, что мы демонстрировали на фигуре оленя с солярным знаком на спине, здесь сливается в монолитное целое с лодкой, имеющей также солярный смысл. Триединая природа этого замечательного образа — 'олень' — 'солнце — 'лодка' — кажется нам невыносимо противоречивой, непонятной, странной, как многим и многим еще непонятными и даже фантастическими кажутся многочисленные и часто неожиданные семантические пучки и палеонтологические сопоставления Н. Я. Марра. На причины такого непонимания много раз указывал сам Н. Я. Марр. Эти причины во всех таких случаях, а, следовательно, и в нашем примере, заключаются в том, что к первобытному, качественно глубоко своеобразному мышлению с его особыми нормами мы, однако, нередко подходим с нормами нашего современного мышления и, конечно, попадаем в тупик, так как то, что кажется нам сейчас противоречивым, иногда было естественным для мышления первобытных эпох. Единственный научный путь в исследованиях этого рода заключается в том, чтобы принять первобытное мышление, каким оно было в действительности, открыть его законы и лишь в свете этих законов объяснять факты, сюда относящиеся. Тогда и семантические пучки Н. Я. Марра не будут казаться фантастическими.

И как бы не казалось противоречивым это действительно как будто бы странное сочетание понятий в едином узле — 'лодка' — 'олень' — 'солнце,' но оно существует и наглядным доказательством служат наши фигуры. Они показывают, что олень, превратившийся в солнце и здесь, в Карелии, действительно совершает цикличный бег по небесным сферам космоса, воплощая в себе природу умирающего и воскресающего бога.

Для полноты анализа наскальных изображений лодок необходимо несколько слов сказать о их пассажирах, показанных короткими вертикальными или слегка наклонными черточками. Солнечные боги Египта имели обыкновение перевозить в своих ладьях мертвых, точнее души умерших,

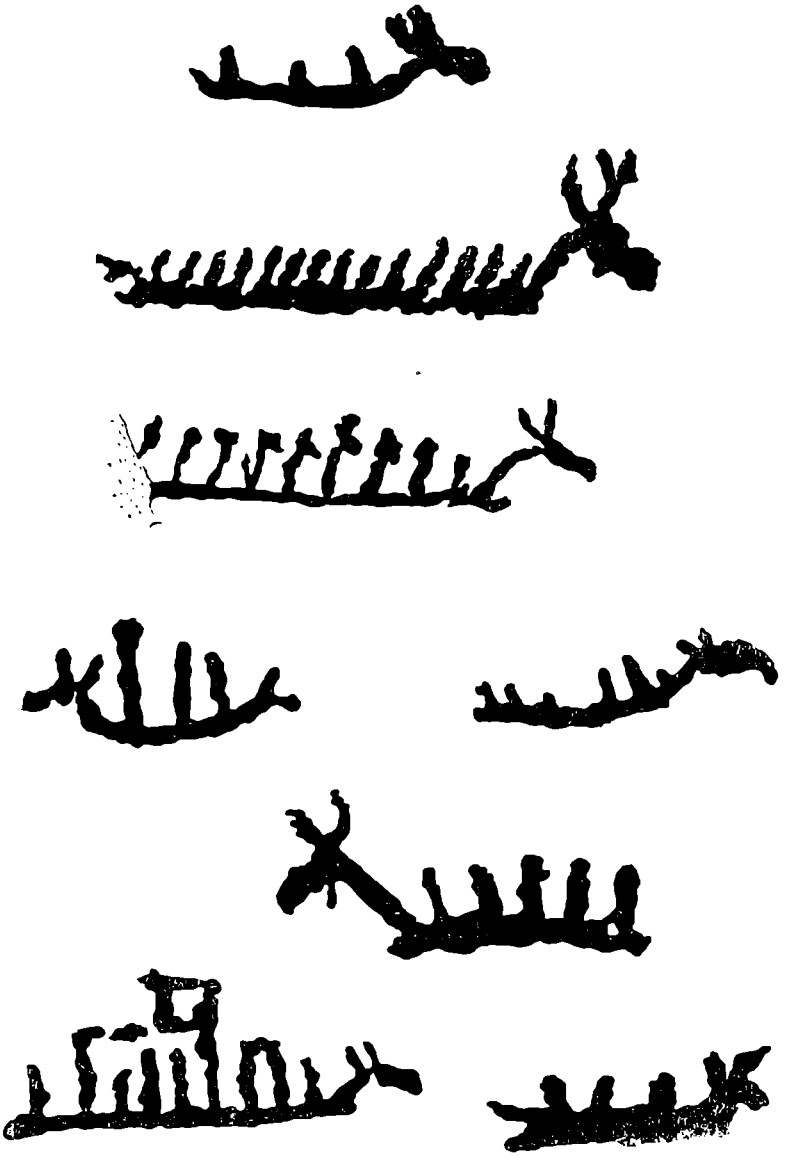

Рис. 20 и 21. Изображения лодок. Онежское озеро.

в загробный мир. Так, надписи в пирамидах еще древнего царства говорят о том, что умершего царя его отец бог Ра берет в свою солнечную ладью в качестве гребца, помощника или пассажира и плывет вместе с ним по небу. Более поздний документ «Книга мертвых» (Новое царство), рассказывает о том, что солнечный бог берет мертвых по их просьбе и по заслугам в свою ладью и отвозит их, так сказать, по назначению. Сопричастие к солнечному богу означало в то же время надежду на воскресение, на новую жизнь.

Подобные идеи, в которых анимизм и культ мертвых выступают в форме космических представлений, должны были жить и в среде творцов наскальных изображений нашего севера. Отсюда значение вертикальных черточек на изображениях лодок. Это — условные изображения мертвых, сопровождающих солнечного бога в его странствованиях, как сопровождают Озириса или Ра его спутники на солнечной ладье.

Таковы факты, таковы образы, заставляющие нас, подводя итоги, признать, что на основе старых тотемических представлений, генетически восходящих еще к палеолиту, здесь, в Карелии, в эпоху наскальных изображений к концу неолита развивается культовое космическое мировоззрение с наличием анимизма и сложных представлений о загробной жизни. Стадиальные сдвиги в мышлении отражены как в солярно-лунарных космических символах, так и в символах двух остальных небес космоса (змея, ящерица, подошва, нога) и в более сложных фигурах, демонстрирующих превращение старых производственных тотемов (животные, растения) в тотемы с космическим содержанием. Птицы, особенно лебеди, становятся представителями верхнего неба и носителями его качеств, переходящих в абстрактные понятия — свет, чистота, добро, святость. Это подчеркивается солярными и лунарными атрибутами, сопровождающими образы птиц, а также стилистическим переоформлением этих образов (геометризированные фигуры лебедей, параллельные дуги на их туловищах). В космические тотемы превращаются и тотемы-животные — олень, лось, медведь, также воплощающие в себе на этой стадии качества верхнего неба. Культовые изображения тотемных предков полуживотных-полулюдей получают космическое осмысление и знаменуют торжество покровительствующего роду и племени доброго и светлого начала над мраком и злом. Солнечным божеством par exelence становится олень-лось, превращающийся в умирающего и воскресающего бога, совершающего циклические передвижения на солнечной ладье по небесным сферам космоса и олицетворяющего идею плодородия.

Какие изменения в общественной жизни вызвали эти сдвиги в общественном мышлении? Солярный культ и особенно культ умирающего и воскресающего бога обычно принято выводить из развития земледелия, при котором производственное значение света и тепла, смены зимы и лета становится особенно ясным для первобытного человека; неточное представление о благотворных и враждебных ему силах природы и их борьбе он воплощает теперь в ложные, фантастические образы. Однако по отношению к Карелии даже конца неолита трудно говорить о земледелии, так как никаких фактов, доказывающих существование последнего и в конце неолита в области материальной культуры не имеется. Поздне-неолитические стоянки северо-запада СССР показывают нам все ту же охотничье-рыболовческую основу, вероятно с наличием скотоводства в форме оленеводства, определяющую экономический строй родового общества. Но нам кажется, что нет оснований связывать культовое космическое мировоззрение с земледелием.

Мы встречаем развитые космические идеи в верованиях таких охотничьих и оленеводческих народов, которые никогда не были земледельцами, как, например, саамы (лопари) и народы северо-востока Азии. У последних, как показал В. Г. Богораз, выработалась даже идея умирающего и воскресающего бога—бога животного. В основе космического мировоззрения лежит осознание в извращенной, ложной анимистической форме производственного значения плодоносящих сил и сезонных явлений в природе — света и тепла, смены зимы и лета и осознание зависимости человека от них. Но ведь эти силы, эти сезонные явления природы, имели не меньшее значение в охоте, рыболовстве и примитивном оленеводстве на определенной ступени их развития, чем в земледелии. Высоко организованные охота и рыболовство, не говоря уже об оленеводстве, предполагают своего рода годовой производственный план, точно рассчитанный по календарю сезонных явлений природы: в такой-то месяц надо охотиться такими приемами, а в такой-то — другими, с наступлением весны — начинается массовый лов рыбы, в конце лета рыба ловится иначе, зимой еще иначе и т. д. и т. п. Отсюда — охотничье-рыболовческие календари, существующие у многих народов, не уступающие по своей сущности земледельческим календарям, от которых ведет свое происхождение и календарь, принятый в настоящее время. Как матриархат вовсе не непременно связан только с земледелием, что проповедуют сторонники теории культурных кругов, а прекрасно развивался и на основе охоты с рыболовством, так и космическое мировоззрение возникает при различных ведущих формах производства в определенный исторический момент. Когда охота с рыболовством принимает сезонно-плановую форму, то в коллективном первобытном сознании неизбежно возникает и культовое космическое мировоззрение как форма осознания зависимости первобытного человека от природы, как совокупность тех ложных неправильных представлений о природе, о которых говорил Энгельс.

Наша попытка истолкования древнего смысла наскальных изображений Карелии является лишь новой конкретной иллюстрацией к известному положению Энгельса о том, что: «благодаря олицетворению сил природы, явились первые боги, которые при дальнейшей выработке религий все более и более становились богами не от мира сего».[1] И если по словам Энгельса «священно первоначально то, что мы переняли из животного мира — животный элемент»,[2] то космическое мировоззрение есть лишь ступень на пути превращения этих ранних, в сущности еще очень земных богов-тотемов из животного и растительного мира в «богов не от мира сего».

---

[1] Маркс и Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 644.

[2] Маркс и Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 598.

V. RAUDONIKAS

LES ÉLÉMENTS DE REPRÉSENTATIONS COSMIQUES DANS LES FIGURES DES GRAVURES RUPESTRES

RÉSUMÉ

Les gravures rupestres réalistes du lac d'Onéga, que nous avons tenté d'analyser précédemment, nous montrent des survivances d'une mentalité à laquelle se substituent de nouvelles représentations, qui donnent aux anciennes figures un sens et une forme nouveaux.

Ces gravures renferment de nombreuses figures d'un caractère symbolique et des figures ayant perdu leur style naturaliste.

Dans ses brillantes études, N. Marr a montré que le totémisme, avec ses totems animaux et végétaux, une fois remplacé par les représentations cosmiques, a dû garder longtemps encore ses images-concepts, mais remplies d'un contenu nouveau et plus complexe où entraient déjà des éléments cosmiques.

L'étude des gravures rupestres de la Carélie nous oblige à admettre que sur la base de la vieille mentalité totémique, qui remonte génétiquement au Paléolithique, il s'est développé ici à la fin du Néolithique, à l'époque de la création de ces gravures, une mentalité cultuelle cosmique avec animisme et représentations compliquées d'une vie d'outre-tombe. Les changements stadiaux de mentalité se reflètent aussi bien dans les symboles cosmiques solaire et lunaire (ciel supérieur) que dans les symboles des deux autres ciels (moyen et inférieur). Les oiseaux, surtout le cygne, deviennent les représentants du ciel supérieur et les porteurs de ses qualités, qui se transforment en notions abstraites — lumière, pureté, bien, sainteté, ce qui est souligné par les attributs solaires et lunaires qui accompagnent les figures d'oiseaux, de même que par le changement de style de ces figures (formes géométrisées des cygnes, arcs parallèles sur leur corps).

Les animaux totems se transforment également en totems cosmiques; à ce stade le renne, l'élan et l'ours incarnent aussi les qualités du ciel supérieur. Les figurations cultuelles des ancêtres totémiques mi-hommes mi-animaux acquièrent un sens cosmique et marquent le triomphe du principe du bien et de la lumière, qui protège le clan et la tribu, sur les ténèbres et le mal.

La divinité solaire par excellence est le renne et l'élan, transformés en dieu mourant et ressuscitant, qui accomplit sa course cyclique à travers les sphères célestes du Cosmos dans la barque solaire et qui personnifie l'idée de fécondité.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

РАССЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕ-РУССКИХ ПЛЕМЕН ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

I

Известное исследование А. А. Спицына о древне-русских племенах, — одно из наиболее крупных произведений русской археологии, — вышло в свет в 1899 г., т. е. почти сорок лет тому назад.[1] Оно явилось как бы откликом со стороны археологии на филологические исследования А. А. Шахматова, выступившего тогда со своими первыми работами о «древнейших судьбах русского племени».[2] А. А. Спицын в своих исследованиях подошел к проблеме с археологическим материалом в руках. В результате многочисленных раскопок в конце XIX столетия этот материал в то время был уже очень значителен. В своих построениях А. А. Спицын опирался на исследования А. С. Уварова, Д. Я. Самоквасова, В. Б. Антоновича и некоторых других.

«Расселение древне-русских племен» затронуло целый ряд вопросов. Было высказано предположение о том, что древнейшими памятниками «славян» на территории России являются так называемые поля погребальных урн, известные во всех «старославянских землях»;[3] была сделана попытка генетически увязать поля погребальных урн с памятниками еще более древней трипольской культуры; была произведена классификация курганов с сожжением, относящихся к IX—X столетиям и как будто бы увязывающихся с полями погребальных урн.

Однако, центральное место в исследовании А. А. Спицына заняли не этногонические вопросы, трактуемые им, нужно сказать, явно тенден-

---

[1] Расселение древне-русских племен по археологическим данным. Журнал мин. нар. просвещения, 1899, VIII.

[2] К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. Журнал мин. нар. просвещения, 1899, IV.

[3] А. А. Спицын пользовался сводной работой Undset'a, Das erste Auftreten des Eisens in Nord—Ewropa, Hamburg, 1882.

циозно, а увязка материалов курганов XI—XII столетий с данными «Повести временных лет» о древне-русских племенах, показавшая, что «в собственно русских древностях (главным образом, XI в.) намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древне-русских племен. Географическое положение этих районов соответствует указаниям летописи о местах расселения племен... дальнейшее расширение исследований соответственных курганов даст вполне точную карту расселения древне-русских племен времени начальной летописи».[1] В своих последующих работах А. А. Спицын значительно уточнил эти положения и окончательно определил для каждого из известных, по летописи, племен характерные особенности в курганных памятниках. В основном, эти особенности, характеризующие курганы территорий различных племен, сводились к различиям в наборах женских украшений. Женские украшения, составлявшие часть костюма, рассматривались как один из признаков этнического порядка. В том же направлении и с такими же установками, помимо А. А. Спицына, работали и некоторые другие исследователи.

В результате этих исследований курганные древности XI—XIV вв. были окончательно расчленены на древности древлян, полян, радимичей, вятичей, кривичей и т. д. И казалось, что здесь мы имеем один из немногих, окончательно разрешенных археологией вопросов. Во всяком случае, никто и никогда не высказывал сомнения в правильности увязки курганных древностей XI—XIV столетий с племенами «Повести временных лет». Наоборот, все безоговорочно соглашались с ней. Она фигурирует в работах В. А. Городцова,[2] ее принимает L. Niederle, один из лучших знатоков «славянских» древностей.[3] А в последние годы вышли в свет две капитальные работы, целиком построенные на этих, ставших традиционными, положениях. Я имею в виду «Курганы вятичей» А. В. Арциховского [4] и «Радимичей» Б. А. Рыбакова.[5] Правда, обе работы подверглись критике с методологической стороны.[6] Однако вопрос о племенах, точнее то построение, краеугольным камнем которого послужило «Расселение древне-русских племен», и здесь не вызвало критической оценки.

Все это заставляет быть чрезвычайно осторожным. Однако, работая над памятниками XI—XIV вв., мало по малу приходишь к выводу, что это построение может быть ошибочным, что памятники XI—XIV вв. не могут служить бесспорным материалом для изучения племен «Повести временных лет», хотя бы даже в отношении их географии, и, наконец, что эти пле-

---

[1] Спицын, ук. соч., стр. 338—339.

[2] Бытовая археология, М., 1909.

[3] Manuel de l'antiquité slave, I, Прага, стр. 230; II, стр. 85—95.

[4] Труды секции РАНИОН, М., 1930.

[5] Б. А. Рыбаков. Радзімічы, Працы БАН, Минск, 1932.

[6] В. И. Равдоникас. За марксистскую историю материальной культуры. Известия ГАИМК, VII, вып. 3—4, стр. 62—67. В. Щербаков, Класовая бороцьба і гістарычная навука на Беларусі, Менск, 1934, стр. 104.

мена по археологическим данным в настоящее время еще почти неизвестны. Я не буду сейчас останавливаться на теоретической стороне дела и на ряде принципиальных вопросов, касающихся этапов развития этногонического процесса в эпоху распада родового строя и становления феодальных отношений в Восточной Европе. Не буду касаться вопроса ни о «полях погребальных урн», ни о памятниках середины и второй половины первого тысячелетия н. э. Это вопросы чрезвычайно большие и сложные, требующие еще очень длительного изучения. Речь пойдет лишь об интерпретации тех локальных групп вещественных памятников, которые выявляются по материалам курганов XI—XIV вв.

Необходимо сделать лишь одну оговорку. Увязка археологического материала с данными письменных источников должна производиться при серьезной критической оценке как тех, так и других. Особенно же это относится к полулегендарной «Повести временных лет». В частности, термин «племя», фигурирующий в русской историографии, требует расшифровки. Ниже, говоря о «племенах», я буду пока что употреблять этот термин так, как он обычно понимается в историографии.

II

На территории Московской области, по р. Оке, приблизительно там, где летопись помещает племя вятичей, при исследовании погребений в курганах находят своеобразные виды женских украшений, уже давно признанные археологами вятическими. А. В. Арциховский, специально изучавший материалы Московских курганов,[1] таковыми считает семилопастные височные подвески, ожерелья из крупных, круглых бус (хрустальных или, реже, желтых стеклянных), широкие ажурные перстни и пластинчатые браслеты с загнутыми концами. В курганах других районов эти украшения, как правило, не встречаются. Граница их распространения принимается как граница племени вятичей. «Носители семилопастных» — вот как называет вятичей А. В. Арциховский.

Курганы Московской области, в дальнейшем я буду называть их «вятическими», относятся к XII—XIV вв.; причем они достаточно четко могут быть разбиты на три хронологические группы, соответствующие XII, XIII и XIV столетиям. Более ранние курганы этой территории — курганы с сожжением, относящиеся в IX—XI вв. — не имеют таких признаков, которые позволили бы выделить их, как вятические, из общей массы русских курганов этого времени.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что помимо «вятических» курганов в области их распространения встречаются курганы с другим составом украшений. Височные кольца там большие, проволочные с завязанными концами или кольца с ромбическими расширениями; бусы обычно стеклянные, позолоченные или посеребренные; перстни и браслеты также

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, РАНИОН, М., 1930.

иные, чем в «вятических» курганах. По составу украшений А. В. Арциховский определяет эти курганы, как «кривические», что, действительно, отвечает схеме А. А. Спицына. Наличие «кривических» курганов А. В. Арциховский объясняет тем, что границы племен были подвижны, и неизбежно происходило известное смешение, что представляется с первого взгляда как будто бы убедительным. Этому соответствует как будто бы и то, что «кривические» курганы располагаются, главным образом, в западных частях «вятической» области, около ее западных границ. Однако, если проработать материал, то оказывается, что в этих же местах, около западной границы «вятической» области, располагаются также почти все «вятические» курганы первой, наиболее ранней группы (XII в.).

Но особенно удивительным является соотношение «вятических» и «кривических» курганов на вятической и пограничной кривической территории, различное в разное время.[1] Оно выражается в следующих цифрах:

Из 72 курганов	XII	в.	«вятическими»	оказались	28,	«кривическими»	—	44
» 40	»	XIII	»	»	34	»	—	6
» 32	»	XIV	»	»	31	»	—	1

Если в эти цифры внести серьезную поправку и выбросить из «кривических» курганов XII в. те, которые были раскопаны Н. И. Булычевым и другими исследователями на западных границах вятической земли, — а они составляют добрую половину указанных здесь «кривических» курганов, — все же соотношение останется в силе, все же процент «кривических» курганов XII в. на вятической территории будет очень большим.

Естественно было бы ожидать как раз обратное явление, т. е. увеличение числа «кривических» курганов к XIII—XIV вв., что можно было бы объяснить как признак утери вятичами племенных особенностей их убора, вместе с исчезновением самого племени в процессе сложения феодальных отношений. На деле же получается, что в XIV в. «вятичи» выступают «этнически» более чистыми, чем раньше, что явно невероятно.

Правда, можно указать, что к XIV в. у населения соседних территорий курганный обряд погребения совершенно прекратился и что «кривические»

---

[1] Материалы взяты из списка курганов, приведенного А. В. Арциховским («Курганы вятичей», стр. 165—197). К «вятическим» курганам XII в. относятся в этом списке курганы №№ 1, 3, 4, 9, 21, 22, 23, 36, 44, 47, 49, 71, 72, 107, 122, 133, 134, 138, 162, 177, 191, 195, 198, 207, 210, 212, 213 и 226, к «кривическим» XII в. — 14, 34, 39, 40, 41, 42, 43, 56, 68, 78, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 93, 97, 98, 600, 106, 144, 145, 146, 147, 163, 171, 173, 179, 181, 185, 188, 189, 190, 192, 214, 216, 218, 219, 221, 224. К «вятическим» XIII в. — 11, 12, 15, 24, 25, 27, 29, 30, 32, 37, 45, 51, 111, 118, 120, 124, 126, 135, 149, 152, 153, 154, 158,160, 186, 187, 196, 199, 201, 202, 211, 222, 223, 229; к «кривическим» XIII ст. — 46, 116, 117, 180, 182, 217; к «вятическим» XIV в. — 7, 13, 28, 31, 38, 57, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 89, 108, 121, 127, 128, 131, 137, 139, 140, 141, 142, 148, 150, 164, 193, 200, 203, 205, 225; к «кривическим» XIV в. — 170.

курганы XIV в. нам неизвестны. Но ведь население-то в этих местах осталось и в XIII—XIV вв., когда рядом со старым Рязанским княжеством, возникает Московское княжество, это население должно было более энергично смешиваться с «вятичами», чем раньше. Но археологические памятники как будто бы говорят обратное: «племенные особенности» и «племенное единство» «вятичей» ярче всего выступают в XIII—XIV вв.

Приведенные выше цифры, составленные по материалам А. В. Арциховского, однако, скорее сигнализируют о неясности вопроса, чем доказывают только-что сказанное, так как, повторяю, ранние курганы вятической территории как «вятические», так и иные расположены преимущественно на территории, лежащей по границе вятичей и кривичей. Здесь возможны поэтому значительные неточности. Более определенные данные дает материал отдельных могильников.

Изучение курганных могильников территории вятичей показывает, что «кривические» курганы не только преобладали в XII в. над «вятическими», но что было время (начало XI и XII вв.), когда они являлись, повидимому, единственными в области среднего течения Оки. Курганы с сожжением территории вятичей (IX—X вв.), как указано выше, также не отличаются существенно от рядовых курганов с сожжением соседних, в том числе и кривических районов.

Наиболее ранними могильниками (первая стадия А. В. Арциховского), в которых встречаются как «вятические», так и «кривические» курганы, являются: могильники у д. Шатуны, на р. Угре, притоке Оки, у д. Ступеньки (вторая группа), известные по раскопкам Н. И. Булычева, могильник у д. Кузнецовка, около Москвы и некоторые другие.

Хронологическую дифференциацию курганов всех групп можно произвести достаточно точно. Наиболее ранними будут высокие курганы с погребениями в насыпи или на поверхности земли («на грунте»), более поздними — курганы меньших размеров с погребениями в ямах. Такая смена погребального обряда наблюдается повсеместно в русских курганах и не вызывает никаких сомнений. «Вятические» погребения, как правило, располагаются в ямах не потому, что они «вятические», а потому, что они относятся к XII—XIV вв. «Кривические» же погребения, в массе более ранние по времени, чаще бывают на грунте, чем в ямах. Но основываться на одном только погребальном обряде при решении вопросов хронологии, конечно, нельзя. Это лишь один из хронологических признаков. Второй, более важный признак — это вещи, находимые в погребениях.

Почти во всех 45 курганах, исследованных у д. Ступеньки (вторая группа),[1] были найдены какие-нибудь вещи, но лишь 10 из них содержали наборы украшений, по которым можно судить о времени и «племенных» признаках погребений. Большинство курганов оказались «кривическими», 2 — со смешанным составом инвентаря, и, наконец, 2 — «чисто» «вятиче-

[1] Н. И. Булычев. Раскопки по среднему течению р. Угры, М., 1913, стр. 50 и сл.

скими». «Вятические» погребения находились в ямах в 0.35 м глубины, «кривические» — на грунте, причем подавляющее большинство из них и по вещам несомненно старше «вятических». «Вятические» погребения характеризуются семилопастными подвесками и бусами: круглыми хрустальными и бипирамидальными сердоликовыми; «кривические» — позолоченными и посеребренными стеклянными бусами и проволочными височными кольцами. Смешанные погребения ранних по времени украшений, каковыми являются позолоченные и посеребренные бусы, не содержали. Бусы эти ни в какой мере не являются «кривическими». В XI и в начале XII в. они имели широчайшее распространение, в результате чего они массами встречаются в смоленских, новгородских, владимирских, гомельских («радимических») и других курганах этого времени. В более поздних «вятических» курганах их, понятно, как правило, не бывает.

Ту же картину дает могильник у д. Шатуны.[1] Курган 9 высотой в 2 м содержал два «кривические» погребения, расположенные на грунте, с вещами XI в. Из последних отметим большие проволочные височные кольца и пластинчатый браслет со связанными концами и орнаменетом из треугольников. Курган 3, меньших размеров, содержал «вятическое» погребение, расположенное в могильной яме, глубиной в 0.35 м. Кроме «вятических» вещей: ажурного перстня, ожерелья из хрустальных и сердоликовых бус и ряда менее характерных предметов, при этом погребении оказались и «кривические» украшения, а именно — височные кольца с ромбическими расширениями. Время их, точно так же как и «вятических» вещей, не раньше XII в. Другие 7 курганов, раскопанные у д. Шатуны, не дали наборов украшений.

Материалы других курганных групп, относящихся к первой стадии А. В. Арциховского, также позволяют считать, что в районах работ Н. И. Булычева, т. е. в верховьях бассейна р. Оки, «кривические» погребения в массе старше «вятических». В «вятическом» могильнике у д. Бочарово[2] все погребения оказались в могильных ямах глубиною до 0.70 м. Курган 3 дал смешанные «племенные» признаки, причем найденные там «кривические» височные кольца с ромбическими расширенями, как уже отмечалось, нельзя признать очень ранними. То же самое имеем «в вятическом» могильнике» д. Леоново.[3] Погребения оказались в ямах. В кургане 7 вместе с семилопастными подвесками встречено височное кольцо с ромбическими расширениями. Таким образом получается, что, если в «вятических» погребениях оказываются «кривические» вещи, то последние не являются особенно ранними. Время этих курганов не раньше XII в., как это и устанавливает А. В. Арциховский и что следует из датировок А. А. Спицына.

---

[1] Н. И. Булычев. Раскопки по среднему течению р. Угры, М., 1913, стр. 25 и сл.

[2] Ук. соч., стр. 67 и сл.

[3] Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899, стр. 1 и сл.

Если же взять «кривические» могильники, то в ряде случаев (д. Богоявление) [1] они несомненно будут относиться к XI в. Погребения в них всегда помещаются на горизонте.

И не только в районе раскопок Н. И. Булычева можно выделить «кривические» курганы, более ранние, чем «вятические». Укажу на «кривический» могильник у д. Воронцово, около Рузы, относящийся несомненно к XI в. Это отмечает и автор раскопок А. В. Арциховский, обращая внимание на глиняную посуду воронцовских курганов, сформированную от руки, без помощи гончарного круга. Но и остальной инвентарь погребений здесь также очень ранний.[2]

Наконец, остановлюсь на любопытном могильнике у д. Кузнецовки около Москвы, где большинство погребений оказалось смешанным в отношении «племенных» типов украшений. Однако наиболее ранние погребения, содержащие позолоченные бусы и другие ранние вещи (2 и 8), оказались «чисто» «кривическими».[3]

К каким же выводам мы приходим? Что же, значит вятичей не было до XII в. на территории современной Московской области? Если исходить из традиционных положений археологии — другое разрешение вопроса как будто бы исключается. Но вот здесь-то и вскрывается ошибочность этих традиционных положений, имеющих свои корни в построениях индоевропеистики.

То, что вятичей не было на Оке до XII в., к чему мы приходим, опираясь на указанные в археологии взгляды, конечно, не соответствует действительности. Наоборот, в X—XI вв. вятичи на р. Оке еще были. А вот к XIII—XIV вв. племени вятичей как такового уже не существовало. В последний раз, как известно, летопись упоминает это племенное название под 1197 г.

Следовательно, настоящие вятичи не являлись «носителями семилопастных». Эти и другие «вятические» украшения появились лишь тогда, когда древнее племя вятичей уже находилось на стадии разрушения. Вместе с процессом нарастания новых общественных отношений складывались новые этнические образования. И появление определенного, неизвестного ранее, набора украшений, составляющего часть одежды, свидетельствует именно об этом процессе.

Но почему же древнейшие курганы вятической территории содержат «кривические» украшения? Но и эти украшения, конечно, не «кривические». В XI и начале XII вв., как уже было указано, в отношении стеклянных позолоченных и посеребренных бус, они имели широкое распространение в центральных областях северо-восточной Европы. Ниже к ним еще придется вернуться, когда будет решаться специально вопрос о «кривических» курганах.

---

[1] Ук. соч., стр. 178—179.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 92, 171—172.

[3] Ук. соч., стр. 178—179.

Чтобы окончательно разрешить проблему «вятичей — носителей семилопастных», необходимо ответить на вопрос: чем же объясняется локализация «вятических» украшений в XII—XIV вв. в определенном районе? Однако вследствие того, что вопрос о локализации типов украшений в эту эпоху является вопросом общим, а не только вятическим, ответ на него придется дать позднее.

III

Курганы «новгородских славян» также определяются характерным набором украшений. Для XI в. типичны большие проволочные височные кольца, снабженные иногда трапецевидными подвесками, ожерелья из стеклянных цветных бус, а, главным образом — позолоченных и посеребренных, трехгранные или широкие пластинчатые браслеты с своеобразным узором, спирально-пластинчатые перстни и др. Погребения этого времени заключаются в высоких курганах и располагаются или в насыпи, или на грунте. В XII в. появляются другие украшения: височные кольца с ромбическими расширениями, с которыми мы уже встречались выше, простые витые из проволоки браслеты и др. Часть украшений, как, например, бубенчики грушевидной формы с крестовидной прорезью, подвески в виде плоских ажурных изображений коня и водяной птицы, будут более или менее одинаковы как в XI в., так и в XII в. В XIII в. в Новгородском районе курганы сменяются жальничными погребениями. Умерший помещался в могилу, над которой вместо кургана насыпалось очень незначительное, обложенное камнями возвышение — жальник. Состав украшений также сменяется. Окончательно исчезают из обихода стеклянные позолоченные бусы, их сменяют мелкие бусы из мастики; на ряду с височными ромбощитковыми кольцами появляются височные кольца с тремя металлическими шариками. Входят в обиход витые проволочные браслеты с петлями на концах, широкие пластинчатые браслеты, полые шумящие подвески в виде коня и водяной птицы, круглые бубенчики и др. Жальники XIV в. характеризуются височными кольцами с 5, 7 или 11 металлическими шариками, плетеными грубыми браслетами и др. Следует заметить, что в погребениях этого района металлические украшения очень обильны и разнообразны, и если бы пришлось перечислить все то, что характеризует женские погребения с XI по XIV вв., то потребовалось бы несколько страниц. В ту эпоху костюм новгородских женщин был буквально унизан металлическими украшениями. Кроме украшений головы, ожерелий и украшений рук, на которых мы останавливались, в ходу были всевозможные застежки, подвески, цепи, шейные металлические гривны и т. д., и т. п.

Этот характерный комплекс украшений, различный для каждого столетия, хорошо известен по раскопкам в ряде районов Ленинградской области. По р. Луге, у дд. Малый Удой и Замошье, курганы с таким соста-

вом находок раскапывал А. А. Спицын.[1] Около г. Крестцов исследование таких курганов в целом ряде пунктов произвел в 1903 г. В. Н. Глазов, где им были встречены и более древние курганы с сожжением (X в.).[2] Около г. Гдова, по р. Плюсе, В. Н. Глазовым было раскопано в 25 пунктах 415 курганов и жальников.[3] Еще большие раскопки произвел в районе Красногвардейска (Гатчина)—Кингисепп А. К. Ивановский. Им исследовано 5877 курганов и жальников в 127 местностях.[4] В более восточных районах, около Бежецка и Весьегонска, курганы и жальники с описанным выше составом украшений исследовал Н. И. Репников.[5] Можно было бы еще перечислить исследования К. Кудряшова, С. Гамченко и многих других археологов или просто любителей, приложивших свои руки к курганам территории Ленинградской области. Но уже достаточно ясно, что более или менее однородный состав украшений «новгородских славян» наблюдается на обширной территории, в основном совпадающей с территорией распространения жальничных погребений».[6]

Что же это, однако, за территория и совпадает ли она с территорией летописных новгородских славян? Конечно, не совпадает, да и не может совпадать. Феодальные отношения в Новгородской земле стали складываться с X—XI вв. Племенное название — славяне — в последний раз упоминается летописью в 1018 г. В IX—XII вв. племени славян уже не существовало, но в эту эпоху была Новгородская земля, населенная первоначально разноплеменным и разноязычным населением. С границами области феодального Новгорода, примерно, и совпадает граница распространения новгородских курганов и жальников.

Следовательно, тот состав украшений, который рассматривался археологией как этнический признак «новгородских славян», в самом деле оказался «этническим» признаком населения, подвластного феодальному Новгороду, независимо от того, было ли это население в древности славянами, водью или ижорой. Новые экономические связи и отношения оказались в данном случае сильнее старых племенных и даже языковых связей.

Следует отметить, что украшения новгородских курганов в виде отдельных находок известны далеко на северо-восток, в новгородском Заволочье.

IV

К выводу, что не старые племенные границы, а границы новых складывающихся феодальных образований определяли распространение форм укра-

---

[1] Раскопки 1910 г. в Лужском у. Известия Археолог. комиссии, вып. 53.

[2] Отчет о поездке 1903 г. Известия Археолог. комиссии, вып. 6.

[3] Гдовские курганы. Материалы по археологии России, № 29.

[4] Курганы С.-Петербургской губернии. Материалы по археологии России, № 20.

[5] Отчет о раскопках. Известия Археолог. комиссии, вып. 6.

[6] Н. И. Репников. Жальники новгородской земли. Известия ГАИМК, т. IX, вып. 5, 1931.

шений, мы приходим в результате рассмотрения также и «кривических» курганов XI—XII вв. Собственно говоря, к этому выводу пришел впервые тот же А. А. Спицын в «Расселении древне-русских племен», где он выделил в разные группы «кривичей» смоленских и «кривичей» полоцких.[1] В своих дальнейших работах А. А. Спицын всегда придерживался этого и более дробного деления кривичей. Теперь же, когда в нашем распоряжении имеется большой материал, опубликованный в изданиях Белорусской Академии Наук, различие между инвентарем курганов полоцкого и смоленского княжеств XI—XII вв. выступает вполне отчетливо.[2]

Я обращу внимание лишь на некоторые более характерные особенности инвентаря тех и других. Курганы смоленского княжества относительно богаты вещами, хотя и уступают в этом отношении курганам новгородским. По характеру инвентаря они чрезвычайно близки новгородским и отличаются от них, главным образом, отсутствием ряда вещей, как-то: зооморфных подвесок, застежек, длинных цепей и некоторых других украшений. В XI в. в смоленской земле височными украшениями были большие проволочные кольца обязательно со связанными концами; позднее, к XII в., на ряду с ними, появились кольца с ромбическими расширениями. Ожерелья состояли из тех же самых, уже знакомых нам позолоченных или цветных стеклянных бус. Кроме бус в ожерельях были круглые медальоны, большей частью ажурные, и лунницы. Браслеты отличались простотой. В большинстве случаев это браслеты из круглой проволоки с более тонкими концами, но на ряду с ними встречались и пластинчатые и витые из проволоки. Перстни — пластинчатые с широкой передней и узкой задней частью, такие же, как в новгородских курганах. Наконец, отмечу бубенчики грушевидной формы с крестовидным прорезом, представляющие собой одно из излюбленных украшений, и подвески в виде коня (всегда одной и той же формы), маленькой ложки и реже ключа. Шейные гривны для смоленских курганов не особенно характерны. Они, как правило, витые, с пластинчатыми концами.

Курганы с таким подбором инвентаря известны по раскопкам Н. И. Булычева около границ «вятических земель»,[3] по раскопкам около гг. Ельни и Дорогобужа,[4] по раскопкам С. М. Соколовского около Рославля,[5] по раскопкам около гг. Смоленска, Духовщины и Поречья[6] и по ряду других исследований в различных местах смоленской земли.

---

[1] Ук. соч., стр. 327—328.

[2] Працы, т. I, Минск, 1928; Працы, т. II, Минск, 1930; Працы, т. III, Минск, 1932.

[3] Указанные выше издания.

[4] Раскопкі курганоу у Дарагабускім і Ельнінскім паветах. Працы, т. II, Минск, 1930 г.

[5] Працы, т. III, Минск, 1932, стр. 51—59.

[6] А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. Зап. отд. русск. и слав. арх., т. VIII, вып. 1.

Полоцкие курганы отличаются от смоленских малым числом украшений, причем ряд типов, характерных для смоленских курганов, в полоцких вовсе отсутствует. Височные кольца имеют сравнительно небольшие размеры, приготовлены из очень тонкой проволоки и концы у них грубо скручены. Кольца с ромбическими расширениями вовсе отсутствуют. Редко встречаются браслеты и перстни, в общем повторяющие смоленские типы. Отсутствуют подвески в виде конька, ложки и ключа. Характерной особенностью полоцких курганов являются головные украшения из бронзовых спиралей. Шейные украшения — ожерелья, гривны, — в общем те же, что в смоленских курганах, но также значительно беднее. Полоцкие курганы известны, главным образом, по исследованиям около Орши, Полоцка и Минска.[1]

Говорить на основании археологических данных о племенных границах южной группы племен, известных по летописи, вообще не приходится. И хотя А. А. Спицын в «Расселении древне-русских племен» и заявлял, что «в собственно русских древностях намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древне-русских племен», в отношении курганов Поднепровья он здесь же вынужден был указать «на полную аналогию полянских курганов с одновременными волынскими и древлянскими».[2] Исследования последующих лет не изменили картины, да и не могли изменить. Поляне в последний раз упоминаются летописью под 944 г., древляне — под 990 г. В XI—XII вв., к которым относятся курганы с погребениями, племен древлян, лучан (волынян) и полян уже не существовало, но в Поднепровье было Киевское княжество, в пределах которого, в курганах XI—XII вв., и наблюдается однородный набор украшений, отличающихся значительным однообразием.[3]

Курганы «северянские», отличающиеся от киевских своим набором украшений, известные, главным образом, по раскопкам Д. Я. Самоквасова,[4] видимо укладываются в пределы Новгород-Северского княжества. Кроме Д. Я. Самоквасова, эти курганы изучал В. Б. Антонович[5] и другие исследователи. Точно так же курганы дреговичей принадлежат, повидимому, не этому племенному образованию, а населению Туровского княжества XI—XII вв. Они известны, главным образом, по раскопкам В. З. Завитневича, около Бобруйска.[6]

---

[1] См. указанные выше издания Белорусской Академии Наук.

[2] Ук. соч., стр. 323.

[3] В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. Материалы по археологии России, т. XI; Е. Н. Мельник. Раскопки в стране лучан. Тр. XI Археологического съезда, т. I.

[4] Северянская земля по городищам и курганам. Могильные древности Черниговщины. М., 1917; Северянские курганы. Тр. III Археологического съезда, ч. I, и др.

[5] Дневник раскопок в Черниговской губернии в 1881 г. Тр. предвар. ком. по устр. XIV Археологического съезда, вып. I.

[6] О раскопках в Бобруйском уезде. Археологические известия и заметки, 1893.

Наконец, остановлюсь на владимирских курганах, материал которых чрезвычайно ярко подтверждает правильность высказанных соображений о природе локальных типов курганных украшений XI—XIV вв. Если считать, что перечисленные нами выше группы курганных древностей XI—XII вв. являются источником для изучения летописных племен, то нужно признать, что курганы Владимирско-ростовской земли принадлежат летописной мере, что в свое время и пытался доказать А. С. Уваров.[1] Однако положения последнего не были приняты А. А. Спицыным, высказавшим относительно владимирских курганов следующие соображения: «1) Раскопанные в 1851—1854 гг. владимирские курганы массами расположены именно там, где в X—XII вв. жило русское население и существовали русские города (Ростов, Суздаль, Переяславль). 2) Найденные в этих курганах вещи тождественны с открываемыми в русских курганах иных местностей, кроме весьма небольшого количества поделок «финского» характера. 3) Обряд погребения во владимирских курганах русский, одинаковый с наблюдаемым в иных местностях, исконно-русских. Обряд погребения восточных финнов — могильники, а не курганы».[2] Почему же А. А. Спицын для владимирских курганов сделал исключение и, более того, почему он резко критиковал попытку увязать их с известным по летописи племенем? Чем объяснить такую явную непоследовательность?

Понять это вовсе не трудно, если вспомнить о явно националистической окраске работ А. А. Спицына. Руководимый националистическими взглядами, А. А. Спицын в данном случае нарушил принципы своего построения и вопреки фактам пытался утверждать, что Владимирско-ростовская земля была занята одним лишь русским населением.[3]

С этим, конечно, никак нельзя согласиться. Население этой области, как и Новгородской, бесспорно сложилось из разноплеменного и разноязычного, но в основном местного населения. Материал курганов дает в этом отношении неоспоримые доказательства, на что мне пришлось однажды указывать.[4]

Однако ясно, что это население никак нельзя отождествлять и с летописной мерой — дофеодальным племенным образованием, — последнее упоминание о которой на страницах летописи относится к 907 г.

V

Возвращаюсь к «вятическим» курганам. По целому ряду причин при разрешении интересующего нас вопроса о границах их распространения мы сталкиваемся здесь с бóльшими трудностями, чем при рассмотрении

---

[1] А. С. Уваров. Меряне и их быт. Тр. I Археологического съезда, т. II, стр. 633—847.

[2] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Известия Археолог. комиссии, вып. 15, стр. 165—166.

[3] Ук. соч., стр. 166.

[4] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Известия ГАИМК, т. IX, вып. 6—7.

курганов «кривичей», «новгородских славян», «северян» и т. д. Поэтому выше пришлось более подробно остановиться на курганах «вятичей». Но пока что мы убедились лишь в том, что характерный «вятический» набор украшений появился не ранее XII в. и, таким образом, к племени вятичей прямого отношения иметь не может. Сейчас же нас интересует вопрос о границах распространения этих украшений, вернее, о том — что представляют собой эти границы.

Причины трудности разрешения этого вопроса заключаются в сложности исторических судеб территории бассейна среднего и верхнего течения р. Оки.

Не подлежит сомнению, что в X—XI вв. в пределах вятических земель начало намечаться феодальное образование, обособленное от системы киевско-смоленско-новгородско-ростовских княжеств. Об этом достаточно ярко в ряде мест говорит летопись. Известны летописи и вятический князь Ходота и его сын. В XI в. эта самостоятельность складывающегося вятического феодального образования была нарушена, и область р. Оки вошла в состав Черниговского княжества. В XII в. выделяется особое княжество Рязанское, — далее княжество Московское.

Каким же экономическим и политическим связям отвечают границы распространения «вятических» украшений, как определенного, возникшего в XII в., этнического признака?

Представляется наиболее вероятным следующее разрешение этого вопроса: если картографировать курганы I, II и III групп В. А. Арциховского, то станет ясным, что ранние курганы, как это отмечалось выше (почти без исключения), локализируются в более западных районах, около Москвы, Рузы, Юхнова, Жиздры. Наоборот, в восточном районе около Рязани, Зарайска, Подольска, Коломны — ранние курганы вовсе отсутствуют. В этом мне удалось убедиться в результате работы над коллекциями в Спасском, Рязанском и Зарайском музеях.

По историческим данным территория вятичей не распространялась в область рязанского течения Оки, хотя в некоторых местах в летописи вятичи и приравниваются к рязанцам. Однако последнее, несомненно, отражает более поздние моменты и явилось следствием того, что к XII в. феодальным центром на Оке стала Рязань, расположенная в области, занятой в дофеодальный период не вятичами, а мордовскими и мещерскими племенами. И можно думать, что граница распространения «вятических» украшений связана с границами распространения населения того первоначально действительно «вятического» феодального образования, которое возникло на Оке. Однако не только в XII в., но и раньше, в XI в., в его состав несомненно входило население, составляющее в предшествующую эпоху не только вятичей, но и часть мордовских и мещерских племен. Известным указанием на это служит то обстоятельство, что «вятические» украшения генетически увязываются с украшениями, распространенными в X и XI вв. у муромских, мещерских и мордовских племен. Семилопастные

«вятические» подвески, по мнению лучшего знатока окских древностей первого тысячелетия н. э., П. П. Ефименко, произошли из так наз. муромских височных подвесок. Что же касается «вятических» ажурных перстней, то их генетическая связь с широкими муромскими и мордовскими ажурными перстнями не подлежит никакому сомнению. Таким образом здесь, в наборе украшений, наблюдается такая же картина, что и в других местах, где феодальные образования возникли в областях, занятых первоначально разноплеменным и разноязычным населением. Примеры такого рода дают новгородские курганы, где большое место среди украшений занимают «чудские» вещи, а также владимирские и костромские курганы, где в украшениях отразились «мерянские» вкусы.[1]

Но возможно и другое разрешение вопроса, правда, менее вероятное. Известно, что в украшениях «вятичей» и «радимичей» (принимая во внимание, что курганы «радимичей» позже XII в. неизвестны) наблюдаются некоторые черты сходства, на что не раз уже было обращено внимание. «Общая любовь к семилопастным височным кольцам, неизвестным в других местностях, сближает вятичей с радимичами», писал А. А. Спицын в «Расселении древне-русских племен».[2] И если нанести на карту распространение «вятических» и «радимических» курганов, хорошо известных по сводной работе Б. А. Рыбакова,[3] границы княжеств XI—XII вв., то граница «вятических» и «радимических» курганов почти полностью совпадает с границами Черниговского княжества. Не будет совпадать граница только в одном месте. Самый южный язык территории Черниговского княжества, зажатый между Новгород-Северским, Переяславским и Киевским княжествами, где расположен и сам Чернигов, выйдет за пределы распространения «радимических» курганов. Состав украшений здесь соответствует типам киевских и новгород-северских курганов. Это, конечно, очень существенно, но не решает вопроса. Эта маленькая и узкая территория, благодаря своему положению, не может считаться характерной для Черниговского княжества. И, таким образом, «вятичи» и «радимичи», возможно, превращаются в население Черниговского княжества.

Вопрос этот представляется еще, конечно, далеко не разрешенным. Но полагаю, что более углубленное изучение «вятических» и «радимических» курганов, почти не совпадающих по времени (что затрудняет исследования), полностью разрешит вопрос и покажет — правильны ли предложенные здесь ответы.

VI

Таким образом, районы распространения типов женского убора, точнее — наборов украшений, XI, XII, XIII и XIV столетий, которые

[1] А. А. Спицын. Владимирские курганы. Известия Археолог. комиссии, вып. 15; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Известия ГАИМК, т. X, вып. 6—7.

[2] Ук. соч., стр. 334.

[3] Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы БАН, 1932.

восстанавливаются по материалам погребений этого времени, начинают укладываться в границы не древних племенных образований, а в границы формирующихся феодальных областей. Однообразие женского убора в пределах экономически связанной области, особенно в тех случаях, когда в предшествующий период на данной территории обитало разноплеменное население, является ярким показателем того, как развивался этногонический процесс в эпоху раннего феодализма. Это первый вывод.

То обстоятельство, что к XI—XII вв., а местами к XIII в., по историческим данным племенных образований уже не существовало, археологи имели в виду, конечно, и раньше. Однако они полагали, что, несмотря на это, этнические признаки племен продолжали сохраняться еще в течение долгого времени. Так, например, в отношении «вятичей» у А. В. Арциховского читаем: «Последнее летописное упоминание о вятичах относится к 1197 г. Но археологи узнают это племя по тем многочисленным женским украшениям, границы распространения которых совпадают с историческими границами земли вятичей... Племенные типы женских украшений оказались более живучи, чем племенное имя».[1] Но выше достаточно ясно показано, что возникновение «племенных типов украшений» вятичей произошло не ранее момента разрушения самого племени и что, следовательно, «племенными типами» вятичей эти украшения не являются.

То же самое можно сказать в отношении всех других «племенных типов украшений». Если обратиться к материалам, происходящим из раскопок более древних памятников, чем курганы с трупоположением XI—XII вв., хотя бы памятников IX—X вв., то там мы встретим совершенно иные наборы украшений. Следовательно, нельзя говорить о каких-либо пережитках древних племенных особенностей, основываясь исключительно на материале украшений.

Очень боюсь, что здесь могут меня неверно понять. Могут понять что я рассматриваю этногонический процесс чересчур примитивно и упрощенно, что я рассматриваю его как процесс, совершающийся молниеносно, разом, вместе с изменением социальных отношений. Это, конечно, будет неверно. Этногонический процесс длился веками и, несомненно, что в тех или иных формах дофеодальные племенные различия сказываются вплоть до настоящего времени. Но нужно помнить, что судьба различных этнических компонентов была неодинакова, так как сами они далеко не равноценны. Одно дело язык, одежда, другое — специфические особенности экономики, постройки, третье — религиозные верования, украшения и т. д. Одни из них переживали веками и их следы можно найти еще теперь; другие были менее жизненны, третьи, наконец, совсем не жизненны. К последним, несомненно, относились украшения — материал, легко меняющийся, а отнюдь не консервативный. Вспомним, например, материалы рязанских могильников, детальное хронологическое исследование которых было

[1] Курганы вятичей, стр. 151.

произведено П. П. Ефименко.[1] Типы женских украшений за время с II по VII вв. н. э., как свидетельствуют эти материалы, переменились не менее чем 5—6 раз. И это происходило в условиях одной формации, при отсутствии резких сдвигов в формах развития социально-экономических отношений. В Новгородской области XI—XIV вв., с курганами которой мы познакомились выше, опять-таки в пределах одной формации — раннего феодализма — украшения менялись из столетия в столетие.

Ясно поэтому, что при возникновении новых социально-экономических отношений, в условиях энергично протекающего этногонического процесса, не остается места для сохранения, хотя бы в виде пережитков, «племенных типов женских украшений». Распространение их в той или иной области в значительной степени было обусловлено тяготением населения к определенным экономическим центрам, которые являлись, помимо всего прочего, также и центрами массового ремесленного производства этих украшений. Это второй вывод.

Следовательно материалы памятников XI—XIV вв. не могут служить источником изучения известных по летописи племен. Несомненно, что археологи в течение более, чем пятидесяти лет, начиная с работ А. С. Уварова и Д. Я. Самоквасова и кончая работами А. В. Арциховского и Б. А. Рыбакова, стояли в этом вопросе на неправильном пути. Увязка памятников XI—XIV вв. с летописными племенами явилась результатом привнесения в область археологических материалов положений, развиваемых индоевропейским языкознанием. И подобно последним эта увязка представляет собой буржуазную националистическую по духу теорию, поражающую отсутствием хотя бы сколько-нибудь критического подхода к материалу. Это третий и основной вывод.

VII

Какие же археологические памятники могут служить источником изучения «древне-русских» и других восточно-европейских племенных образований, известных «Повести временных лет»?

Понятно, что это будут более ранние памятники, памятники второй половины первого тысячелетия н. э., достаточно хорошо известные, особенно в некоторых районах центральных и западных областей Восточной Европы. Однако до сих пор эти памятники в отношении характеристики отдельных летописных племен не дают ничего строго определенного, потому что с этой точки зрения к ним никто и никогда серьезно не подходил. Далее, напрашивается вопрос о племенах начальной летописи. Прежде всего, что представляли собой известные по летописи «племена»? Какая социально-экономическая организация скрывается за этим термином, не раскрытым достаточно самой летописью и введенным в обиход первыми историками для обозначения социальной организации древлян, полян, северян и т. д.

---

[1] Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л. 1926.

Ясно, ведь, что первые историки России понимали этот термин иначе, чем понимаем его сейчас мы, основываясь на трудах Л. Моргана и Ф. Энгельса.

Племя и род — два неотъемлемых друг от друга института — существовали в продолжение всей истории первобытного общества, за исключением лишь самых начальных ее периодов. Известно, по этнографическим данным, что в последние периоды истории первобытного общества, когда начался процесс разрушения древних родовых связей, племена образовали обширные объединения — племенные союзы, покоящиеся уже не столько на родовых, сколько на территориальных экономических связях, как это исчерпывающе было показано Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

И можно думать, что известные летописи «племена» являлись именно такими социальными организациями, вступившими уже на путь превращения в организации с отношениями феодального характера. Действительно — нельзя же допустить, что, например, кривичи, территория которых равнялась размерам среднего современного европейского государства, были племенем в правильном понимании этого термина? Понятно, что это был обширный союз племен и, возможно, не родственных и даже несколько разноязычных.

Если это действительно так, то приходится иметь в виду, что постоянными организациями союзы племен могли и не быть. Если мордовский племенной союз (а что это действительно был племенной союз можно прекрасно доказать на основании этнографических и исторических данных) был известен не только в X—XI вв., но и в V столетии, то древляне, поляне, радимичи, вятичи и другие «древне-русские племена» в то время известны не были. На их месте готские и византийские писатели знали антов, очевидно, предков тех же русских славян. Это несомненно также был какой-то племенной союз, вероятно, сложившийся, как мера борьбы с экспансией своих южных соседей.

В заключение отмечу, что, возможно, и не все известные по «Повести временных лет» наименования представляли собой названия союзов племен. Очень вероятно, что некоторые из них являлись именами и отдельных племен. Таковым, например, вероятно, являлась голядь, жившая, согласно летописи, на маленькой речке Протве.

В условиях непостоянных, меняющихся объединений племен, понятно, не всегда могла иметь место кристаллизация новых этнических образований. И если мордовские древности нам известны, начиная с IV—V вв., то это объясняется лишь тем, что мордовский племенной союз, как отмечалось выше, имел длительное существование, превратясь в дальнейшем, уже в условиях выросших феодальных отношений, в современный нам мордовский народ. Другое дело — племенные образования хотя бы Поднепровья. Их судьба, вследствие ряда исторических причин, была значительно сложнее. И весьма вероятно, что по археологическим материа-

лам не всегда удастся уловить особые черты, характеризующие то или иное сложное племенное образование.

Но это не значит, конечно, что следует отказаться от исследований в направлении увязки данных летописи с археологическими материалами. Наоборот, исследования в этом направлении являются первоочередной задачей. Когда будет решен вопрос о племенных группах середины и второй половины первого тысячелетия н. э., об этнических признаках этих групп, лишь тогда можно будет дать окончательную интерпретацию и тем локальным группам древностей XI—XIV вв., о которых речь шла выше, и этим самым вынести окончательный приговор существующей ныне археологической схеме «расселения древне-русских племен».

P. TRETJAKOV

LA DISTRIBUTION TERRITORIALE DES RUSSES ANCIENS D'APRÈS LES DONNÉES ARCHÉOLOGIQUES

RÉSUMÉ

Les tumuli des XI—XIVe siècles, connus en grand nombre dans l'ouest de la partie Européenne de l'URSS, constituent une série de groupes locaux qui se distinguent entre eux principalement par l'assortiment des objets de parure trouvés dans leurs tumuli. Les archéologues de la fin du XIXe siècle ont raccordé ces groupes locaux de monuments avec les territoires des tribus russes telles qu'ils sont indiqués dans les chroniques premières. L'exposé le plus complet et le plus achevé de ce point de vue a été donné dans le travail de A. Spicyn «La répartition territoriale des tribus russes anciennes d'après les données archéologiques», paru en 1899. Au cours des quarante dernières années, cette théorie n'a soulevé aucun doute sérieux.

Un fait, pourtant, saute aux yeux — c'est que les assortiments de parures rencontrées dans les tumuli du XI—XIV^{-e} siècles n'ont nulle part été en usage aux siècles précédents, qui nous sont connus par les matériaux fournis par les tumuli à incinération et par les trouvailles faites dans les gorodistchés. Ils datent donc de l'époque où les vieilles tribus étaient déjà en voie de disparaître au cours du processus de la formation de la société féodale. Mieux encore — pour certains territoires on peut prouver que ces assortiments ne se sont pleinement constitués qu'aux XIII—XIV^{-e} siècles. Cela a été le cas dans le bassin supérieur de l'Oka, sur le territoire des Viatitchi.

Un autre fait intéressant est que le territoire du Novgorod féodal, dont la population se composait d'éléments d'origine et de langue différentes (Slaves, Vodi, Ijora), montre une unité dans l'assortiment de parures. Il en est

de même dans la région Rostov — Souzdal, ainsi que dans celle du Dniepr, où les tumuli situés sur les territoires des Polianes et des Drevlianes des chroniques donnent le même assortiment de parures.

Tout cela nous fait penser que les groupes locaux d'antiquités de tumuli des XI—XIVe siècles doivent être raccordés non pas avec les territoires des tribus des chroniques tels qu'ils existaient aux siècles précédents, mais avec les tumuli synchroniques des territoires féodaux.

Les parures métalliques sont un des caractères ethniques le moins stable. De nombreux exemples nous convainquent qu'elles ont pu subir des modifications très fortes au cours d'un ou deux siècles. On conçoit donc qu'à l'aube de la féodalité, lorsque commença le processus de formation du peuple russe par fusionnement de différentes tribus et qu'on cessa d'employer les vieux noms de tribus, les parures métalliques n'aient plus servi de signe indiquant la tribu d'origine.

L'étude des tribus des chroniques, la fixation des limites de leurs territoires et de leurs particularités ethniques doit tenir compte non pas des matériaux archéologiques des XI—XIVe siècles, mais de ceux des VII—Xe siècles, qui n'ont encore jamais été étudiés sous ce point de vue.

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

В ЗАЩИТУ ЛЕТОПИСЕЙ И КУРГАНОВ

(Ответ на статью П. Н. Третьякова «Расселение древне-русских племен по археологическим данным»)

I

Археологам хорошо известны две удивительным образом совпадающие географические карты. На одной из них изображаются ареалы курганных женских украшений, на другой области летописных племен. Только признанием племенных типов височных колец, бус, перстней и т. д. объяснялось до сих пор это совпадение. П. Н. Третьяков теперь пытается это объяснение отвести. Он всячески подчеркивает оригинальность своей точки зрения. «Курганные древности XI — XIV вв. — пишет он — были окончательно расчленены на древности древлян, полян, радимичей, вятичей, кривичей и т. д. И казалось, что здесь мы имеем один из немногих окончательно разрешенных археологией вопросов. Во всяком случае никто и никогда не высказывал сомнения в правильности увязки курганных древностей XI—XIV столетий с племенами „Повести временных лет". Наоборот все безоговорочно соглашались с ней». Автор предпочел не согласиться. Мне приходится выступить в защиту древне-русских племен от попытки отнять их достояние. Надо заранее оговориться, конечно, что термин «племя» я, как и П. Н. Третьяков, употребляю здесь условно, что вятичи, кривичи и т. д. были не племенами в точном смысле слова, а союзами племен. Это не мешает им быть историческими реальностями, что не отрицает и П. Н. Третьяков.

Приводимые в его статье аргументы немногочисленны. Один из них является центральным и повторяется чаще всего. Курганные древности XI—XIV вв. не могут, по мнению автора, быть связаны с летописными племенами уже потому, что племена эти относятся якобы целиком к предыдущей эпохе.

Однако летописный рассказ датируется, как известно, XI—XII вв., а курганные древности X—XI вв. кривических, радимических, северянских, новгородских и т. д. типов многочисленны и П. Н. Третьякову, судя

даже по его статье, хорошо знакомы. К XII в. относятся последние летописные упоминания о кривичах, радимичах, северянах, к XII в., в редких случаях, к XIII принадлежат и последние курганные древности соответствующих типов, с чем и П. Н. Третьяков согласен.

Сконструировать свой хронологический разрыв для всех почти племен автор, таким образом, не может, да и не пытается. Он предпочитает поэтому говорить о вятичах, черпая здесь все свои хронологические аргументы у автора этих строк.

II

«Курганы вятичей», как я доказывал в своей книжке под этим названием, относятся к XII—XIV вв.: вопреки принятым в прежней литературе датировкам, вятических трупоположений XI в. нет. Это обстоятельство и является теперь основным археологическим аргументом в статье П. Н. Третьякова. Он говорит, например: «характерный вятический набор украшений появился не ранее XII в. и таким образом к племени вятичей прямого отношения иметь не может».

Эта фраза повторена в разных вариантах несколько раз. Между тем из нее можно сделать только один вывод — о пользе для археологов читать летописи. Автор сообщает в своей статье только те летописные обстоятельства и даты, которые приведены в моей вышеупомянутой книжке. Однако, не предвидя будущих оригинальных точек зрения, я не упомянул там о таком довольно известном факте, что большинство летописных упоминаний о вятичах относится именно к XII в. Именно, в летописях Лаврентьевской и Ипатьевской вятичи названы 27 раз, в том числе 4 раза под IX в., 6 раз под X, 2 раза под XI, а под XII в. — 15 раз. Если сосчитать все упоминания по всем томам полного собрания русских летописей, то же обстоятельство выступит еще ярче.

Автор приводит без всяких возражений и даже в числе своих аргументов мою хронологическую табличку, по которой из курганов с вятическим набором украшений к XII в. относится — 37. И все-таки он думает, что «этот набор к племени вятичей прямого отношения иметь не может».

Многие археологи, к сожалению, вообще боятся читать летопись, вероятно, вследствие преувеличенных представлений о трудности древнерусского языка.

Автор упорно пытается доказать, что на территории вятичей встречаются курганы с вещами кривических типов XI—XII вв. Но все перечисленные им для этого курганы находятся вне вятической территории, очерченной в моей книге, правда возле ее границ. Непроходимых пустынь между вятичами и кривичами не было, и перечисляемые автором смешанные курганные группы вполне закономерны, о чем я в свое время и писал. П. Н. Третьяков пробует аргументировать четырьмя такими группами. Расположены они у селений Шатуны, Ступенки, Воронцово и Кузнецовка и все описаны в моей книжке.

Шатуны и Ступенки находятся на Угре близ Юхнова. Эта река впадает в вятическую Оку, и самая низовая из раскопанных на Угре курганных групп, Бочаровская, дает только вятические вещи. Шатуны выше Бочарова: там вятические вещи всего в одном кургане, кривические тоже в одном; для выводов таких данных мало. Ступенки еще выше. Там из шестнадцати погребальных наборов украшений по моим изданным подсчетам десять принадлежат кривичам, один вятичам и пять неопределимы. Так устанавливается племенная граница на Угре. П. Н. Третьяков доказывает, что в Ступенках и Шатунах курганы с кривическими вещами старше курганов с вятическими. Вообще это довольно естественно, такая разница в возрасте для этих курганов всюду типична, и я об ней уже писал. Но свести на Угре географические различия между вещами к хронологическим автору не удалось, хотя он и прибег для этого к неосторожным утверждениям.

Так, например, он говорит, что «смешанные погребения ранних по времени украшений, каковыми являются позолоченные и посеребренные бусы, не содержали». Он воздержался бы от этих слов, если бы просмотрел курганные инвентари, безразлично, по моей книжке или по изданию Н. И. Булычева. Отрицаемые П. Н. Третьяковым комбинации вообще известны на племенной границе. В том числе в названных им Ступенках в кургане 9 вместе найдены на одном костяке 5 семилопастных височных колец и 90 позолоченных бус.

Раскопанные мною ранние кривические курганы возле Воронцова на верховьях Москвы-реки тоже расположены на племенной границе. Наконец, явным недоразумением является четвертая ссылка П. Н. Третьякова. Курганы возле Кузнецовки на Уче, левом притоке Клязьмы, не дали ни одного вятического погребения. Это, как я в свое время и отметил, чисто кривические курганы, расположенные по ту сторону племенной границы, для уточнения которой они описаны в моей книге вместе с другими подобными группами. (См. теперь статью С. В. Киселева в I т. «Сов. археологии».)

Таким образом П. Н. Третьяков пытался доказать смену кривического набора украшений вятическим на непригодном для этой цели пограничном материале. Но даже здесь он доказать это не смог. Неупомянутые им и перечисленные в моей книге многочисленные другие пограничные группы в его схему тоже не укладываются. Для основной же территории вятичей ни одного погребения, подтверждающего его схему, автор указать и не пытается.

Таким образом висят в воздухе следующие фразы: «К каким же выводам мы приходим? Что же, значит, вятичей не было до XII в. на территории современной Московской области? Если исходить из традиционных положений археологии, другое разрешение вопроса как будто бы исключается».

Если пересаживать на территорию вятичей курганы из других территорий, можно, конечно, и не то доказать. На деле курганам летописных вятичей XII в. с семилопастными височными кольцами предшествовали на

той же территории только курганы летописных вятичей X—XI вв. с трупосожжениями, в моей книжке перечисленные. Надо иметь в виду и описанный летописцем вятический обряд погребения «на столбах на путях». В начале XII в. летописец писал об этом обряде: «еже творят вятичи и ныне». Для археологов такие погребения не сохранились. Длительное бытование архаичного обычая трупосожжения является вообще племенной особенностью вятичей.

П. Н. Третьяков сам чувствует географическую неубедительность своего аргумента и, пробуя его дополнить, впадает в новую ошибку. Он пишет: «Кривические (кривичи и вятичи у него всюду, конечно, в кавычках. — *А. А.*) курганы располагаются, главным образом, в западных частях вятической области, около ее западных границ. Однако, если проработать материал, то оказывается, что в этих же местах около западной границы вятической области располагаются также почти все вятические курганы первой наиболее ранней группы (XII в.)». Дальше он это повторяет: «Если картографировать курганы I, II и III групп А. В. Арциховского, то станет ясным, что ранние курганы, как это отмечалось выше, почти без исключения, локализируются в более западных районах, около Москвы, Рузы, Юхнова, Жиздры. Наоборот в восточном районе около Рязани, Зарайска, Подольска, Коломны — ранние курганы вовсе отсутствуют». Это голословное утверждение дела не спасает, ибо основано все на том же пренебрежении к курганным инвентарям. Я не буду даже говорить о том, что многие ранние и чисто вятические курганы к югу от Москвы отнюдь не являются ни западными, ни пограничными. Ограничусь разбором для примера хотя бы упомянутых автором подольских курганов. Первая стадия там отрицается автором, да еще со словом «вовсе». Между тем к ней относятся (не считая спорных) 5 из 29 вятических подольских наборов: Александровка 1 и 3, Воскресенский посад 3, Мещерское 1, Ушмары 3, т. е. — 17% (ко второй стадии — восемь, к третьей — восемь). Это не мало, поскольку для всех вятичей вообще курганные наборы первой стадии составляют 22%, 37 из 167, тоже не считая спорных (второй стадии — 39, третьей — 33).

Территориальную локализацию вятических женских украшений при всех перечисленных натяжках автор опровергнуть не сумел. Он ее признает и пробует объяснить, дает даже два взаимоисключающих объяснения читателям на выбор.

По первому объяснению вятичи слились в XII в. с мордвой (вероятно, западной) и курганы принадлежат этому смешанному населению, составившему некое особое феодальное образование. Самое своеобразие вятических украшений автор склонен объяснять мордовским влиянием. Так можно было бы говорить, будь мордовские могильники нам неизвестны. Однако они известны от III до XVIII вв. Женские погребальные инвентари мордвы XII—XIV вв. совершенно не похожи на вятические того же времени. Даже с новгородскими у них сходства больше, например, в серьгах, пряжках и т. д. С вятичами сходство только в самых общих хронологиче-

ских признаках, например, в витых браслетах, распространенных тогда по всей Восточной Европе. Стоит напомнить и мужские погребения, лишенные вещей у вятичей, изобилующие железными вещами у мордвы. Да и как можно распространение курганов вятичей в XII в. связывать со слиянием их с мордвой, хоронившей обычно без курганов.

Второе объяснение не лучше. Территория вятичей плюс территория радимичей «почти полностью совпадает» по автору с территорией Черниговского княжества. Слово — «почти» тут необходимо, потому что самый Чернигов оказывается за пределами очерченной при этом границы. Про основную для черниговских князей область, на которой была их столица, автор вынужден говорить поэтому, что она «не может считаться характерной для Черниговского княжества». Вятичи, очевидно, более характерны. Между тем они Чернигову и не принадлежали. Во всех летописных известиях до XII в. включительно они выступают в виде особой политической силы, ведущей самостоятельные переговоры с самыми различными князьями. Были только неопределенные претензии Ольговичей на эту землю, выразившиеся, например, в споре братьев со Всеволодом Ольговичем; были подобные претензии черниговских епископов. П. Н. Третьяков, вероятно, считает, что такими обстоятельствами определяются разновидности крестьянских одежд. К тому же это объяснение не устраняет хронологического несоответствия: курганы XIII и XIV вв. к Черниговскому княжеству отношения уже иметь не могут, а с территориями Рязанского и Московского княжеств ареал вятических курганов не совпадает.

Смешав, как выше показано, вятические и кривические курганы XII в. автор предоставил себе возможность торжествующего заявления: «получается, что в XIV в. „вятичи“ выступают „этнически“ более чистыми, чем раньше, что явно невероятно».

Впрочем, к чести П. Н. Третьякова, весь эффект этой фразы немедленно уничтожен добросовестной оговоркой: «Правда, можно указать, что к XIV в. у населения соседних территорий курганный обряд погребения совершенно прекратился и что „кривические“ курганы XIV в. нам неизвестны». Выйти из положения автор пробует совсем голословным утверждением: «Но ведь население то в этих местах осталось и в XIII—XIV вв., когда рядом со старым Рязанским княжеством возникает Московское княжество, это население должно было более энергично смешиваться с „вятичами“ чем раньше». На деле, конечно, никаких массовых переселений с запада на восток при возвышении Москвы не было.

Вятические признаки существовали дольше. Недаром самое племя было самостоятельным еще в XII в. П. Н. Третьяков не опроверг моего цитируемого им утверждения, что «археологи узнают это племя по тем многочисленным женским украшениям, границы распространения которых совпадают с историческими границами земли вятичей. Это совпадение в XIV в. остается такое же, как в XII в. Племенные типы женских украшений оказались более живучи, чем племенное имя».

Мною был перечислен в своей книжке целый ряд очень детальных совпадений племенных границ — летописной и курганной. Совпадений этих П. Н. Третьяков не опроверг, между тем здесь, вопреки предположениям моего критика, летописные тексты XII в. сопоставляются обычно с курганными инвентарями того же XII в.

III

По другим племенам спорить почти не о чем. Как я уже отметил, П. Н. Третьяков упорно обходит молчанием нежелательное ему хронологическое совпадение летописных и курганных данных о кривичах, радимичах, северянах. По вопросу о кривичах он только ссылается на Полоцк, не зная, что это ему невыгодно. Он пишет: «К выводу, что не старые племенные границы, а границы новых феодальных образований определяли распространение форм украшений, мы приходим в результате рассмотрения также и „кривических" курганов XI—XII вв.» И вот это длительное рассмотрение сводится к перечислению контрастов между курганами полоцкими и смоленскими.

Между тем, «Повесть временных лет» дважды говорит именно о племени полочан. Вот одно из этих мест: «И по сих братьи держати почаша род их княженье в Полях, в Деревлях свое, а Дреговичи свое, а Словени свое в Новгороде, а другое на Полоте, иже Полочане. От них же Кривичи, иже седять наверх Волги, и наверх Двины, и наверх Днепра, их же град есть Смоленск; туда бо седять Кривичи, также Север от них» (т. е. северяне). Мне пришлось бы, может быть, в этой полемике перечислять племенные различия между курганами кривичей и полочан. К счастью, за меня эту работу выполнил уже мой оппонент; так полезно для меня оказалось его невнимание к летописи, проявившееся тут не менее, чем в вопросе о вятичах.

Впрочем летопись здесь отчасти противоречива, поскольку ниже под 862 г. она называет кривичей первыми насельниками Полоцка. Надо сказать, что и археологические различия здесь не так глубоки, как между другими племенами. Руководящими для кривичей являются браслетообразные височные кольца, они есть и под Полоцком; впрочем, как отмечает П. Н. Третьяков, они там меньше и тоньше.

Дальше, по словам автора, «браслеты и перстни в общем повторяют смоленские типы», а «ожерелья и гривны в общем те же, что в смоленских курганах». Различия заключаются в подвесках, в венчиках и в относительном богатстве инвентарей.

Новгородские славяне стоят особняком. Поскольку область их расселения совпала в основном с позднейшей новгородской землей, местные наборы украшений с равным географическим правом можно было бы считать признаком племени или признаком земли. Но П. Н. Третьяков неправ, утверждая, что эти вещи «оказались „этническим" признаком населения подвластного феодальному Новгороду, независимо от того, было ли это население в древности славянами, водью или ижорой». Это утверждается для

XI—XII вв. Однако водь и ижора не так быстро обрусели, как думает автор. Они и в следующих веках были особыми народами, отличались, конечно, и по костюму. В частности археологические их признаки не без успеха прослеживались А. А. Спицыным, В. И. Равдоникасом и др.

Никаких доказательств своих слов, будто бы распространение северянских типов украшений совпадает с территорией Новгород-Северского княжества, а дреговических — Туровского, — автор не привел и не мог привести. Историко-географические выводы Б. А. Рыбакова о радимичах П. Н. Третьяков критиковать и не пробует, не имея для этого данных.

Археологи не могли выделить по курганным украшениям племя полян, и П. Н. Третьяков на это ссылается. Между тем ничего удивительного здесь нет, поскольку, что отмечает и автор, это племя не упоминается с 944 г. Ведь наша археологическая карта расселения славянских племен составлена, как я уже говорил, по курганам XII в.; неудивительно, что в нее вошли только племена в этом веке еще упоминаемые: кривичи, дреговичи, радимичи, северяне и вятичи; вошли, конечно, и новгородцы.

IV

Для многих этнических групп во всех странах совершенно закономерны своеобразия в одежде, в частности, в женских украшениях. Отрицать возможность таких своеобразий не пытается и П. Н. Третьяков. Этнографические примеры общеизвестны. Вспомним хотя бы различия в женских украшениях между двумя основными ветвями мордовского народа — мокшей и эрзей (И. Н. Смирнов. Мордва, Казань, 1892; Н. И. Спрыгина. Одежда мордвы-мокши, Пенза, 1929).

Мое утверждение о вятичах, что «племенные типы женских украшений оказались более живучи, чем племенное имя», П. Н. Третьяков пробует опровергнуть словами, что украшения — материал легко меняющийся, а не консервативный. Они легко менялись в деталях, а основные их формы были довольно живучи. Примеры для убедительности возьму те же самые, которыми П. Н. Третьяков показывает быструю изменяемость.

Первый пример—рязанские могильники III—VIII вв. П. П. Ефименко, действительно, по украшениям разделил их на несколько стадий в своей классической для археологической хронологии работе. Но краснопастовые бусы и расширенные к концам браслеты, проволочные и пластинчатые, господствовали там в течение всех 500 лет. То же можно сказать и о перевитых гривнах с бусами, хотя формы их и менялись. Бляхи с перекрестиями широко бытовали от стадии *A* до стадии *C*, бляхи с крышками — от стадии *B* до стадии *D*, иными словами — столь сложные формы жили больше, чем по 300 лет. Второй пример — новгородские курганы XI—XIV вв. Хронологические различия между ними установлены тоже, конечно, по украшениям, но ромбощитковые височные кольца господствовали там все 400 лет. Ничего невероятного, значит, нет и в том, что семилопастные височ-

ные кольца и некоторые другие формы пережили (претерпев ряд типологических изменений) всего на 200 лет племенное имя вятичей.

Совершенно неожиданным и неопределенным обвинением являются слова П. Н. Третьякова: «Увязка памятников XI — XIV вв. с летописными племенами явилась результатом привнесения в область археологических материалов положений, развиваемых индоевропейским языкознанием. И подобно последним, эта увязка представляет собой буржуазную, националистическую по духу теорию». Доказать эти слова автор и не пытается.

Археологические определения древне-русских племенных признаков не имеют никакого отношения ни к теориям миграций — ведь все племена при этом оказываются стабильны, — ни к теории славянского исконного единства, ведь устанавливаются именно признаки различия племен, признаки, разделяющие вятичей и кривичей не менее резко, чем кривичей и мурому.

Таким образом эти определения нужны именно для борьбы против буржуазной индоевропеистики.

Положительные выводы П. Н. Третьякова мною уже цитировались по ряду областей. Всюду он старается доказать, что племенные наборы украшений связаны не с племенами, а с феодальными областями, с княжествами.

Княжества эти в XI—XIII вв. были образованиями эфемерными и неустойчивыми, границы которых менялись по несколько раз в столетие в зависимости от результатов княжеских усобиц. Изучать эти границы надо не по схематическим картам школьных атласов, а непосредственно по летописным страницам. Если бы древне-русские крестьянки захотели одеваться по указаниям П. Н. Третьякова, руководствуясь своей политической зависимостью, моды менялись бы быстро, как в XX в. Автор явно переоценил верноподданность этих крестьянок, они не сообразовались в своих одеждах с принадлежностью тем или иным князьям. В XIV в. княжества стали очень устойчивы, но и тогда их границы к границам женских нарядов отношений не имели. Достаточно сказать, что ареал вятических украшений занимает южную часть великого княжества Московского и большую часть великого княжества Рязанского.

A. ARCICHOVSKIJ

PLAIDOYER EN FAVEUR DES CHRONIQUES ET DES TUMULI

RÉSUMÉ

Les aires d'extension des types de parures féminines des tumuli concordent très exactement avec les territoires des tribus des chroniques russes. Il n'y a pas désaccord chronologique ici, quoi qu'en dise P. Tretjakov. Au XIIe siècle, les tribus des Krivitchi, Drégovitchi, Radimitchi, Sévérianes,

Viatitchi sont encore mentionnées dans les chroniques. A ce siècle se rapportent beaucoup de tumuli de ces tribus. En certaines régions, les types tribaux de parures féminines ont survécu d'une centaine d'années aux noms des tribus, et même de 200 ans environ chez les Viatitchi, mais cela ne change rien à la régularité de leur distribution géographique. Des durées d'existence de semblables types de l'ordre de 400—500 ans sont connues en archéologie. Les Novgorodiens aussi diffèrent archéologiquement de leurs voisins, tant slaves que finnois. La tentative de P. Tretjakov de trouver sur le territoire des Viatitchi des sépultures avec objets de Krivitchi a échoué: tous les tumuli indiqués par lui sont situés en dehors de ce territoire On ne peut rattacher les assortiments de parures de tribus aux principautés. Aux XI—XIIIe siècles, celles-ci étaient des formations éphémères et instables, aux frontières radicalement modifiées plusieurs fois par siècle. Dans leur habillement, les paysannes se réglaient non pas sur leur appartenance à tel ou tel prince, mais sur leur tribu d'origine. En ethnographie, on connaît des exemples de particularités ethniques dans les parures féminines; on peut citer entre autre les tribus mordviennes. Les déterminations archéologiques des caractères de tribus de la Russie ancienne n'ont aucun rapport avec la théorie des migrations, puisque ici toutes les tribus sont stables, ni avec la théorie de l'unité protoslave, puisque par là on établit précisément les caractères distinctifs des tribus, caractères qui séparent les Viatitchi des Krivitchi d'une manière tout aussi tranchée que les Krivitchi des Mouromiens.

Б. В. ЛУНИН

К ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИТЕЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ „ПОДКУМСКОГО ЧЕЛОВЕКА" В СВЕТЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ [1]

В 1918 г., в Пятигорске при прокладке канализационной канавы были найдены костные останки человеческой особи. Морфологические особенности костей обратили на себя внимание антрополога М. А. Гремяцкого. Произведенное им изучение привело исследователя к выводу о принадлежности этих костных останков ископаемому человеку неандерталоидного типа.

Посвященные находке 1918 г. публикации М. А. Гремяцкого ввели эту находку в научный оборот. М. А. Гремяцкому принадлежит, в частности, наименование ее останками «подкумского человека», т. е. ископаемого человека долины р. Подкумок.

С течением времени подкумские (пятигорские) кости, в особенности, черепная крышка, приобрели известность не только в СССР, но и за границей. «Своеобразная морфология подкумского черепа была учтена, — свидетельствует М. А. Гремяцкий, — целым рядом антропологов Западной Европы и Америки».[2] «Подкумская находка, — указывает К. З. Яцута, — привлекла к себе большое внимание антропологов не только в нашем Союзе, но и за границей».[3]

За пределами Союза едва ли не до сего времени пятигорская (подкумская) находка известна больше всех других находок останков палеолитического человека на территории СССР. Так, например, составленная Софьей Эрхардт и опубликованная ею в 1932 г. (т. е. уже после находок в гроте Киик-Коба, в районе с. Мальта и др.) карта географического распространения на земном шаре главнейших находок

[1] Доклад, читанный автором 29 января 1936 г. в 144 научном заседании Общества анатомии и антропологии при Ростовском на Дону университете и Мединституте.

[2] М. А. Гремяцкий. Структурные особенности фрагментов подкумского черепа и его древность. Антропологический журнал, М., 1934, № 3, стр. 129.

[3] К. З. Яцута. Морфологические особенности подкумской лобной кости. Ученые записки Ростовского на Дону университета, в. II, Азчериздат, Ростов на Дону, 1934, стр. 99.

остатков нижне- и верхне-палеолитического человека (Anthropologischer Anzeiger, 1932, IX, Heft 3/4) указывает в пределах СССР только одну пятигорскую находку 1918 г.

Вопрос о находке 1918 г. имеет сейчас свою литературу. Интерес к ней и не прекращающиеся попытки отдельных исследователей разрешить вопрос о действительной древности костей предполагаемого «подкумского человека» (палеолитический возраст которого, как мы увидим ниже, вызывал и вызывает ряд сомнений и вопросов) — следует признать совершенно закономерным.

Напомним, кратко, историю пятигорской находки и условия, в которых она была сделана, поскольку в дальнейшем нам к этому неоднократно придется возвращаться.

История пятигорской находки засвидетельствована М. А. Гремяцким, и приведенными им сведениями исчерпывались все свидетельства, какими мы располагали в вопросе об условиях и обстановке находки.

Осенью 1918 г. в Пятигорске, на спуске Базарной улицы, ниже Армянской церкви, рабочие-землекопы, проводившие канализационную канаву, вырыли глиняный сосуд (разбитый на части лопатой) и «полированное каменное орудие в форме толстого кружка с отверстием посредине». Глубина, на которой последовали находки, точно не установлена; по словам рабочих находки «были сделаны на глубине 2 — 3 сажен». Будто бы несколько ниже отмеченных предметов (насколько ниже — неизвестно; указание М. А. Гремяцкого ограничивается словом — «глубже») были вырыты «остатки человеческого скелета, очень ломкие и хрупкие». [1]

Кости подобрал и передал М. А. Гремяцкому служитель местного народного университета А. Н. Воронин, случайно наблюдавший за работами землекопов.

Найденные скелетные останки представляли: часть черепной крышки, содержащей почти целую лобную кость, передние части обоих теменных и небольшие остатки носовых костей, затем обломки нижней челюсти с 5 зубами (правая сторона), два обломка обеих височных костей, сочленовый отросток левой половины нижней челюсти, обломки левой плечевой кости в ее дистальной части и, наконец, мелкие обломки костей. Все кости были покрыты песком с приставшими к нему камешками и беловатым налетом извести. Плохая сохранность костей (костное вещество рассыпалось при малейшем надавливании) побудила пропитать в целях укрепления все кости, за исключением наиболее хорошо сохранившейся черепной крышки, теплым желатиновым раствором.[2]

---

[1] М. А. Гремяцкий. Подкумская черепная крышка и ее морфологические особенности. Русский антропологический журнал, М., 1922, т. 12, кн. 1—2, стр. 92.

[2] Челюсть не сохранила, к сожалению, подбородочной части, дающей возможность судить об одном из важнейших и решающих морфологических признаков неандертальца.

С самого начала надлежит констатировать наличие, как мы видели выше, весьма неопределенных, неполных и неточных сведений об условиях и обстановке этой случайной находки. Вещи (сосуд и орудие) были найдены буквально в одном и том же пункте, что и кости (явление это, в свете приводимых ниже данных, заслуживает особого внимания) с той лишь разницей, что кости находились, якобы «глубже» вещей. Точные указания, насколько глубже и действительно ли глубже — отсутствуют. Надо думать, что если бы не значительное морфологическое своеобразие найденных костей, обратившее на себя внимание исследователей, почти никакие другие соображения не могли бы дать повода к сделанному М. А. Гремяцким выводу, что «вырытое в этих же местах, но раньше, т. е. выше костей, круглое неолитическое орудие нет оснований объединять со скелетными остатками». Не будь этих морфологических особенностей скелетных останков, и сам М. А. Гремяцкий, повидимому, не усмотрел бы оснований к тому, чтобы видеть в сделанных находках не единый синхроничный комплекс древнего погребения (кости и вещи), а находки разновременные, отделенные друг от друга многими тысячелетиями.

Такие предположения неизбежно и прежде всего вытекают из тех скупых и ограниченных данных об условиях и обстоятельствах находки, которые запечатлены М. А. Гремяцким и повторены, в главнейших извлечениях, выше.

Примечательно, что в последней по времени публикации, посвященной пятигорской находке, М. А. Гремяцкий вновь подтверждает и констатирует, что в вопросе о глубине залегания костей ему полностью пришлось положиться на слова землекопов, чья «оценка может быть преувеличенной», а самое «выражение „на глубине 2—3 сажен“ указывает на малую точность».[1]

Большое значение вообще, (а в этих условиях в частности и в особенности) должно и могло бы иметь геологическое обследование земляных отложений в пункте находки. Сделать этого в момент находки не удалось; на следующий день после обнаружения костей М. А. Гремяцкий и А. Н. Воронин посетили место находки, но уже «не могли подобрать ничего ценного»; близость же фронта гражданской войны заставила прекратить дальнейшие поиски, а затем место находки было засыпано снегом, земляные работы прекратились.

Поэтому, возможный возраст отложений, заключавших в себе скелетные останки, был установлен (геологом В. П. Ренгартеном) не на основе осмотра места и разрезов в пункте самой находки, а лишь на основе знакомства с составом отложений обширной террасы (возвышающейся над современным уровнем р. Подкумок на 15 м), на склоне которой в 1918 г. были обнаружены остатки человеческих костей.

---

[1] М. А. Гремяцкий. Антропологический журнал, М., 1934, № 3.

По указанию В. П. Ренгартена,[1] коренные породы (зеленовато-серые мергели олигоценового возраста) были встречены буровой скважиной с поверхности упомянутой террасы на глубине 12 м; таким образом, ниже 12 м идет коренная терраса, составляющая основание (цоколь) первой террасы. Терраса, высотой в 15 м, «отчетливо связывается с моренами последней ледниковой эпохи». Время отложения галечников, составляющих нижнюю часть террасы, следует считать, по указанию В. П. Ренгартена, синхроничным максимальному развитию ледников вюрмской эпохи. «Лёссовидные глины, заключающие остатки человека в Пятигорске, произошли за счет делювиального материала, отлагавшегося на слое галечника в короткий промежуток времени между начавшимся отступанием ледников и моментом поднятия горной области. Сравнительно теплый и сухой климат этого межстадиального времени способствовал накоплению делювия. В хронологии четвертичного периода в Западной Европе этому времени соответствует ахенская стадия Альп, а также ориньякская и солютрейская эпохи палеолита».[2] Общий вывод В. П. Ренгартена сводится к тому, что «время накопления галечников и глин террасы, заключающих кости человека в Пятигорске, совпадало с затоплением лиманов юга России и с третьим оледенением севера. В настоящее время можно считать прочно установленным, что это оледенение соответствовало вюрмской ледниковой эпохе Альп».[3]

Заметка В. П. Ренгартена о возрасте отложений, заключающих остатки «подкумского человека», вызывает, однако, некоторые недоуменные вопросы. Они неизбежно вытекают из того обстоятельства, что В. П. Ренгартен обследовал не пункт находки костей человека, а местность в пределах которой этот пункт был расположен, причем само обследование местности не стояло в связи с находками костей.

В тексте статьи В. П. Ренгартен совершенно точно указывает, что остатки человека в Пятигорске заключались в лёссовидных делювиальных глинах, отложившихся на слое галечника.

В этих условиях допустимо считать, что если глубина, на которой были сделаны находки костей (2—3 сажени, несколько больше), показаниями находчиков преувеличена, то и при меньшей глубине залегания (скажем не в 2—3 сажени, а в 2—3 м) кости все равно оказались бы заключенными в глине, т. е. в верхней части террасы. Иначе говоря, в этих условиях нахождение костей в слое делювиальной глины еще не свидетельствует о делювиальном возрасте этих костей. Всякое погребение, сделанное на склоне описываемой террасы и углубленное в землю, предположим на 2—3 м (например могильная яма), оказалось бы «впущенным» в слой делювиальной глины, даже если бы время этого погребения исчислялось не тысячами,

[1] В. П. Ренгартен. О возрасте отложений, заключающих остатки подкумского человека. Русский антропологический журнал, М., 1922, кн. 1—2, т. 12, стр. 193—195.

[2] Ук. соч., стр. 194.

[3] Ук. соч., стр. 195.

а немногими сотнями лет. Дело обстояло бы иначе, если бы кости были действительно встречены в связи с галечником вблизи от древнейших отложений террасы. Однако самый внимательный обзор условий находки костей не дает, повторяем, никаких решительно указаний на близость и связь отложений, в которых заключались кости с отложениями галечника.

Таким образом, как бы ни была ценна и закономерна попытка установить возраст подкумских находок в свете геологических данных, мы должны констатировать, что в отмеченных выше условиях данные эти могут играть роль лишь косвенных, вспомогательных соображений, отнюдь не дающих пока возможности окончательного разрешения вопроса о действительной древности костных находок 1918 г.

Исключительно трудам М. А. Гремяцкого мы обязаны введению пятигорских находок в научный обиход. В нескольких печатных работах М. А. Гремяцкий детально описал морфологические признаки сохранившихся остатков человеческого скелета из находки 1918 г. и установил неандерталоидный характер этих признаков.

В первую очередь М. А. Гремяцкий описал подкумскую черепную крышку.[1] По мнению М. А. Гремяцкого, детальное изучение крышки устанавливает ее морфологическую принадлежность к неандертальской группе. Примитивный характер крышки подтверждается совокупностью морфологических показателей, подробно перечисляемых М. А. Гремяцким (значительно развитые надбровные дуги, особенности профильной линии, проведенной через середину верхнего края глазницы, большие размеры межглазничного пространства, высокий межглазничный указатель, почти полное отсутствие лобных бугров и др.).

С «некоторой вероятностью» М. А. Гремяцкий относил подкумскую черепную крышку к остаткам женского черепа. Состояние швов и тонкость костей указывали, по мнению исследователя, на принадлежность костей человеку в возрасте от 55 до 65 лет.

«Подкумская черепная крышка, — писал М. А. Гремяцкий, — по своему геологическому возрасту с большим вероятием может быть отнесена к последнему ледниковому периоду на Северном Кавказе... Совершенно новым и неожиданным является нахождение представителя неандертальской группы далеко за пределами Западной Европы, где были сделаны все предшествующие находки остатков этой расы. На Северном Кавказе неандертальский человек жил, повидимому, при сходных физико-географических условиях в обстановке делювиального периода. Описанный мною фрагмент является первой и пока единственной находкой остатков неандертальского человека ледникового периода, сделанной в России». «По двум признакам, — добавлял М. А. Гремяцкий, — подкумская крышка стоит несколько ближе к современному человеку, чем другие неандерталь-

[1] М. А. Гремяцкий. Подкумская черепная крышка и ее морфологические особенности (с 11 рисунками). Русский антропологический журнал, М., 1922, т. 12, кн. 1—2.

ские формы: именно, по значительной разнице между углом брегмы и лобным углом и по размерам глабеллярного индекса, который приблизительно определяется мною равным 33.6».

По предложению акад. Д. Н. Анучина работа М. А. Гремяцкого, посвященная подкумской черепной крышке, была удостоена большой премии Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

М. А. Гремяцкий описал, в последующем, и остатки нижней челюсти и зубов, найденные вместе с черепной крышкой и другими костями данной человеческой особи, одинаковые с ними по сохранности, твердости и иным признакам.[1]

Морфологически челюсть и зубы, как и черепная крышка, обнаружили целый ряд признаков промежуточного характера между типичными неандерталоидами и присущими «современному» (по Швальбе) человеку. Сопоставление зубов подкумского человека с зубами черепов Гейдельбергского, Крапины, Спи I и СпиII также позволило М. А. Гремяцкому установить, что размер первых близко стоит к той норме, которую можно определить для многих делювиальных челюстей. Уклонением от этой нормы является лишь редукция числа бугорков на молярах.

В 1925 г. М. А. Гремяцкий опубликовал также небольшую популярную статью об ископаемом человеке Северного Кавказа.[2] В статье этой особенного внимания заслуживает взгляд автора на причины меньшей выраженности морфологических особенностей на подкумском черепе, в сравнении с типичными неандертальскими черепами. «Но если неандерталец, — пишет М. А. Гремяцкий, — имел такое широкое распространение — от Гибралтара до Северного Кавказа, — то естественно предположить, что он не сохранил всюду на этой обширной территории одного и того же строения, но распадался на отдельные расы, различия между которыми имели постоянный характер. Далее, условия жизни в пределах северо-кавказской равнины по близости от местного оледенения, конечно, не были точным повторением того, что существовало в окрестностях великого ледника. Поэтому можно ждать, что в таких своеобразных областях, как Крым или Северный Кавказ, существовали самостоятельные, местные расы неандертальца. Поэтому, нет ничего удивительного что по целому ряду (разрядка наша. — *Б. Л.*) второстепенных признаков подкумский человек уклоняется от типичного неандертальца».[3]

Более чем через восемь лет после этой публикации и уже после того, как в печати появились отдельные скептические высказывания, ставившие под сомнение палеолитический возраст подкумской черепной крышки,

---

[1] М. А. Гремяцкий. Остатки нижней челюсти и зубов подкумского человека. Тр. Антропологического института, вып. 1; Приложение к Русскому антропологическому журналу, М., 1925, т. XIV, вып. 1—2, стр. 91—99.

[2] М. Гремяцкий. Ископаемый человек Северного Кавказа. Сб. «Эволюция человека», М., 1925, стр. 61—65.

[3] Ук. соч., стр. 64—65.

М. А. Гремяцкий (в 1934 г.) еще раз вернулся к описанию фрагментов этой крышки.[1] В этой своей последней по времени публикации М. А. Гремяцкий вновь приводит ряд наблюдений над подкумской черепной крышкой и дает, в частности, описание фрагментов височных костей (обращая особое внимание на недостаточное развитие мастоидальных отростков). Кроме того, дано описание плечевой кости и лопатки (для которой характерны особенности сочленовой впадины и коракоидного отростка).

И в этой публикации автор продолжает твердо отстаивать ископаемый возраст пятигорской находки. Вновь констатируя, что «обладая наличием многих черт, общих с неандертальскими черепами, подкумский фрагмент обнаруживает некоторые признаки, свойственные современному типу», М. А. Гремяцкий считает, вместе с тем, что «морфологические особенности подкумских фрагментов независимо от той оценки, которая была им дана со стороны некоторых скептически настроенных лиц, настолько убедительны в своей совокупности, настолько неповторимы ни на каком другом из описанных в литературе черепов, за исключением тех, которые причисляются к неандертальскому кругу форм, что не оставляют больше сомнений в своеобразном положении, которое эти фрагменты должны занять среди ископаемых представителей человека».

Четырьмя отмеченными выше публикациями исчерпываются работы М. А. Гремяцкого, посвященные пятигорской находке 1918 г.

Очевидно, именно невыясненность точных условий и обстановки находки, неизбежно вызывавшая сомнения, отсутствие соответствующего обследования места, где были встречены кости, нахождение последних, как это представлялось, изолированно от какого-либо археологического материала [2] и пр., — обусловили положение, при котором специалисты-археологи (в известной степени закономерно) предпочитали обходить временным молчанием открытие предполагаемых останков ископаемого «подкумского человека».

Никакими другими соображениями невозможно, конечно, объяснить отсутствие сведений или даже беглого упоминания о «подкумском человеке» в таких общеизвестных и содержащих обширный свод данных по находкам останков палеолитического человека и его материальной куль-

---

[1] М. А. Гремяцкий. Структурные особенности фрагментов подкумского черепа и его древность. Антропологический журнал, М., 1934, № 3, стр. 127—139 (наименование статьи, кстати сказать, не совсем соответствует содержанию; специальные разделы статьи, значительные по объему, говорят не только о фрагментах черепа, но и о лопатке и плечевой кости подкумского скелета).

[2] В отношении каменного орудия и обломков глиняного сосуда приходилось полагаться на указание М. А. Гремяцкого об отсутствии связи этих предметов с якобы отдельно найденным и значительно более древнего происхождения остеологическим материалом. В этих условиях находка костей должна была казаться вполне изолированной, поскольку останкам человеческого скелета не сопутствовали ни синхроничные культурные отложения, ни остатки ископаемой фауны, ни какие-либо отдельные археологические предметы.

туры работах, как, например, работа В. А. Городцова[1] и, особенно, более поздний по времени труд П. П. Ефименко,[2] обстоятельно и тщательно учитывающий все до- и послереволюционные открытия в области палеолита на территории нашей страны.

Попытка осмотреть место пятигорской находки при участии археолога-специалиста по палеолиту (С. Н. Замятнина) была сделана в 1924—1925 гг. северокавказской экспедицией Академии истории материальной культуры, но по словам руководителя названной экспедиции «установить стратиграфию в месте находки типологически древнего черепа человека в Пятигорске не представилось возможным».[3] Выяснению стратиграфии препятствовала, очевидно, застроенность городскими улицами всего района, в пределах которого были найдены кости.

В этих условиях единственной попыткой приблизиться к разрешению вопроса о действительном возрасте пятигорских костей (путем возможного выяснения условий и обстоятельств их нахождения) является опубликованная в 1933 г. небольшая статья Н. М. Егорова.[4]

Не касаясь сейчас, в деталях, вопроса о правильности или ошибочности доводов и соображений, приведенных в этой статье, не предполагая принимать на себя защиты всех высказанных в ней положений и допуская возможность несостоятельности и недостаточной обоснованности тех или иных из этих положений, считаем нужным констатировать все же, что сама по себе попытка расширить круг материалов, привлеченных доселе к вопросу о древности подкумских костей, должна быть признана заслуживающей полного внимания.

В своей статье (автореферате доклада) Н. М. Егоров указывает, что палеолитический возраст «подкумского человека» вызывает ряд подозрений, в частности, по соображениям археологического порядка. Сосуд и в частности орудие (каменный диск с отверстием) — обычные предметы бронзового века, известные так же и для окрестностей Пятигорска. Находка костей отдельно от этих предметов не доказана. В Пятигорском музее есть несколько черепов (один неизвестного происхождения, один из станицы Сунженской (новой) у западной оконечности горы Верблюд и два черепа из кургана в окрестностях Моздока). Морфологические особенности их, в той или иной степени, весьма близки особенностям подкумской черепной крышки, а в отдельных случаях (например, один из моздокских черепов) выражены больше нежели у подкумской находки. Никакого

---

[1] В. А. Городцов. Археология, т. I, Каменный период, М.—П., 1923—1925.

[2] П. П. Ефименко. Дородовое общество, Известия ГАИМК, вып. 79, М.—Л., 1934.

[3] Краткий отчет о работах Северокавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах. Сообщения ГАИМК, I, Л., 1929, стр. 72 — 73 (указания на работы члена экспедиции С. Н. Замятнина «в направлении отыскания древностей палеолита»).

[4] N. M. Jegorow. Zur Frage über das Alter des sogenannten Podkumok-Menschen. Anthropologischer Anzeiger, Jahrg. X, Heft 2/3, 1933, SS. 223—225.

отношения к палеолиту эти гораздо более поздние черепа не имеют. Особенно важно, что по полученным Н. М. Егоровым официальным данным коммунального отдела в Пятигорске земляные работы велись в 1918 г. до предельной глубины в 2.86 м, на глубине 3 сажен находка не могла быть сделана ни в коем случае. Указывая на глубину в 2 и даже в 3 сажени М. А. Гремяцкий полностью положился на слова землекопов, не придав должного значения находке каменного орудия бронзового века.

Статья Н. М. Егорова вызвала резкие и категорические возражения М. А. Гремяцкого.

В 1934 г. М. А. Гремяцкий опубликовал новую, уже отмеченную нами выше, работу по «подкумскому человеку», говорящую о структурных особенностях фрагментов подкумского черепа и его древности. Весь первый раздел работы («Вопрос о древности подкумских фрагментов») посвящен возражениям на указанную статью.

Эти возражения заслуживают особого внимания читателя. Именно они, как это ни странно на первый взгляд, дают возможность, по нашему убеждению, более близко и на основе некоторых весьма важных и новых фактов, содержащихся в возражениях М. А. Гремяцкого, подойти сейчас к разрешению вопроса о действительной древности так наз. подкумского человека, притом, как раз к решению скорее всего отрицательному, а не положительному. Возражения М. А. Гремяцкого не только, как нам кажется, не подтверждают глубокой древности пятигорской находки, но, наоборот, дают новые и весьма надежные свидетельства не в пользу ее глубокой древности. Данные эти стоят в прямой связи с археологической стороной находки 1918 г. и предоставляют, теперь, возможность дополнительных суждений в вопросе о действительном возрасте «подкумского человека» именно в свете археологических данных.

В своих возражениях М. А. Гремяцкий останавливается на следующих моментах: 1) глубина залегания костей, 2) мнение акад. Д. Н. Анучина о пятигорской находке, 3) аналоги морфологических особенностей подкумской черепной крышки на некоторых позднее найденных черепах из Пятигорья и 4) окраска пятигорских костей.

Возражения по трем первым моментам не вносят существенно нового в интересующий нас вопрос и, надо заметить, мало чем опровергают замечания Егорова по этим моментам.

Так, М. А. Гремяцкий вновь подтверждает, что в вопросе о глубине залегания костей ему «пришлось в данном пункте положиться на слова землекопов. Их оценка могла быть преувеличенной. Самое выражение „на глубине 2—3 сажен“ указывает на малую точность». После этого М. А. Гремяцкому остается сослаться лишь на то обстоятельство, что глубина в 2—3 сажени «не показалась невероятной» ни ему, ни кому-либо из местных пятигорских жителей, присутствовавших на его первом сообщении о подкумском черепе в заседании Северокавказского института краеведения;

«среди слушателей были врачи, инженеры и геологи, имевшие дело с земляными работами».

Если учесть, что приведенные выше данные основаны на официальных документах конторы, производившей денежные расчеты с рабочими, занятыми прокладкой в 1918 г. канавы по Базарной улице, — не приходится сомневаться в достоверности этих сведений. Таковы факты, основанные на документальном материале.

Отсюда следует, что возражения М. А. Гремяцкого в одном из решающих вопросов — о глубине залегания находки — не достигают цели и ни в какой мере не устраняют существующих сомнений.

Н. М. Егоров указал, что покойный акад. Д. Н. Анучин не принадлежал к числу лиц, убежденных в ископаемом возрасте подкумской черепной крышки, и, наоборот, не скрывал своих сомнений в данном вопросе. М. А. Гремяцкий считает это извращением смысла слов Д. Н. Анучина о пятигорской находке. Именно по предложению Д. Н. Анучина, — указывает М. А. Гремяцкий, — его работа была удостоена премии. Д. Н. Анучин отметил важность произведенной М. А. Гремяцким работы и ценность примененных методов исследования. В отношении диагностики крышки Д. Н. Анучин отметил, что «хотя надбровный валик и не имеет типической неандертальской формы, но приведенные докладчиком соображения заслуживают полного внимания». Приводя эти слова Д. Н. Анучина, отраженные в протоколе заседания Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М. А. Гремяцкий отмечает, что «такое высказывание было бы совершенно немыслимо, если бы Анучин считал, что крышка имеет свойственную многим современным черепам форму».

Но ведь и Н. М. Егоров, в своей статье, ни в какой мере не отрицал морфологического своеобразия подкумской крышки. Указание же Н. М. Егорова на поразительное совпадение морфологических особенностей пятигорского черепа с особенностями некоторых древних (однако не палеолитического возраста) черепов из того же Пятигорья отнюдь не свидетельствует о мнении Н. М. Егорова, что подкумская крышка имеет форму, свойственную «многим» современным черепам, и отстоит от такого суждения весьма далеко; М. А. Гремяцкий и сам ведь констатирует (см. ниже) «замечательные особенности неандерталоидного характера» на других пятигорских черепах.

Никто, в том числе и Н. М. Егоров, и пишущий эти строки и другие, никогда не сомневались в значительности усилий, затраченных М. А. Гремяцким на работу по описанию и изучению морфологических особенностей пятигорских костных находок. Это была, кстати сказать, одна из первых подобного рода работ русских антропологов, посвященная изучению черепа предполагаемого ископаемого человека из находок на территории СССР. Работа М. А. Гремяцкого, внимательная, кропотливая и аналитическая, вполне естественно обратила тогда и не могла не обратить сочувственное внимание и по праву заслужила лестную и положительную оценку.

Вполне очевидно, что и Н. М. Егоров упоминал о словах Д. Н. Анучина не в той их части, какая была посвящена оценке научной работы М. А. Гремяцкого, а в части, относящейся к оценке Д. Н. Анучиным самого объекта этой работы, иначе говоря — подкумской черепной крышки.

Оценка же эта, как нам уже приходилось отмечать еще в 1926 г.,[1] более чем сдержана, весьма осторожна и подтверждает, что Д. Н. Анучин по существу действительно ни в какой мере не отрицал возможности принадлежности подкумского черепа и к более поздним временам. Помимо слов Д. Н. Анучина, приведенных выше и цитируемых М. А. Гремяцким, мы имеем совершенно четко и ясно сформулированную Д. Н. Анучиным оценку пятигорской находки. Оценка эта приведена в одной из печатных статей Д. Н. Анучина, которую, вслед за нами, и имел в виду Н. М. Егоров. Д. Н. Анучин писал: «что касается остатков самого палеолитического человека, то их у нас *пока не найдено*» (курсив всюду наш. — *Б. Л.*) и констатировал, что единственной находкой «заслуживающей внимания» является пятигорская находка («пока эта находка — единственная»), что соответствующие признаки «на данном черепе не резко выражены; они значительно сглажены. Тем не менее они имеются, и отложение, в котором найден череп, повидимому, может быть отнесено к четвертичной эпохе».[2]

Не устраняют сомнений возражения М. А. Гремяцкого и в таком важном вопросе, как указание Н. М. Егорова на четыре черепа из Пятигорья, располагающие рядом неандерталоидных особенностей, весьма близких к особенностям фрагментов черепа «подкумского человека». Аналогия этих особенностей, заметим, основана не только на общих внешних впечатлениях не специалиста антрополога, каким является Н. М. Егоров, но и на свидетельствах авторитетного специалиста (проф. К. З. Яцута), детально изучавшего упоминаемые Н. М. Егоровым пятигорские черепа.

Указание М. А. Гремяцкого, что ему были хорошо известны черепа, «которые находились в Пятигорском музее в 1920 г.», и что тогда же произведенное им сравнение подкумских фрагментов с этими черепами убедило исследователя лишь в редком своеобразии подкумских костей, следует признать не относящимся к делу. Из четырех черепов, о которых говорит Н. М. Егоров (см. ниже), три наиболее примечательных черепа поступили в Пятигорский музей позже 1920 г., и видеть их в музее в 1920 г. М. А. Гремяцкий не мог.

М. А. Гремяцкий сам признает, что пятигорские черепа, о которых К. З. Яцута делал сообщение на IV съезде анатомов и зоологов в Киеве

---

[1] Б. В. Лунин. К вопросу о задачах русской археологии на Северном Кавказе. Доисторическая (первобытная) археология, Ростов на Дону, 1926, стр. 9.

[2] Д. Н. Анучин. Культура доисторического человека по отдельным районам России и ее изучение. «Вопросы краеведения», сб. докладов, сделанных на Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края, в Москве, в декабре 1921 г., Нижполиграф, 1923 г.

(1930 г.), «действительно обладают замечательными особенностями неандерталоидного характера». По словам М. А. Гремяцкого черепа эти отличаются от «подкумского» черепа тем, что «эти замечательные (разрядка наша.—*Б. Л.*) признаки встречаются у них изолированно в одиночку, а не в комплексе, как у неандертальцев».[1]

Но в том-то и дело, что изучение трех черепов из Пятигорья, в частности двух моздокских черепов, привело К. З. Яцуту к заключению, что подкумская черепная крышка имеет «много (разрядка наша.—*Б. Л.*) общих черт с лобной областью трех пятигорских черепов». И самому М. А. Гремяцкому известен демонстрировавшийся К. З. Яцутой череп Моздок I с комплексными показателями (развитие надглазничного валика при отсутствии собачьей ямки и пр.). По словам К. З. Яцуты, подготовившего сейчас специальную работу по вопросу о морфологических особенностях неандерталоидного типа на пятигорских черепах, его краткий доклад (в заседании Секции антропологии упомянутого съезда, председателем которой являлся М. А. Гремяцкий) о неандерталоидных признаках на черепах современного человека (сопровождавшийся сообщением цифр, демонстрацией чертежей и стереоскопических снимков черепов из Пятигорья) не встретил никаких возражений и имел целью показать, что упомянутые признаки, а в частности те, которые имеют место на лобной кости, могут изолированно встречаться и на черепах современного человека. Этот факт, далеко не новый, отметили Столыгво, Кеннингем, Вейнерт и др. В данном случае он представляет особый интерес в связи с находкой подкумской крышки и черепов из Пятигорского музея, которые территориально и морфологически очень близки к фрагменту описанному Гремяцким ... Я хотел отметить, что морфологические особенности разбираемой лобной кости (подкумской) не представляются настолько изолированными, чтобы нужно было относить ее к «неандерталоидной группе».[2]

Несомненно, что нахождение в Пятигорске ряда черепов морфологически во многих отношениях крайне близких черепу «подкумского человека» представляет собой разительное явление, мимо которого, на фоне сомнений, сопровождающих пятигорскую находку 1918 г., пройти нельзя. Пока сделанных М. А. Гремяцким возражений совершенно недостаточно, чтобы ослабить впечатление, создаваемое новыми находками в Пятигорье. В частности, М. А. Гремяцкий указывает, что такие признаки, как, например,

[1] Антропологический журнал, 1934, № 3.

[2] К. З. Яцута. Морфологические особенности подкумской лобной кости. Ученые записки Ростовского на Дону государственного университета, вып. II, Ростов на Дону, 1934, стр. 100—101; также—«О некоторых неандерталоидных признаках на черепах современных людей. Автореферат. Труды Сев.-Кавказ. Ассоц. Научно-Исслед. институтов, № 67, Бюл. Общества анат. и антропол. при Сев.-Кавказ. гос. университете, вып. 2, Ростов на Дону, 1929, стр. 76 (сопоставление древнего черепа из Пятигорского музея с полным надглазничным валиком с двумя современными черепами — взрослого и мальчика; последний с очень слабо развитым подбородком и сильной покатостью назад внутренней поверхности средней резцовой части нижней челюсти).

надглазничный валик на черепе Моздок I, выражены не слишком резко. Но ведь и на черепе «подкумского человека», по словам Д. Н. Анучина, неандерталоидные особенности «не резко выражены, они значительно сглажены» и «надбровный валик не имеет типической неандертальской формы». А по словам самого М. А. Гремяцкого «по целому ряду второстепенных признаков подкумский человек уклоняется от типичного неандертальца» и имеет «значительную близость к современному человеку сравнительно с остальными неандертальцами». Кстати сказать, некоторые морфологические особенности неандерталоидного типа на одном моздокском черепе выражены менее рельефно, чем на подкумском, а на другом еще более резко и отчетливо. Следовательно не в меньшей сглаженности некоторых показателей на одном из моздокских черепов в сравнении с подкумским кроется возможность (если такая вообще имеется) отвода найденных в Пятигорье, после 1918 г., черепов с особенностями неандерталоидного характера.

Перейдем теперь к четвертому моменту в возражениях М. А. Гремяцкого — окраске костей «подкумского человека».

Именно в этих возражениях и содержатся те весьма важные новые факты, которые, как говорилось выше, позволяют сейчас высказать ряд крайне существенных дополнительных соображений в вопросе о действительном возрасте «подкумского человека» в свете, в частности, археологических данных.

Устраним, попутно, одно из несомненных недоразумений, которое, не будучи объясненным, способно без всякой к тому нужды осложнять и запутывать обсуждение интересующего нас вопроса.

В своей статье, содержащей возражения Н. М. Егорову, М. А. Гремяцкий решительно протестует против указаний Н. М. Егорова на окраску пятигорских костей в голубой цвет, о каковом обстоятельстве Егорову сообщил, якобы, Лунин. М. А. Гремяцкому неясно, кто «напутал с окраской костей — Егоров или Лунин».

Самое замечательное содержится, прежде всего, в том, что статья Н. М. Егорова (как в этом не трудно убедиться, просмотрев ее текст) не содержит никаких указаний на окраску в голубой цвет костей. В статье Н. М. Егорова совершенно ясно указано лишь на сообщение Б. В. Лунина о том, что вместе с вещами (сосудом и орудием) были найдены мелкие куски краски. А ведь сам М. А. Гремяцкий утверждает, что вещи найдены выше останков костяка, и с ним по времени не связаны. При чем же здесь пресловутая окраска костей в голубой цвет, в которой оказался замешан Н. М. Егоров, а вместе с ним и пишущий эти строки? Уважаемый М. А. Гремяцкий, повидимому, без большого внимания ознакомился с содержанием статьи Н. М. Егорова и допустил, к сожалению, досадную ошибку, объективно граничащую с грубым извращением прямого смысла указания Н. М. Егорова.

Остается добавить, что мы лично ничего не сообщали Н. М. Егорову по вопросу об окраске костей или предметов. Ссылаясь на сообщение Б. В.

Лунина Н. М. Егоров имел в виду исключительно нашу печатную публикацию 1926 г. (что подтверждает, кстати сказать, в письме к нам и сам Н. М. Егоров). В публикации же нашей об окраске костей также не шло никакой речи, а говорилось дословно следующее: «Насколько помнится (мы лично осматривали эти находки еще в г. Пятигорске вскоре после их извлечения), вместе с сосудом и каменным орудием было обнаружено большое количество мелких кусков желтой или голубой краски, присутствие которой не отмечает ни один из литературных источников, упоминающих об этой находке или ее описывающих».[1]

О какой же окраске костей в голубой цвет идет речь в словах Н. М. Егорова или Б. В. Лунина?

Однако опровергая никем не доказывавшуюся окраску пятигорских костей в голубой цвет, М. А. Гремяцкий, впервые за все 17 лет, протекшие со времени пятигорской находки, сообщил остававшееся доселе совершенно неизвестным и ни разу не оговоренное им в трех предшествующих его работах обстоятельство. Кости «подкумского человека» окрашены, как оказывается, в красный цвет.

«Всякий, кто хоть раз видел подкумские кости, — свидетельствует М. А. Гремяцкий, — не мог не обратить внимания на ясные следы красной охры (разрядка автора), которой эти кости окрашены и которая глубоко впиталась в вещество костей. Следы охры сохранились на них до сих пор. Розоватый оттенок ясно виден на изломах костей и выступает всюду, где компактное вещество обнажено».[2]

Окраска костей «подкумского человека» факт примечательный. Он заслуживает полного внимания археолога, не только вообще, но в данном случае — в особенности.

При костях, как утверждает М. А. Гремяцкий, не было сделано никаких абсолютно других находок.

Первый и неоспоримый вывод, который должен быть сделан из факта окраски пятигорских костей в красный цвет, это вывод о ритуальном захоронении покойника. Иначе говоря — перед нами несомненное, по определенному обряду и обычаю, совершенное погребение, так наз. «погребение с окрашенным костяком».

М. А. Гремяцкий вполне прав, замечая, что сама по себе окраска костей, «как известно, не может служить указанием на эпоху, к которой они

---

[1] Б. В. Лунин. К вопросу о задачах русской археологии на Северном Кавказе. I. Доисторическая (первобытная) археология. Ростов на Дону, 1926, стр. 7.

[2] Антропологический журнал, М., 1934, № 3, стр. 127. После такого указания становится совершенно непонятным, как мог М. А. Гремяцкий не упомянуть это важнейшее обстоятельство во всех своих публикациях посвященных «подкумскому человеку». Самое внимательное знакомство с текстом публикаций М. А. Гремяцкого не дает никаких других сведений об окраске костей, кроме указания на то, что «все собранные кости были покрыты песком с приставшими к нему камешками и беловатым налетом извести» (Антропологический журнал, 1922).

относятся; такая окраска костей встречается как в палеолите, так и в более поздние периоды».[1]

Действительно, погребения с окрашенными костяками известны и в палеолите, точнее — начиная с ранней стадии верхнего палеолита. Погребения эти описаны в литературе неоднократно. Известность погребений этого типа, открытых, кстати сказать, не изолированно, а в непосредственной связи с местами палеолитических поселений, устраняет необходимость повторения здесь общих об этих погребениях сведений. Заметим, что одно из таких, получивших широкую известность, погребений, встречено недавно и на территории СССР (Мальта под Иркутском).[2]

Что особенно обращает на себя внимание, в связи с пятигорской находкой, это то, что большинство из отмеченных погребений имело определенное могильное устройство, а самое главное, что, едва ли не для всех без исключения из открытых до сего времени погребений указанного типа и времени, обязательно наличие при покойниках могильного инвентаря, к тому же инвентаря многочисленного и разнообразного. То же самое мальтинское погребение дало, например, костяной обруч (диадему), ожерелье с пронизками и подвесками, браслет из бивня мамонта, нож, колющее оружие, острие, проколку и др.

Погребения в гротах Гримальди дали сотни просверленных раковин и других предметов.

«Особенностью погребений этого времени, — констатирует П. П. Ефименко, — является чрезвычайное обилие всякого рода вещественных находок, главным образом ожерелий, пронизок, нашивок на головных уборах и одежде из разнообразных раковин, зубов животных, позвонков рыб, пронизок и бус, выточенных из слоновой кости и пр.»[3]

На фоне этого пятигорские находки приобретают специфические черты и неизбежно вызывают недоуменные вопросы и сомнения.

В самом деле. Мы констатируем нахождение палеолитических погребений с окрашенными костяками в непосредственной связи с синхроничными им палеолитическими поселениями (вернее не только в связи, но и прямо на местах этих поселений, в гротах и пр.). Ничто не свидетельствует о связи пятигорского погребения с поселением. Мы говорим, далее, о частом наличии определенного могильного устройства в этих погребениях. Не дошло даже отдаленных данных о наличии искусственного могильного сооружения, связанного с пятигорскими костными находками. Мы считаем, наконец, весьма характерным для данных погребений наличие много-

---

[1] Антропологический журнал, М., 1934, № 3

[2] М. Герасимов. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результаты работ 1928—1929 гг., Иркутск, 1931 (рецензия А. Окладникова в Сообщениях ГАИМК, Л., 1932, № 3—4); М. М. Герасимов. Палеолитическая стоянка в Мальте. Сообщения ГАИМК, Л., 1931, № 11—12 и др.

[3] П. П. Ефименко. Дородовое общество, стр. 334—335.

численного и разнообразного могильного инвентаря. Не только инвентарь, как совокупность различных вещей, но ни одна вещь, ни один предмет, ни один из малейших намеков на присутствие этих предметов не сопутствуют предполагаемому палеолитическому погребению из Пятигорска.

Разительные данные. Их нельзя оставить в стороне и обойти молчанием. Допустимо, конечно, полагать, что говорить об отсутствии в районе находок костей синхроничного им поселения, за отсутствием обследования данной местности, преждевременно. Возможно допустить, что следы простейшего устройства могилы (например, земляная яма) могли остаться незамеченными рабочими, не дать вещественных остатков, а более сложное могильное устройство (каменные плиты и пр.) в данном конкретном случае отсутствовало совершенно.

Но инвентарь? М. А. Гремяцкий сам констатирует, что дальнейшие раскопки в пункте находок были прекращены землекопами после того, как они натолкнулись на человеческие кости и не встретили помимо «черепков и орудий» других вещей, кроме этих костей («рабочие сами указывали, что они, найдя черепки и орудие и надеясь отыскать более ценные вещи, стали рыть значительно глубже, чем было нужно по ходу работ, но бросили это, натолкнувшись на человеческие кости»).[1] Землекопы могли, конечно, не обратить особого внимания на мелкие и мало примечательные предметы (надо помнить, однако, что не только орудие, но и черепки дошли до М. А. Гремяцкого), но не оставляет сомнений, что, выбрасывая из канавы на поверхность кости с землей, землекопы неминуемо должны были бы выбросить вместе с костями и сопутствующие последним вещи. Таковых не оказалось. Черепки, орудие, кости были «тщательно» подобраны служителем местного народного университета Ворониным; ни одной самой «ничтожной» находки, помимо отмеченных, им подобрано не было.

Отсюда вывод: если полагать фрагменты сосуда (сосудов?) и каменное орудие не синхроничными окрашенному костяку, то следует признать, что мы имеем в пятигорских находках крайне своеобразный, исключительный, доселе весьма мало известный тип палеолитического погребения, в котором окрашенному костяку не сопутствует даже малейший могильный инвентарь. Явление при современном уровне наших познаний мало вероятное.

Все же, как бы ни была мала вероятность нахождения такого погребения, оно возможно, допустимо.

Но есть еще одно сопутствующее этому явлению обстоятельство, которое делает пятигорскую находку уже совершенно «загадочной», едва ли не первой и не единственной по своей невероятности.

Мы разумеем вопрос о разделенности костей и предметов (сосуд и орудие), найденных в 1918 г.

---

[1] Антропологический журнал, М., 1934, № 3, стр. 128 (примечание).

Присоединяясь к мнению о такой разделенности и несинхроничности костей и предметов, мы должны будем констатировать такую необычайную и поразительную картину.

Абсолютно в одном и том же пункте, буквально — в одной и той же точке (даже не на расстоянии 1—2 м друг от друга по горизонтали) обнаруживаются предметы и кости. Первые лежат несколько выше, вторые, якобы, несколько ниже (от поверхности земли). Геологически и предметы и кости залегают в одних и тех же, а не в разных по времени, характеру и составу, отложениях.

И что же? Окрашенные кости (следовательно — костяк из погребения) палеолитического возраста не сопровождает ни один предмет могильного инвентаря, а предметы (сосуд и орудие), составляющие вполне характерные остатки могильного инвентаря так наз. бронзового века, не сопровождает буквально ни один след человеческого костяка, которому эти вещи, надо думать, сопутствовали.

Иначе говоря, мы буквально в одном и том же пункте имеем такое совершенно исключительное сочетание:

1) несколько выше лежат вещи без костей покойника,

2) несколько ниже лежат кости покойника без вещей.

Попробуем детальнее разобраться в причинах и возможности такого любопытного явления.

М. А. Гремяцкий склонен полагать, что окраска подкумских костей в красный цвет способна, якобы, служить «одним из подтверждений» его мнения «о том, что глиняные черепки и каменное орудие не синхроничны костякам». М. А. Гремяцкий ссылается при этом на то обстоятельство, что «на поверхности этих вещей никаких следов охры не обнаруживается, хотя остатки породы, в которой они лежали, заметны и сейчас. Стало быть, поскольку на эти факты можно опираться, они свидетельствуют против Егорова».

Позволим высказать уверенность, что эти факты, конечно, не таковы, чтобы на них можно было опираться даже в той или иной степени. Доводы М. А. Гремяцкого в этой части могут быть объяснены, повидимому, лишь неполным знакомством автора — специалиста-антрополога — с археологическим материалом и недостаточным знанием практики вскрытия, условий и обстановки нахождения погребений с окрашенными костяками.

Археолог-специалист, раскопочная работа которого сопровождалась вскрытием погребений с окрашенными костяками, может подтвердить, конечно, полную необязательность такого явления, при котором вещи (могильный инвентарь), сопутствующие окрашенному костяку, носили бы на себе непременные следы той же красной краски, в какую окрашен костяк. Это дело случая. Тот или иной предмет, находившийся в непосредственной близости к костяку, посыпанному охрой или другой краской, мог, конечно, сохранить на себе более или менее явственные следы этой краски. Вещи, не находившиеся в такой непосредственной близости и располагавшиеся

за границами распространения краски, могли не иметь никаких следов окраски. Совершенно не установлена, во всяком случае, обязательность обычая посыпания краской не только погребаемого в могиле трупа, но и всех входящих в состав могильного инвентаря предметов материальной культуры.

Отсутствие на пятигорском каменном орудии и глиняных черепках следов охры ни в какой мере, таким образом, не отвергает и не опровергает предположения, что предметы эти синхроничны окрашенным костям предполагаемого «подкумского человека». Впрочем, слабость данного довода чувствовал, несомненно, и сам М. А. Гремяцкий (ср. оговорку — «поскольку на эти факты можно опираться, они свидетельствуют против Егорова»).

Кстати сказать, не было бы ничего удивительного, если бы в погребении с окрашенным (и скорченным?) костяком все или часть предметов могильного инвентаря располагались бы на различных уровнях, в том числе на несколько более высоком уровне нежели костяк. Известны могилы, в которых некоторые вещи, например, в изголовье покойника, располагались на земляном уступе, т. е. находились выше головы костяка и пр.

Зададим себе, теперь, вопрос — допустимо ли предполагать в костях и предметах (сосуде и орудии) остатки одного и того же погребения?

Да, конечно. Перед нами, в этом случае, было бы весьма типичное и распространенное погребение с окрашенным (и можно предполагать — скорченным) костяком, которому сопутствуют глиняный сосуд и каменное орудие времени так наз. бронзового века.[1]

Следует отметить, что последние годы принесли нам знакомство не только с погребениями так наз. эпохи бронзы в районе Пятигорья, но и с остатками поселений названной эпохи. Древние поселения эти найдены теперь как в ближайших к Пятигорску местностях, так и в непосредственной близости к городу.

Впервые на некоторые из этих поселений обратил внимание бывший заведующий Терским музеем краеведения в Пятигорске Н. М. Егоров, на заметку которого по поводу пятигорской находки 1918 г. нам уже приходилось обращать внимание читателя данной статьи.

В 1929 г. район Пятигорья был обследован особой партией Северокавказской экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры (работы А. А. Иессена и др.).[2]

---

[1] Н. М. Егоров, кстати сказать, правильно указывает, что каменное орудие является типичной находкой бронзового века, а не неолита, как полагает М. А. Гремяцкий. Следовало бы описать и издать эти вещи. Добавим, что по нашему мнению, весьма вероятно, что землекопы затронули часть погребения и именно верхнюю часть костяка с вещами, сопутствующими, очевидно, изголовью костяка. В этом смысле очень характерен состав найденных в канаве костей (остатки черепа, обломок плечевой кости); очевидно нижняя часть костяка, т. е. часть погребения, осталась невскрытой вообще.

[2] Северокавказская экспедиция ГАИМК в 1929 г. Сообщения ГАИМК, Л., 1931, № 3, стр. 26—30.

Экспедиция констатировала присутствие остатков поселения «эпохи бронзы» в районе горы Машук, «в непосредственной близости от Пятигорска», на холме, расположенном на южном склоне горы (около «Провала») и отделенном лощиной от основного массива Машука. Непосредственно к северо-востоку от указанного поселения, у подножья горы Машук, на обширной площади у городских боен экспедиция встретила остатки поселения «эпохи ранних скифов». На северном склоне Машука, у Перкальска, на юго-восточном и особенно северо-западном склонах было также обнаружено залегание культурного слоя «эпохи бронзы». Культурные отложения эпохи бронзы были встречены, далее, у колонии «Каррас» (холм «Длинный курган»), на реке Средней Гремучке, на южном склоне горы Бештау у б. Бештаугорского монастыря, на месте хутора Горно-джутского и т. д.

Ряд соображений, которые мы вынуждены за недостатком места опустить здесь, позволяют решительно утверждать, что погребения «эпохи бронзы» в Пятигорье, частично безусловно синхроничны, а частично, во всяком случае, весьма близки по времени вновь открытым в Пятигорске поселениям этой же «эпохи бронзы». С полной несомненностью связь между погребениями с окрашенными костяками и древними поселениями различных стадий так наз. «эпохи бронзы» прослежена, например, и на близких (не только территориально, но и стадиально) пятигорским памятниках материальной культуры в Кабардино-Балкарской автономной области.

Из всего сказанного надлежит сделать вывод, что местность, в пределах которой находится Пятигорск, оказывается обильно насыщенной памятниками так наз. «эпохи бронзы», иначе говоря — эпохи бытования здесь родового общества (повидимому, различных стадий развития последнего). К памятникам этим принадлежат как поселения, так и погребения. Характерным видом погребений в условиях Пятигорья и являются погребения окрашенных костяков с различным могильным инвентарем (керамика, орудия из камня и металла).

Достаточно указать на раскопки Д. Я. Самоквасова в районе Кавказских минеральных вод в частности в окрестностях Пятигорска. Так, в окрестностях Кисловодска, в урочище «Три камня», одна из гробниц в кургане содержала костяк; в сопутствовавший ему могильный инвентарь входили «два плоских, круглых шлифованных камня» и кусочки малиновой краски. Курганы под Пятигорском, у колоний Каррас и Константиновки, дали ряд погребений с окрашенными костяками. В могильном инвентаре последних встречены и глиняные сосуды и шлифованные каменные орудия, причем очень часты находки этих сосудов и орудий у головы погребенных.[1] Не лишне заметить, что в некоторых случаях «из костей остова хорошо сохранилась только лобная часть черепа», а «кусочки малиновой краски»,

[1] Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей профессора Д. Я. Самоквасова, М., 1908, стр. 28.

при окрашенных костяках, «часто встречаются в могилах с каменными орудиями».

В гробницах Пятигорска, по указанию Д. Я. Самоквасова, «костяки часто встречаются очень рыхлыми, хрупкими» (что не лишне вспомнить в связи с хрупкостью костей находки 1918 г. — *Б. Л.*), окраска костяков очень часта, причем «в немногих могилах все кости погребенных были окрашены, а вокруг костяка наблюдали тонкий слой того же красного порошка, каким были покрыты кости; а иногда при костяке встречается и кусок такой краски, величиной от лесного ореха до куриного яйца; часто окрашены только череп и лицевые кости; а иногда следы краски встречались по всему туловищу только разрозненными мелкими кусочками и гнездами порошка, как будто покойник, при погребении, был обсыпан краской, подобно тому, как в наше время обсыпают покойника землею в гробе перед закрытием его крышкой».[1]

С полной убежденностью, красной нитью проходящей через все работы М. А. Гремяцкого, последний, как мы видели, считает морфологические особенности изученного им пятигорского объекта особенностями неандертальского человека. Ископаемый человек Северного Кавказа принадлежит к неандертальской «расе». При изучении подкумской черепной крышки и других костей из находки 1918 г. М. А. Гремяцкий привлекал в качестве сравнительного материала исключительно костные останки людей нижнего палеолита — неандертальцев (Эрингсдорф, Неандерталь, Спи I, Спи II, Шапель-О-Сен, Крапина, Гибралтар, Галлилея).

Для того, чтобы объяснить столь резко бросающееся в глаза наличие на подкумской черепной крышке и других костях признаков «свойственных современному типу» (М. А. Гремяцкий), свидетельствующих о том, что «по целому ряду второстепенных признаков подкумский человек уклоняется от типичного неандертальца», признаков «промежуточного характера между типичными неандертальцами и присущими современному (по Швальбе) человеку», истолковать причины того, что «подкумская черепная крышка стоит несколько ближе к современному человеку, чем другие неандертальские формы» (он же), причины «сглаженности» и «не резкой выраженности соответствующих показателей» (Д. Н. Анучин) и т. д., — ни в коем случае нельзя сводить дело к механическому сопоставлению останков подкумского человека исключительно с останками человека неандертальской группы.

Вместо того, чтобы судить насколько уже далек от типичного неандертальца подкумский человек и насколько он закономерно близок к последующим стадиям в развитии физического типа человека, М. А. Гремяцкий ограничил свои исследования суждением насколько близок подкумский человек типичному неандертальцу. Для того, чтобы судить насколько

---

[1] Там же, стр. 52; по раскопкам погребений «бронзового века» в окрестностях Пятигорска,

далеко ушел в своем физическом развитии ископаемый человек из долины р. Подкумок, совершенно не обязательно и просто неправильно сводить дело к объяснению отмеченных выше явлений (уклоняемости от типичных неандертальских форм и близости к современным) и к предположению, что на Северном Кавказе «существовали самостоятельные, местные расы неандертальцев» (М. А. Гремяцкий, 1925) и что только поэтому «подкумский человек уклоняется от типичного неандертальца».

Возвращаясь к приведенным нами выше соображениям, мы вправе констатировать, что палеолитический возраст «подкумского человека» по ряду существенных показателей, в частности в свете археологических данных, вызывает серьезные и глубокие сомнения. Наоборот, синхроничность костей и предметов (глиняного сосуда и каменного орудия) и принадлежность всей находки в целом к значительно более позднему времени становится все более и более вероятной.

И все же самым существенным вопросом все время оставался вопрос о морфологических особенностях костного материала из пятигорского погребения.

Открытия последнего времени принесли, однако, и в этом вопросе новые материалы, новые соображения.

На вопрос можно ли ожидать, например, нахождения погребения так наз. «бронзового века», костные останки которого имели бы на себе морфологические признаки неандерталоидного характера, мы получаем сейчас основания к утвердительному ответу.

Возросшее внимание к остеологическому материалу из раскопок начинает знакомить нас с крайне любопытными явлениями.

Нам уже приходилось довольно подробно говорить выше о четырех замечательных черепах с неандерталоидными признаками из различных местностей Пятигорья, подробное описание которых подготовлено к печати К. З. Яцутой, рассматривающим эти и в частности оба моздокские черепа в связи с пятигорской находкой 1918 г.

Все четыре черепа из Пятигорья найдены в обстановке, исключающей всякую возможность отнесения их к палеолиту.

Мы располагаем вполне конкретными и доселе неопубликованными данными об обстоятельствах нахождения этих черепов. Из любезно предоставленных нам Н. М. Егоровым данных явствует следующее:

Череп № 1. Происходит из коллекции черепов Пятигорского музея. Вероятнее всего, что череп этот происходит из раскопок любителя — археолога-химика В. А. Скиндера. Коллекции черепов названного музея составлены, в основном, из черепов, собранных Скиндером из могил, раскопанных им в окрестностях Пятигорска и в Кабарде. Повидимому, именно этот череп изображен на одном из фотонегативов в коллекции покойного Скиндера.

Череп № 2. Получен Н. М. Егоровым из школьного музея станицы Суворовской. Происходит череп из станицы Сунженской (новой, что посе-

лена у западной конечности горы Верблюд). Учитель местной школы Д. И. Соколов демонстрировал Н. М. Егорову место находки черепа — неглубокую канаву на школьном участке.

Черепа № 3 и 4. Происходят из окрестностей Моздока. Цитируем выписку из книги поступлений Пятигорского музея краеведения:

«№ 5652. В тот же день (30 XII 1929 г.) рабочие натолкнулись на погребение (двух человек?) в поле кургана, расположенного в восточной части карьера и тоже начатого раскопкой. Обнаружен был в этот раз и череп с резко развитыми надбровными дугами. Распался на три части. Нехватает правой височной кости и левой трети нижней челюсти с 2 коренными зубами; затылочная кость из двух частей (это было вечером)».

«№ 5653. На другой день я (Егоров. — *Б. Л.*) был в карьере уже с 11 часов (вместе с С. А. Хозиевым). При нас был найден другой череп того же типа, что и № 5652, в том же погребении (месте?), в поле кургана, но менее хорошо сохранившийся (семь кусков). Из более крупных частей нехватает большей части верхней челюсти, левой височной кости. Никаких вещей при этих скелетах не обнаружено». [1]

Достойно внимания, что находки черепов с такими же морфологическими особенностями отмечены сейчас советскими археологами не только для одной какой-либо местности, в частности — Пятигорья, но и для других местностей Союза. Можно думать, что при должном внимании к костному материалу из раскопок, мы еще получим, постепенно, ряд дополнительных данных к разрешению вопроса о причинах отмеченного явления.

Так, например, в раскопках на Игренском полуострове (Поднепровье) М. А. Миллером было встречено погребение с человеческим костяком, описываемым исследователем следующим образом: «Костяк очень хорошей сохранности, принадлежит пожилому субъекту. Коронки зубов стерты почти до основания. Череп представляет особенности по сравнению с более поздними скорченными костяками, вполне совпадающими с современным антропологическим типом. Длинноголовый, с низким убегающим назад лбом, резко выраженными надбровными дугами с заметным прогнатизмом (разрядка наша.—*Б. Л.*) череп этот соответствует низкому техническому уровню, который представлен стоянкой».[2] В беседе с нами М. А. Миллер дополнил приведенные выше сведения следующими указаниями: погребение найдено на поверхности дюны, куда костяк был поло-

---

[1] Об упоминаемом карьере и кургане см.: Б. В. Лунин. Моздокский могильник. Сообщения ГАИМК, Л., 1933, № 1—2, стр. 75; также. Раскопки в Моздоке. Там же, № 9—10, стр. 79; он же. Раскопки в окрестностях г. Моздока. Наука и жизнь, М., 1936, № 4. В 1934—1935 гг. в окрестностях Моздока работала Моздокская экспедиция ГАИМК под руководством М. А. Миллера (отчет подготовлен к печати).

[2] М. А. Миллер. Памятники родового общества на Игренском полуострове. Проблемы ИДО, Л., 1935, № 9—10, стр. 169.

жен и загребен кухонными отбросами из раковин (paludina). Костяк вытянут, не окрашен, без следов могильного инвентаря. Погребальная яма отсутствует. Время — неолит; 6000—7000 лет до наших дней. Погребение связано со стоянкой, принадлежавшей полуоседлому населению, жившему на дюнах небольшими производственными группами. Керамики нет. Орудия — кремневые скребки и ножи. Много костей птичьих и мелких животных. Кости упомянутого скелета взяты полностью и находятся в Днепропетровском музее. По указанию М. А. Миллера для черепа характерен именно комплекс резко выраженных морфологических особенностей неандерталоидного порядка.

Неандерталоидные признаки на черепах более позднего времени не свидетельствуют, конечно (ни в отдельных случаях, ни в качестве массового явления), о полном повторении физического типа неандертальского человека. Само собой разумеется, что примитивные и подлинно первобытные черты физического строения неандертальца, соответствующие примитивности и первобытности его орудий труда, хозяйства, мышления, не имеют и не могут иметь аналогов в современности.

Для тех же черепов Пятигорья характерно сочетание неандерталоидных признаков с физическими чертами, присущими современному человеку. Обстоятельство это ни в какой мере не противоречит возможности причислить подкумский череп к той же группе более поздних черепов. Для подкумского черепа не менее характерно значительное уклонение от типических неандертальских форм и сочетание неандерталоидных особенностей с физическими чертами, находящимися в пределах вариаций физического строения современных человеческих рас.

Ко всему сказанному следует присовокупить еще одно, весьма существенное обстоятельство. Произведенное М. А. Гремяцким тщательное и подробное описание костных останков «подкумского человека», в свою очередь, вызывает у исследователей ряд критических замечаний.

Надо учесть, что антропологическое изучение таких, например, костных останков, как обломок черепной крышки «подкумского человека» сопряжен с весьма большими трудностями. Ориентировка подобного обломка крайне трудна, в значительной мере произвольна; между тем от степени того или иного поворота возле вертикальной оси зависит изображение профиля кости. Метод исследования здесь очень сложен и ответственен, и субъективизм исследователя, при всей добросовестности и вдумчивости подхода последнего к изучаемому объекту, может привести к весьма существенным отклонениям от истины.

Автор этой статьи некомпетентен судить о возможных неточностях в описании пятигорских костных остатков.

Указания на эти неточности исходят от весьма авторитетных специалистов. Так проф. К. З. Яцута посвящает значительную часть своей недавней статьи о морфологических особенностях подкумской лобной кости резкой

критике ряда моментов в работе М. А. Гремяцкого о подкумской черепной крышке.[1]

К. З. Яцута считает, что исследование М. А. Гремяцкого «которое произведено с внешней стороны довольно обстоятельно», вместе с тем «содержит ряд недосмотров и неточностей как в тексте, так и на рисунках» (Яцута, стр. 98). К. З. Яцута констатируя, как раз, произвольность ориентировки лобной кости в работе М. А. Гремяцкого,[2] указывает далее на неправильное употребление терминов «медиальная и сагитальная кривая», что лишает читателя возможности правильного представления об изучаемом объекте. Существенно, например, замечание К.З. Яцута, относительно указания М. А. Гремяцкого, что продольное возвышение посредине лба, имеющееся на подкумском фрагменте, соответствует crista frontalis medialis, который присутствует на черепах большей части обезьян. Он отчетливо выражен у питекантропуса и на неандертальском черепе. По утверждению К. З. Яцуты речь идет здесь о torus sagittalis лобной кости, который имеется, кстати сказать, и на отмеченных выше моздокских черепах и «представляет заурядное явление на современных черепах, так что нет надобности ссылаться на обезьян».

На основе подробных расчетов, К. З. Яцута признает также крайне произвольной (за отсутствием на обломке соответствующих точек измерения и т. д.) и указываемую ширину межглазничного расстояния; «весь вопрос о межглазничном индексе, принимая во внимание произвольно полученные величины и неправильно построенный указатель, сводится на нет» (К. З. Яцута, стр. 99). Сомнительна, по мнению К. З. Яцуты, возможность определить расстояние почти отсутствующих лобных бугров от срединной плоскости. Констатируя ряд других дефектов в работе М. А. Гремяцкого, К. З. Яцута приводит исключительно важные соображения об общем виде подкумской черепной крышки. Указания М. А. Гремяцкого на общий вид последней К. З. Яцута считает настолько искусственными, что не останавливается перед некоторой резкостью критических замечаний. По его мнению некоторые выражения в статье М. А. Гремяцкого «своей, так сказать, грандиозностью не соответствуют истинному, более скромному положению дела и носят как бы рекламный характер» (К. З. Яцута, стр. 100).

Говоря об общем виде подкумской черепной крышки М. А. Гремяцкий указывал, что «при рассмотрении лобной кости подкумского человека мы видим, что она, благодаря большому развитию своей чешуи и запрокинутости назад, образует не только переднюю, но и верхнюю покрышку мозга, в то время, как выдвинутая вперед глабелларная ее часть в большей мере дифференцирована от церебриальной и единственно участвует в обра-

---

[1] Проф. К. З. Яцута. Морфологические особенности подкумской лобной кости. Ученые записки Ростовского на Дону государственного университета, вып. II, Ростов на Дону, 1934, стр. 98—101.

[2] Имеется в виду работа М. А. Гремяцкого «Подкумская черепная крышка и ее морфологические особенности».

зовании верхнего края глазницы». Относительно этих указаний М. А. Гремяцкого, К. З. Яцута приводит следующие соображения, которые в виду исключительной важности позволяем себе процитировать полностью. «Получается впечатление, — говорит К. З. Яцута, — что эта кость имеет какие-то иные морфологические особенности, отличные от обычных лобных костей. На самом же деле все обстоит совершенно обычно. Всякая лобная кость образует не только переднюю, но и верхнюю „покрышку мозга" (конечно только часть ее) и особенно это имеет место на женских черепах. Говорить же о большом развитии чешуи этой кости и степени ее запрокинутости назад можно только, если имеется весь череп, а отнюдь не одна только лобная кость, да к тому же лишь приблизительно ориентированная. Далее, что особенного в том, что глабелларная часть (а вернее супраорбитальная часть, которая сама по себе представляет, конечно, большую и интересную особенность этого фрагмента) единственно участвует в образовании верхнего края глазниц? Разве другая часть кости может играть эту роль? Это вполне естественно, раз надглазничный валик прилегает к краю глазницы. На стр. 103, вверху, автор пишет, что передние части головного мозга оказываются расположенными не над глазницами, а назад от них... Прочтя такую фразу, невольно становишься в тупик перед явлением, которое никогда еще не существовало ни у одной обезьяны. А на проверке (по рисункам) выходит, что здесь существуют те же отношения, что и на нормальных черепах. Трудно также на основании „очень небольших остатков" (стр. 103, первая строка) глазничных частей лобной кости судить о каком бы то ни было характере наклона их к плоскости лба».

В связи с последним замечанием К. З. Яцуты, весьма уместно вспомнить слова Ганса Вейнерта, не случайно, конечно, предпосланные приводимым им данным о подкумской лобной кости. Не лишенные оттенка скрытой иронии слова эти вполне согласуются с указаниями К. З. Яцуты о необходимости уточнить данные об общем виде подкумской черепной крышки, хотя Вейнерт и приводит свои слова по другому случаю и в несколько ином, нежели К. З. Яцута, аспекте.

«Прежде всего, — пишет один из крупнейших и передовых исследователей в области филогении человека, — имеются находки из СССР, которые при недостаточном исследовании вполне можно было бы принять за неандертальцев (разрядка наша.—*Б. Л.*), и если бы при этом всегда находили лобную кость, то о таких „первобытных" людях поступало бы еще больше извещений. Значит череп кажется примитивным именно из-за этой лобной кости с сильно развитым надбровным валиком, что имеет известные основания. Ведь существенным объяснением появления таких неандерталоидных форм служит то, что низкий лоб и надбровный валик действительно восходят к неандертальцам».[1]

[1] Ганс Вейнерт. Происхождение человечества, перевод Л. Е. Опочининой под ред. проф. М. А. Гремяцкого, М.—Л., 1935, стр. 246.

Не приходится сомневаться, что говоря о находках из СССР, Г. Вейнерт имеет прежде всего в виду подкумскую лобную кость. Перечисляя места находок неандертальцев, в которых Вейнерт правильно видит определенную ступень в развитии человека, автор указывает для СССР только две находки: Подкумок и Киик-Коба (Крым). Человеческие останки в Киик-Коба не содержали, как известно, остатков черепа; речь идет, следовательно, о лобной кости из Подкумка.

Продолжим, однако, примечательную цитату из работы Г. Вейнерта. «Правда, — говорит Вейнерт, — нам совершенно неизвестно, каким образом укрепился этот наследственный признак (низкий лоб и надбровный валик) в генах половых клеток, но он сохранился, и всегда может снова появиться соотношение или констелляция белковых молекул, образований лобной кости. Не имеется вполне целых неандертальских черепов, потому что столько комбинаций признаков, сколько для этого необходимо, не могло снова встретиться. Вследствие этого, все эти находки всегда представляют только отдельные (разрядка автора. — *Б. Л.*) лобные кости, которые вне связи с остальными костями черепа устанавливаются таким образом, что они производят впечатление низкой и убегающей назад черепной крышки (разрядка наша. — *Б. Л.*)».[1] Эти слова Вейнерта полностью подтверждают правильность указаний К. З. Яцуты на значение момента произвольности в ориентировке лобной кости; неточная ориентировка дает весьма искаженное представление об общем виде данной лобной кости.

Г. Вейнерт оговаривает дальше, что «подобные мысли никак не могли бы возникнуть, если бы для этого не существовало действительных оснований. Прежде всего следовало бы назвать лобную кость, найденную близ Подкумка на Кавказе. При сильно развитом надбровном валике у нее имеется более высокий и выпуклый лоб чем у неандертальца, но здесь была бы также допустима мысль о женском поле. Ископаемое это датируется последним оледенением, по отношению же к культурным периодам — первой или второй стадией верхнего палеолита, ориньякским или солютрэ. И так, здесь налицо не неандертальский период, но конечно неандертальская форма. И эта форма фактически ближе к неандертальцу, чем ископаемое из Пжедмоста, Подбабы или Брюкса, но она все таки не является вполне неандертальцем».[2]

Г. Вейнерт указывает далее (и это, также, заслуживает всемерного внимания читателя) на отдельную лобную кость, найденную в СССР на одном из волжских островов недалеко от Хвалынска. Кость эта, «совершенно сходная с подкумской», относится, однако, к культурному периоду «кроманьонской расы — мадлен — последняя стадия верхнего палеолита».

---

[1] Ук. соч., стр. 246 (раздел — «Современные неандертальские формы»).

[2] Ук. соч., стр. 247.

«На сегодняшний день, — констатирует Вейнерт, — все же приходится признать что признаки неандертальцев не окончательно исчезли».

К приведенным цитатам остается добавить, что и все другие замечания Вейнерта касательно подкумской лобной кости не лишены весьма значительного скепсиса. И можно думать, что если бы не указания на геологический характер отложений, якобы содержавших в себе подкумские кости, Вейнерт конечно не включил бы подкумскую лобную кость в число находок останков неандертальцев.

Таково положение вопроса о действительном возрасте обнаруженных в Пятигорске костных остатков человеческой особи.

В настоящей статье мы стремились дать полную, исчерпывающую сводку всех наличных материалов, посвященных вопросу о «подкумском человеке». Критический обзор этих материалов, с привлечением некоторых новых соображений, дал нам возможность осуществить первую попытку рассмотреть вопрос о древности пятигорских находок в свете археологических данных и ряда последующих открытий.

Все эти материалы неизбежно вели к выводу о необходимости решительного пересмотра вопроса о возрасте пятигорской находки и дали много свидетельств явно не в пользу глубокой древности последней.

B. LUNIN

SUR L'AGE RÉEL DE «L'HOMME DU PODKOUMOK» A LA LUMIÈRE DES DONNÉES ARCHÉOLOGIQUES

RÉSUMÉ

Les ossements humains, et en particulier la boîte cranienne, trouvés en 1918 par des terrassiers au cours de travaux exécutés à Piatigorsk (Caucase du Nord), sont bien connus aujourd'hui non seulement en URSS, mais aussi dans les autres pays. Ils ont leur littérature. L'intérêt qu'ils suscitent et les tentatives incessantes de résoudre la question de l'ancienneté de l'«homme du Podkoumok» présumé sont tout à fait justifiés. L'âge paléolithique de ces ossements continue à soulever des doutes.

Le prof. M. Gremiackij a décrit en détail les caractères morphologiques de ces restes de squelette humain et a établi qu'ils appartiennent au groupe du Néanderthal. Toutefois, une série d'indices essentiels (peintures des os à l'ocre, mode de sépulture, affinités avec les autres crânes néanderthaloïdes de la région de Piatigorsk, etc.) font sérieusement douter de l'âge paléolithique

de l'«homme du Podkoumok». Le synchronisme des ossements et des objets (poterie et outillage lithique) trouvés dans la couche située un peu au-dessus d'eux et l'âge plus récent du tout deviennent de plus en plus probables.

De nouvelles recherches s'imposent, qui doivent permettre dans un avenir prochain de résoudre définitivement la question de l'âge de l'«homme du Podkoumok».

МАТЕРИАЛЫ

М. И. АРТАМОНОВ

РАСКОПКИ КУРГАНОВ В ДОЛИНЕ РЕКИ МАНЫЧА В 1935 г.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ НА МАНЫЧЕ

Начиная с 1933 г. по западному течению р. Маныча производятся рекогносцировочные археологические исследования, вызванные строительством Манычского канала и возникшей в связи с этим угрозой затопления имеющихся здесь памятников прошлого. Разведкою 1932 г. было установлено наличие в долине реки большого количества курганов разной величины.[1] Обследованием в районе хутора Веселого в 1934 г. было выявлено значительное число мест древних поселений. В этом же году был начат раскопкою курган, находившийся близ хутора Спорного на северном берегу реки в составе значительного курганного могильника, частично уже затронутого земляными работами, связанными с сооружением здесь большой плотины.

Курган № II[2]

I. РАСКОПКИ 1934 г.

Курган № II, начатый раскопками в 1934 г., находится на месте, запроектированном под сооружение деривационного канала, чем и был обусловлен выбор его для исследования. Он принадлежал к числу наиболее внушительных насыпей, сохранившихся еще вблизи плотины на северном берегу р. Маныча. Высота кургана по нивеллировке 1934 г. равнялась 2.20 м при диаметре в 38 м. В виду отсутствия технических средств для вывоза земли и необходимости работать «откидкой», площадь кургана была разделена на 5 длинных прямоугольников. Из них центральный — имел в ширину 8 м, а две пары боковых — по 4 м каждый. Предполагалось

---

[1] М. Артамонов. Работы на строительстве Манычского канала. Отчет о работах. Работы ГАИМК на Новостройках. I. Известия ГАИМК, 1934, вып. 109, стр. 201 и сл.

[2] По нумерации Манычской экспедиции за 1934 г.

начать исследование с крайних боковых прямоугольников с тем, чтобы закончив их, и перейдя к следующим, сбрасывать сюда вынимаемую землю. В течение летней кампании 1934 г. удалось раскопать только 4 боковых прямоугольника; в центральном же частично снять дерновой слой. При раскопках указанной части кургана были найдены разрозненные кости человеческие, кости животных и некоторое количество черепков сосудов

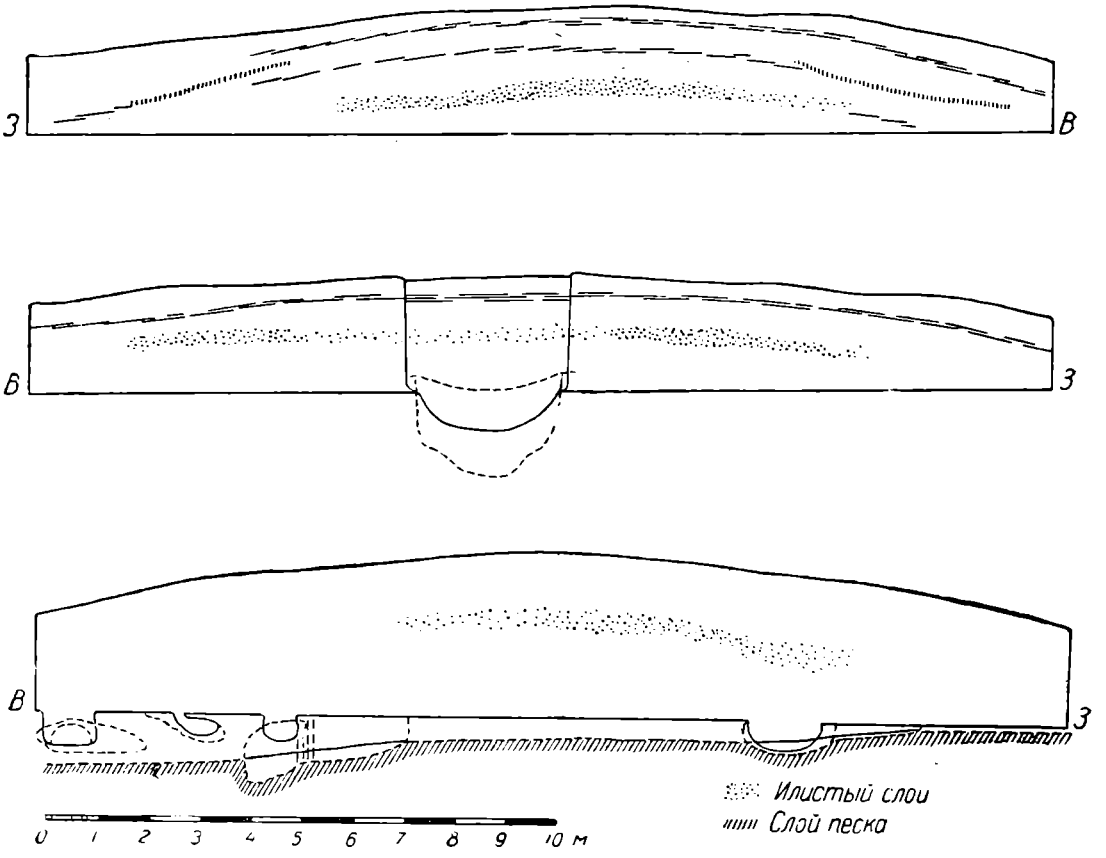

Рис. 2. Разрезы насыпи кургана № II по восточной и западной стенкам раскопа 1935 г.

и два целых горшка. Целое погребение было обнаружено только одно. Оно находилось в середине южной части кургана на глубине 0.45 м. Скелет лежал головой на северо-восток, на правом боку. Ноги были сильно согнуты в коленях, прижатых к грудной клетке; кисти рук находились возле лица.[1]

2. НАХОДКИ В НАСЫПИ

В 1935 г. раскопка кургана была закончена. Была снята насыпь центрального прямоугольника вплоть до материка. Площадь раскопа равнялась 20 × 8 м. Глубина материка от вершины кургана определилась в 2.40 м.

[1] Отчет Манычской экспедиции за 1934 г. в Архиве ГАИМК.

Насыпь кургана состояла из твердой глинистой земли, в верхней части настолько плотной и крепкой, что ее приходилось не копать, а раскалывать ударами лопаты на крупные неровные глыбы. На высоте в центре насыпи в 1.20 м от материка по всей площади раскопа был обнаружен слой, насыпанный из ила, мощностью в 0.30 м. Этот слой был рыхлым и легко поддавался лопате. Под ним насыпь состояла из суглинка (рис. 2).

В насыпи кургана были встречены отдельные находки и погребения. Погребение № 1. Близ середины площади раскопа, в его западной половине, на глубине 0.42 м от вершины насыпи в твердом слое грунта найдены остатки скелета человека и раздавленный светлосерый глиняный сосуд обыкновенной баночной формы (рис. 3). Высота его 0.14 м, диаметр горла 0.17 м, диаметр дна 0.10 м. Судя по сохранившимся фрагментам длинных костей, остаткам таза и пяточной кости, погребение было скорченным; костяк лежал на левом боку, головой на восток. Верхняя часть скелета была разрушена при раскопках 1934 г. Сосуд находился недалеко от сильно согнутых колен скелета и, видимо, стоял перед лицом покойника. На плане это погребение обозначено цифрой 1.

Находки №№ 2, 3 и 4. В центре кургана, сразу же под дерновым слоем, на глубине 0.10 м найдены фрагменты сосуда (на плане — № 2). К югу от этой находки, на глубине в 0.35 м оказались фрагменты другого сосуда, а к востоку, на глубине 0.15 м — третьего (находки №№ 4, 5 и 6). Первая из этих находок представляла часть темносерого, реберчатого горшка без орнамента (рис. 4).

Из кучи мелких фрагментов второй находки составилась часть горшка с узким дном и широким отверстием. Стенки его слабо выпуклые, горло едва намечено. Край плоский, слегка наклонный внутрь. Края дна выступают наружу. Глина темносерая, обжиг сильный. По наружной поверхности редкие бороздки — следы сглаживания. Высота 0.14 м, ширина дна 0.10, ширина отверстия 0.15 м (рис. 5). Третья находка представляла половину сосуда оригинальной формы — в виде усеченного конуса. В середине стенки круглая дырочка. Цвет глины темносерый. Высота его 0.07 м, диаметр дна 0.125 м, диаметр горла 0.055 м (рис. 6).

Погребение № 5. Вблизи последней находки, на глубине 0.20 м, открыты части плохо сохранившегося человеческого скелета и фрагменты раздавленного на мелкие части светлосерого горшка баночной формы. Положение покойника определить не удалось.

Находка А. Между этим погребением и находкой третьей (сосудом), на глубине 0.20 м найдены два обломка колотых длинных костей крупного животного, кусок кремня, кусок камня (известняка), обработанного с одной стороны в виде полушаровой поверхности, и два мелких фрагмента красноглиняной амфоры.

Погребение № 6. В той же средней части курганной насыпи близ южной стенки раскопа на глубине 0.50 м от вершины найдены плохо сохранившиеся

остатки погребения. Скелет, повидимому, лежал на боку в скорченном положении.

Погребение № 7. В восточной половине курганной насыпи, близ средней оси кургана по линии восток — запад, на глубине 0.50 м от вершины найдены совершенно раздавленные и раздробленные кости человеческого скелета. Покойник был ориентирован головой на восток. Возле черепа находились мелкие фрагменты черноглиняного сосуда.

Находка № 8. В западной части насыпи, также вблизи средней оси, на глубине 0.60 м встречено несколько колотых костей животного (барана?) и возле них кусок точильного камня.

Погребение № 9. Далее к западу, по продольной оси раскопа, на глубине 0.80 м от вершины обнаружена верхняя половина человеческого скелета, лежащего на левом боку. Кисть согнутой правой руки его находилась возле лица. Здесь же, перед лицом покойника, лежал большой раздавленный светлосерый глиняный сосуд, части которого прикрывали локтевые кости скелета. Костяк был ориентирован на восток. Горшок имел маленькое дно и широкое отверстие. Расширявшиеся кверху стенки слегка выгнуты. Высота его 0.20 м, диаметр дна 0.085 м, диаметр отверстия 0.24 м (рис. 8).

Погребение № 12. Нижняя часть предыдущего скелета была разрушена при устройстве погребения, обнаруженного здесь же на несколько большей глубине. Скелет принадлежал подростку и лежал на спине в вытянутом положении, с протянутыми вдоль туловища руками, головою на северо-восток. Над самой головой его был найден маленький, темносерый горшочек с хорошо выраженной шейкой и слегка отогнутым краем. Высота его равнялась 0.115 м, диаметр тела 0.11 м и диаметр отверстия 0.09 м (рис. 7).

Погребение № 10. В западной половине раскопа на глубине 0.80 м от вершины насыпи обнаружен маленький светлосерый сосудик продолговато-овальной формы в горизонтальном сечении. С одной из узких сторон его возле дна сохранились следы отбитой толстой ручки или втулки. Край противоположного конца также отбит. Длина его 0.085, ширина 0.065, высота 0.045 м. Возле этого сосуда обнаружены незначительные фрагменты истлевшего человеческого скелета. Ни положения, ни ориентировки его установить не удалось. Здесь же найден маленький обломок другого сосуда.

Погребение № 11. В западной же половине раскопа, возле южной стены, на глубине 0.95 м открыт скелет человека, лежащий на левом боку в скорченном положении, головою на юго-восток. У головы его находился светлосерый горшок с широким отверстием и низким слегка отогнутым краем, а у ног — баранья кость. Высота горшка 0.13 м, диаметр в наиболее широкой части 0.19 м (рис. 9).

Ниже этого погребения на 0.30 м найден камень.

Находки В и С. В северо-западном углу раскопа, на глубине в 1.15—1.40 м, были находимы на значительной площади отдельные, разбросанные колотые кости крупных животных. Здесь же, но ближе к южной стене, на

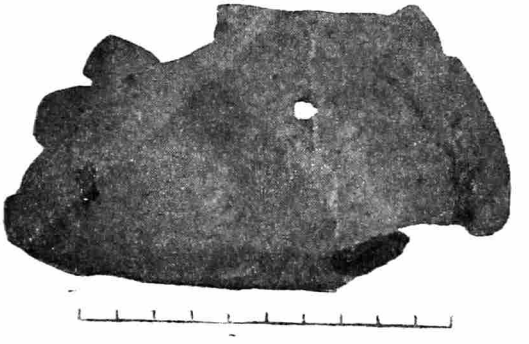
3

4

5

6

Рис. 3—6. Сосуды, найденные в насыпи кургана № II.

глубине в 1 м, встречено несколько костей более мелкого млекопитающего (барана?).

Погребение № 13. В обрезе южной стены раскопа, на глубине в 1.40 м, замечены незначительные фрагменты костей человека и найден маленький черепок от сосуда.

Находка № 14. Близ центра раскопа на глубине 1.20 м найден фрагмент низкого горшка с широким отверстием и плоским дном; стенки его слегка выгнуты в верхней части. Отверстие шире дна. Глина плотная, светлосерая. На наружной поверхности следы ногтей (в беспорядке), на внутренней — заметны следы техники изготовления налепом. Высота — 0.07. От сосуда сохранилась, примерно, половина стенки и небольшая часть днища. Облом старый.

Находка № 15. В западной части раскопа на глубине в 1.50 м оказались два черепка красноглиняной амфоры.

Находка № 16. Колотые кости крупных животных, кроме северо-западного угла раскопа, попадались также в центральной части насыпи на глубине 1 м от вершины.

Погребение № 17. В восточной половине раскопа близ центра на глубине в 1.45 м найдено погребение. Скелет лежал на левом боку в скорченном положении, головою на восток. Перед лицом покойника находился черноглиняный горшок с слегка выпуклыми в верхней своей части стенками и мало отчлененным низким прямым горлом (рис. 10). Сохранность скелета очень плохая. От верхних конечностей уцелел только один фрагмент кости.

Погребение № 19. В западной части раскопа, также недалеко от центра насыпи, на глубине 0.40 м, обнаружены фрагменты скелета младенца (кости нижних конечностей) и вместе с ними кости скелета крупной птицы, находившиеся в беспорядке. Здесь же лежало птичье яйцо размером с гусиное. Кости младенца были окрашены в красный цвет. Скелет был ориентирован головою на восток.

Находки 20 и 23. В центральной части насыпи, вблизи южной стенки раскопа, на глубине 1.50 м от вершины найдены два куска красного песчаника, обточенные в виде продолговатых плиток, со следами красной краски. Здесь же замечены комочки красной охры, распространяющиеся на площади не более 0.50 м в диаметре. При этом комки земли, смешанной с порошком красной охры, чередовались с глыбами земли, не имеющими следов краски. В пределах участка, отмеченного распространением красной краски, кроме указанных кусков песчаника были найдены: маленький горшочек с горизонтальными плечиками и прямым горлом, лежавший на боку (рис. 11), кусок собачьей челюсти, часть створки раковины и несколько фрагментов костяных колечек. Из этих фрагментов удалось собрать 4 кольца целиком. Диаметр их 0.02 м (рис. 14—17). Среди оставшихся фрагментов находятся две половинки трубочек с поперечно-рубчатой поверхностью (рис. 12—13). Кроме того, найдены два маленьких кремневых отщепа. Все эти предметы носили ясные следы красной краски. Никаких следов человеческого скелета здесь не обнаружено. Возможно, что найденные предметы являются остатками жертвоприношения, относящегося к погребениям в материке.

Находки №№ 21, 22, 25, 28, 30, 31, 32, 37 и 41. Далее к западу вдоль южной стены раскопа были найдены: на глубине в 1.60 м кусок створки раковины речной жемчужницы и ближе к западной стенке на глубине 0.75 м —

птичье яйцо. Другое яйцо встречено на той же глубине близ продольной оси раскопа, в западной же части его, третье — на глубине в 2 м в той же части раскопа возле северной стенки. Недалеко от последней находки, также у северной стенки, но ближе к центру насыпи, на глубине 1.15 м, обнаружено несколько птичьих яиц. На ряду с раздавленной скорлупою, здесь нашелся отпечаток яйца, точнее «земляная отливка» его. Рядом с этой находкой, на глубине 1.80 м встречен череп крупной птицы и вместе с ним — раздавленное яйцо. Одно яйцо было обнаружено на глубине 1.90 м на продольной оси раскопа, также в западной его части. Недалеко от него к югу, на глубине 1.50 м, найден скелет птицы. В центре кургана, на глубине в 1.50 м, найден другой скелет птицы. Здесь же найдено еще одно яйцо. Таким образом яйца и птичьи кости встречались в западной половине раскопа на глубине от 1.40 до 2.50 м от вершины насыпи. Кажется, этого рода находки связаны с илистым слоем в насыпи кургана.

Рис. 7. Сосуд, найденный в погребении № 12.

Находки №№ 24, 27, 29, 34, 35, 36, 42. У нижней стенки в восточной половине раскопа, ближе к центру, на глубине 1.60 м, найдены части лошадиной челюсти и лопатки. В этой же половине по оси раскопа встречен фрагмент позвонка животного (собака?), лежавший на глубине 1.63 м. Затем в запад-

Рис. 8—10. Сосуды, найденные в насыпи кургана № 11 (погребения №№ 9, 11, 17).

ной части раскопа, вне связи с каким-либо из погребений, на глубине 1.80 м, оказались фрагменты отдельных костей и задняя нога барана. К югу от этой находки, вблизи южной стенки, на глубине 2.30 м, попалась часть челюсти собаки. Отдельные кости животных, кроме того, были найдены в центральной части раскопа близ южной стены на глубине 2 м и близ северной

стены на глубине в 2.40 м, а также недалеко от вышеотмеченной челюсти собаки, на глубине 1.60 м.

Находки №№ 26, 38, 40. В разных местах насыпи кургана были найдены кремневые орудия и отщепы. Маленький кремневый скребок был обнаружен на глубине 1.70 м близ северной стенки в западной части раскопа. Другой кремневый скребок найден в центре насыпи, на глубине 1.65 м. и, наконец, кремень встречен в центральной части насыпи вблизи северной стенки на глубине 1.80 м.

Находка № 33. В центре насыпи, на глубине 2. 20 м найдены два фрагмента темносерого горшка. Один — от стенки, другой — от края. Вдоль края второго имеются нарезки.

Погребение № 39. В том же месте на глубине 1.45 м находилось погребение. Скелет взрослого человека большого роста лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентированный головой на запад. Сохранность скелета очень плохая. От черепа уцелел только обломок нижней челюсти. Никаких вещей при погребении не обнаружено.

Погребение № 44. В средней части раскопа, к востоку от центра, близ южной стены встречено плохо сохранившееся погребение младенца, находившееся на глубине 2.40 м от вершины насыпи. Скелет лежал на левом боку, ноги были согнуты под прямым углом, как у человека, сидящего на стуле. Голова обращена на запад.

Погребение № 43. К западу от центра в средней части раскопа, на глубине 1.70 м, встречены часть ребра и фрагмент локтевой кости ребенка.

Погребение № 46. Остатки другого разрозненного детского погребения обнаружены в восточной части, также близ центра насыпи, на глубине 2. 45 м. Вместе с костями находилось несколько птичьих яиц.

Погребение № 18. Наиболее замечательное детское погребение было открыто близ северо-восточного угла раскопа, на глубине 2.20 м, почти на материке. Погребение было двойным. Скорченные скелеты младенцев лежали лицом друг к другу, на боку, ориентированные головами в противоположные стороны: один, лежавший на правом боку, головой на восток, другой, лежавший также на правом боку, головой на запад. Возле головы первого стояла жаровня, — обломок стенки большого сосуда красновато-серого цвета с желобком вокруг горла (рис. 18). В ней находились комки красной краски. Возле головы второго младенца находился горшочек с округлыми боками и высоким цилиндрическим горлом (рис. 19). Кроме того, возле жаровни найдены две створки раковины (речная жемчужница?), а немного выше скелета второго младенца лежала часть позвоночника крупного животного (6 позвонков). На костях обоих скелетов — следы краски. Кусочки краски (красно-коричневого цвета) покрывали также землю между ними.

Погребение № 47. Вблизи южной стенки в центральной части раскопа обнаружено погребение. Оно находилось на глубине 2.45 м от вершины насыпи, т. е. немного ниже уровня материка и представляло скелет взрос-

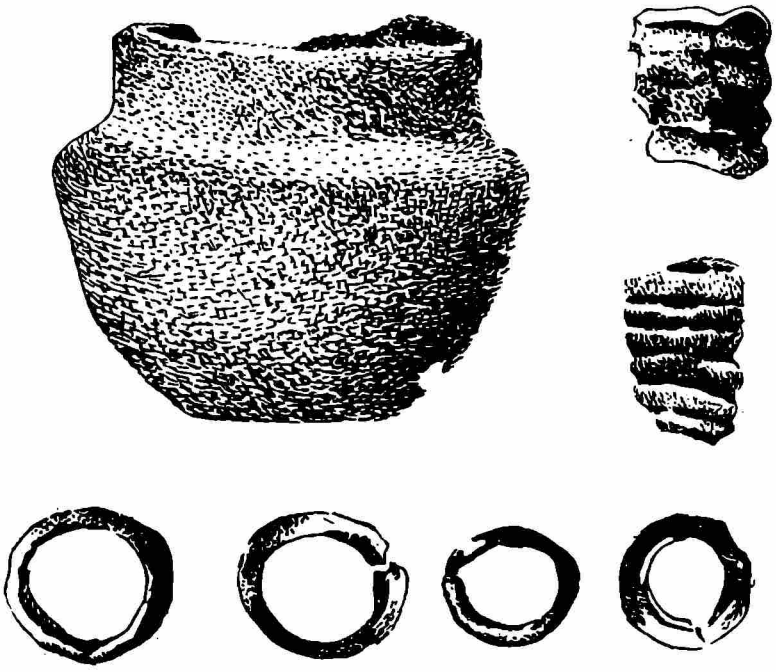

Рис. 11—17. Предметы из находки № 23: Маленький горшочек. Половинки костяных рубчатых трубочек. Костяные кольца.

лого человека, лежащий в согнутом положении на левом боку, головою на юг. Голени скелета согнуты под прямым углом к оси туловища. Скелет плохой сохранности, без вещей.

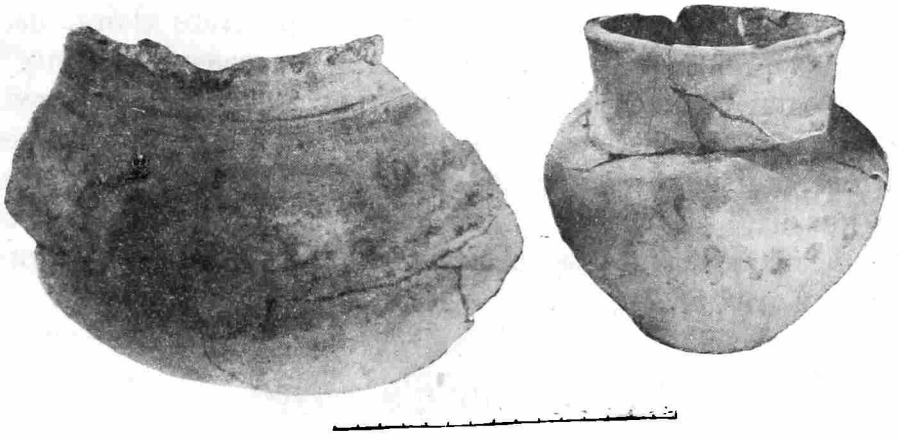

Рис. 18—19. Сосуды, найденные в детском двойном погребении № 18: Черепок жаровни. Горшок.

Находка № 51. Вблизи южной стенки раскопа в центральной части кургана, на глубине в 2.20 м от вершины, обнаружено небольшое, круглое

(диаметр 0.50 м) кострище, где среди золы и углей попадались обожженые косточки. Оно, без сомнения, является остатком костра, сожженного до сооружения насыпи на горизонте.

3. ОБЩИЙ ОБЗОР НАХОДОК В НАСЫПИ КУРГАНА № II.

В общем, в насыпи кургана и на материке было открыто в 1935 г. 17 целых и разрозненных погребений, в том числе одно двойное. Из них только два содержали вытянутые скелеты: одно — взрослого и другое — подростка. Первый был ориентирован на запад, второй — на северо-восток. Из остальных погребений у девяти скорченное положение можно было установить совершенно точно. Другие, разрушенные и разрозненные, повидимому, представляли то же положение скелетов. Из погребений в скорченном положении шесть было ориентировано на восток, два на запад и по одному на юг и юго-восток. Ориентировка шести погребений осталась невыясненной.

Большинство погребений в скорченном положении содержало скелеты взрослых субъектов. Детских погребений этого рода отмечено всего 5, в том числе одно двойное и два совершенно разрушенных. Все они находились в нижней части насыпи, на глубине от 1.40 до 2.50 м от вершины кургана. О распределении погребений в насыпи кургана следует заметить, что большинство их находилось в западной и центральной частях раскопа (по 7 погребений) и только 3 — в восточной. При этом подавляющее большинство погребений было обнаружено в верхней части насыпи. Погребения близ материка или даже несколько углубленные в материк были в центральной части кургана: два детских, одно взрослого и одно детское двойное в восточном поле (все скорченные).

Из других находок в насыпи отметим как скопления, так и отдельные колотые кости животных: крупного и мелкого рогатого скота, лошади и собаки, а также яйца и кости, видимо, водоплавающих птиц. Выше отмечены находки кремневых орудий, целых сосудов и фрагментов керамики, не имеющих ясной связи с обнаруженными в насыпи погребениями. Наиболее замечательный комплекс представляет: маленький горшочек, костяные кольца, раковину, плитки песчаника и челюсть собаки, найденные вместе, объединенные распространением красной краски и следами ее на всех этих предметах.

4. ПОГРЕБЕНИЯ В МАТЕРИКЕ

Погребение № 45. После расчистки материка на площади раскопа было замечено несколько могильных пятен. Первым было исследовано могильное пятно, находившееся в восточной части раскопа, ближе к восточной стенке. Оно оказалось входной ямой в подземную камеру (катакомбу) (рис. 20). На уровне материка входная яма имела в плане неправильное овальное очертание и занимала в длину около 1.45 м, а в ширину—1.10 м.

Стенки ямы были пологие, а дно ее находилось на глубине 0.30 м от уровня материка. Оно было значительно уже верхнего отверстия ямы и к входу в камеру в юго-западной стенке сильно понижалось, углублялось до 0.40 м от уровня материка. Вход в камеру по ширине был равен ширине дна входной ямы (0.70), а в высоту имел около 0.30 м, представляя собою отверстие

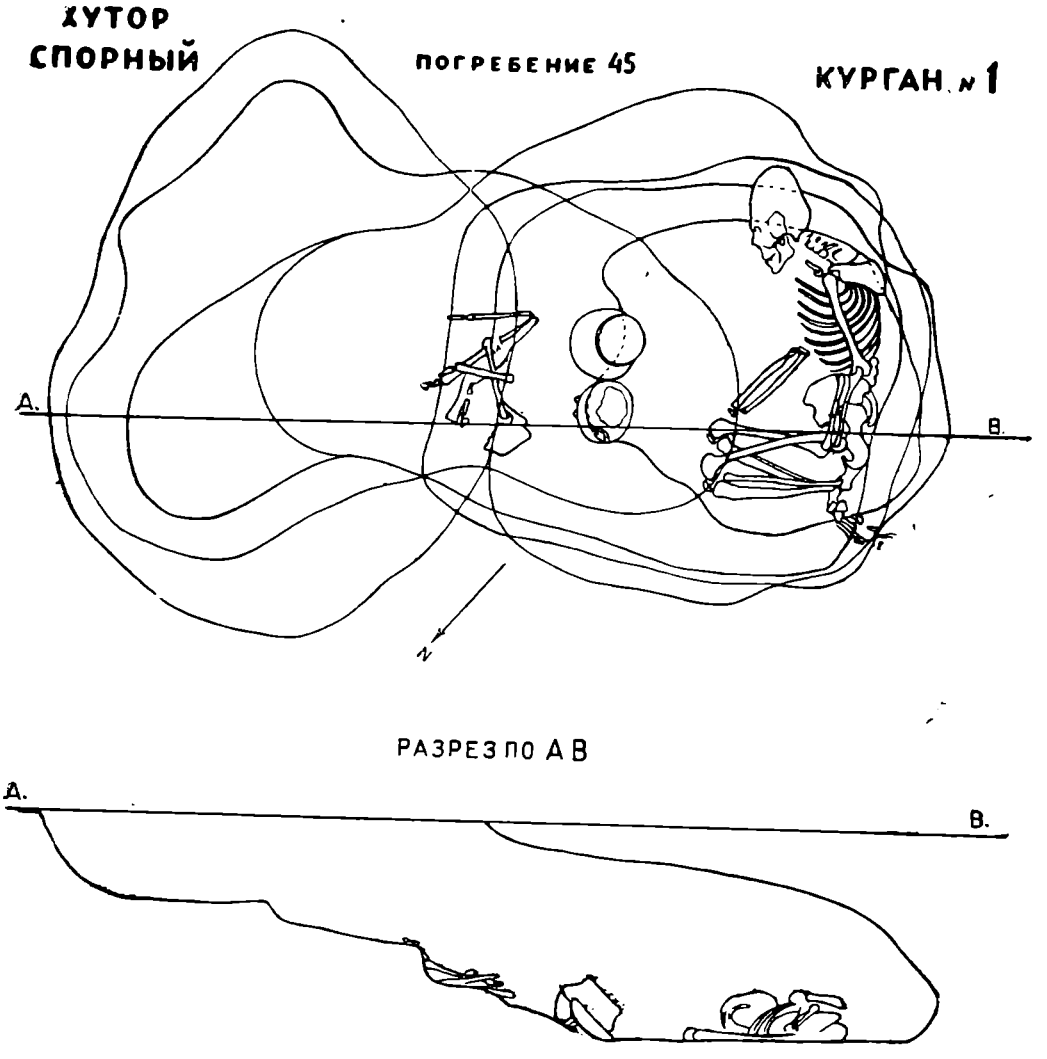

Рис. 20. План и разрез катакомбного погребения № 45.

неправильной формы со слегка закругленными верхом. Пол камеры сразу же за входом крутым уклоном понижался и достигал глубины 0.70 м от поверхности материка. Стенки камеры, имевшей в плане также неправильные округлые очертания, к верху расширялись, достигая наибольшего диаметра на высоте 0.40 см от уровня пола. Потолок, возвышавшийся над полом на 0.50 м, был почти плоский, слегка понижающийся к противоположной от входа стенке камеры. Наибольшие размеры камеры в длину 1.20 м, в ширину— 1.10 м. Она была выдолблена в лёссовидном суглинке, и к моменту раскопок оказалась заполненной рыхлой темной землей. При расчистке этого

сооружения в устье камеры были найдены лежащие в куче бараньи кости (конечности), а за ними стоящие рядом: горшок с выпуклыми боками и высоким прямым горлом (рис. 22) и жаровня на крестообразной ножке и с полукруглым отделением возле края внутри. Наружная поверхность жаровни покрыта орнаментом в виде ряда из восьми опускающихся от края шевронов, образованных тремя или четырьмя концентрически расположенными полуовальными линиями, оттиснутыми посредством двойного

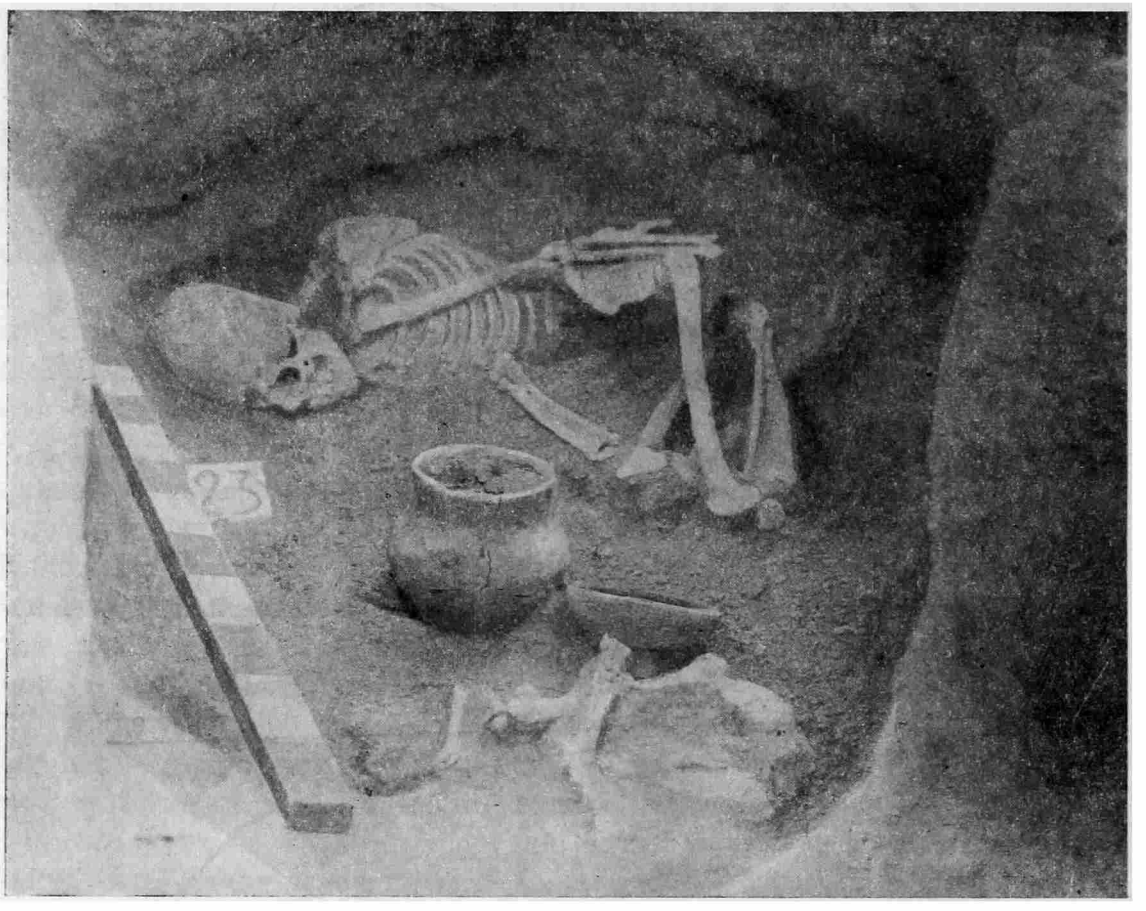

Рис. 21. Катакомбное погребение № 45.

шнура, и рядами круглых углублений между ними (рис. 23*ab*). Таким же шнуровым узором обведен верхний край жаровни (рис. 23*c*) и низ ножки, кроме того снабженный круглыми углублениями по одному на каждом из концов составляющего ее креста и одним в центре перекрестья (рис. 23*b*). В жаровне находился большой кусок красной охры. В глубине камеры, вдоль стенки против входа находился скелет взрослого человека (мужчины), лежащий на правом боку, головой на юго-восток. Ноги скелета сильно согнуты: бедра расположены под прямым углом к туловищу, пятки касаются таза, ступни ног вытянуты почти параллельно костям голени. Руки покойника были опущены вниз: левая рука кистью своей доходит до пяток, а правая, полусогнутая, протянута к правому же колену. Череп

деформированный, вытянутый вверх (рис. 59). На костях имеются следы краски. Множество комочков красной охры встречено на полу камеры.

Погребение № 48. Другое могильное пятно большей величины находилось также в восточной части раскопа — рядом с первым, но ближе к центру (рис. 24). Входная яма имела форму прямоугольника с закругленными углами, несколько вытянутого с северо-востока на юго-запад. Длина ее равнялась 1.80 м, а ширина 1.60 м. Дно ямы — наклонное к устью камеры, находившемуся в северо-восточной узкой стенке. Стенки ямы отвесные. Наименьшая высота их в стороне ямы, противоположной ко входу в камеру, равнялась 0.37 м от уровня материка; наибольшая — у стенки с входным отверстием в камеру — достигала 0.90 м. Яма прорезает слой лёссовидного суглинка и достигает до слоя белого песка, имеющего не горизонтальную, а наклонную верхнюю границу. Дно ямы находится как раз на этой границе. Вход в камеру, находящийся в наиболее высокой северо-восточной стенке ямы, имеет закругленный верх и равняется в ширину и в высоту 0.80 м. Погребальная камера небольшая, имеет в плане закругленные очертания, причем правая, юго-восточная стенка ее углубляется прямо от входа, тогда как северо-западная круто отступает влево от входного отверстия. Пол камеры ниже дна ямы и опускается к противоположной от входа стенке камеры не менее, чем на 0.45 м. Нижняя часть камеры вырыта в песке. Потолок камеры полукупольный, понижаясь от входного отверстия, переходит в слегка вогнутые, а местами вертикальные стенки. Наибольшая длина камеры 1.20, ширина — 0.90, высота — 1.10 м. Внутри камеры у самого входа стояла жаровня — днище, отбитое от большого темносерого горшка, стенки которого сплошь были покрыты елочкообразным шнуровым орнаментом (рис. 27). За ним в глубине камеры находился горшок красновато-серого цвета, с маленьким плоским дном, шаровидным телом и высоким прямым горлом, заканчивающимся венчиком в виде широкого округлого ободка. Плечи горшка у самого основания горла орнаментированы кружками с отпечатками вдавленной спирали,

Рис. 22. Горшок из катакомбного погребения № 45.

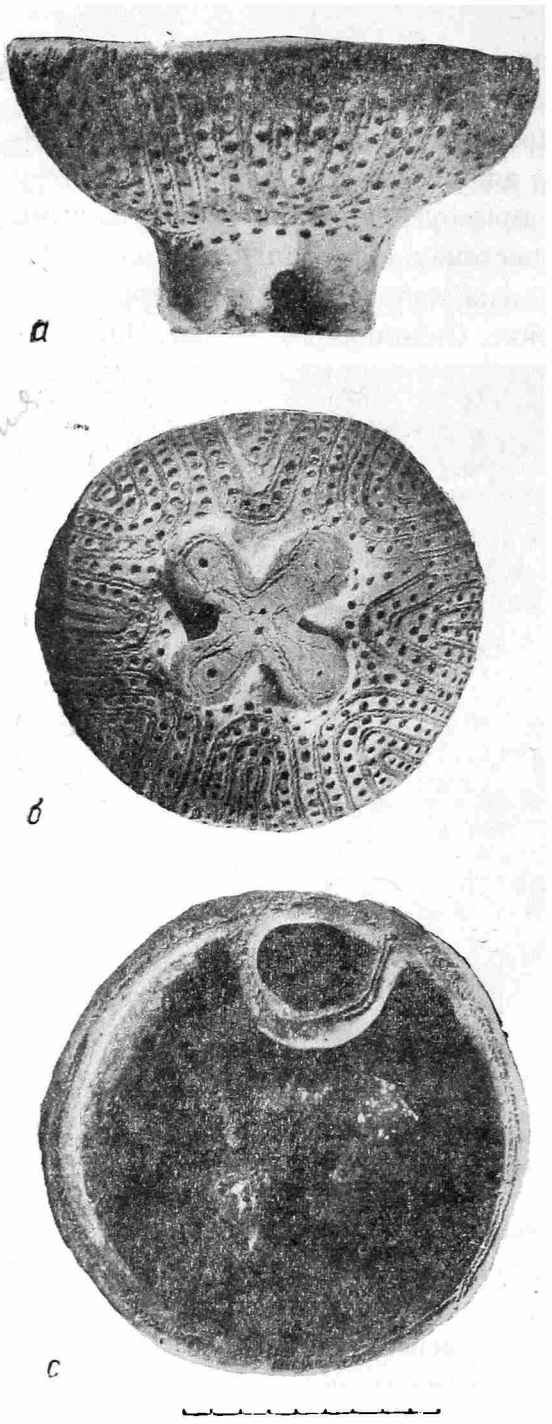

Рис. 23. Жаровня из катакомбного погребения № 45 в кургане II.

видимо нанесенными посредством раковины (рис. 26). Рядом с горшком находился череп детского скелета, лежавшего вдоль задней стенки камеры, головою на северо-запад. Череп лежал лицом вниз; положение костей туловища также свидетельствует, что младенец был обращен спиной вверх. Обе руки до локтей лежали параллельно туловищу. Таз и согнутые в коленях ноги оказались лежащими на левом боку. Хотя скелет и сосуды были покрыты песком, однако, под скелетом и поверх него был слой коричневой гумусированной земли, видимо, специально подсыпанной при погребении. Череп при этом был покрыт толстым слоем красной охры. Толщина слоя охры на черепе доходила местами до 0.05 м. Остальные части скелета не были окрашены. Возле скелета в земле встречено только несколько маленьких комочков охры. Окраска земли и песку, вообще, не заметна. Недалеко от головы скелета, возле северной стены камеры, на полу был найден большой кусок красной охры, слепленный в виде человеческой головки с большим клювовидным носом, с углублением на месте рта, выделяющим острый подбородок. На месте глаз сделаны круглые отверстия, соединенные с вертикальным круглым же широким каналом, идущим вдоль головы сверху. Правая сторона головки, на которой она лежала, в худшей сохранности. Длина головки 0.045 м, ширина 0.035 м (рис. 25). В виду рыхлости охры и опасений за сохранность, с головки был сделан точный рисунок на месте находки (рис. 28).

Погребение № 49. Следующим было исследовано погребение в материке в западной части раскопа. Могильная яма здесь обрисовалась в виде двух

смежных разной величины пятен. Одно из них, меньшей величины, в плане близкое к четырехугольнику, представляло входную яму (шахту). Наибольшая длина и ширина ее равнялась 0.75 м (рис. 29). Входная яма углублялась в материк очень мало: в западном конце всего на несколько см. Высота восточной стенки, примыкавшей в соседнему большому пятну,

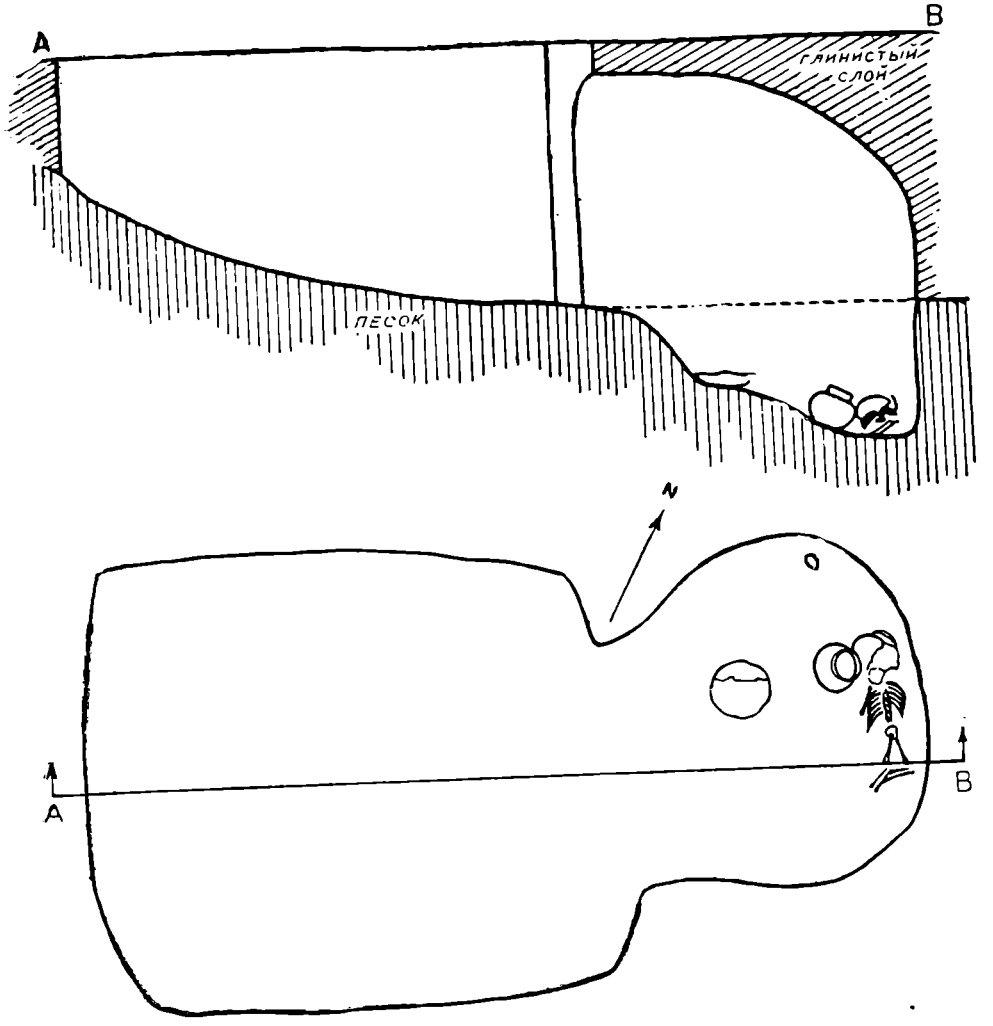

Рис. 24. Разрез и план катакомбного погребения № 48.

равнялась 0.27 м. Дно ямы, таким образом, имело наклон с запада на восток и в восточной части врезалось в слой песка, подстилающий лёссовидный суглинок. После расчистки этой ямы в восточной стенке ее были замечены следы входа в камеру. Заполнение шахты состояло из тонких горизонтальных слоев, которые в устье камеры наклоняются по направлению к ее полу и затем резко прерываются. Эти слои состоят из глины, смешанной с песком и комками гумусированной земли, и могли произойти в результате постепенной засыпки и утрамбовки шахты. Утрамбованная земля кончается в устье

камеры. Камера, видимо, была оставлена не засыпанной и завалилась впоследствии.

Соседнее пятно принадлежало обвалившейся камере. При расчистке ее вблизи входа на разных уровнях были найдены кости барана: вверху почти на уровне материка — череп и лопатка, ниже их, на глубине в 0.20 м от материка — вторая лопатка и кусок длинной кости: еще ниже — вторая длинная кость. Верхние слои заполнения камеры состояли из глинистой земли, перемешанной с илом. Слой такой же илистой почвы, как выше указывалось, находился в насыпи кургана, в данном месте, т. е. над катакомб-

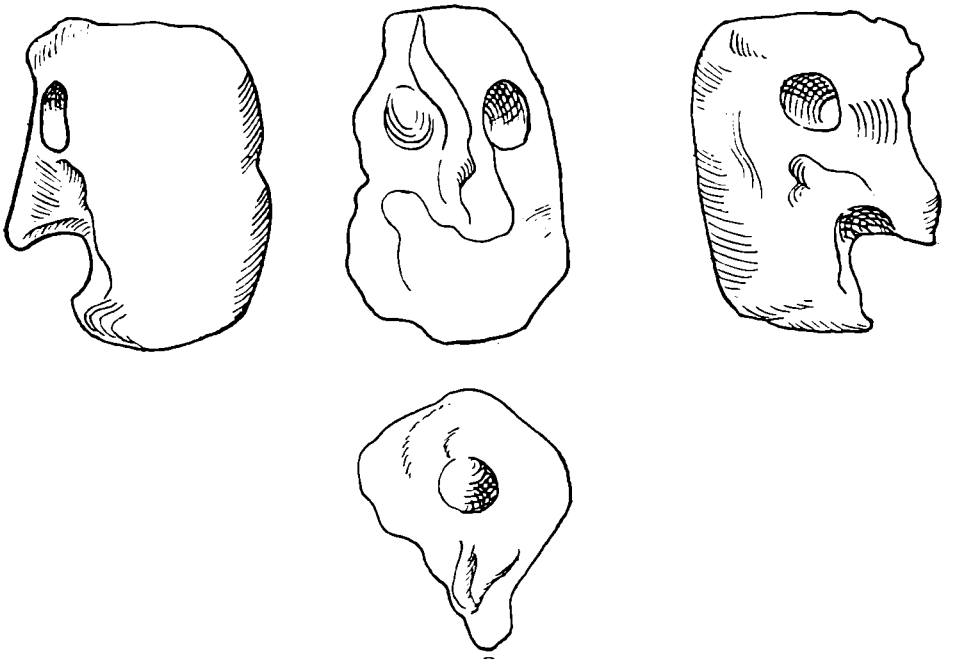

Рис. 25. Головка из красной охры, найденная в катакомбном погребении № 48.

ным погребением в западной части раскопа, на высоте 1.5 м от материка. Повидимому, в заполнение верхней части камеры он попал вследствие обвала потолка и оседания расположенной над ним курганной насыпи. Обвалившаяся камера, видимо, была вырыта не целиком в материковой земле, свод ее был сооружен если не в насыпи, то в гумусе, перекрывающем материк, и, во всяком случае, тогда, когда курганная насыпь какой-то величины здесь уже имелась. Внизу камера врезается немного в слой песка. Она имеет очертания овала, удлиненного с севера на юг. Длина ее 1.40 м, ширина 1.00 м. Глубина дна от поверхности материка 0.50 м. Пол ее несколько наклонный от входа к противоположной стенке. Стенки слабо вогнутые, переходившие, повидимому, в закругленный, но не сохранившийся потолок. Вдоль восточной стенки камеры лежал скелет взрослого человека (мужчины), обращенный головой на север. Покойник был положен на правом

боку. Ноги его были согнуты так, что кости голеней находились под прямым углом к туловищу, а пятки касались таза. Руки были вытянуты к коленям. Кости необычайно крупные, но, в виду нахождения в песке, плохой сохранности. Прямо перед грудью скелета в 0.20 м лежал копьевидный нож из меди (или медного сплава) (рис. 30). Тут же было найдено четырехгранное

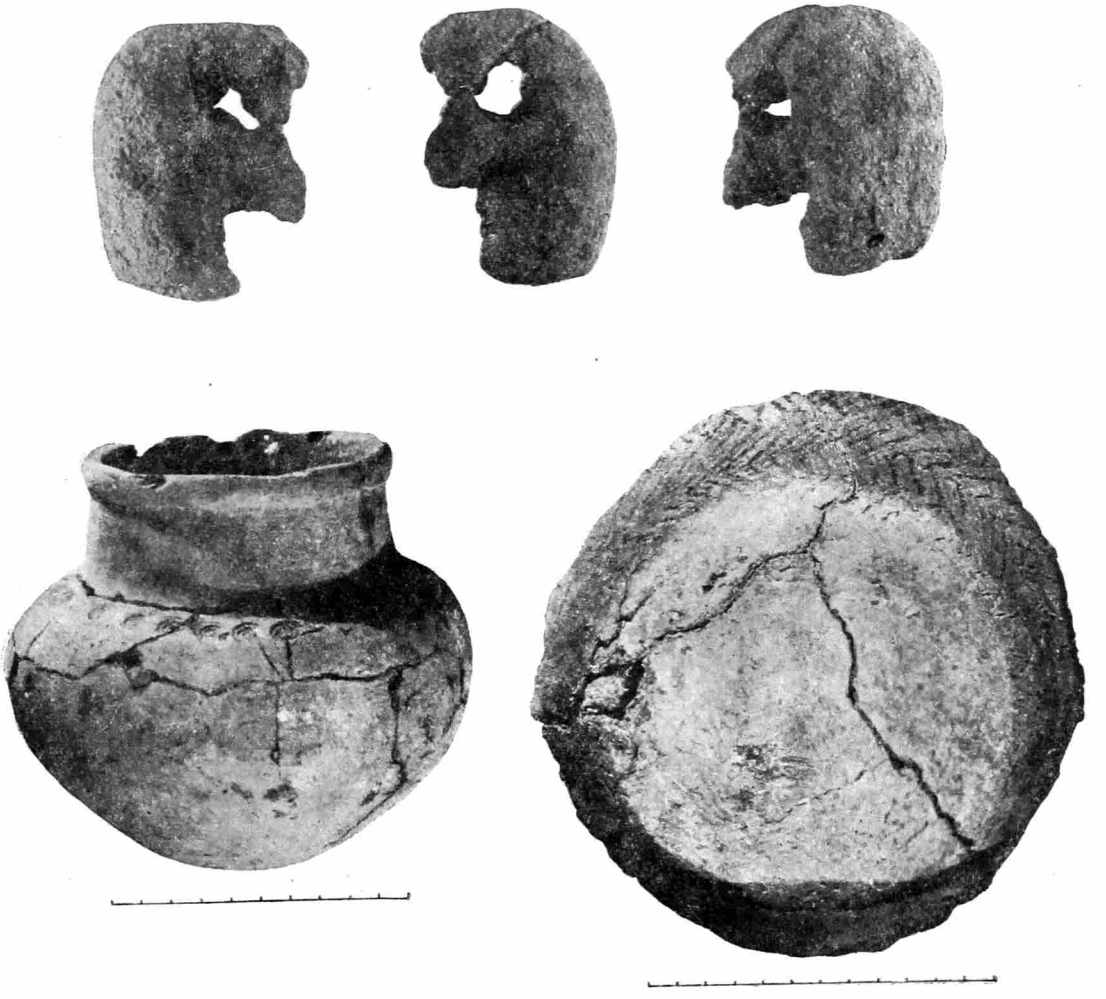

Рис. 26—28. Предметы из катакомбного погребения № 48 в кургане № 11: Головка из красной охры; вид с 3-х сторон. Орнаментированный горшок. Жаровня — днище орнаментированного горшка.

шило, разломанное на 2 куска (рис. 31). У западной стены камеры, перед лицом и грудью покойника находились, начиная с севера: богато орнаментированная глиняная жаровня на крестообразной ножке (рис. 33), возле нее каменный полированный пест или терка, с одним узким концом гладко отполированным, а другим — неровным (рис. 32), а еще южнее — глиняная большая воронка, поставленная раструбом вниз (рис. 52). Орнамент, покрывающий наружные стенки жаровни, состоит из четырех шевронов, расположенных на равных расстояниях один от другого и образованных каждый четырьмя полуовальными шнуровыми линиями и рядами круглых со спи-

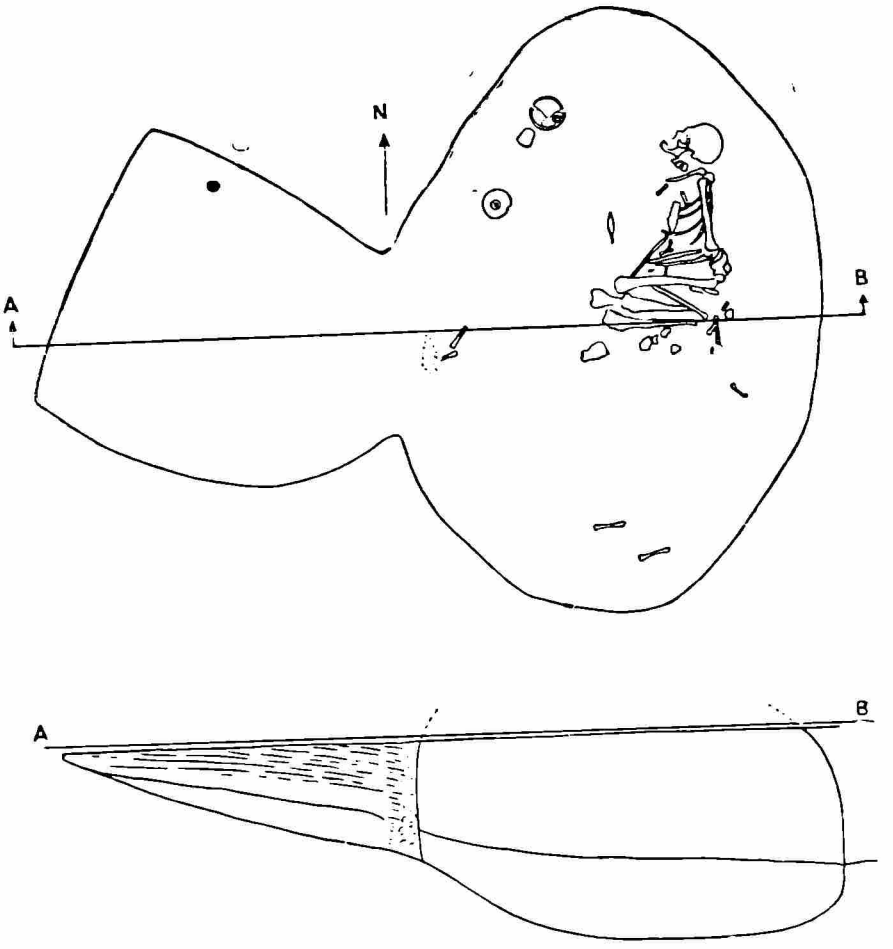

Рис. 29. План и разрез катакомбного погребения № 49.

ральными углублениями вдавлений между ними. Промежутки между шевронами заполнены елочкообразными узорами из таких же линий и кружков

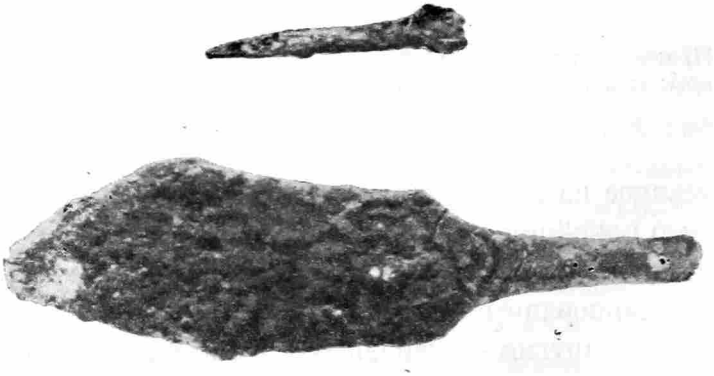

Рис. 30—31. Нож и шило из катакомбного погребения № 49.

между ними и наклонными параллельными линиями с рядами таких же кружков. Того и другого рода заполнения промежутков между шевро-

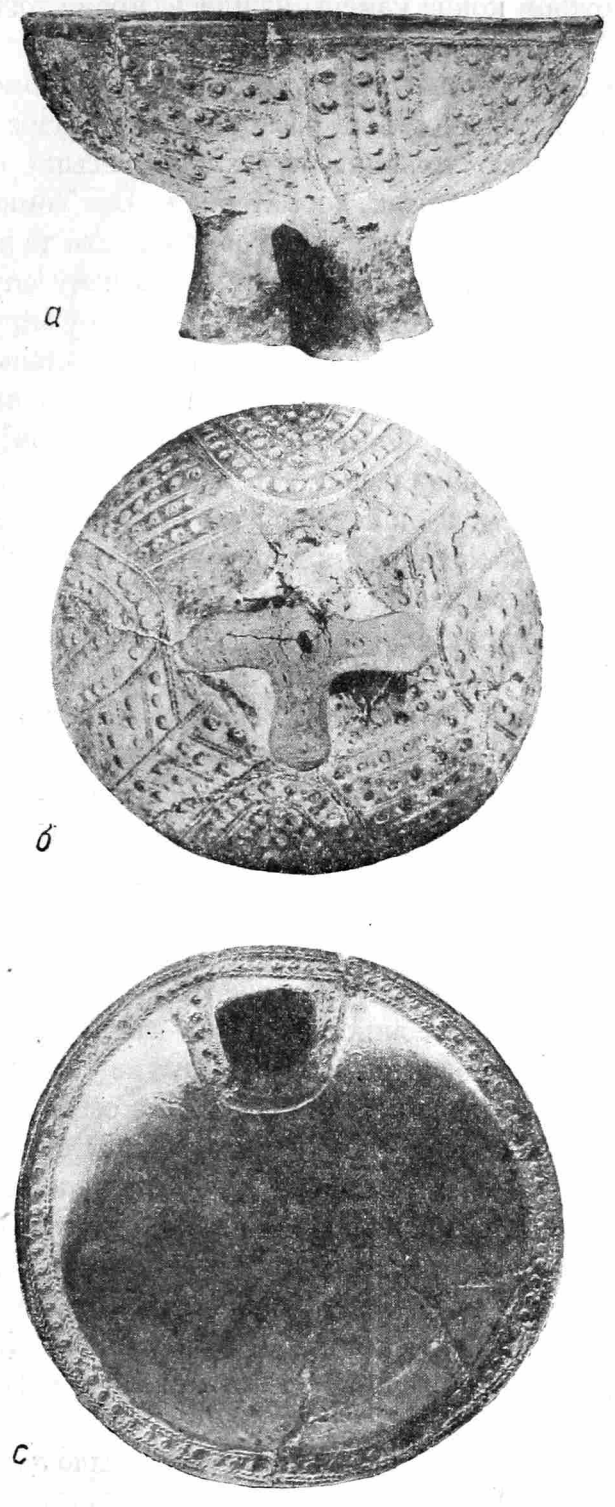

Рис. 32. Жаровня из катакомбного погребения № 49 в кургане № 11.

нами чередуются один с другим (рис. 32*аб*). Низ крестообразной ножки обведен шнуровой линией. В центре перекрестья такой же линией образован кружок, внутри которого находится круглое же углубление. Вдоль каждого из концов креста внутри обрамления из шнуровой линии имеются по три круглых отпечатка со спиральным углублением (рис. 32*б*). Шнуровым обрамлением украшен также верхний край жаровни и полукруглого отделения внутри нее. Вдоль края, между шнуровыми линиями располагается ряд кружков со спиральными углублениями (рис. 32*с*). Высота жаровни 0.12 м. Диаметр отверстия 0.19 м. Глиняная воронка (рис. 52) имеет довольно толстые стенки и заканчивается цилиндрической ножкой со сквозным

Рис. 33. Каменный полированный пест из катакомбного погребения № 49.

отверстием. Часть верхнего края воронки отбита. Высота ее 0.12 м, диаметр верхнего отверстия 0.14 м, диаметр ножки 0.05 м. У скелета были обнару-

жены следы красной краски. В южном конце камеры нашлись, кроме того, две кости животного (барана?).

Погребение № 51. Последнее из открытых в этом кургане катакомбных погребений было замечено в восточной стенке раскопа в виде разреза вертикальной шахты, прорезавшей всю толщину курганной насыпи от гумусированного слоя, перекрывавшего курган, до материка. Без сомнения, оно было устроено тогда, когда курганная насыпь в общем имела те же размеры, что и ныне. При подчистке материка в том месте, где к нему опускалась яма, заполненная землей, несколько отличавшейся цветом от окружавшей насыпи, было обнаружено пятно, уходившее под восточную стенку раскопа. После расширения раскопа в этом месте оно открылось целиком, представляя собою неправильную фигуру, близкую к прямоугольнику, вытянутому с севера на юг. Длина его равнялась 1.5 м, ширина — 1.10 м. Глубина шахты в материке равна 1.45 м, а от поверхности насыпи в этом месте 3.00 м. В северной стенке шахты находилось прямоугольное отверстие в камеру, шириною несколько у́же дна входной ямы. Камера в плане имела форму овала, вытянутого с востока на запад, причем западный конец ее был значительно больше удален от входа, чем восточный. В восточной части стенка камеры была вогнутая и высокая, около 0.50 м. Наоборот, в западной — высота ее сильно уменьшалась, и она почти исчезала между склоном потолка и подъемом пола, и весь западный конец камеры превращался в узкую щель. Потолок камеры почти плоский, несколько опускающийся только к краям и, главным образом, в западной части камеры; он возвышался над полом самое большое на 0.60 м (рис. 34). Как шахта, так и камера были вырыты в лёссовидном суглинке. Подстилающий его слой песка здесь, видимо, уходит значительно ниже, чем в других частях раскопа, или даже исчезает совершенно. В камере лежал лицом ко входу скелет взрослого человека (женщины). Он находился почти посредине пола, а не у стенки, как в других случаях. Скелет лежал на левом боку, головою на северо-восток-восток. Ноги согнуты так, что пятки находились возле таза; ступни ног сильно вытянуты. Руки протянуты вниз и пальцами касаются середины берцовых костей. У головы покойника, возле восточной стенки стоял большой красноглиняный горшок с округлым, слегка приплюснутым телом, узким, плоским дном и с широким отверстием, обведенным низким венчиком с широким горизонтальным краем. Высота горшка 0.15 м, наибольший диаметр 0.25 м (рис. 50). Ни костей животных, ни следов краски в погребении не обнаружено.

Погребение № 50. В центральной части курганной насыпи было замечено большое могильное пятно, уходившее под южную стенку раскопа. После приемки в этом месте оно было открыто целиком и представило прямоугольник, близкий к квадрату, длиною в 3.00 и шириною в 2.80 м. Отвесные стенки этой ямы, вырытые в суглинке, на глубине около одного метра, там, где под суглинком залегает белый песок, переходят в пологие, и самая яма из квадратной превращается в округлую, так что на уровне перехода,

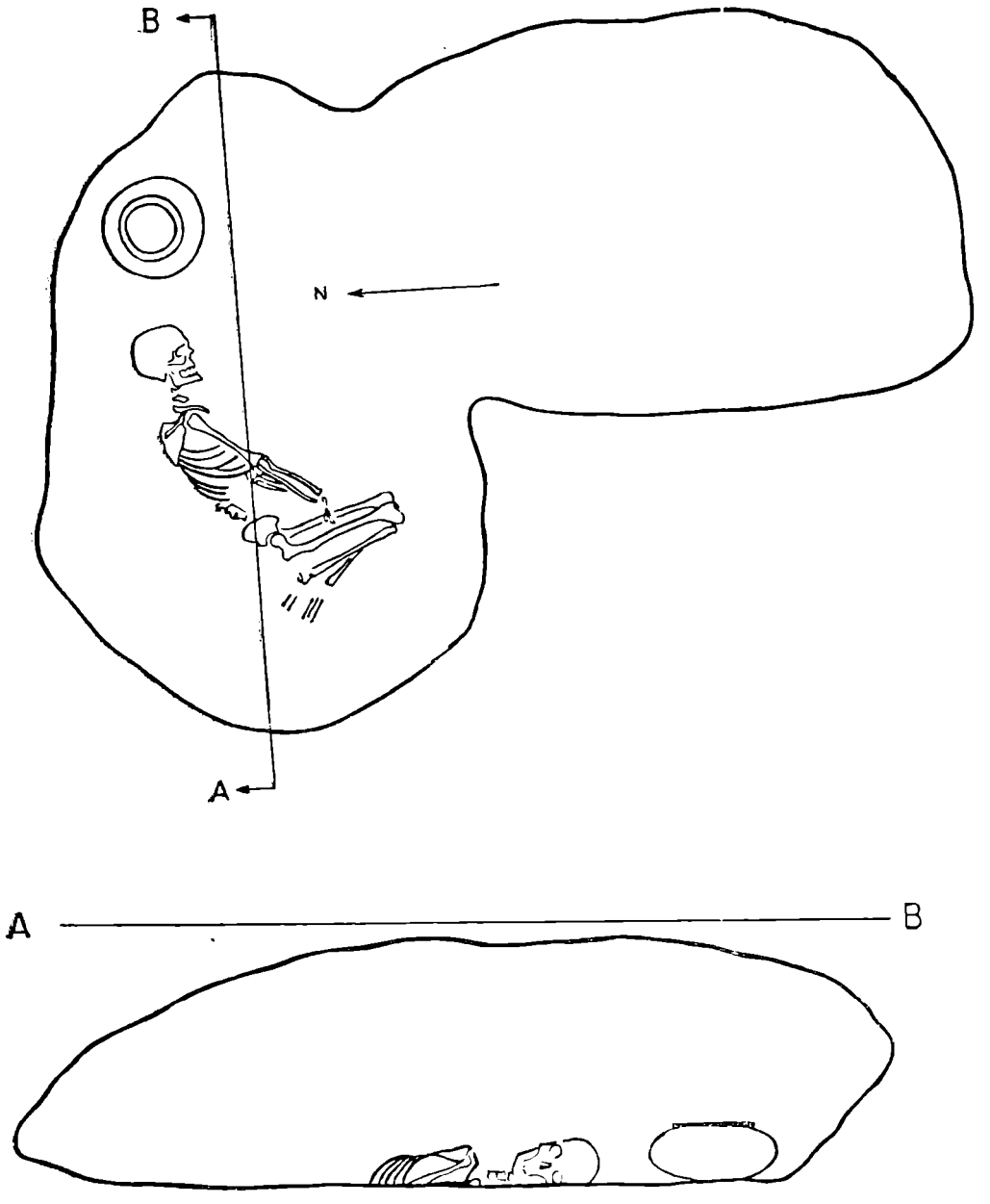

Рис. 34. План и разрез катакомбного погребения № 51 в кургане № 11.

в углах образуются небольшие треугольные площадки (рис. 35). На одной из этих площадок (северо-восточной) замечены следы сгоревшего дерева (уголь и зола). Вертикальные следы обгорелого дерева прослежены также вдоль южной стенки могилы, в нижней части. Заполнение ямы состояло из перемешанной темной земли, в которой на разных уровнях встречены отдельные кости человека и животных. При этом изредка кости лежали в сочленении. Человеческие кости были расположены, главным образом, на дне и на склоне западной стенки, в нижней части ямы. Судя по числу костей, здесь находилось не менее двух человеческих скелетов. Но кости их в яме

находились не полностью. В частности, найдено мало фрагментов черепа. На самом дне встречены фрагменты круглодонного черноглиняного горшочка (рис. 37). Часть его оказалась лежащей под почти целым скелетом молодого барашка, находившимся выше черепков на 0.30 м. Среди костей

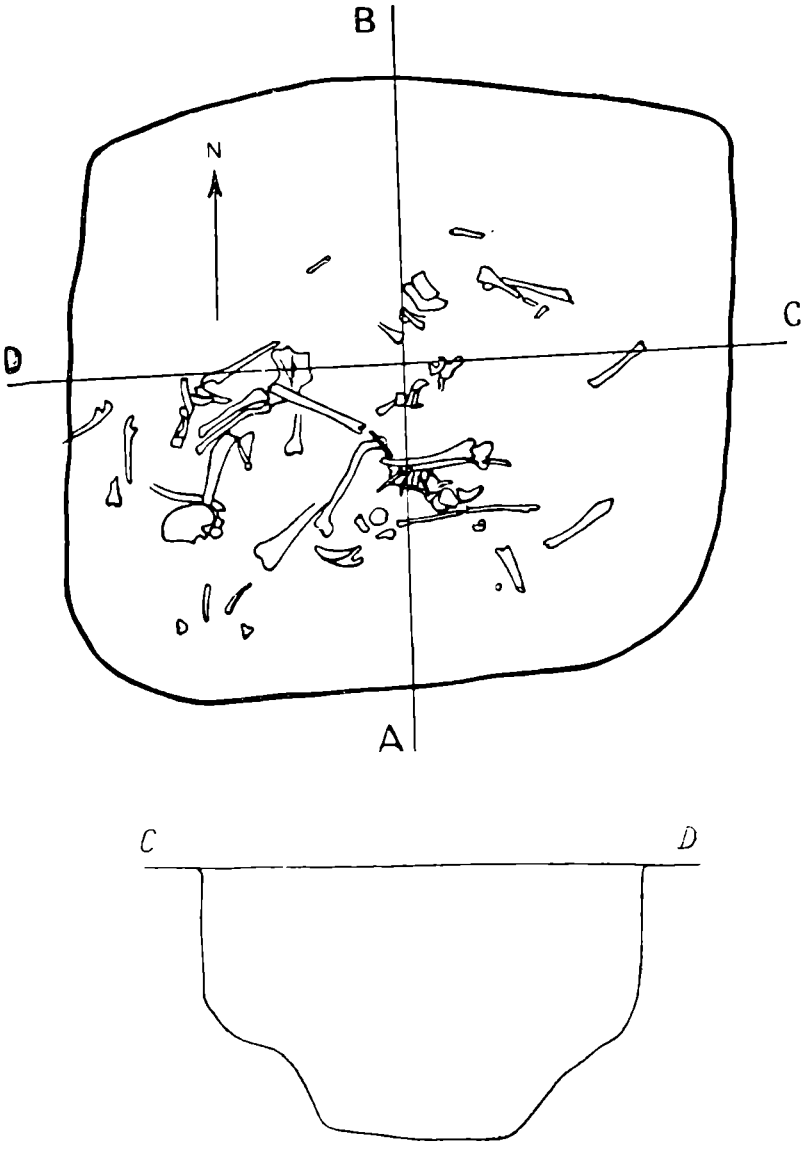

Рис. 35. План и профиль древне-ямного погребения № 50.

встречена обработанная трубчатая кость животного, длиною в 0.09 м: один конец ее обрезан ровно, а другой косо (рис. 36). Кроме того, в засыпи могилы в верхней части был найден фрагмент черноглиняного горшка с нарезками по краю, принадлежавший тому же самому сосуду, что и фрагменты, найденные в 2 м от могилы к северу, в насыпи на 0.20 м выше материка. Все эти фрагменты, видимо, принадлежат круглодонному горшку. Дно ямы было покрыто пятнами красной охры и угля с золой.

По всем признакам погребение принадлежало к типу «древне-ямных» и было разрушено в древности, возможно, при устройстве позднейших «катакомбных» могил. Рядом с ним к западу находилось пятно прямоугольной ямы, вытянутой с северо-запада на юго-восток, длиною в 1.5 м и шириною в 0.75 м, т. е. обычных размеров входной ямы в камерных могилах. Глубина этой ямы равнялась 0.60 м. В юго-восточной стенке ее было замечено круглое отверстие, диаметром в 0.60 м, которое вело в большую яму вышеописанного погребения и обрисовывалось в верхней части ее возле северо-западного угла. Повидимому, строители катакомбы, наткнувшись на древне-ямное погребение, разрушили его, но свою могилу устроили в другом месте. Позднее над древне-ямным погребением было устроено другое, скелет которого в скорченном положении найден на уровне материка (№ 47). Возможно, что кострище, обнаруженное недалеко от ямного погребения на уровне горизонта, имеет к этому погребению непосредственное отношение.

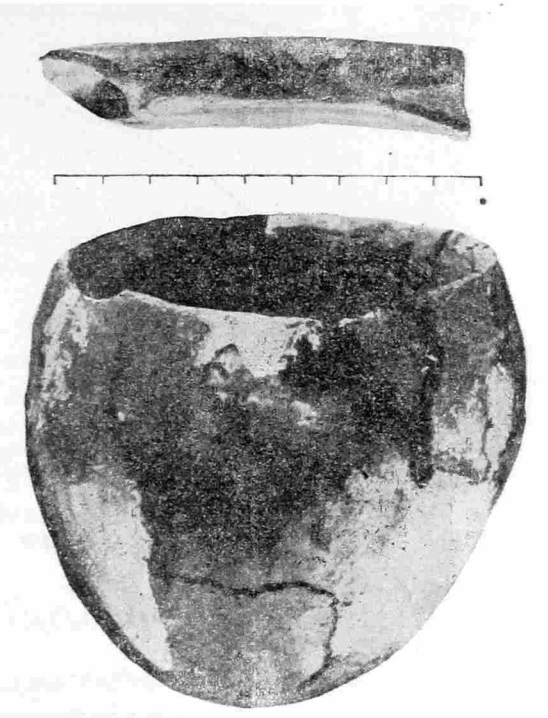

Рис. 36—37. Костяная трубочка и горшок из ямного погребения № 50.

5. ЭТАПЫ СООРУЖЕНИЯ НАСЫПИ КУРГАНА

В заключение описания раскопки кургана и найденных в нем погребений и вещей не лишне заметить, что первоначальная насыпь, возвышавшаяся над древне-ямным погребением, повидимому, определяется слоем ила и включениями материкового песку, перемешанного с глиной, встречающимися под этим слоем в центре насыпи. Песок в таком большом количестве мог попасть сюда только из большой ямы, вырытой для древнейшего погребения. Ил же мог быть взят из поймы реки, на берегу которой возведен курган. Если изложенные соображения верны, то первоначальная насыпь не превышала 1.20 м над уровнем горизонта. Увеличение ее, видимо, следует связывать с устройством погребений катакомбного типа, ко времени которых, без сомнения, относится и большинство детских могил, находящихся внизу первоначальной насыпи. При устройстве позднейшего катакомбного погребения, открытого под восточной полой кургана, была прорезана глубокой шахтой вся толща современной насыпи. Наиболее поздние скорченные и вытянутые погребения находятся в верхней части насыпи; устройство их, видимо, не связывалось с подсыпкой кургана. Он оставался той же величины, какая определилась после катакомбных захоронений.

Курган № III

1. ОПИСАНИЕ КУРГАНА

Параллельно с раскопкой первого кургана производилось исследование другого небольшого кургана, находившегося метрах в 200 к востоку

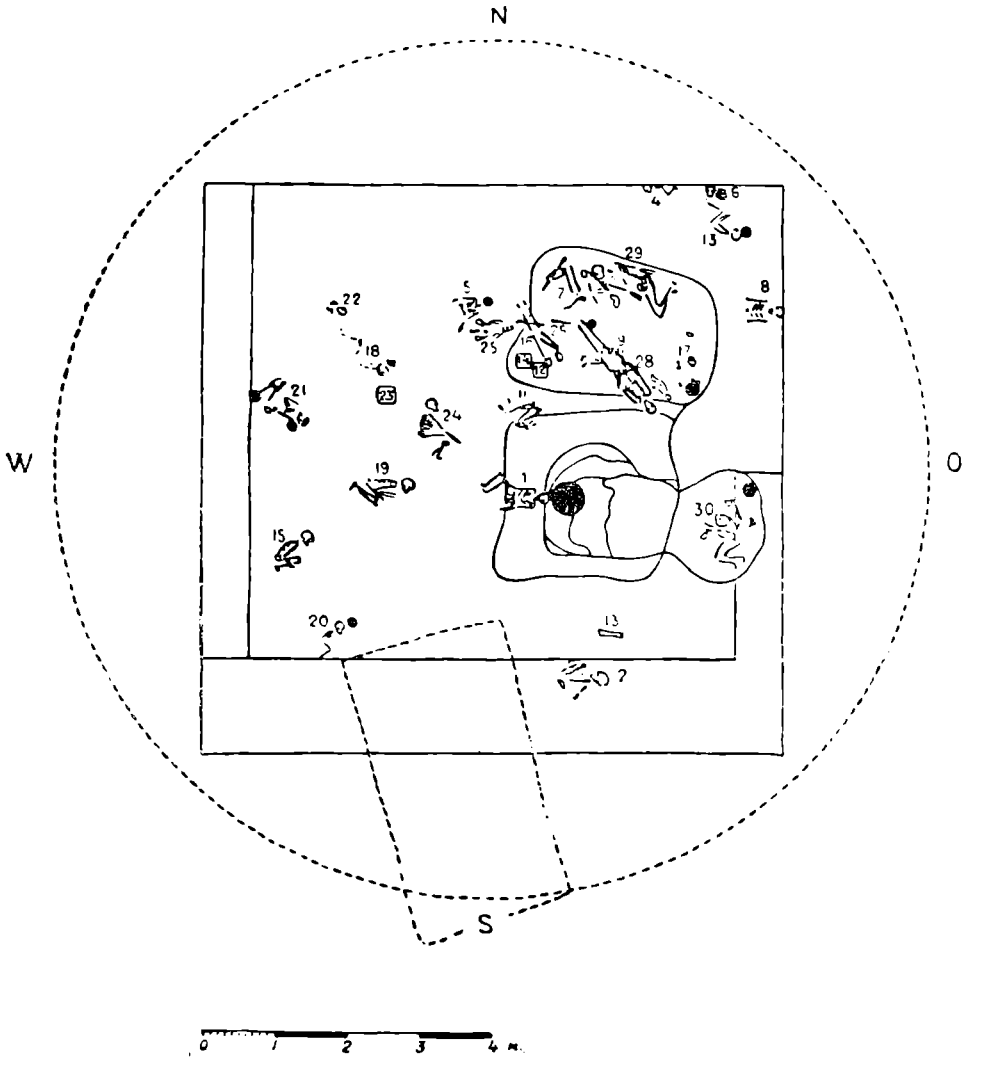

Рис. 38. План кургана № III.

от него. Необходимость в срочной раскопке этого кургана была вызвана расширением земляных резервов строительства. Участок, на котором находился курган, уже подготовлялся для выемки земли, и только благодаря любезности производителя работ насыпь кургана была оставлена не распаханной до окончания раскопок. Высота кургана не превышала 1.10 м. Диаметр его

равнялся 25—30 м. Насыпь была расползшаяся, пологая. Южный край был испорчен ямой, вырытой для устройства грабарской землянки. Поверхность кургана поросла скудной травянистой растительностью. Раскоп был заложен в форме квадрата, ориентированного осями по странам света. Длина каждой из сторон его равнялась 12 м (рис. 38 и 39).

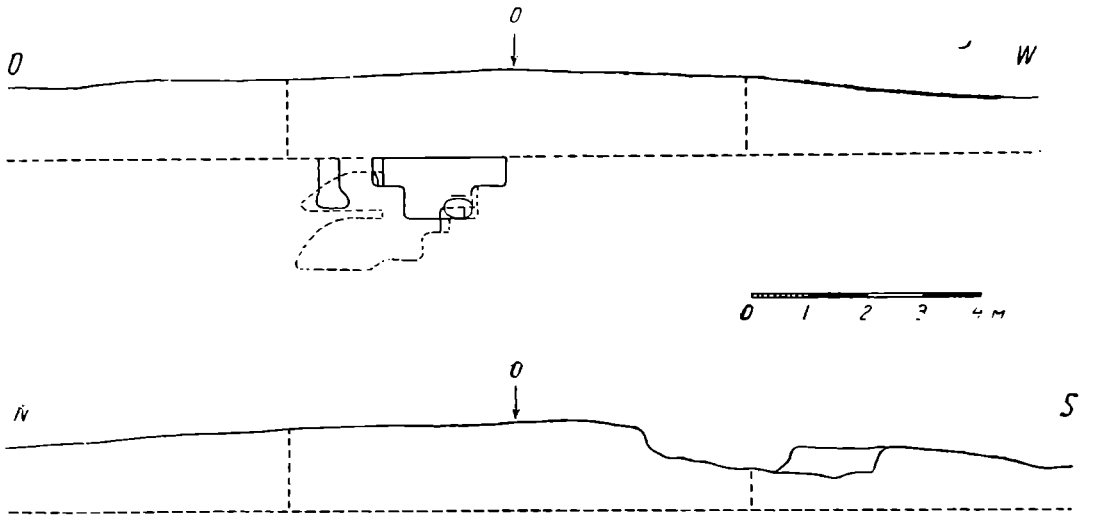

Рис. 39. Разрез кургана № III.

2. НАХОДКИ В НАСЫПИ

При раскопке в насыпи кургана с самого верха начали встречаться погребения.

Погребение № 1. Первым было обнаружено погребение в центральной части раскопа на глубине в 0.30 м от вершины насыпи. Скелет взрослого лежал на спине, головою на восток. Согнутые ноги свалились вправо. Руки вытянуты вдоль туловища. Скелет плохой сохранности, кости раздавлены землей, череп разрушен.

Погребение № 2. Второе погребение находилось в юговосточном углу раскопа, на глубине в 0.40 м от вершины насыпи. Скелет взрослого лежал на правом боку, головою на восток. Ноги сильно скорчены: колени приходились возле груди. Кости очень плохой сохранности, многие вовсе не сохранились.

Погребение № 3. Третье погребение обнаружено в северо-восточном углу раскопа, также на глубине в 0.40 м от вершины, т. е. почти на поверхности этой части кургана. Скелет лежал на правом боку, головой на юго-восток. Правая рука находилась под головой, левая согнута в локте под прямым углом. Ноги в бедрах и коленях согнуты под прямым углом, как у человека, сидящего на стуле. Череп и кости сохранились плохо. Возле лба находился небольшой раздавленный землею банкообразный, прямостенный горшок светлосерого цвета. Высота его 0.08 м.

Погребение № 4. Недалеко от последней находки, возле северной стенки раскопа открыто плохо сохранившееся погребение ребенка, лежавшего в скорченном положении, головою на восток.

Погребение № 5. В северной половине квадрата на средней оси встречено в верхнем же слое плохо сохранившееся погребение ребенка, ориентированное головою на северо-восток-восток. Костей ног не оказалось. Возле головы найден раздавленный горшок светлосерой глины со слегка выпуклыми боками и орнаментом из ряда вдавленных концом тростника кружочков, расположенных по наиболее широкой части сосуда. Высота его 0.075 м, диаметр 0.10 м (рис. 40).

Погребение № 6. Далее в северовосточном углу раскопа, возле северной стенки, между погребениями 4 и 3 найдены на глубине 0.40 м от вершины остатки детского захоронения. Сохранились только череп и светлосерый горшок с расширяющимися кверху стенками. Высота его 0.095, диаметр отверстия 0.135 м (рис. 41).

Погребение № 7. В той же части раскопа, ближе к центру, на глубине в 0.40 м от вершины встречено погребение взрослого. Скелет, ориентированный головой на юго-восток, лежал на левом боку. Ноги подогнуты к груди. Руки, согнутые в локтях, лежали между грудью и коленями.

Погребение № 9. Вблизи него к югу найдены на глубине в 0.30 м от вершины остатки погребения ребенка. Черепа нет. Ноги согнуты. Руки вытянуты вдоль боков.

Погребение № 8. У восточной стенки, в северо-в сточной части раскопа, на глубине 0.40 м от вершины насыпи, открыта верхняя часть скелета ребенка, лежащего на спине, с вытянутыми вдоль туловища руками. Костей ног не сохранилось. Голова ориентирована на восток.

Находка № 10. В северо-восточной части раскопа, ближе к центру найдена отдельно лежащая берцовая кость человека.

Погребение № 11. Значительно южнее, в центральной части, на глубине 0.75 м от вершины обнаружена часть скелета. Сохранились ноги, таз и несколько ребер. Ноги были согнуты под острым углом к туловищу.

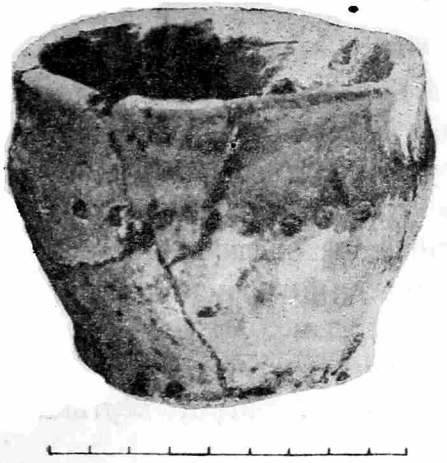
Находка № 12. В этой же части насыпи, на глубине 1 м найдена бронзовая пластинка размерами 0.018 на 0.022 м.

Находка № 14. Тут же, на глубине 0.80 м, т. е. несколько выше, встречены кусок челюсти и кость млекопитающего.

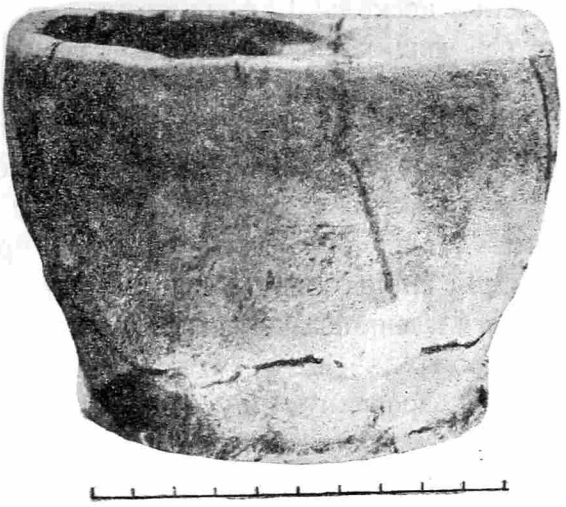
Находка № 13. Другая кость крупного животного найдена в юго-восточной части раскопа, в верхнем слое.

Погребение № 15. В юго-западной части раскопка, на глубине 0.20 м было встречено погребение взрослого человека плохой сохранности. Скелет лежал на левом боку головой на северо-восток. Ноги подогнуты коленями к животу, руки обхватывают колени.

Погребение № 20. Здесь же, вблизи южной стенки раскопа, открыт скелет ребенка, лежащий на левом боку, головой на северо-восток. Ноги

40

41

42

43

Рис. 40—43. Сосуды из погребений №№ 5, 6, 17, 21 в насыпи кургана № III.

согнуты под прямым углом к туловищу. В головах стоял черноглиняный горшочек.

Погребение № 19. К северу от этого погребения, вблизи средней оси раскопа, с востока на запад, на глубине 0.30 м от поверхности находился скелет взрослого, лежавший на левом боку, головой на восток. Ноги подогнуты коленями к животу. Руки согнуты так, что локтевые суставы лежат между телом и коленями. Череп раздавлен.

Погребение № 18. В северо-западной части раскопа, на самой поверхности (на глубине 0.10 м от вершины) открыты остатки скелета, лежавшего на правом боку, с согнутыми под прямым углом к туловищу ногами. Ориентирован головой на юго-восток-восток. Кости плохой сохранности. У головы

найдено несколько фрагментов маленького тонкостенного горшка и два небольших фрагмента сосуда с украшенным нарезками валиком по горлу.

Погребение № 21. Другое погребение в этой части кургана находилось ближе к середине западной стенки раскопа, на глубине 0.30 м от вершины. Скелет лежал на спине. Руки сложены на груди так, что кисти рук приходились у шеи. Ноги, согнутые под прямым углом, лежали обращенные коленями вправо от туловища. Голова ориентирована на юго-восток-восток. У левого плеча находился светлосерый банкообразный горшок, расширяющийся кверху. Высота его 0.09 м, диаметр отверстия 0.11 м. Возле ног найдены фрагменты другого темносерого реберчатого горшка, украшенного между краем и угловатым перегибом стенки парными вертикальными линиями (рис. 43).

Погребение № 22. Далее к северу, на глубине 0.30 м от вершины встречены остатки погребения ребенка. Сохранились только череп и ребра. Направление головы на юго-восток-восток.

Находка № 23. В этой же части раскопа, ближе к центру найдена скорлупа нескольких яиц, лежавших в кучке на глубине в 0.60 м от вершины.

Погребение № 24. Недалеко от них, на той же глубине (0.60 м) лежал скелет человека на левом боку, с ногами, согнутыми под прямым углом. Левая рука находилась на животе. Правая — вытянута вдоль туловища. Голова обращена на север.

Погребение № 17. В северо-восточной части раскопа, на глубине 1 м найдены три раздавленных черепа и фрагменты баночного горшка с расширяющимися кверху стенками. Высота его 0.095 м, диаметр отверстия 0.13 м (рис. 42).

Погребение № 25. Приблизительно на середине между центром и северной стенкой раскопа, по средней оси найдено разрушенное погребение, находившееся на глубине 1.20 м от вершины. Сохранилась на месте верхняя половина скелета, лежащего на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, головой на запад. Кости ног, вследствие бывшей здесь осадки, оказались лежащими на 0.15 м ниже верхней части скелета. Возле них собраны рыбьи и птичьи кости.

Погребение № 16. Близ этого погребения, к востоку от него, на глубине 1.10 м от вершины насыпи обнаружены остатки другого погребения. Здесь сохранилась нижняя часть скелета: ноги, таз, два позвонка и правая рука, ниже локтя. Скелет лежал на спине, головой на юго-юго-восток. Возле руки собраны мелкие бусы, а у ног найден раздавленный черноглиняный горшок со слегка отогнутым краем, украшенный нарезками (рис. 44). Погребение разрушилось, видимо, также вследствие осадки земли под ним. Кости верхней части туловища и черепа были найдены в беспорядке ниже, в завале ямы, находившейся под погребением; менее вероятно, чтобы они могли относиться и к погребению № 11, расположенному также на краю ямы и также сохранившемуся на месте только частично (кости ног и таза).

Погребение № 28. Третье погребение, находившееся в том же месте, но на глубине 2 м, т. е. ниже уровня материка, сохранилось в целости потому, что было впущено на дно старой ямы. Юго-восточный конец могилы был врезан в материк. Погребение было двойным. Скелет взрослого человека (женщины) лежал на спине с вытянутыми ногами. Кисти рук находились на костях таза. Голова была ориентирована на юго-восток. Возле правого плеча покойника лежал скелет младенца, повернутого лицом к взрослому (рис. 46). Возле правой ноги взрослого находился темносерый шаровидный

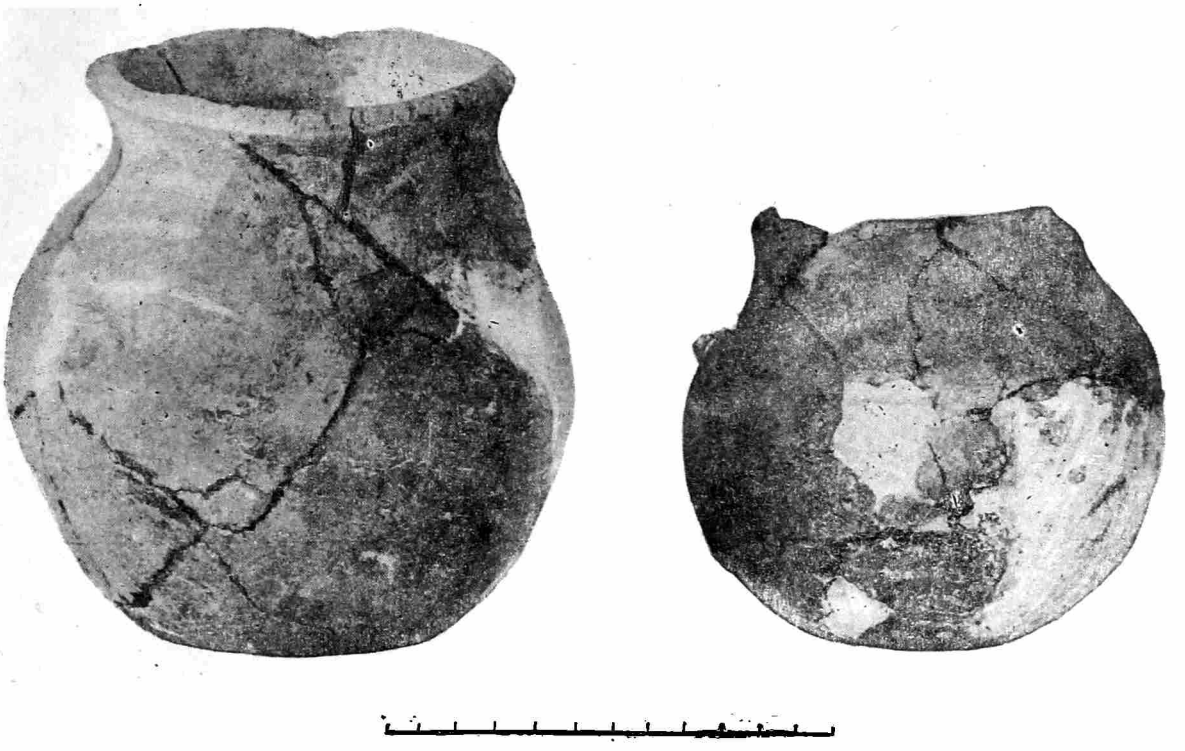

Рис. 44—45. Горшки из погребений №№ 16 и 28 в кургане № III.

горшок с невысоким горлом и отломанной ручкой. Горшок, несомненно, был разбит при погребении, о чем свидетельствует положение обломков и наличие небольшого куска этого же горшка возле левой руки младенца (рис. 45). По обеим сторонам ступней ног взрослого (у щиколоток) было собрано значительное количество различных бус. Возле ног же лежала передняя нога барана с лопаткой (кости находились в сочленении). Под костями как взрослого, так и младенца сохранились следы дерева, вероятно, подстилки из тростника.

3. КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ

Погребение № 29. После снятия вышеописанных погребений на месте их обозначилось в суглинистом материке большое могильное пятно, в форме неправильного четырехугольника, длиною в 2.40 м и шириною в 2 м. При расчистке обнаружилось, что оно представляет собою большую обвалив-

шуюся камеру, пол которой находился на глубине 2.40 м от вершины насыпи. Вдоль северной стенки этой камеры, головою на западо-северо-запад лежал скелет взрослого человека (мужчины) на правом боку. Ноги его согнуты, руки вытянуты вдоль туловища. Ступни ног лежат под прямым

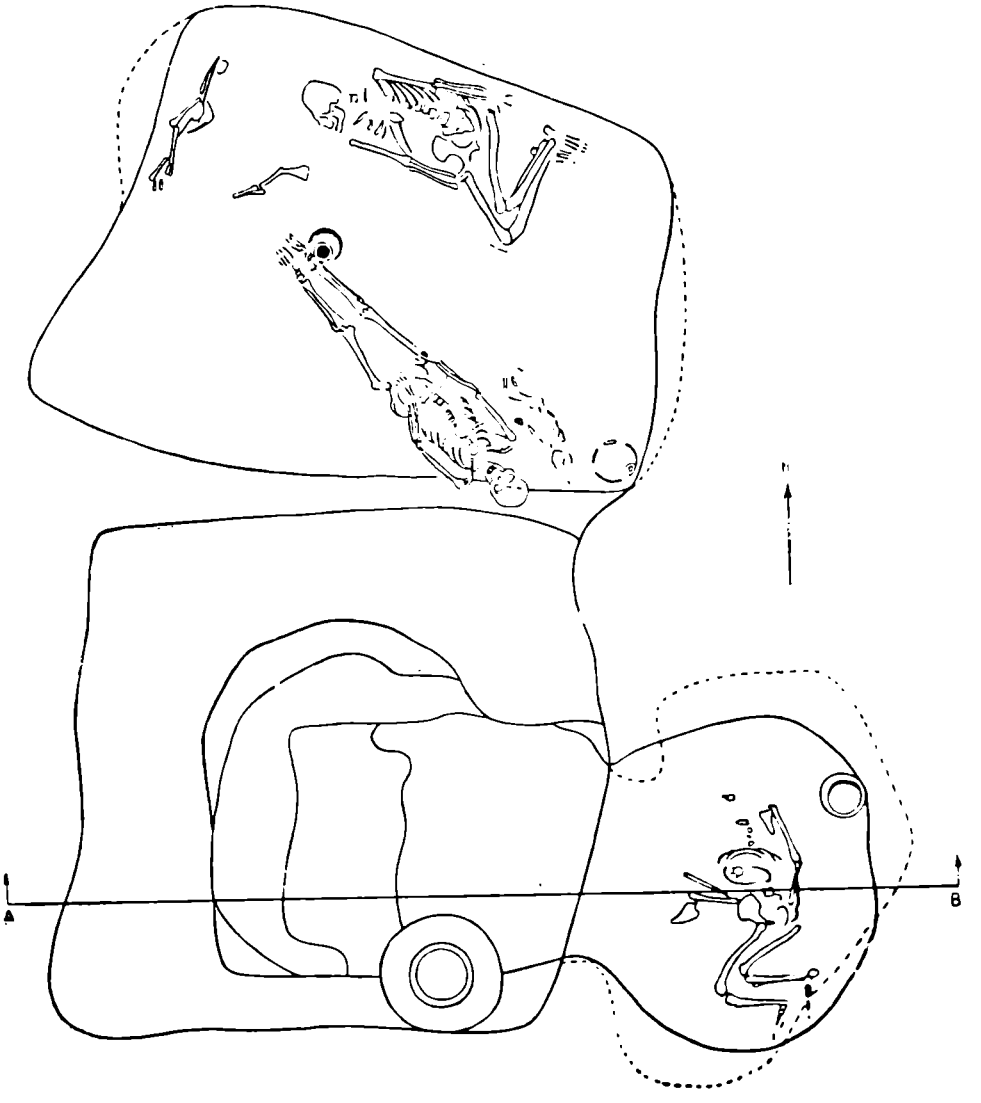

Рис. 46. План погребений №№ 28, 29, 30 и 31 в кургане № III.

углом к голеням (рис. 46). Череп сильно деформирован и имеет форму усеченного конуса (рис. 47). Возле скелета встречаются комочки красной краски и тлен, повидимому, от подстилки. На дне пятна краски: белой, малиново-красной и красно-коричневой. Возле головы лежали кости барана: череп и нога с лопаткой в сочленении. Недалеко от ног, у стенки камеры стояла жаровня на крестообразной ножке, снаружи покрытая орнаментом из обращенных концами к краю дуг и из смыкающихся углами и перекрещивающихся линий. Дуги образуют четыре шеврона. Три из них состоят из двух концентрически расположенных дуг, а один — образован только одною

дугою. Промежутки между дугами и прямыми линиями в одной половине поверхности заполнены кружочками со спиральным углублением, в другой— они остаются пустыми. Линейный узор образован вдавлением тройного шнура. На концах крестообразной ножки снизу имеются спиральные вдавления (рис. 48). При очистке заполнения камеры, кроме того, были найдены три фрагмента четырехгранного медного шила.

Погребение № 30. Южнее этого погребения, возле центра кургана обнаружено другое могильное пятно, по форме приближающееся к квадрату,

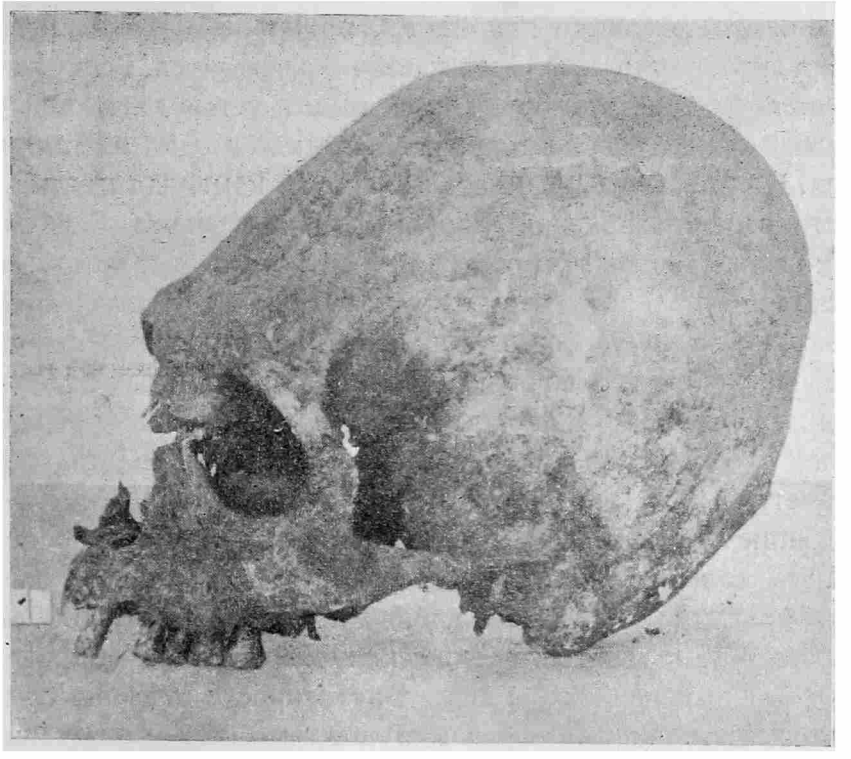

Рис. 47. Деформированный **череп** из катакомбного погребения № 29 в кургане № III.

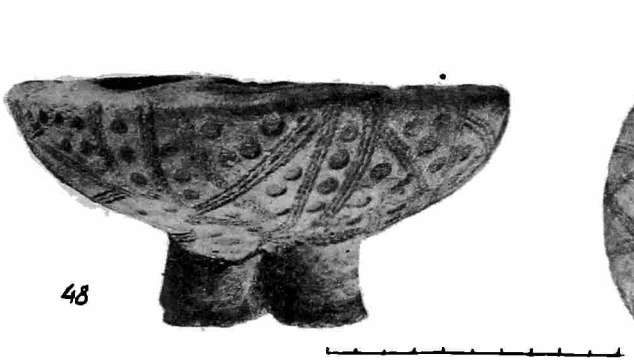
размером в 2.40 м с каждой стороны. При расчистке его, на глубине 1.40 м от вершины, найден раздавленный большой сосуд шаровидной формы со сравнительно узким горлом, обведенным венчиком с широким плоским краем. Диаметр горшка 0.45 м, высота 0.30 см. Диаметр отверстия 0.20 м (рис. 49). Возле горшка найден кремневый скребок. Здесь же в засыпи собраны обугливщиеся зерна. Горшок стоял на уступе, который имелся в яме на глубине 1.95 м от вершины насыпи, т. е. на 0.75 м от уровня материка. Ниже уступа яма углублялась в форме прямоугольника, размерами в 1.60 м в длину и 1.30 м в ширину. В западной стенке ее были сделаны две ступеньки: одна на глубине 0.65 м от уступа, а другая — на 0.80 м от того же уровня. Ширина первой сверху ступени равнялась 0.40 м, второй — 0.50 м. Дно ямы находилось на глубине 3.25 м от вершины, т. е. на 2 м от материка. В восточной вертикальной стенке ямы были замечены два расположенные одно над другим

устья камер. Нижнее, начинаясь от дна ямы, имело в высоту 0.70 м. Высота второго устья равнялась также 0.70 м. Оба они были полукруглой формы в 0.80 м ширины. Расстояние между устьями равнялось всего 0.20 м (рис. 53).

После расчистки верхней камеры оказалось, что она имела в плане овальную форму, вытянутую с севера на юг. Длина ее равнялась 1.5 м, ширина — 1.20 м. Полусферический потолок наибольшую высоту от пола имел при входе — 0.70 м. На полу камеры лежали кости скелета без черепа. Вся верхняя половина скелета, начиная от тазовых костей, находилась в разрозненном состоянии. Положение костей такое, какое может оказаться у скелета, принадлежавшего покойнику, похороненному в сидячем положении, когда скелет туловища впоследствии развалится. Согнутые в коленях ноги упали на правую сторону (коленями к устью катакомбы). За скелетом у задней стенки лежала баранья лопатка и одна из тонких костей ноги барана. На лопатке находилась маленькая каменная плитка, а на ней окаменелость веретенообразной формы со спиральными бороздками. За лопаткою к стене стоял на ребре кремневый нож в виде большого отщепа с коркой на тупом крае. К северу от этих предметов, у самой стенки находился горшок шаровидной формы с низким, в большей части отбитым горлом. Стенки горшка покрыты орнаментом из продолговатых вдавлений зубчатого штампа. Три ряда их опоясывают верхнюю половину горшка. Нижняя заполнена косыми редкими рядами тех же вдавлений. Высота горшка 0.15 м, диаметр 0.19 м (рис. 51).

Погребение № 31. Нижняя камера имела в плане форму также близкую к овалу, с тем только отличием от верхней, что северный конец ее был углублен в сторону от входа. Наибольшая длина ее равнялась 1.80 м, ширина 1.10 м, высота 0.80 м. Потолок также полусферический, опирающийся на ровный пол без выраженных стенок. Внутренность этой камеры так же, как предыдущей, а равным образом и шахты была заполнена илистой темной землей. В камере находился скелет человека (женщины), лежавшей не на материковом полу, а на слое насыпной земли, такой же, какой заполнена и вся камера, приблизительно, на 0.30 см выше пола. На материковом полу был обнаружен тонкий слой золы и углей. Скелет лежал на правом боку, головой на север. Берцовые кости находились под прямым углом к позвоночнику, а голени в том же направлении, что и туловище. Таким образом ноги покойника были согнуты, как у человека, сидящего на стуле. Ступни ног вытянуты пальцами вниз в одну линию с голенями.Фаланги левой ступни оказались лежащими в сочленении, но значительно ниже костей запястья — на материковом полу камеры. Руки полусогнуты в локтях. Кисть левой руки находилась на костях таза, кости правой, согнутой в кулак, — возле правого бедра. Возле костей встречены следы красной краски. Большой комок ее лежал у шейных позвонков. Вещей в камере никаких не оказалось. Все кости скелета в прекрасной сохранности.

Погребение в нижней камере, повидимому, устроено позднее, чем в верхней. При устройстве ее верхняя камера была повреждена. При этом исчез

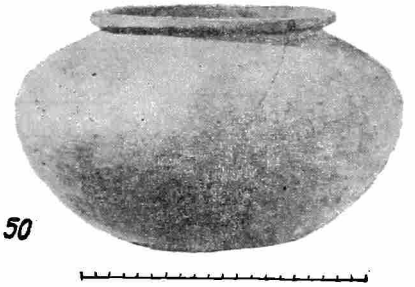

Рис. 48. Жаровня из катакомбного погребения № 29 в кургане № III. 49. Горшок из катакомбного погребения № 30—31 в кургане № III. 50. Горшок из катакомбного погребения № 51 в кургане № II. 51. Орнаментированный горшок из катакомбного погребения № 30 в кургане № III. 52. Воронка глиняная из катакомбного погребения № 49 в кургане № II.

череп находившегося в ней скелета, и несколько костей, в том числе лучевая кость руки, попали в засыпь нижней части новой шахты. Надо полагать, что большой горшок (рис. 49), найденный в верхней части шахты, принадлежит ко второму нижнему камерному погребению, так как он находится в пределах позднейшей входной ямы и не мог бы уцелеть при ее устройстве.

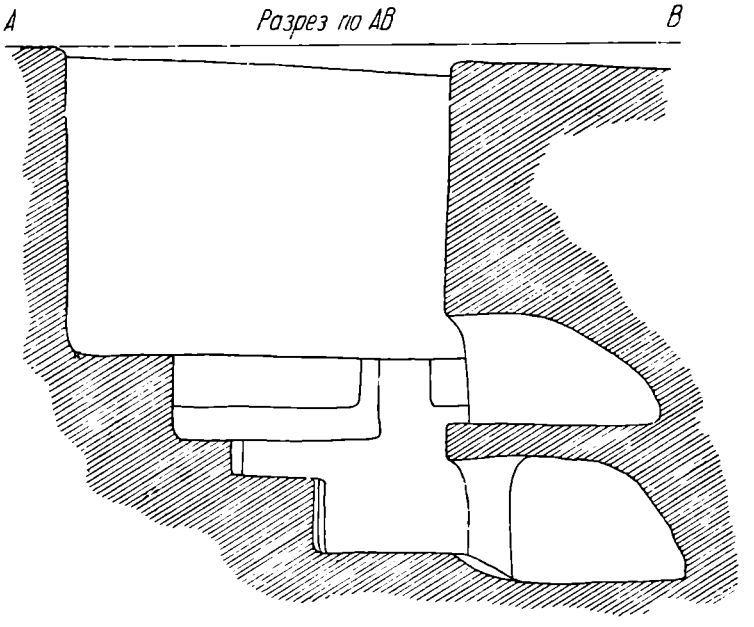

Рис. 53. Разрез катакомбного погребения № 30—31 в кургане № III.

4. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАХОДОК В КУРГАНЕ III

В общей сложности в раскопе второго кургана было открыто 25 погребений. Из них только 4 находились ниже уровня материка, два помещались на горизонте, остальные — в насыпи. Из этих погребений три, помещенные на горизонте, или в материке, несомненно относились к числу более поздних. Это те, в которых скелеты лежали на спине в вытянутом положении. Один из них — без вещей; один ориентирован на запад (погребение № 25), остальные два с горшками и бусами — на юго-восток и юго-юго-восток (погребения №№ 16 и 28). Из погребений в насыпи 11 содержали скелеты взрослых и 7 — детей. По положению они делятся: на сильно скорченные и представляющие ноги согнутыми, как у сидящего на стуле, на лежащих на спине и на левом или правом боку. Сильно скорченных было шесть взрослых и два младенца. В позе сидящих — четыре взрослых и один младенец. На правом боку лежало три взрослых, на левом — четыре взрослых и один младенец, на спине — два взрослых и один младенец. По ориентировке: пять скелетов были обращены головами на восток, два на юго-восток, три

на юго-восток-восток, три на северо-восток, один на северо-восток-восток и один на север. Какой-либо закономерности в сочетаниях этих признаков заметить не удалось. Следует отметить, что для части скелетов некоторые из перечисленных признаков положения или даже все остались не установленными. Катакомбных погребений в кургане было найдено всего три. В одном покойник, повидимому, находился в сидячем положении. В двух других костяки лежали на левом боку, с ногами, согнутыми в позе сидящего. Один из них был ориентирован головой на север, а другой — на северо-запад-запад.

В насыпи кургана были встречены немногочисленные кости животных и скорлупки яиц. У костяка в погребении № 25 встречены рыбьи и птичьи кости, но он принадлежит погребению значительно более позднему, по сравнению с главной массой захоронения и временем сооружения насыпи. Представляет интерес находка вблизи материка в одном месте трех раздавленных черепов и фрагментов горшка. Никаких других частей скелета при этом не обнаружено.

Разведки и сборы подъемного материала

1. КУРГАН НА КРАЮ ДЕРИВАЦИОННОГО КАНАЛА

Кроме описанных выше раскопок, в 1935 г. была сделана расчистка в обрезе кургана, находящегося на средине расстояния между двумя раскопанными курганами. Южная половина этого кургана была снесена при прорытии деривационного канала. По измерениям Н. Марчукова насыпь кургана, имевшая в диаметре 22 м, возвышалась над окружающей местностью на 1.30 м. При сносе части ее Н. Марчуковым были собраны: 1) целый горшок яйцевидной формы с расширяющимся горлом, украшенный врезанной широкой бороздкой вокруг основания горла и резными же спускающимися от нее шевронами, состоящими из концентрических треугольников. Высота горшка 0.18 м, диаметр 0.14 м (рис. 54); 2) горшочек с округлым телом и высоким прямым горлом и выступающим в верхней части его отростком-ручкой. По горлу он украшен опускающимися от края треугольниками, очерченными двумя параллельными шнуровыми линиями. Высота его 0.12 м, диаметр 0.12 м (рис. 55); 3) сходный по форме с предыдущим горшочек с отбитым горлом; 4) черепки сосуда с зигзагообразным орнаментом; 5) черепки сосуда с лучистым орнаментом; 6) черепки сосуда с отверстием в боку и 7) ряд отдельных фрагментов других сосудов. При осмотре этого кургана по сторонам его в обрезе канала были замечены следы затянувшегося рва, глубиною в 1 м. В середине разреза, ниже уровня материка были видны следы ямы. На дне канала после подчистки в этом месте также обозначилось пятно, имевшее возле обреза параллельные края, соответствующие краям ямы в обрезе, а далее расширявшееся и принимавшее неправильные очертания. Поверх

ямы на уровне материка были заметны следы дерева, перекрывавшего ее вогнутым вниз слоем. Рядом с краями ямы в насыпи кургана прослеживается выкид материкового грунта. При расчистке этих следов погребения оказалось, что они являются остатками катакомбной могилы, почти целиком уничтоженной при устройстве канала. При расчистке найдены два куска песчаника. Вблизи этой могилы на дне деривационного канала встречены обломок человеческой кости и камень-отбойник.

Рис. 54. Горшок из кургана, разрушенного деривационным каналом.

Рис. 55. Сосуд из кургана, разрушенного деривационным каналом.

2. ПОДЪЕМНЫЙ МАТЕРИАЛ

Экспедицией 1935 г. были также осмотрены земляные резервы строительства канала на обоих берегах реки, а вместе с тем и некоторые другие пункты берега Маныча вблизи плотины. Резерв на южной стороне реки угрожает сносом кургану, находящемуся на берегу по направлению от плотины к бывшему огородному участку. Производителем работ было обещано сохранить этот курган нетронутым до будущего года. На месте древнего поселения, открытого на южном берегу реки близ плотины в 1934 г., было собрано небольшое количество фрагментов керамики, относящейся как к средневековью, так и к эпохе бронзы. По сообщению Марчукова, здесь же им была найдена маленькая мусульманская монета. На северном берегу реки, к востоку от плотины осмотрен небольшой курган, частично размытый рекою. В обрезе его видны кости двух разрушенных погребений. Собрано несколько фрагментов керамики и взяты кости вынутого из кургана человеческого черепа.

3. КОЛЛЕКЦИЯ Н. МАРЧУКОВА

В составе описываемого могильника находилась большая курганная насыпь, известная под именем «Шахаева кургана». Наблюдавший за разрытием этого кургана техник Н. С. Марчуков сообщает о нем следующие подробности. Курган находился на месте сопряжения пойменной части плотины с береговой, т. е. на самом краю надпойменной террасы, и имел в высоту около 4 м при диаметре в 50 м. При снятии этого кургана было обнаружено,

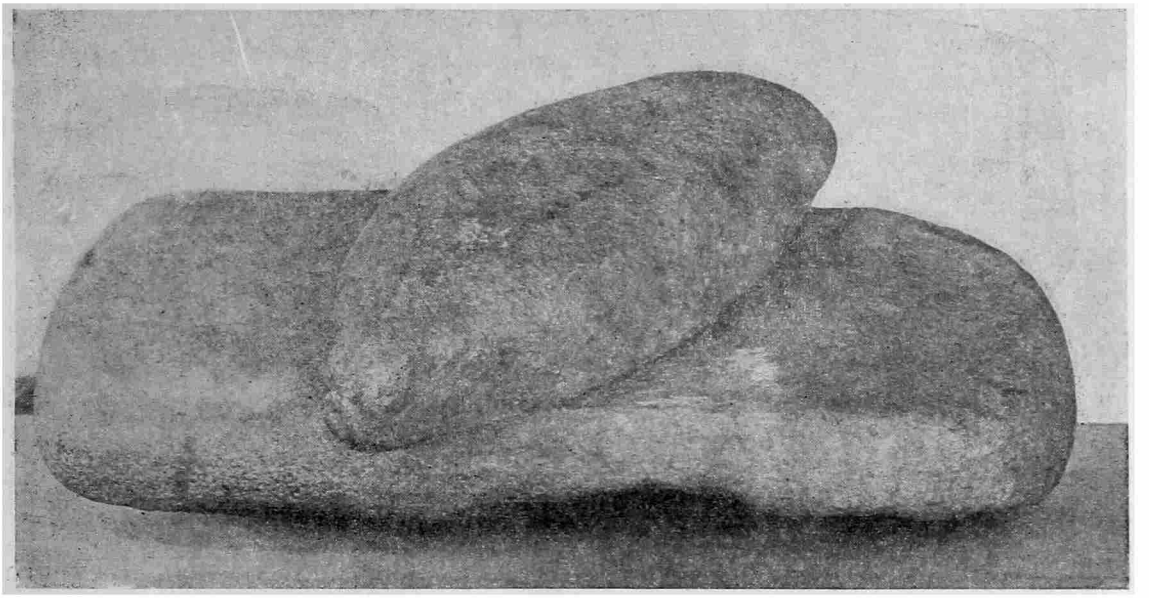

Рис. 56. Зернотерка, найденная в грабарском резерве близ плотины у хутора Веселого. Около $^1/_4$ н. в.

по приблизительным подсчетам, около двадцати различных погребений. Наибольший интерес представляет погребение, оказавшееся на глубине 4.75 м от вершины насыпи, т. е. в материке, по соображениям Н. С. Марчукова, являвшееся основным в этом кургане. Здесь на белой прослойке из глины или извести, посыпанной мумией в кусках до ореха величиной, находились ярко окрашенные в красный цвет кости неопределенного числа человеческих скелетов. Н. С. Марчуковым были собраны при них: бронзовое шильце, круглодонный горшочек, кремневый наконечник копья и плоский овальный камень с поперечным желобком на одной стороне. В другом кургане этого же могильника, в разное время были вырыты: бронзовый шлем, меч с бронзовой бляхой от ножен и разбитый черноглиняный сосуд с ручкой в виде барана, повидимому, составлявшие инвентарь одного погребения. Ниже, на месте того же кургана, найдены несколько человеческих скелетов с невыясненным положением, два целых сосуда и так наз. курильница с крестообразной ножкой, богато орнаментированная. Такая же курильница, но без орнамента и без полукруглого отделения у края

внутренней стенки, была найдена в насыпи вышеуказанного Шахаева кургана.

От Н. Марчукова получена коллекция, состоявшая из находок, сделанных при производстве земляных работ по плотине и из вещей, вымытых водою из берегов водохранилища. Кроме уже указанных, следует отметить в этой коллекции: 1) зернотерку, найденную на правом берегу Маныча в грабарском резерве (рис. 56). По словам Н. Марчукова, нижняя плита зернотерки лежала вниз плоской обработанной стороной, а верхний камень (терка) находился на нем сбоку, в щербине, вверх рабочей плоскостью.

Рис. 57—58. Два горшка из находки Н. Марчукова.

Ранее в этом месте были обнаружены 4 скелета и черепки сосудов, а немного к востоку в 1934 г. найдена была другая зернотерка и курант. 2) Два оригинальной формы сосуда. Один больший, как бы составленный из усеченных конусов, с ребром посредине высоты, и другой с закругленной выпуклостью боков и слабо намеченным прямым горлом. Оба без орнамента, с горизонтально обрезанным плоским краем. Оба светложелтой глины (рис. 57—58). Они были найдены вместе на берегу водохранилища, приблизительно, у основания Шахаева кургана. В большом сосуде находились мелкие (птичьи?) кости. Ряд фрагментов керамики был собран Н. Марчуковым в грабарских резервах и на месте вышеуказанного древнего поселения. Из числа находок на последнем можно отметить еще костяной «тупик» и два кремневых орудия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая результаты произведенных работ, следует в первую очередь подчеркнуть самый факт раскопки двух курганов значительной величины. В 1933 г. были раскопаны на Маныче 3 маленьких кургана, давших очень небольшой материал, не имеющий самостоятельного значения. В исследованных в 1935 г. курганах были найдены: одно древне-ямное, несколько

катакомбных и до трех десятков скорченных погребений в насыпи.[1] Все эти погребения относятся к разному времени и, принимая во внимание найденный при скелетах вещественный материал, довольно ярко характеризуют Манычский район как в его локальных особенностях, так и в отношении к соседним местностям — в медно-бронзовую эпоху. Особенно важно нахождение деформированных черепов в катакомбных могилах. До сих пор такого рода черепа были известны только из могил, относящихся ко времени не ранее первых веков н. э. Манычские же черепа датируются вторым тысячелетием до н. э.

М. М. Герасимов сделал опыт реконструкции внешнего вида одного из обладателей таких черепов (рис. 59) и в своем месте сообщит о методике такого рода реконструкций, а равным образом и о результатах их антропологического исследования.

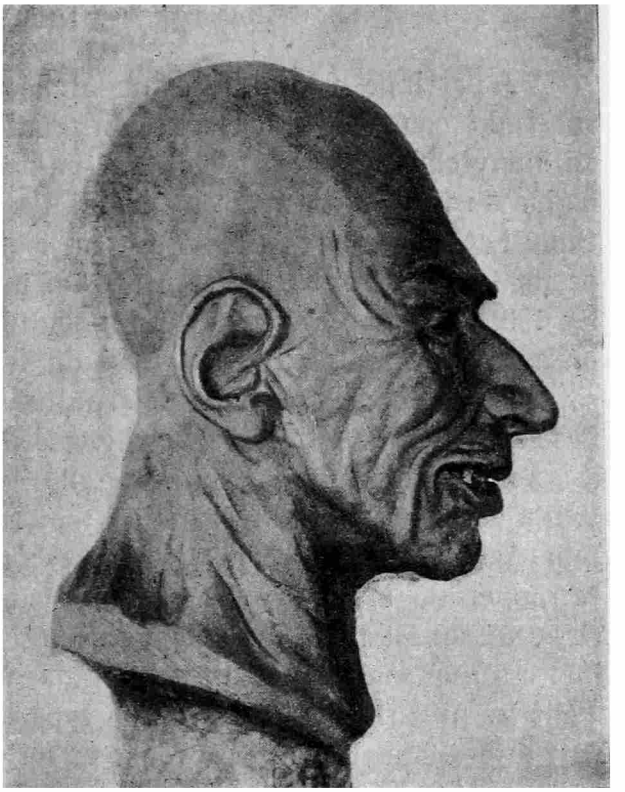

Рис. 59. Реконструкция головы по деформированному черепу из погребения № 45 в кургане № II. Работа М. Герасимова.

Представляют интерес погребения с оригинальными большими шаровидными сосудами, видимо, хронологически позднейшие в ряду погребений катакомбного типа. Нельзя не отметить также нахождение человеческой головки из красной охры и впервые встреченной глиняной воронки. Позднейшие погребения в вытянутом положении также представляют существенное значение. Вместе со случайными находками и материалом, добытым с поселений в 1934 г., имеющиеся до сих пор данные по археологии Маныча позволяют рассчитывать на открытие здесь еще более важных и интересных фактов из прошлого нашей страны.

---

[1] Экспедиция 1935 г. продолжалась полтора месяца. Она состояла из трех человек научных сотрудников. Работа производилась на средства, отпущенные строительством Манычского канала, оказавшим, кроме того, содействие средствами передвижения. Значительная помощь экспедиции была оказана правлением колхоза в хуторе Балабинском. Благодаря содействию председателя Балабинского колхоза, удалось подыскать рабочих и произвести вышеописанные раскопки.

M. ARTAMONOV

FOUILLES DE TUMULI EXÉCUTÉES EN 1935 DANS LA VALLÉE DU MANYTCH

RÉSUMÉ

A partir de 1933, des travaux archéologiques sont effectués dans la partie ouest du cours du Manytch, en relation avec la construction du canal du Manytch. Les prospections préliminaires de 1932 et l'étude en 1934 de la région du village Vessely ont établi l'existence dans la vallée de nombreux tumuli et d'anciens lieux habités. En 1933 furent fouillés sur le Manytch trois petits tumuli, qui ne livrèrent qu'un matériel restreint et peu intéressant. En 1935, on a exploré deux tumuli de dimensions considérables, dans lesquels on a trouvé une sépulture à fosse du type ancien, plusieurs sépultures «de catacombe» et une trentaine de sépultures «accroupies» dans le tertre même. Ces sépultures datent d'époques diverses et leur mobilier funéraire caractérise assez nettement la région du Manytch à l'âge du cuivre et du bronze. La trouvaille de crânes déformés dans les tombes de catacombe est particulièrement importante. Jusqu'à ce jour, pareils crânes n'étaient connus que de tombes se rapportant à une époque non antérieure aux premiers siècles de notre ère. Or, ceux du Manytch remontent au deuxième millénaire avant notre ère. Très intéressantes sont les sépultures à grands vases sphériques originaux, apparemment les plus récentes de celles du type «de catacombe». A signaler aussi une petite tête humaine en ocre rouge et un entonnoir en argile, rencontré pour la première fois. Les sépultures plus tardives dans la position allongée offrent également un intérêt considérable.

L'ensemble des données archéologiques recueillies dans la vallée du Manytch fait présager de nouvelles découvertes encore plus importantes.

Д. Н. ЭДИНГ

ИДОЛЫ ГОРБУНОВСКОГО ТОРФЯНИКА

Насколько тесно входят друг в друга области искусства и религии (или магии) в условиях первобытного общества, можно не напоминать. Даже в таких случаях, как находки изображений человеческой фигуры из кремня в Волосове, или на Унице, а также при сопоставлении многочисленных литых бронзовых изображений человека, животных и птиц, встречаемых в восточном и западном Приуралье, перед исследователем встает не всегда преодолеваемый соблазн видеть в них произведения изобразительного искусства и устанавливать качественный показатель его. Реальным следствием подобных заключений является вывод о низком уровне изобразительного творчества в обществе, оставившем подобные изображения. вывод, как будто, опирающийся на ограниченное число подобных памятников в сравнении со всей массой известного и сопутствующего им вещевого материала. Ответственность подобных выводов несомненна даже в том случае, когда обследованию подвергается целый ряд синхроничных памятников. Необходима «случайность», чтобы показать условность подобных суждений и напомнить, какая ничтожная часть вещевого материала и далеко не всех категорий сохраняется в почве и попадает в руки археолога, не имеющего, казалось бы, основания на базе разрозненных фрагментов строить суждения о качественной стороне таких сложных надстроечных явлений, как изобразительное искусство.

Подобной «случайностью» и были отмечены раскопки Уральской экспедиции ГИМ на Горбуновском торфянике Нижнетагильского района. Эти раскопки дали изделия из дерева; в этом, разумеется, случайного было мало. Но никакое воображение не могло подсказать, что вслед за находкой деревянных сосудов, украшенных бесспорно художественной резьбой (рис. 6), в том же нижнем слое торфа, граничащем с озерной гиттией, будут обнаружены изображения человеческой фигуры, выполненные исключительно топорно и примитивно. Подвергать сомнению одновременность существования тех и других предметов нет оснований. Все вещественные памятники, обнаруженные в торфе (не считая крайне редких находок плохо обожженной керамики несколько ниже пограничного горизонта), можно отнести

самое большее к двум моментам. К более раннему принадлежали бы деревянные предметы, находимые у самой границы торфа и гиттии; будучи выброшены с берега или лодок, они могли быть прибиты ветром к зарослям осоки и других растений, запутаться в них и частично сохраниться до тех пор, пока над ними не образовался торфяной покров. Когда вся прибрежная зона озера была заболочена, окрестное население проложило от берега, только по наиболее топким местам, «слани» (рис. 1) и укрепило сваями и настилом отдельные пункты, где может быть и были сооружены шалаши или избушки. Так представляется освоение заболачивающегося озера человеком.

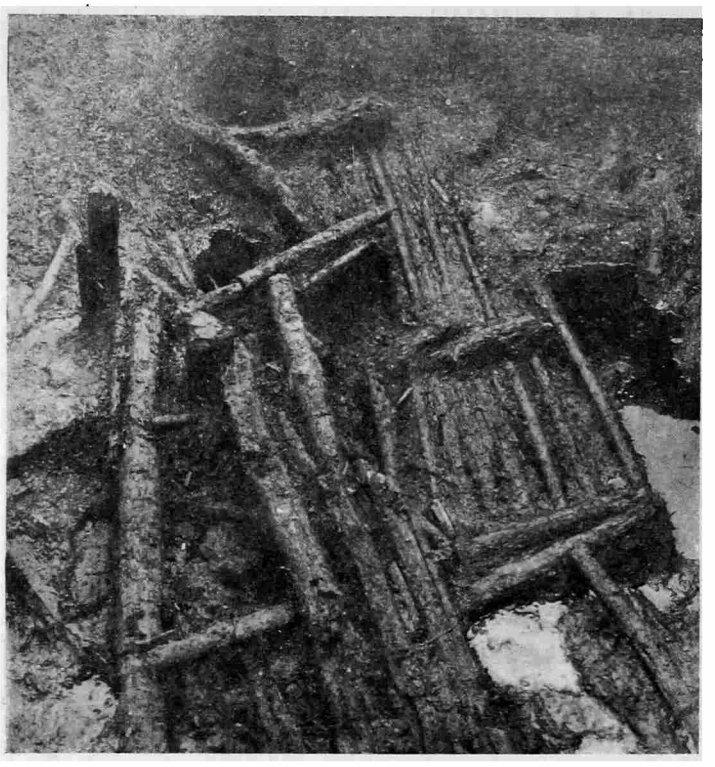

Рис. 1. Горбуновский торфяник. Остатки «слани» и свай на дне выемки A_2.

В настоящий момент нет нужды повторять соображения, высказанные уже в печати,[1] о характере культуры и, в частности, о ритуальном назначении горбуновских болотных сооружений. Находки и посуды со скульптурой и изображений человеческой фигуры во всяком случае принадлежат одному отрезку времени: первые обнаружены в нижних слоях совершенно чистого торфа, вторые оказывались частично погруженными в гиттию или находились в торфе у самой ее границы. Залегание их на одном уровне с многочисленными остатками весел, луков, копыльев и т. п. может быть объяснено тем, что прибрежная болотистая полоса представляла место, куда выбрасывалась после совершения обряда культовая посуда (почти всегда предварительно ломавшаяся) и столбообразные «идолы», легко увязавшие в неуплотнившемся иле. При этом только однажды удалось обнаружить при раскопках остатки безусловно искусственного настила из жердей, на котором лежал фрагмент тонко вырезанного из капа ковша (к сожалению, без ручки), и у самого края настила — верхнюю часть головы «идола», почти целиком ушедшего в гиттию. Таким образом, и настил, и деревян-

[1] Д. Эдинг. Горбуновский торфяник. Материалы по изучению Тагильского округа, вып. 3, Тагил, 1929.

ный ковш, и изображение человека можно связать в единый по времени комплекс.

Условность деления горбуновских памятников на два горизонта не подлежит сомнению. Скорее всего они принадлежат одному периоду, а разница залегания зависит не только от прежнего рельефа и очертаний водного зеркала, но и от наличия пловучих торфяных островов и т. д.

Существование у древних обитателей Урала культовых деревянных изображений человека было известно задолго до начала раскопок на Горбуновском торфянике, благодаря случайным находкам на Шигирском болоте большого целого «идола» и головы другого, меньших размеров.[1] Памятники, открытые до последнего времени в торфе Шигирского болота, принадлежали тому же обществу, что и горбуновские, доходя, видимо, до первых веков н. э. Эта датировка, не противоречащая определению времени шигирских идолов, данному В. Толмачевым, базируется на предварительном изучении двух пунктов Шигирско-Калатинского торфяного бассейна и на сопоставлении значительного количества известного оттуда случайного материала с раскопочным материалом Горбуновского торфяника и его восточного берега. Соответственно этой датировке бо́льшая примитивность горбуновских изображений приобретает известную обоснованность, но общее число фигур, обнаруженных на том и другом торфяниках, настолько незначительно, а хронологические границы настолько расплывчаты, что этот признак не должен иметь особого значения. Отнюдь

Рис. 2. Голова идола из Горбуновского торфяника.

[1] Вл. Толмачев. Деревянный идол из Шигирского торфяника. Известия Археолог. комиссии, вып. 60, П., 1916, стр. 94 (там же имеются изображения обоих памятников).

не исключается возможность как находки на Шигире фигур более примитивных, чем горбуновские, так и более совершенных со стороны техники и композиции — в Горбунове, тем более, что возможности и средства художественного производства, бывшие в распоряжении отдельных семейных и родовых организаций, унифицировать для какого-либо отрезка времени невозможно.

За все время работ экспедиции на торфянике было найдено при раскопках две целые человеческие фигуры и голова третьей. Исключительная редкость подобных находок заставляет дать описание, самое сжатое, каждой из них в отдельности.[1]

«Идол» из раскопок 1931 года (рис. 2—4) вырезан из обрубка сосны; его длина — 1.25 м. От остальных человеческих изображений, найденных на уральских торфяниках, эта фигура отличается тем, что в ней переданы не только голова и туловище, но и ноги. Несоразмерно длинное цилиндрическое туловище без рук завершается тонкой шеей, на которой сидит яйцевидная голова. Последняя отличается довольно тщательной работой; на боковых и затылочной сторонах видны широкие срезы, сделанные желобчатым орудием и не сглаженные. Трактовка черт лица условна (рис. 2). От наиболее высокой части — темени — профильная линия постепенно спускается к линии бровей, не образуя сколько-нибудь заметного перегиба в лобной части. Щеки показаны одной плоскостью, которая, поднимаясь от щели рта, постепенно западает, подходя к уровню глаз, совершенно не обозначенных. Нос не разделяет щек, а выдается между глазными впадинами, слегка загибающимся вверх пирамидальным выступом; конец его обломан. Необычайность этой формы объясняется до некоторой степени тем, что для передачи носа был использован сучек, снизу отчасти подрезанный. Рот имеет форму продолговатой, глубокой выемки и помещен несколько наискось. Оформление туловища не менее условно: подтесана верхняя часть груди, нижняя часть живота; круто срезаны плечи и стесана задняя сторона обрубка так, что плоская спина приблизительно с половины длины выгибается и в области таза выступает наравне с выдающейся частью затылка (рис. 4). Остальная поверхность обрубка не имеет никаких следов обработки, не сглажены даже небольшие выступы от веток. Наконец, несоразмерно короткие ноги переданы слегка согнутыми в коленях; с внешней стороны бедер сохранились необработанные части поверхности ствола. На других сторонах заметны широкие срезы. О желании передать форму бедер не говорит ничто. Голени имеют форму колышков с небольшими утолщениями на задней стороне, в области икр. Сохранившийся в паховой части след сучка указывает, что изображение принадлежало мужчине и было связано с фаллическим культом. Обнаружен этот «идол» под стенкой выемки в непосредственной близости от остатков настила, как уже ука-

[1] Обломки четырех изображений человека, найденные во время раскопок 1936 г., будут изданы в экспедиционных отчетах.

зывалось выше. Голова фигуры немного выдавалась из гиттии, в которой она была погружена почти вертикально. Под действием одностороннего давления стенки забоя и воды, наполнявшей соседнюю выемку, шея идола

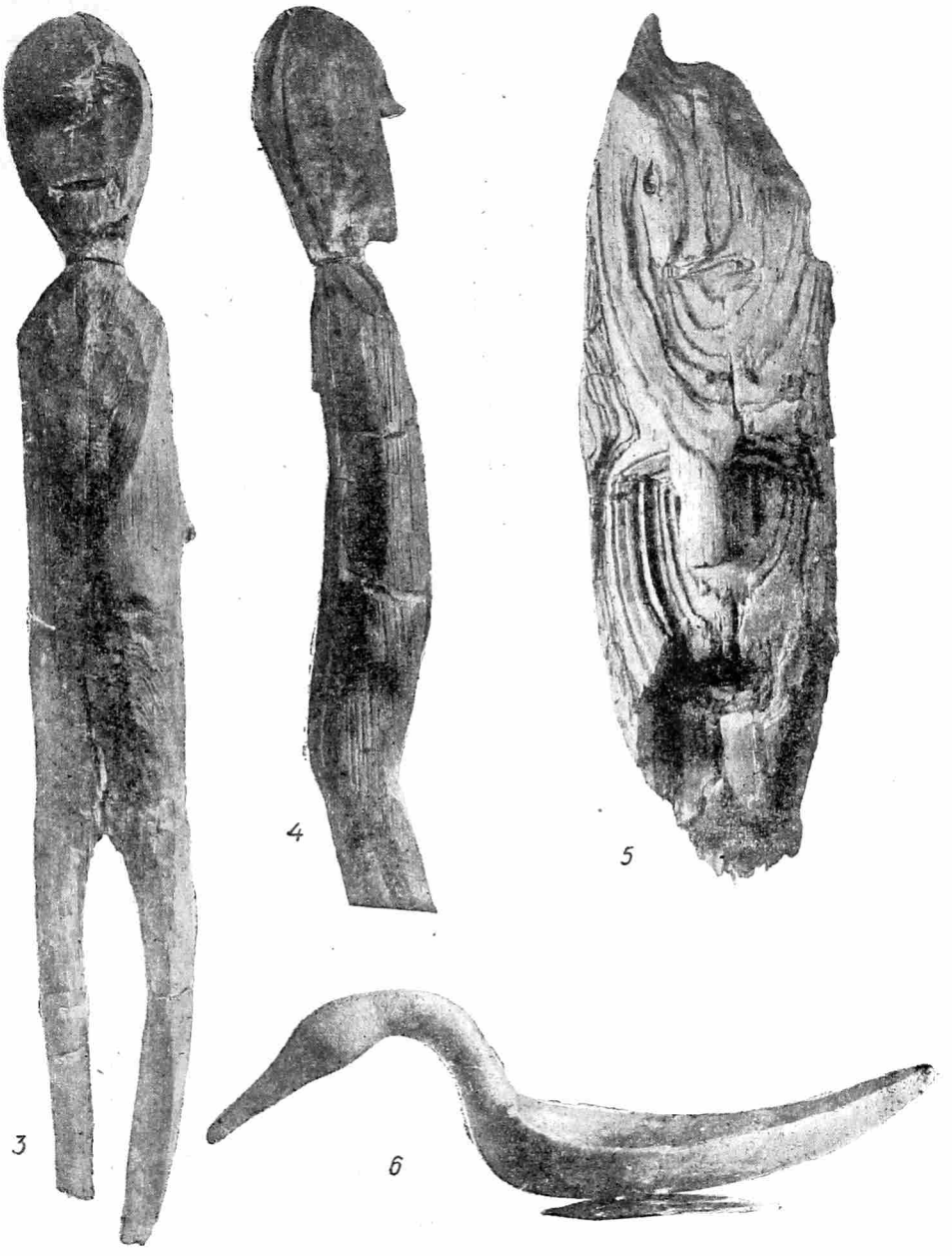

Рис. 3—6. Идол из Горбуновского торфяника. Профиль идола. Голова идола Горбуновского торфяника. Деревянная ложка с рукояткой в виде головы птицы.

и ноги лопнули при извлечении из вязкого ила, затягивавшего все раскапываемое вокруг него пространство. В настоящее время это изображение хранится в музее г. Тагила.

В 1927 г. раскопками экспедиции была обнаружена голова «идола» (рис. 5), отличавшегося большей примитивностью и большей небрежностью

работы. Последнее отразилось отрицательно на качестве сохранности, как это обычно приходится наблюдать на деревянных предметах, лишенных тщательной и законченной обработки поверхности. Вся фигура была, видимо, вырезана из узкой плахи и, судя по пропорциям лица и головы (ее высота — 0.41 м), отличалась высотой более значительной, чем только-что описанное изображение. Передача основных форм лица не разнится от последнего, за исключением носа, который вырезан в виде прямоугольной полосы в одной плоскости со лбом, отличающимся большой высотой и заостряющимся кверху. Этот признак не бросается в глаза у «идола» 1931 г., но становится характерным для позднейших бронзовых фигур Приуралья и вогульских деревянных «идолов». Задняя сторона головы плоская и лишенная обработки, несколько обгорела; шея несоразмерно тонка. Эта голова была обнаружена в торфе у границы с гиттией и не имела в непосредственной близости остатков сооружений, кроме редких рассеянных обгоревших щеп и единичных фрагментов керамики.

Наконец, открытый в том же 1927 г. целый идол (рис. 7 и 8) отличается предельной упрощенностью, являясь только колом высотой в 1.23 м с удлиненной головой на полого падающих плечах, подтеской в области груди и значительно стесанной спиной. Сохранность его настолько неудовлетворительна, что на плосковатой (в теперешнем состоянии) лицевой части головы можно с трудом рассмотреть только следы отверстия рта. Руки не показаны совершенно, как у «идола» 1931 г.; судить о поле изображенного существа нет никаких данных. Оба последние предмета входят в коллекции Государственного Исторического музея.

Кроме описанных «идолов», на Горбуновском торфянике было найдено в 1932—1933 гг. еще одно изображение человеческой фигуры из дерева. Открыто оно было при ремонте «капитальной» осушительной канавы и сожжено на костре раньше, чем кто-либо из постоянных служащих и местных рабочих узнал о находке. Поэтому и место, где оно было обнаружено, установить не удалось, и представление о внешности фигуры сохранилось среди рабочих в самых неопределенных чертах.

Немногочисленная серия уральских статуарных изображений человеческой фигуры завершается известным «идолом» и головой второго, найденными случайно на Шигирском торфянике; хранятся они в Свердловском областном музее и опубликованы В. Толмачевым. Не совсем хорошо сохранившееся изображение восстанавливалось из фрагментов дважды, в последний раз В. Толмачевым, сделавшим эту работу удачнее своего предшественника. «Идол» отличается необыкновенной величиной: его высота не менее 5.3 м. Голова выполнена круглой скульптурой; она завершает узкую доску, покрытую рельефными и нарезными изображениями со всех сторон и заканчивающуюся цилиндрической частью для врывания в землю. Голова «идола» и по форме и по выполнению похожа на голову горбуновского изображения 1931 г., отличаясь кругловатым профилем носа и совершенно круглым отверстием рта. Главная особенность этой фигуры заклю-

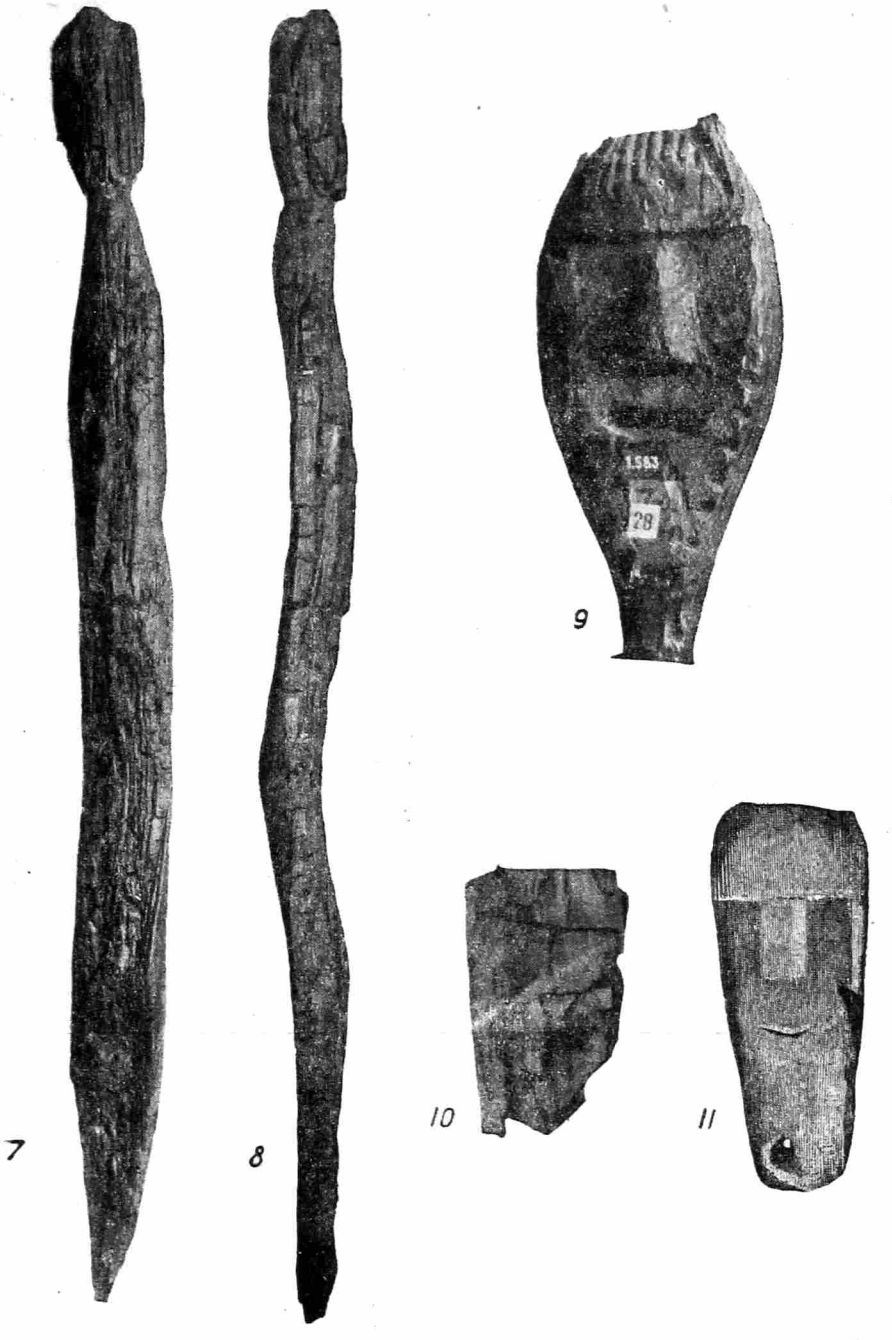

Рис. 7—11. Идол Горбуновского торфяника, фас и профиль. Голова идола из Шигирского торфяника. Шиферная пластинка с Шигирского городища. Привеска из янтаря (Финляндия).

чается в присутствии резьбы, вводящей ряд условностей, благодаря которым изображение окончательно переводится из мира реальных образов в категорию как бы объемных, трехмерных формул. Особенно интересна упрощенная схема человеческого лица, как на горбуновской голове 1927 г. (но без ротового отверстия), повторяющаяся три раза на передней стороне

доски и два раза — на задней. Остальная поверхность покрыта нарезами «в елочку», поперечными и зубчатыми. По В. Толмачеву, сочетания эти «в некоторых местах образуют изображения человеческих фигур типа восточно-уральских писанцев», а, с другой стороны, сходны с узорами, нацарапанными на костяных наконечниках стрел и гарпунов из того же торфяника.[1]

Сохранившаяся отдельно голова другого «идола» из Шигирского торфяника (рис. 9), судя по ее величине, принадлежала фигуре значительно меньшего размера. В ней, помимо волнистого обрамления лица, воспроизводящего скорее всего бороду, обращает на себя внимание нос, трактованный не как продолжение плоскости лба. Обе эти черты не принадлежат к числу типичных уральских, насколько можно судить о формах резных фигур по немногим находкам, известным к тому же далеко в несовершенной сохранности. Поверхность последней головы выветрилась значительно меньше, что отчасти может быть объяснено более тщательной ее обработкой. Эти два изображения принадлежат Свердловскому музею.

Из трех, сохранившихся целиком, уральских «идолов» только один определяется со стороны пола. Если наша догадка о значении волнистого обрамления лица деревянной шигирской головы справедлива, то из пяти целиком и фрагментарно сохранившихся уральских фигур, по крайней мере две являются изображениями мужчин. Этот факт необходимо подчеркнуть, так как он сигнализирует одну из стадий возвышения правовой роли мужчины в роде. По выражению Энгельса, это была революция, «одна из самых решающих, какую пережило человечество».[2] Логическим и реальным следствием ее оказалось главенство мужских божеств над женскими.

Надо сознаться, что экономические причины, передавшие в уральском обществе власть из рук женщины в руки мужчины, вскрыты далеко еще недостаточно. Приручение животных на материале Горбуновского торфяника пока отражено находкой полоза нарт; в раскопках на Калатинском торфянике кости коровы составляют ничтожное меньшинство относительно костей охотничьих животных, главным образом, лося. Необходимо значительно расширить базу обследования, чтобы экономические основы жизни родового общества вскрылись на памятниках различных категорий.

Горбуновские вещи повседневного употребления, — безразлично, какую категорию предметов из любого материала мы выберем, — отличаются особенно тщательной отделкой, а воспроизведения животных и птиц (рис. 6), кроме того, четкостью передачи форм и в определенных случаях — продуманностью композиции. Передача же человеческого тела у только что перечисленных «идолов» идет совершенно другим путем, ограничиваясь самой грубой и неполной схемой, заведомо искажающей передаваемый образ. Эта черта объединяет все уральские резные изобра-

[1] В. Толмачев. Ук. соч., стр. 99.

[2] Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934, стр. 58.

жения человека от более совершенного до самого упрощенного и заслуживает некоторого внимания. Что в уральском родовом обществе были настоящие мастера-художники, — в этом не может быть сомнения. Но, очевидно, должны были существовать особые условия, чтобы из рук опытного резчика могли появиться на свет эти примитивные фигуры, чтобы мастер с развитым зрительным восприятием оказался беспомощным в передаче человеческого тела, — даже не пытался сохранить основные пропорции и хотя бы общие массы тела, наблюдать которые он имел возможность несравненно лучше, чем лосей и лебедей.

Подобную же двойственнойсть отмечает В. Богораз в изобразительном творчестве чукоч и коряк: их человекообразные амулеты чрезвычайно грубы, в то время как детские игрушки и мелкие предметы из дерева и кости отличаются совершенством работы. Объяснение разницы в подходе к работе тем, что «консервативная сила религиозной обрядности рано останавливает дальнейшее развитие формы амулетов»,[1] не вызывало бы в данном случае возражений, если бы мы могли выяснить ход развития обрядовой практики уральского общества три тысячелетия тому назад, а вместе с тем степень завершенности религиозных представлений и, следовательно, силу воздействия консервативных тенденций в данную эпоху. Если религиозные верования и связанная с ними культовая практика находились в стадии развития и углубления,— мы не в праве предполагать значительную роль консерватизма и канонизацию формы «идолов».

Причины, по которым опытные уральские резчики не применяли свое искусство в изображении человека, представляются двух родов. Во-первых, известно убеждение, характерное для невысокой стадии культуры, что духи умерших не всегда милостиво относятся даже к близким потомкам, не окончившим земное существование, и в обращении с первыми последние должны соблюдать известную меру. Д. Фрезер останавливается на боязни многих «диких племен» даже называть имена умерших. Это верование отмечается, между прочим, у древнего населения Кавказа.[2] Во-вторых, связь души с телом считается настолько зависящей от внешнего вида последнего и настолько непрочной, что изменить облик спящего, — даже придать ему другую позу, — считается достаточным, чтобы затруднить временно вышедшей душе возвращение в свое обиталище, которое она может не узнать.[3] Таким образом вполне допустима мысль, что изображение духа не должно было отличаться удерживающими свойствами, т. е. иметь сходные черты с человеческим телом, а тем более — с определенными лицами, если речь идет о культе предков.

Сознание древних обитателей Урала подсказывало им, что воспроизведение наиболее желательных объектов охоты на культовых предметах

---

[1] В. Богораз. Религиозные идеи первобытного человека, «Землеведение», 1908. № 1, стр. 68.

[2] Д. Фрезер. Золотая ветвь, т. I, стр. 289.

[3] Ук. соч., стр. 213.

должно давать безошибочное указание богам-покровителям на животных и птиц, необходимых охотникам. Иными словами эти скульптуры только тогда будут отвечать своему назначению, когда будут отличаться наибольшим сходством с оригиналом. Тем более возможно, что боязнь привязать духа к его изображению вызвала по отношению к последнему требования обратного порядка. Такое предположение объясняет, однако, только нереальность и условность деревянных фигур. Крайняя топорность и небрежность работы может быть связана с ограничением круга лиц, которые имели право изготовлять эти изображения, группой определенных членов родового коллектива, причем наличие одаренности и даже уменья использовать свойства орудий и материала не играло никакой роли. Для значительно более позднего времени мы имеем ряд указаний, вполне подтверждающих реальность этого предположения.

В конце XVIII в. Георги, говоря «о шаманском языческом законе», пишет: «Идолы, которые, по понятиям разумнейших, суть подобия божков, а по мнению глупых — самые божки, делаются по большей части шаманами[1] из странных отростков дерева и из каменных отломков, которые кажутся подобными несколько человеческому виду».[2] В середине девятнадцатого столетия известный финский исследователь А. Кастрен отмечает такую же обязанность шаманов изготовлять изображения духов-хранителей, между прочим, у тунгусов, калмыков, бурят, самоедов и остяков.[3] Необходимо подчеркнуть убеждение енисейских остяков, что духи «сами открывают» шаману, из какого материала и какого вида должно быть сделано изображение. Не таится ли здесь желание шаманов мотивировать условность и неправдоподобие идолов ссылкой на «волю богов»? Изготовление одежды на фигуры духов опять-таки не может делаться кем угодно, а поручается девушке (остяки и самоеды); она же плетет корзинку, в которой хранится идол. Даже постройка, где помещаются изображения и дары, настолько священна, что никто, состоящий в браке, не может приближаться к ней. В отношении внешности остяцких идолов А. Кастрен отмечает деревянные мужские и женские фигуры, имеющие остроконечные головы (подобно голове одного из горбуновских изображений и ряду литых приуральских фигур). Эти изображения принадлежали и отдельным лицам, и семьям, и целым родам. Обилие одежд и украшений на них зависело от богатства его собственника. Идолы бедных стояли под деревьями и не имели одежд.[4] Из сообщений позднейших путешественников виден упадок культовых традиций в среде зауральского вогульского населения: по словам Гондатти, изображения богов делаются даже русскими, а иногда для нужд

---

[1] Подчеркнуто мною. *Д. Э.*

[2] Георги. Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. III, СПб., стр. 106.

[3] A. Castren. Vorlesungen über die finnische Mythologie, P., 1853, стр. 227, 229, 233 и 236.

[4] Ук. соч., стр. 218—219.

ритуала на Ирбитской ярмарке приобретаются детские игрушки — фигурки животных, в которые могут превращаться боги;[1] домашними и частными идолами служат палочки, обернутые шкурками и тряпочками. Другой путешественник — К. Д. Носилов — не только принимал участие в жертвенных угощениях, но помогал переодевать к празднику фигуру «шайтана», пользовавшуюся особым почетом.[2]

Не уклоняясь в изложение принципов бюрократической «просветительной» деятельности царского правительства среди туземных обитателей Сибири, мы отмечаем религиозный синкретизм последних как явление упадочного порядка. Полагаем, что функция шамана установилась в более или менее отдаленном прошлом.

Разумеется, этого недостаточно, чтобы утверждать наличие тех же функций у «жрецов» более чем за два тысячелетия. Косвенное указание на остановку развития ритуальной практики мы находим, однако, в композиции шигирского «идола». Не придавая особого значения его единичности, как явлению скорее всего временного порядка, мы должны остановиться на мысли резчика — механически «слить» в одно целое изображения шести человекоподобных существ и подчеркнуть преобладание одного из них. Очевидно, такой характер идола обусловил его необычную высоту, а в связи с повторяемостью на одном столбе нескольких идеограмм лица, мастер ввел для ясности условные линейные обозначения человеческого тела. Идол-кол, подобный горбуновской находке 1927 г., мог обойтись без такой разделки и по отношению к шигирскому является формой первичной. Графические изображения, связанные с культовыми потребностями, обнаруживаются нами не только на писаницах, но и на серебряных блюдах восточного и западного Приуралья, причем композиция усложняется в сторону многофигурности, конечно, в связи с возможностями, предоставляемыми плоскостью; внутренняя же связь изображенных существ остается механической, как на шигирском идоле. Таким образом эта небольшая серия более поздних археологических памятников не дает права предполагать усложнение и углубление культовых процедур у исконного населения Урала в эпоху, предшествующую колонизации чуждых племен.

Если наше предположение правильно, естественно продолжить его: вместе с достижением религиозными представлениями известной сложности, в родовом обществе должны были выделиться признанные блюстители культовых традиций и символов, близкие или вполне совпадающие по функциям с позднейшими шаманами, вряд ли менее авторитетные и более ограниченные, чем последние.

Чтобы пополнить перечень рельефных воспроизведений человека в древних культурах Урала, следует указать на небольшую шиферную пла-

[1] Н. Гондатти. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири, М., 1888, стр. 7.

[2] К. Д. Носилов. У вогулов.

стинку, найденную при разведке на Шигирском городище (рис. 10) и находящуюся в собрании материалов Уральской экспедиции Государственного Исторического музея. Она имела, должно быть, прямоугольную форму и лишь впоследствии утратила нижний край. Ее передняя сторона обработана сколами так, что от широкой и высокой прямоугольной площадки в одной плоскости с ней по средней линии выдается узкая полоса, не доходящая до нижнего края пластинки и разделяющая две впадины. Иными словами — мы имеем схему, повторяющую трактовку лиц горбуновского фрагмента и шигирской фигуры. Заметные на снимке темноватые пятна по сторонам полоски носа не являются углублениями, а зависят от затертости и более интенсивного цвета поверхности. Отсутствие ротового отверстия может быть связано с утратой нижней части пластинки: на всех дошедших до нас изображениях человеческого лица бросается в глаза непропорционально большая верхняя губа. Конечно, полной уверенности в том, что здесь мы имеем искусственно оббитую пластинку, быть не может. Вероятно, в иных условиях, без знания уральских резных деревянных изображений, эта пластинка не была бы включена в состав коллекции, но обстоятельства предшествующей работы на Урале вызвали несколько иное отношение к этой находке. Можно отметить и то, что рабочие, совершенно не осведомленные о человеческих изображениях Горбунова и Шигира, назвали ее с первого взгляда «жетоном», признавая значимость примитивного рельефа.

Других сколько-нибудь похожих воспроизведений лица в камне по образцу деревянных скульптур на Урале нам неизвестно, кроме привески из янтаря хорошей сохранности (рис. 11). Этот амулет найден в Финляндии (Sakkola), опубликован Аспелином в «Antiquités du Nord Finno-Ougrien», вып. I, стр. 13, и, по определению А. М. Тальгрена, относится к эпохе распространения гребенчатой керамики. Шигирское городище не может быть датировано раньше последних веков перед началом н. э., судя по предметам, добытым при вскрытии небольшой площади: среди значительного числа орудий из камня был обнаружен один бронзовый трехгранный наконечник стрелы «скифского» типа и железный нож. Даже при сомнении в искусственности обработки шигирской пластинки, указание Георги на использование шаманами «каменных отломков», близких «человеческому виду», должно подкрепить мысль о неслучайности присутствия этой пластинки в культурном слое. Таким образом, если в шигирской находке нельзя уверенно видеть трактовку человеческого лица, то отметить восприятие форм лица, естественных в наиболее примитивной резьбе по дереву, вполне возможно, как и для карельского амулета.

Изображения человека исключительно редко входят в замкнутый комплекс археологических памятников. Они дают возможность высказываться о магических и религиозных установлениях, не прибегая к догадкам общего характера. Одновременно, разумеется, возникают новые вопросы, для решения которых, особенно в отношении уральских резных изображений, необходимо продолжение работ на торфянике и обнаружение не только

новых резных фигур, но и связанных с ними свайных сооружений большей сохранности, чем это имело место до последнего времени.

Не резюмируя вновь ряд догадок и предположений, связанных с незначительным количественно и несовершенным качественно материалом, догадок не бесспорных, — можно вернуться к одному положению, истинность которого очевидна и получила только более яркую, доказательную форму в результате работ на Горбуновском торфянике: «случайность» обнаружения в одном и том же слое торфяных отложений Горбуновского болота резных памятников, качественно столь различных, отнюдь не говорит о подъеме изобразительного творчества исключительно в уральском родовом обществе; и если в ряде стоянок и могильников на обширной территории Союза ССР встречены до сих пор только наивные и схематические изображения животных и человека, то отсюда еще очень далеко до заключения, что именно эти невыразительные изображения являются памятниками искусства и, в частности, показателями определенной ступени, достигнутой художниками на данной стадии развития общества. «Случайность», обнаружившая бытование в одно и то же время диаметрально противоположных по качеству памятников изобразительного характера, связанных, скорее всего, даже в одном обряде, настойчиво указывает на то, что резные изображения создавались применительно к обстоятельствам по нормам, изменчивая мотивировка которых была понятна не одной идеологически-руководящей верхушке родового общества. Нами же эти обстоятельства и мотивировка пока только намечаются.

D. EDING

LES «IDOLES» DE LA TOURBIÈRE DE GORBOUNOVO

RÉSUMÉ

Parmi les nombreux objets recueillis par l'Expédition ouralienne du Musée Historique de l'Etat au cours des fouilles effectuées en 1926—1931 sur le lieu de sacrifice de la tourbière Gorbounovo (district de Taguil de la région de Sverdlovsk), l'auteur décrit des figures humaines sculptées en bois («idoles») (fig. 2—5, 7, 8), dont l'exécution gauche et négligée contraste nettement avec celle des vases en bois présumés cultuels (fig. 6) découverts dans la même couche.

Tous ces objets datent de la fin du 2-e ou du début du 1-er millénaire avant notre ère. Des cinq idoles ouraliennes connues de cette époque, celle reproduite sur les fig. 2—4 et un des deux fragments de figure humaine trouvés dans la tourbière de Chighir (fig. 9) peuvent seuls être déterminés comme des divinités masculines; le sexe des autres reste incertain.

L'apparition de dieux masculins et le caractère phallique de la première idole indiquent un amoindrissement du rôle des divinités féminines, et en même temps du rôle de la femme, en comparaison avec l'époque du matriarcat.

La grossièreté du travail et le schématisme par trop élémentaire des «idoles» dans la société primitive ouralienne, avec ses traditions artistiques bien établies et ses véritables sculptures en bois, s'expliquent selon l'auteur par la crainte fort possible chez un peuple arriéré que la reproduction exacte des morts puisse lier durablement leur âme avec les «idoles» et rompre l'isolement des vivants par rapport aux morts dans la vie quotidienne. En outre, la confection des «idoles» pouvait être une fonction réservée exclusivement aux prêtres ou à d'autres membres de la collectivité ne possédant pas obligatoirement un développement artistique; les explorateurs du XVIII—XIX siècle ont noté un rôle analogue des chamans chez les anciennes populations de la Sibérie (Ostiakes, Samoyèdes, Toungousses, Kalmyks et Bouriates).

Pour terminer, l'auteur mentionne un fragment de plaque d'ardoise (fig. 10) provenant de la couche archéologique du gorodistché de Chighir (derniers siècles avant notre ère), à la surface duquel les traces d'éclats enlevés reproduisent le schéma d'une face d'idole en bois; sans insister sur la provenance artificielle de cette figuration, on peut y voir une amulette semblable à celle trouvée en Finlande (fig. 11) et se rapportant à une époque beaucoup plus reculée.

Н. П. МИЛОНОВ

ДМИТРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ (КРЕМЛЬ ГОРОДА ДМИТРОВА)

Дата возникновения города Дмитрова по летописи — это XII в.: «В лето 6663 (1164) суще князю Георгию Суздальскому Володимерочу в своей области на реце Яхроме и с княгинею, в месяце октября 19 день родился ему сынь Дмитрий и нарече ему имя Всеволод, и постави на том месте во имя его град и нарече его Дмитров. Сей есть Всеволод всем русским нынешним княземь отец, зовомый «Великое гнездо».[1]

Основные факты из истории Дмитрова по письменным источникам следующие.

В XIV в. Дмитров превращается в самостоятельное удельное княжество, которым правят свои князья. Некоторый период времени этот город играл довольно значительную роль, будучи форпостом суздальских князей на западной окраине всего Владимиро-Суздальского государства. В 1301 г. здесь собирается съезд князей. По географическому положению Дмитровское княжество являлось посредником между Москвой, Тверью и Новгородом и было втянуто в длительную междоусобную борьбу, характерную для ранне-феодального периода. Летопись событий по Дмитрову полна фактов борьбы дмитровских князей, выступавших или самостоятельно для защиты своих владений, или в союзе с другими более крупными князьями.

В XVI в. Дмитров перестает быть самостоятельным центром удельного княжества и присоединяется к Москве. Но даже после утери самостоятельности город благодаря близости к Москве продолжает расти и играть некоторую политическую роль. Так, например, о роли Дмитрова как надежного форпоста московских князей в конце XV в. говорит и тот факт, что Иван III, завоевав Вятку, велел вывести отсюда в Дмитров «бо́льших и торговых людей».[2]

---

[1] Полное собрание русских летописей , т. XV, СПб., 1863, стр. 221; Полное собрание русских летописей, т. V, стр. 160.

[2] См. упоминание об этом факте у А. Вештомова: «История Вятчан с 1181 г. по 1781 г.» (Изв. Общ. археолог., ист. и этногр. при Казанском унив., т. XXIV, вып. 1—2, Казань, 1908 (Архангельский летописец, стр. 163).

О хороших укреплениях Дмитровской крепости в XVI в. имеется известие, по которому бояре советуют своему князю Юрию Ивановичу бежать из Москвы в Дмитров (после смерти Василия III): «Только государь пойдем в Дмитров, ино на тебя никто посмотрети не посмеет».

Во всяком случае, уже задолго до начала XVII в. Дмитров имел обновленную и усиленную крепость. Источники говорят, что Дмитровская крепость, сгоревшая в начале XVII в., больше не возобновлялась. С потерей крепостью наземных сооружений собственно и заканчивается военное значение Дмитрова.

Перейдем к описанию внешних особенностей памятника, характеризующих его в настоящее время как объект археологических исследований.

Дмитровское городище расположено на берегу старого течения речки Яхромы, на открытой, низкой пойменной долине. Уровень площадки городища слабо повышается не больше, как на 2 м в направлении от реки к современному зданию музея (рис. 1). В отличие от большинства древне-

Рис. 1. Профиль городища.

русских феодальных городищ — Дмитровское возникло не на высоком мысу, расположенном на стрелке между оврагами и течением речек, а прямо на «болоте». Строители города не считались даже с тем, что часть территории внутри кремля будет испытывать неудобства от болотистой почвы — важно было прежде всего организовать оборону. Шурфы в юго-западной части города быстро, на 2—3 штыках, заполнялись водой. В древности болотистая почва еще сильнее давала себя знать: раскопки построек XII—XIII вв. показали, что в кремле приходилось бороться с подпочвенной водой (свайный пол жилищ, песчаные заваленки около домов), а в XVI в. при постройке Дмитровского собора пришлось всю площадь, намеченную для этого, подсыпать песком не менее как на $^1/_2$ м высотой.

С северной стороны города видны следы старого болота. Речка Яхрома далеко отходит от укреплений кремля, но не трудно и теперь проследить, как и по плану XVII в., что старое течение Яхромы проходило всего в 40 м от северной оконечности вала (рис. 2); на этом плане отмечены два пруда, а внутри до сего времени сохранялся третий пруд. Эти пруды, по словам документов,[2] приспособлены были специально для содержания в них живой рыбы, привозимой для государева стола с Бело-озера, Волги и ее притоков — Мологи и Шексны. В Дмитрове существовал и Рыбной двор, подчиненный Семеновской канцелярии Приказа Большого двора.

[1] Полное собрание русских летописей, т. III, стр. 79.

[2] Шумаков. Обзор грамот, вып. III, № 299; Акты гражданской расправы древней России, т. II, № 184.

Рядом с болотом, по течению Яхромы, в документах отмечаются большие пастбищные луга,[1] а писцовые книги XVII в.[2] отмечают в Дмитровском крае обилие леса на ряду с пашнями и пустошами.

Еще сейчас хорошо сохранился вал старого Кремля, дающий небольшие отличия от плана укреплений, составленного по описанию 1647 г. и изданного в книге планов городов в полном собрании законов.[3]

По росписи Дмитровской крепости в 1647 г. длина вала равнялась 459½ саженям при 7—8½ саженях высоты снаружи и 5—6 саженях — внутри. Ширина рва от 6 до 15 саж. Начинается последний от Никольских ворот и тянется до Егорьевских. Сейчас вал разрезан тремя воротами, но в XVII в. существовало только двое ворот — Никольские и Егоровские, а третьи, Пятницкие, не показаны даже на плане 1859 г.

С северо-западной стороны вал был менее высоким. Наоборот, с юго-западной — вал очень высок и был окружен широким и глубоким рвом.

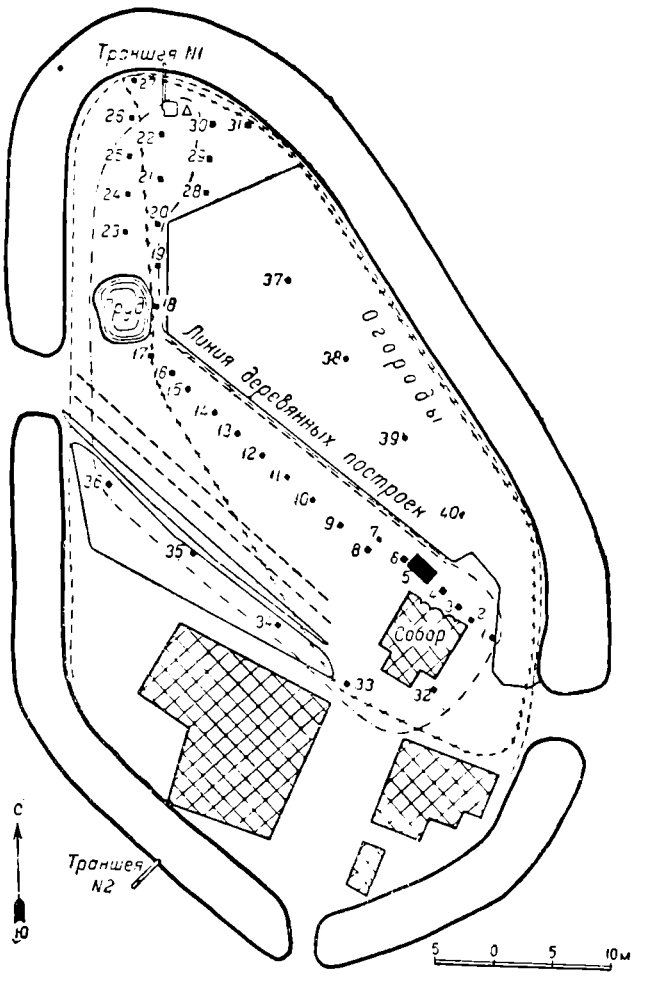

Рис. 2. План Дмитровского городища.

С противоположной, северо-западной и юго-западной стороны городища, за валом следов рва не обнаружено, что обличает стремление строителей крепости приблизить линию вала к самому болоту и реке и использовать естественные условия для обороны. Следы наземных, деревянных, башенных укреплений заметны еще до сего времени: в северо-восточном углу вала видно квадратное (10 на 10 м) углубление, очевидно, от ранее существовавшей здесь деревянной башни. По словам

[1] Холмогоров. Дмитровская десятина, стр. 141; Акты археографических экспедиций, т. I, № 167; М. С. Померанцев. Черты дворцового хозяйства в Дмитрове в XVII—XVIII вв., «Московский краевед», вып. V, М., 1928.

[2] Писцовые книги Московского уезда XVI в., стр. 776 (дьяка Хлопова), М., 1861.

[3] Полное собрание законов (первое), книга чертежей и рисунков, планы городов (план 18), 1839.

одного из путешественников, в XVII в. Дмитров был укреплен стеною из дерева, глины и соломы.[1]

До 1933 г. кремль в Дмитрове раскопкам не подвергался. Лишь в 1930—1931 гг. было произведено рекогносцировочное обследование его О. Н. Бадером. В 1933—1934 гг. раскопки этого памятника были проведены экспедицией ГАИМК на Москва-Волгострое.

Первые рекогносцировочные раскопки Дмитровского городища были выполнены в августе и сентябре 1933 г. отрядом экспедиции под руководством Н. П. Милонова, при участии научного работника К. М. Скалон.

Задача этих исследований заключалась в выяснении характера и содержания культурных отложений феодального города, что приобрело особый

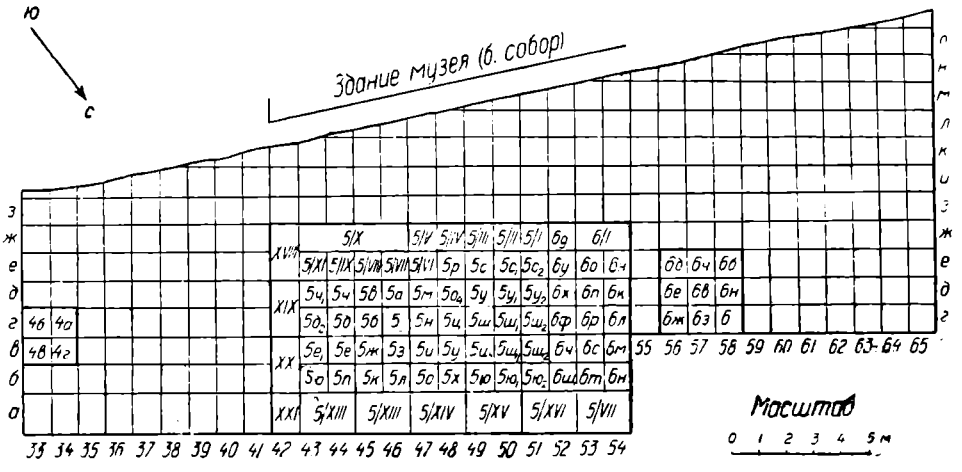

Рис. 3. План раскопа 1933—1934 гг.

интерес в связи с обнаружением многочисленных памятников феодального времени вдоль трассы канала Москва-Волга, а также на берегах Волги.

Результаты этих предварительных работ вполне оправдали возлагавшиеся на них надежды. Раскопки, даже на небольшой площади, охваченной работами 1933 г., дали необходимый стратиграфический и вещевой материал, который может быть положен в основу изучения памятников материальной культуры феодального периода в зоне «Москва-Волгострой».

Раскопки 1934 г. являлись продолжением рекогносцировочных раскопок 1933 г. Основными задачами работ 1934 г. было: 1) завершение исследования по важнейшим объектам (жилищам, мастерским и т. д.), изучение которых не было доведено в 1933 г. до конца, и расширение площади с остатками построек XII в.; 2) окончание шурфовки внутри городища; 3) доисследование крепостного рва; 4) накопление достаточного вещевого материала, необходимого для социально-экономической характеристики феодального города.

[1] Русский Вестник, 1887, смесь, стр. 136, статья Ю. Щ.; М. Н. Тихомиров. Город Дмитров. От основания города до половины XIX в., Труды Музея Дмитровского края, вып. II, Дмитров, 1925, стр. 39.

В связи с этим и объем раскопок 1934 г. был гораздо шире, чем в 1933 г. Если в 1933 г. было вскрыто 300 кв м площади, то в 1934 г. раскопы основной площади охватили 455 кв. м, шурфовка — 20 кв. м и траншея через ров за валом городища — 36 кв. м, всего 511 кв. м (рис. 3). Помимо раскопок, проведена нивелировка поверхности площадки и вала городища. Разведочная шурфовка городища (1933 г.) была произведена в основном по трем линиям: а) от здания бывшего собора по направлению к пруду и параллельно ей по скверу, б) параллельно первой — по огородам за домами с северной стороны, и, наконец, в) от пруда к северо-западному углу вала. Было установлено особенно мощное залегание нижнего культурного слоя около бывшего собора и на территории между прудом и валом. В данных пунктах и была в 1933 г. сосредоточена работа. Тогда же осуществлены раскопки вала и рва (рис. 4).

В 1934 г. раскопки локализированы на площади, прилегающей к основным раскопкам 1933 г. (рис. 3), и был дополнительно исследован ров.

Последовательность напластования культурных слоев дает возможность проследить непрерывную историю существования Дмитрова по памятникам материальной культуры от XI до XIX вв.: слои — а) XI—XIII вв., б) XIV—XV вв., в) XVI—XVII вв. и г) XVIII—XIX вв.

Все четыре слоя разделяются не только окраской и составом, но во многих пунктах светлопесчаной прослойкой.

Верхний культурный слой — светлосерый, песчаный, мощностью в среднем 50 см.

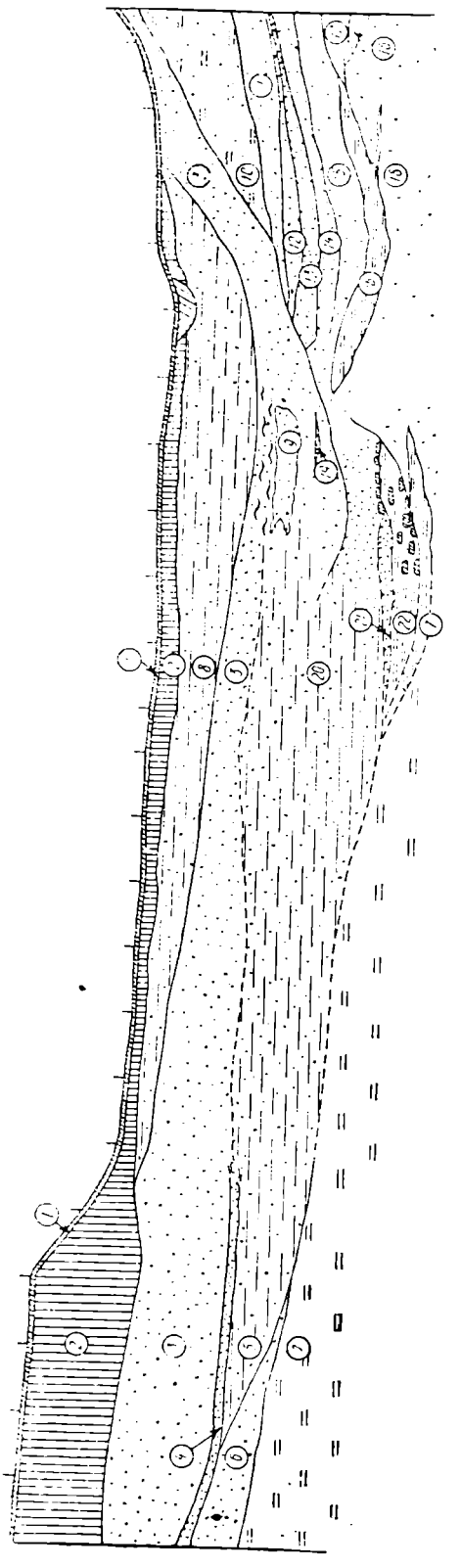

Рис. 4. Наслоения в стенке траншеи, перерезывающей ров городища.

Средний культурный слой имеет мощность до 1 м и делится на два горизонта: более светлый, верхний горизонт его напластования на 30—40 см., и несколько темноватый по окраске, нижний горизонт достигает толщины 60 см. Разделение на два горизонта указанного слоя весьма условно, так как только в отдельных местах можно было установить на стенках раскопов различие наслоений по цвету.

Нижний слой — песчаный, темносерый, сильно насыщен углистыми, зольными и древесными остатками; средняя мощность его — 1.30 м. Общая мощность культурных слоев доходит до 2.50 м.

Верхний слой имеет спокойный профиль, распространен по всей территории городища. Типичными находками в нем являются фарфоровые, стеклянные и глиняные изделия, железные вещи, кости домашних животных, изразцы и монеты XVIII—XIX вв. (Монеты 1708, 1731, 1735, 1758, 1788, 1867 гг.)

Средний — отличается менее спокойным профилем, распространен повсюду внутри кремля. Характерными культурными остатками в этом слое являются: большое количество лощеной керамики, лощеных и поливных изразцов XVI—XVII вв., металлические изделия, кости животных. Нижний горизонт этого слоя датируется серебряными и медными монетами московских и дмитровских князей XIV—XV вв.

Нижний слой относится к древнейшей стадии истории города и распространен, главным образом, в северной половине городища и постоянно включает в себя остатки деревянных сооружений и характерных для времени XII—XIII вв. находок, например, медных украшений, стеклянных бус и браслетов. Слой этот имеет неспокойный профиль и сохраняет следы жилищ, надворных построек, мастерских. Материк везде состоит из чистого беловатого, крупнозернистого песка.

К общим данным по стратиграфии памятника, полученным при раскопках площадки внутри кремля, необходимо добавить результаты исследований вала и рва городища, определяющие связь между стратиграфией слоев площадки и укреплениями города.

Для изучения устройства вала в северо-западной части городища прорыта траншея шириной в 2 м и длиной в 22 м. Эта траншея шла с площадки города по внутренней стороне вала до гребня его.

Разрез вала дает пять расцветок песчаной насыпи, говорящих о периодической подсыпке земли для увеличения насыпи. Три нижние горизонта определяют очертания древнейшего вала, высота которого от древней поверхности города была 1.25 м. Два верхние горизонта составляют вторую насыпь, по времени совпадающую с верхним культурным слоем и поднимающуюся над древним валом на 1.50 м.

Поздний вал был естественно шире древнего вала, лежащего в его основе. В насыпи древнего вала прослеживаются остатки свай, на которых покоились четырехугольные деревянные срубы, так наз. «городни». При этом сваи укреплены в своем основании глинобитными площадками. Близ-

кие к этому способу крепления валов имеются и в других древне-русских (например Сарское, Пронское и др.) и «финских» (Чепецкие)[1] городищах X—XIV вв. Остатки рва изучены нами с юго-восточной стороны. Глубина рва достигала 2—$2^1/_2$ м. Дно его покрыто тонкими, горизонтальными, непрерывно идущими песчаными прослойками, что говорит о заполнении рва водой.

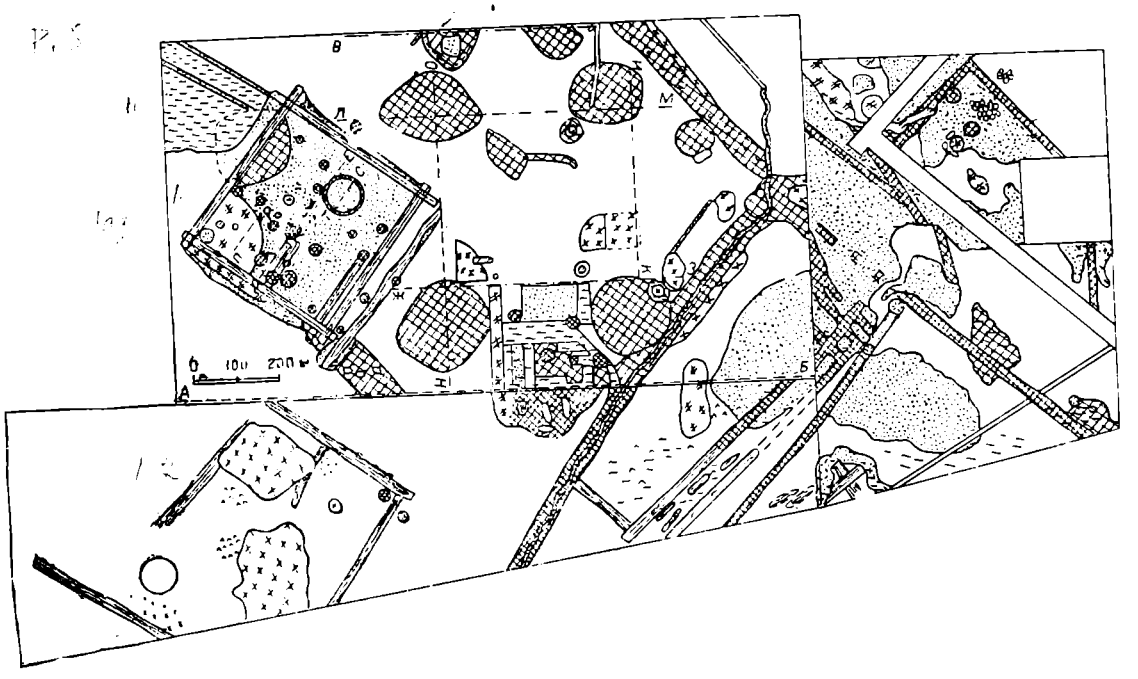

Рис. 5. План усадьбы XII в.

По разрезу стенок траншеи через ров видно, что углубление и расширение рва вокруг вала городища производилось три раза: самый древний ров, около основания вала, имел глубину 2 м.

Более поздний ров, включавший в себя отчасти и древний, был расширен до 14 м, и глубина в середине доходила до $4^1/_2$ м. Этот последний ров в XVI в. был еще углублен на 2 м и дно его было выложено кирпичами. Детальное изучение нижнего культурного слоя было сделано на участках около здания музея (бывший собор). Здесь на глубине от 1.70 до 2 м зафиксирован, на основании прослоек дерева, зольноугольных пятен и т. п. (рис. 5), ряд сооружений.

Значительный интерес в качестве памятников материальной культуры XI—XIII вв.[2] представляют открытые и изученные нами остатки

[1] Сб. «На удмуртские темы», Уч. зап. Инст. народов Востока при ЦИК СССР, вып. II, 1931.

[2] Характерно, что стеклянные цветные браслеты всюду сопровождают нижний слой и определяют границы распространения древних жилищ и застроек. Это явление, как известно, наблюдалось и во многих других исследованных древне-русских городах, например, в Пронском городище, Старой Рязани, Новгороде.

жилищ. Обнаружены остатки двух типов жилищ. Один тип представлен жилищами больших размеров и другой — небольшими избами.

За образец жилья первого типа можно взять исследованное при раскопках в 1934 г.

На глубине 1.10 м от поверхности сохранилась вся нижняя часть деревянного строения (рис. 6). Размер его 6 на 6 м. Сени прирублены были с западной стороны во всю длину нижних венцов сруба избы; ширина сеней 2 м. Глинобитная печь внутри избы расположена в юго-восточном углу и занимала площадку 2 на 2 м. Основание печи, т. е. «под» ее, стоял на деревянном помосте, укрепленном на четырех столбах. Устье печи обращено на левую сторону от входа. Под помостом печи имелась неглубокая яма — подпечье. Рядом с печью по южной стенке сруба избы находился так наз. «мост» — палати, т. е. квадратное, размером 2 на 2 м, деревянное возвышение, в виде настила плах на свайном основании, приподнятом над полом на высоту 1 м. Деревянный пол в избе лежал на перерубах, а самые перерубы были положены на невысокие сваи, так что уровень пола был выше поверхности почвы на 40 см. В юго-западном углу жилища находилось небольшое подполье, шириной 1 м, длиной $1^1/_2$ м и глубиной 0.50 м (рис. 6).

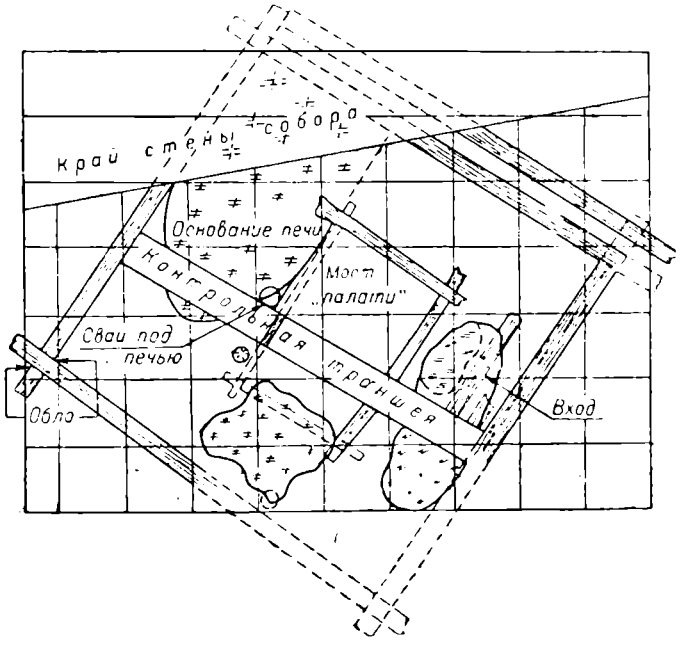

Рис. 6. План жилища XII в.

Подробная регистрация находок по этому жилищу заставляет считать, что оно принадлежало зажиточному хозяину: большое количество предметов не местного производства — бусы, браслеты, стеклянные, янтарные украшения. Немало сделанных здесь находок имеют значение вещественных документов, свидетельствующих о занятиях населения. Сюда относятся: обломки рала, зерна ячменя, жернов, топоры, орудия охоты и рыболовства. Интересно, что в этой избе обнаружено много плохо выплавленных железных шлаков, и на полу подняты две крицы.

Подобные жилища были открыты в двух случаях и при раскопках в 1933 г. Так, жилища 2 и 3, с подпольной ямой, имели размер 6 на 6 м. Печи здесь сделаны из древнего (квадратной формы) кирпича. Жилище № 3 в северо-западном углу раскопа № 5 смежно с небольшим жилищем № 1 (см. ниже описание последнего).

Некоторые существенные отличия от описанного типа жилых строений дает жилище 1, исследованное в 1933 г.

Жилище 1 (рис. 7) отделено от западной стенки открытого в нижнем слое дворового сарая песчаными в 20 см высоты и 25 см ширины «завалинками». Как углы сруба, так и перерубы деревянного пола этого жилья лежали на свайном основании. Подпольной ямы (погреба) внутри избы не было, пол же был поднят на сваях на 15 см от земли. Глинобитная печь, помещавшаяся в юго-западном углу, устьем обращена ко входу, ее свод стоял на свайном помосте из горизонтальных плах. Один вход в избу обо-

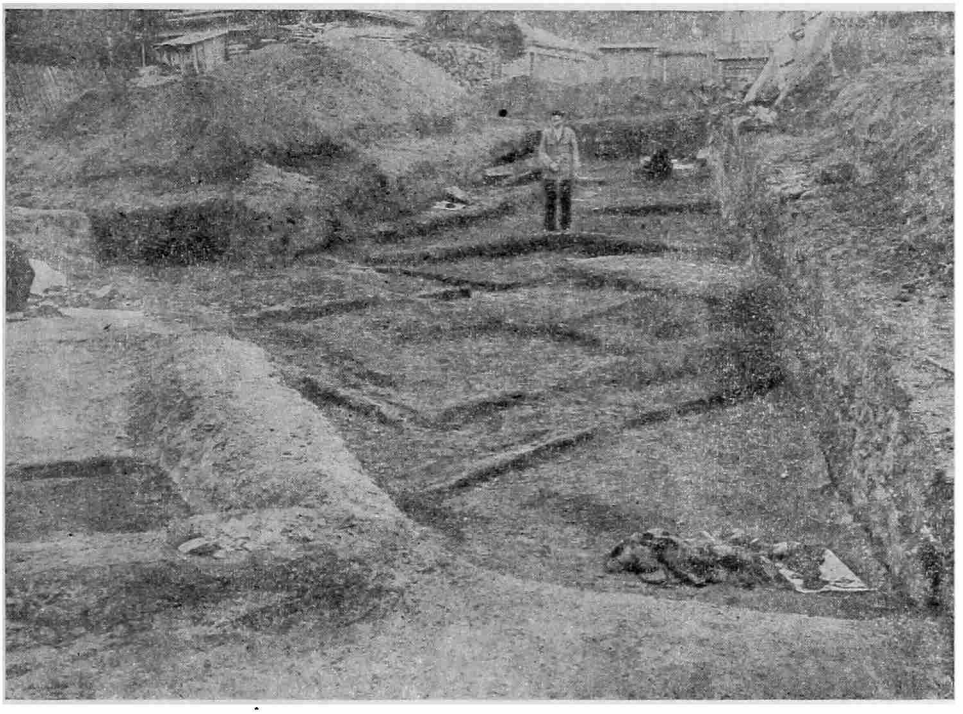

Рис. 7. Жилище XII в.

значен подпорожной ямой (порог приподнят), за которой шли небольшие сени, второй вход был с юго-западного угла у сарая (вход во двор?). От него остались две сваи, служившие косяками двери. Интересной деталью в конструкции стен данной избы является сплошной ряд камней, выложенный под восточной стеной жилья. Кроме отмеченных особенностей жилища 1 ближе к северо-западному углу его обнаружена круглая воронкообразная яма, выложенная сверху, по наружному краю, битым известковым камнем, в яме — рыхлое дерево; очевидно, эта яма от толстого врытого здесь столба, достигавшего, повидимому, потолка избы. Возможно, что столб был приспособлен для подвешивания на нем различных хозяйственных и домашних вещей. Жилье не было приспособлено к хранению хлебных запасов, в нем могла бы помещаться только небольшая семья.

Изучение инвентаря, найденного при раскопках указанного жилища, наличие в самой избе специально заготовленных больших комьев глины

и значительного количества обломков и цельных глиняных сосудов доказывали, что оно принадлежало гончару. Показательно, что в этом и подобных жилищах в большем количестве встречаются орудия охоты и рыболовства, чем в ранее отмеченных избах.

С одним, бóльшим по размеру, жилищем в планировке связан двор. Вокруг двора обнаружены следы плетня, сделанного из тонких кольев, переплетенных горизонтально тонким ивовым хворостом. Около стенок дворового сарая при жилище 2 обнаружены вырытые для стока воды канавки. По углам описанного сарая находились 4 ямы овальной формы, диаметром 2 м и глубиной 1 м с отлого поднимающимися наружу краями, обложенными камнем.

Внутри ям сохранились остатки рыхлого и горелого дерева и кусков обожженной глины. Особенно интересна яма в юго-восточном углу сарая: она была сверху закрыта обгорелыми, в 60 см толщины, плахами. Над ними, по всей ширине ямы и около нее, был слой (10—15 см) обожженной глины яркокрасного цвета и лежал большой, придавливавший плахи, жернов.

Это указывает на то, что над этой ямой на свайном помосте находился глинобитный свод от небольшой печки-горна, а яма являлась только подпечьем. Около печки небольшой помост, являвшийся, вероятно, «рабочим столом». Характер найденных вещей показывает, что здесь была кузница. Непосредственно на жернове обнаружены были две горбуши, куски шлаков, крицы и кузнечное зубило (рис. 8). Возможно, что жернов, употреблявшийся сначала по прямому назначению в хозяйстве — для размалывания зерна — мог быть впоследствии использован в кузнице, например, для отбивания и выправления на нем различных железных хозяйственных орудий — кос, ножей, «колеса́» для натягивания ободьев и т. п. В отличие от ямы в юго-восточном углу сарая, связанной с нахождением здесь кузницы, остальные 3 ямы были кладовыми для хлеба и зерна (обнаружены орехи и зерна ржи).

Хлебные ямы в 2 кв. м шириной, глубиной в 1 м. Вместимость ямы — до $3^1/_2$—$4^1/_2$ центнеров зерна. Таким образом наличие по крайней мере трех таких ям в одном хозяйстве определяет возможные запасы хлеба до 25—28 пудов.

Наконец, для полноты описания устройства сарая, необходимо отметить следы от перегородок в северной его части, говорящих, возможно, об особых помещениях для скота.

Рядом с кузницей, между ямами в юго-восточном углу сарая, обнаружен деревянный помост — «лавка» — длиною в $1^1/_2$ м, лежавшая на сваях. На поверхности помоста найдены предметы, определяющие его назначение. Здесь находились две пары весовых (от двух больших неподвижных весов) чашек. Две чашки железные, диаметром 25 см, со слегка подымающимися краями и с дырочками по краям, а рядом с ними — куски спекшегося железа; другие две чашки бронзовые, более глубокие, напол-

ненные остатками зерен гороха и ячменя. Рядом с чашками найдены остатки пережженых костей птиц и рыбы. Невдалеке от обеих весовых чашек, на помосте, стоял цельный глиняный сосуд, заполненный сплавившимися от огня кусками железа, среди которых обнаружена четырехугольная ($2^1/_2$ на $2^1/_2$ см) железная пластинка с бородкой около одного угла; очевидно, в этом сосуде помещались гирьки «разновески». Кроме того, обнаружены: две каменные, небольшие круглые гирьки, два железные цельные серпа, много обломков стеклянных браслетов и несколько железных ножиков.

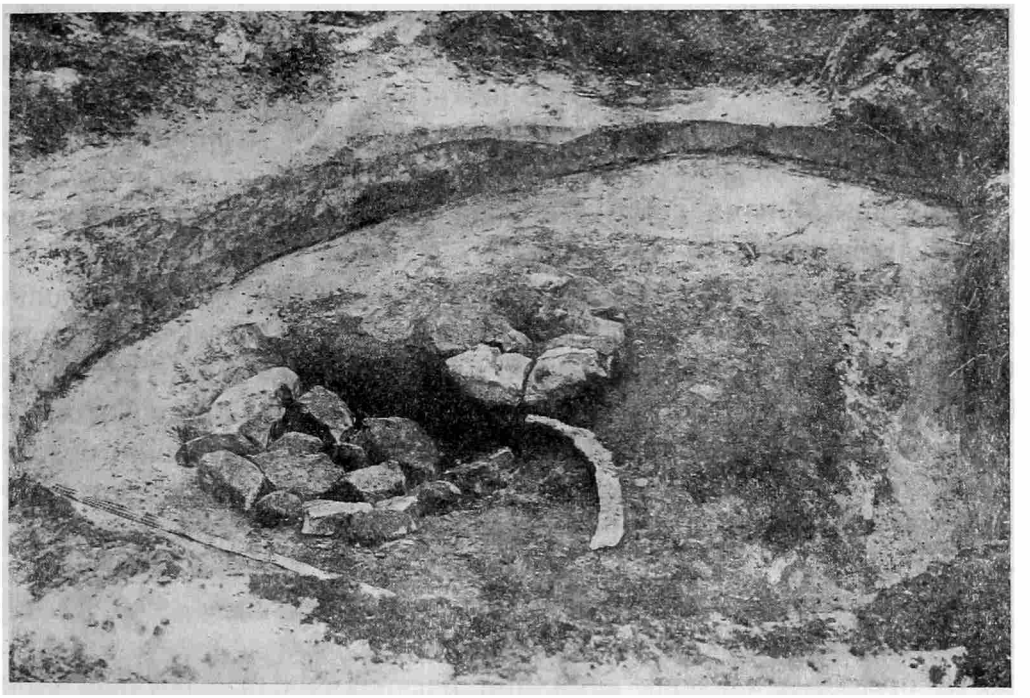

Рис. 8. Жернова и горбуши на дне ямы при кузнице XII в.

Значительный интерес представляют обнаруженные нами остатки сыродутного горна.

В раскопе № 3 обнаружены остатки мастерской, служившей местом выплавки железной руды и медного литья. В плане мастерская представляла собою небольшой прямоугольник, ширина которого равнялась 2, а длина 4 м. Стенки были сделаны из тонких бревен, обмазанных с обеих сторон глиной. Основание фундамента под всеми четырьмя стенками углублено в почву на $^1/_2$ м и забутовано обожженой и сильно утрамбованной глиной. Сверху, на этом буте, лежали нижние венцы сруба, более толстые, чем все остальные бревна постройки.

Повидимому, внутри здания помещался небольшой горн, основание которого стояло на четырех сложенных из камней столбах. По расположению каменных столбов можно предполагать, что горн занимал почти все пространство внутри сруба, т. е. площадь в 7—8 м. Другие детали в устройстве горна нельзя было установить.

Внутри сооружения на полу обнаружены были кучки золы, угля, груды шлаков, криц, медных обломков и железного лома. Здесь же найдена обоюдоострая, небольшая железная кирка-молот, возможно, применявшаяся при размельчении кусков руды. Помещалась эта мастерская позади двора одной из вышеописанных усадеб.

Открытие в Дмитрове подобной мастерской наглядно показывает факт существования здесь уже в XII в. ремесленников-профессионалов, обслуживавших потребности значительного феодального центра.

Переходя к разбору вещевого материала, добытого при раскопках и характеризующего хозяйство и быт населения русского города XI—XIII вв., считаем необходимым отметить, что наиболее полный комплекс вещей имеется именно по нижнему культурному слою.

Нашими раскопками наслоений, относящихся к ранне-феодальному Дмитрову, собран большой бытовой материал. Основная масса его связана с исследованными нами остатками жилищ, мастерской по плавке руды, кузницей и надворными постройками.

Металлические изделия по своему разнообразию являются наиболее показательными для характеристики хозяйства и быта населения города. Из нижнего слоя извлечены вещи так. наз. «курганного» типа, служившие в качестве украшений и для целей обихода дмитровских горожан. Сюда относятся височные кольца, перстни, пуговицы, иглы, булавки, браслеты.

Височное медное проволочное кольцо (диам. 2 см) представляет собой поздний тип кривических височных колец, встречающихся в курганах XII—XIII вв.

Широкий медный пластинчатый браслет — имеет аналогии в тех же кривических древностях XII—XIII вв.

Эти предметы найдены нами при раскопках более бедных жилищ, и, по всей вероятности, изготовлялись в самом Дмитрове в массовом масштабе. Данный комплекс вещей сближается с типичным курганным инвентарем, находимым обычно в курганах XI—XIII вв. Но это еще не типично-городской бытовой инвентарь, он скорее напоминает украшения сельского населения. На ряду с этим мы видим довольно много предметов городского обихода, например, стеклянных цветных браслетов, которых было найдено до 700 обломков.

Очень многочисленны изделия местных кузниц, также земледельческие орудия, предметы домового хозяйства, орудия охоты и рыболовства. Много найдено таких предметов, как железные скобы, костыли, гвозди, замки, ключи, кольца, рыболовные крючки, стрелки охотничьи и военные (черенковые и втульчатые, мелкие и крупные, до 9 типов), остроги, иглы, ножики, кресала для высекания огня из кремня, стремя железное, скребницы для чесания лошадей, сковороды и т. д.

Из перечисленных изделий остановимся на некоторых наиболее существенных: Коса-горбуша (2 экземпляра, рис. 9), характеризуемая более крутым изгибом лезвия, чем, например, у горбуши костромских курганов; дми-

тровская горбуша по форме имеет близкую связь с древним серпом, находимым, например, в московских курганах.

Топоры. Один тип — это плотничий топор с широким лезвием и прямым обухом, говорящий о развитии в Дмитрове «древорубного» дела,

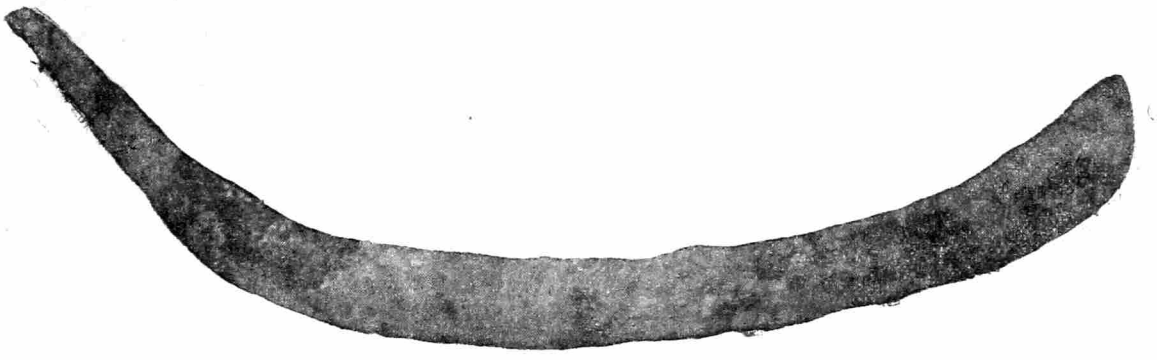

Рис. 9. Горбуша.

необходимого для ремонта дмитровских крепостных бревенчатых укреплений. Другой тип топора с более узким лезвием.

Два серпа «курганного» типа.

Ножи — вариируют по форме и величине от маленького ножа курганного типа до больших кухонных ножей и тонких, длинных, ланцетовидных (рис. 10). Длина ножей 12—20 см.

Ключи и замки разнообразных типов находились в нижнем слое повсюду. Замки двух размеров: большие до 8 см, маленькие — вдвое меньше. Первые, повидимому, применялись для ларей и дверей домов, вторые — для сундуков.

Стрелы железные, мелкие и крупные, листовидные и длинные, гвоздеобразные, указывают на военный быт населения и на значительную роль охоты. Вспомним, что в культурном слое встречаются кости лося, бобра, кабана, белки, глухаря и др.

Рис. 10. Железные ножики.

Интересны длинные стамески, имеющие скошенное лезвие, а также острые «граненые» железные метчики, служившие для наметки линий по дереву при работе столяров.

Особое место в инвентаре нижнего слоя занимают железные и медные весовые чашки. Из раскопок русских городищ и могильников имеется не менее 10 случаев находок маленьких переносных весов, но совершенно неизвестны находки больших весов, подобных дмитровским. Вместимость медной весовой чашки при заполнении ее зерном равна 2.5—3 кг.

Аналогию нашей находке в Центральном музее Татарской АССР представляет большая железная весовая чашка, добытая раскопками в древних Болгарах (диам. 25 см) и сходная с ней весовая чашка из раскопок в г. Увеке. Диаметр нашей чашки равен 14.5 см.

Интересно, что если такие предметы, как гвозди, скобы, костыли, довольно равномерно распределяются по всем жилищам, то другие виды металлических вещей имеют иное распределение. Чем больше и лучше устроено жилище, тем многочисленнее были находки замков и ключей, ножиков, игл железных и медных. Наоборот, в бедных жилищах, как правило, часто встречаются рыболовные крючки и охотничьи стрелы. Отмечен случай наличия следов от производства мелких медных изделий в одном жилище (остатки окиси меди, шлаков и медных прутиков — полуфабрикатов — для медного литья).

Керамика представлена тремя основными видами изделий: посудой, игрушками и строительным материалом — кирпичем. Посуда самая разнообразная и по технике вариирует от примитивно изготовленных небольших глиняных сосудов, до больших корчаг, тарелок и миниатюрных изящных сосудиков, употреблявшихся, повидимому, для хранения масла и душистых мазей.

В основном посуда готовилась на ручном однодисковом гончарном круге и характеризуется типичными для курганных сосудов профилями. Орнамент линейно-круговой и волнистый, изредка встречается городчатый орнамент. Часто встречаются сосуды с клеймами на днищах. Клейма на днищах горшков воспроизводят больше всего так наз. солнечные знаки и розетки, составлявшие, как известно, клейма мастеров.

О достаточной развитости этого ремесла говорят: устойчивость, строгая выработанность приемов гончарной техники и стандартность форм посуды. Гончарный круг, способы обжига (заварка и «синение» горшков, томление в закрытых печах и др.), орнаментация и клеймение днищ у посуды XII в. — сходны в основном с современной, встречающейся в отдельных районах Дмитровского края, гончарной техникой.[1]

В качестве интересной детали необходимо отметить находки фрагментов глиняной посуды с цветной поливой. Имеются образцы поливы, покрывавшей обе стенки сосудов; цвет ее — желтый, зеленый. Но небольшое количество обломков указанной посуды не говорит о массовом ее употреблении в городе, скорее всего эта посуда бытовала в зажиточных домах дмитровского населения XI—XIII вв.

---

[1] Московский краевед, вып. 5, М., 1928.

Глиняные игрушки представляют собою детские свистульки и дают стилизованные изображения конька (рис. 11) — выс. 10 см., и петуха; они аналогичны пронским, старо-рязанским и радонежским.

Среди экземпляров игрушек интересен один образец. Эта фигура коня со всадником. Игрушка, возможно, изображает феодального дружинника на коне.

Кирпичи плитчатые, квадратные, очень типичные, близки пронским, старо-рязанским, ольговским (город Ольгов на Проне). Интересно, что, как и в Пронске, в Дмитрове кирпич шел, в частности, для кладки печей богатых жилищ, в то время как в бедных жилищах печи были всегда глинобитные.

К изделиям из кости принадлежат: иглы для вязания сетей и для сшивания грубых тканей, костяные кочедыки, кружки, служившие для украшений, и кольца, употреблявшиеся при ткацком производстве. О существовании последнего говорят найденные образцы льняной ткани.

Каменные изделия редки и случайны: кроме жерновов и точильных брусков, найдены рыболовные грузила для сетей и пока единственная каменная ступа, употреблявшаяся, повидимому, для размельчения руды при металлургическом производстве. Каменные жернова по толщине и размерам отличаются от жерновов, найденных в феодальных городищах Прикамья; в Дмитрове они меньше по размерам и не уплощенные, а высокие; тяжелый тип жернова использовался и в кузницах.

В качестве вещей привозных нужно считать стеклянные цветные браслеты, красно-и бело-шиферные пряслица (рис. 12) (всего 5 экземпляров— диам. $2^1/_2$—3 см), янтарные пронизки, слюду. Янтарные украшения составляли редкое явление в быту дмитровских граждан.

Из бус здесь мы имеем зеленые и синие; первые — двойные и ординарные, мелкие, круглые. Затем — крупные бусины стеклянные, позолоченные, биоконической формы. Все типы бус встречаются в инвентаре курганных могильников XI—XII вв.

Стеклянные браслеты двух видов: большие — для взрослых и маленькие — детские (рис. 13); диам. 7—9 см.

При двухгодичных раскопках Дмитровского городища было добыто более 700 обломков стеклянных браслетов. Некоторые исследователи считали уже давно, что стеклянные цветные браслеты являются датирующим слои материалом, но точной даты для них все же не установлено. Не уяснена в литературе и техника их изготовления, несмотря на то, что Хвойко удалось под Киевом найти мастерскую по изготовлению браслетов.

По цвету Дмитровские браслеты разделяются на следующие виды: синие, бирюзовые, лимонного цвета, сиреневые, зеленые (светлые и мутного цвета), темнозеленые, темножелтые, темнокоричневые, светлокоричневые, цвета сливы, чернокрасные, темные непросвечивающиеся; имеется особая группа браслетов, поверхность которых покрыта цветными полосками.

По форме стеклянные браслеты также достаточно разнообразны. Встречаются гладкие — тонкие и утолщенные, витые в крутое и отлогое витье, круглые и трехугольные в сечении и т. д.

Из 700 обломков браслетов 80% найдено в IV нижнем слое, 20% — на границе между IV и III слоями, 7% — в III слое, 4% — на границе между III и II слоями и 2% — во II слое. Вся масса браслетов по нижнему IV слою сосредоточена на 90% на полу внутри жилищ, 8% на месте открытых торговых лавок и только 2% их обнаружено вне местонахождения жилищ — во дворе, около заваленок при избах. Браслеты, найденные на границе слоев III и IV, должны быть, вернее всего, отнесены к жилищ ам IV слоя, так как дно жилищ из III слоя доходит без всяких промежуточных прослоек до слоя XII в., а иногда и врезается в напластование нижнего слоя. То же приходится сказать относительно нахождения браслетов в почве II слоя, что наблюдается тогда, когда этот слой вклинивается в нижележащие наслоения.

Стеклянные браслеты в IV слое встречаются вместе с другими вещами, относящимися к XI—XIII вв. Однако, и в жилищах XIII в. нередко встречается до десятка и более экземпляров браслетов. Подробно обследованный слой толщиной в 30 см, лежащий над самым полом жилищ XII в., дает в Дмитрове достаточное количество браслетов.

Предварительное знакомство с огромным вещевым материалом (до 23 тысяч по коллекционной описи), собранным при раскопках, и изучение основных описанных нами объектов—дает возможность отметить некоторые моменты, относящиеся к экономике и социальному составу дмитровского населения XI—XIII вв.

Развитое земледелие у древне-дмитровских горожан доказывается находками рала, серпов, жерновов, зерен ячменя, ржи, гороха. По технике это было, конечно, подсечное земледелие.

Бросается в глаза то, что большинство жилищ или не имеет совсем подпольных ям-погребов, или имеет очень небольшие подполья, и в последних ни разу не обнаружено остатков хлебных злаков. Хлеб хранился вне жилищ в особых хлебных ямах — своеобразных ларях, описанных нами выше. Все дома окружены такими хлебными ямами, но в одних усадьбах этих ям больше, в других — меньше.

Одни жилища принадлежали той части населения, у которой имелись значительные усадьбы с большим двором, где размещались хлебные ямы, кузница, загоны для скота. Около одной такой усадьбы найдены остатки торгового рядка — базарной лавки.

Другие жилища, малые по размерам и по обстановке более бедные, чем первые, вероятнее всего принадлежали более мелким и более бедным городским ремесленникам. Эти последние, как и первые, занимались земледелием, но в то же время вели мелкое ремесленное производство; поставляли на рынок свои изделия, но делали это в более ограниченных размерах.

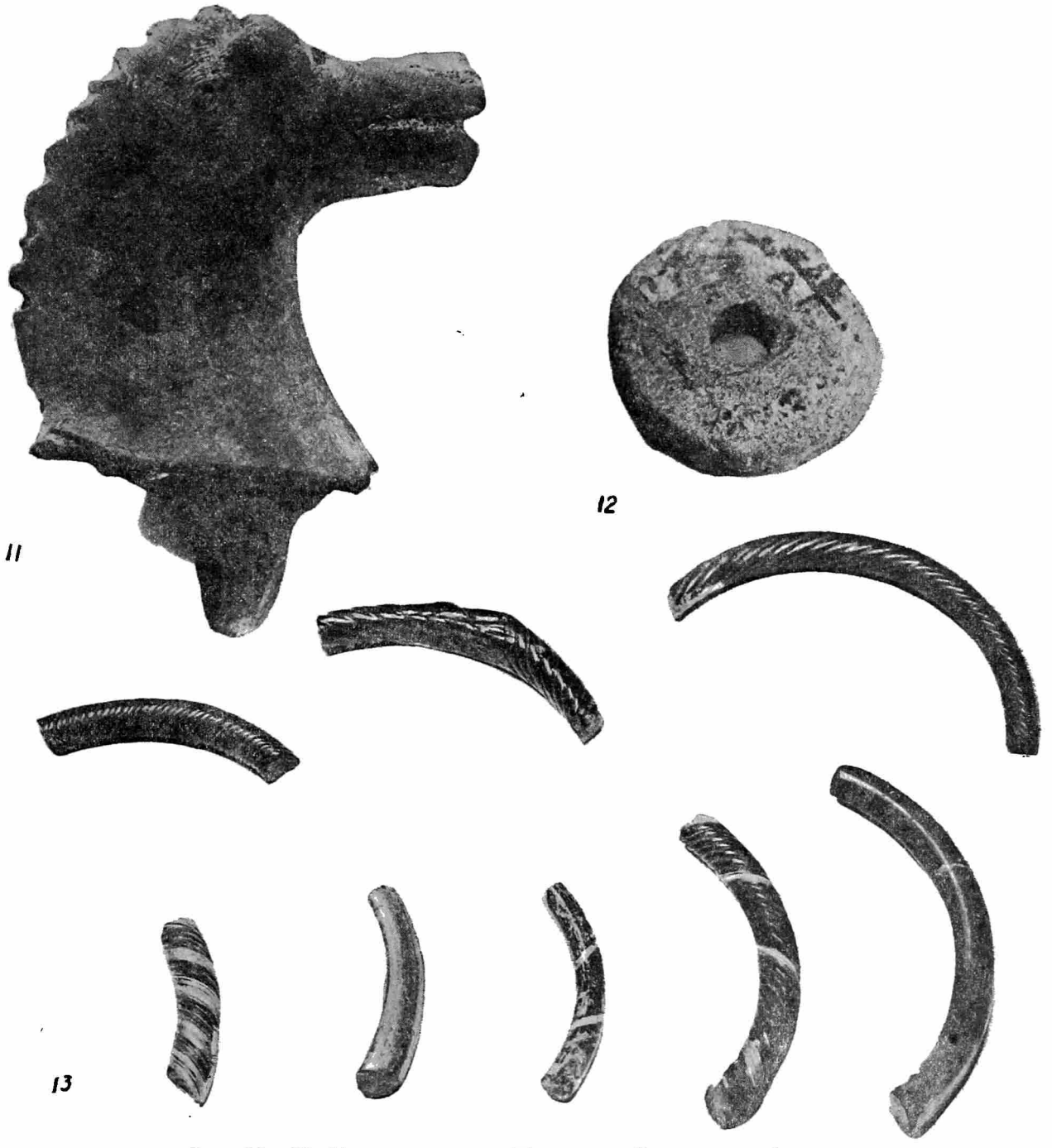

Рис. 11—13. Игрушка конек. Пряслица. Стеклянные браслеты.

Повидимому, торговля выражалась в обмене продуктов сельского хозяйства на различные произведения местных ремесленников и на импортные вещи, например, на стеклянные браслеты. Если судить по нахождению массы браслетов около базарных весов рядом с металлическими изделиями местного производства и хлебными злаками, можно думать, что дмитровские горожанки XII в. получали от торговцев эти браслеты в обмен на предметы ремесленного производства (горбушки, серпы и т. д.) и на хлеб. Уста-

нозление факта подобного обмена, при сопоставлении с ранее описанными результатами исследования двух типов жилищ — может свидетельствовать о том, что в древнем Дмитрове среди городского населения (горожан) имелась социальная группа, державшая в своих руках и крупное ремесленное производство и обмен (о ней же мы говорили в связи с описанием больших усадеб). В этот обмен втягивались и мелкие дмитровские ремесленники, и окрестное сельское население. Повидимому, никто другой, как крупная промыслово-ремесленная часть населения, держала в руках сыродувные горны и изготовление криц, поставляя последние местным кузнецам, и она же, вероятно, и импортировала из Киевской области различные «товары».

Наличие внутри кремля около городского вала кузниц, сыродувного горна, обнаружение значительной массы сырой руды, криц, шлаков и изделий из металла — все это говорит, конечно, о крупной роли металлургии в хозяйстве древнего Дмитрова. Были и другие промыслы и ремесла, но не все они были равнозначущими. На первом месте после металлического производства, в качестве важного ремесла, стояло керамическое. За это говорит разнообразие гончарных изделий.

«Древорубное» дело, плотничье и столярное, доказывается находками долот, стамесок, метчиков и резчиков.

Производство изделий из кости практиковалось во многих домах дмитровских горожан. Из кости делались иглы, шилья, кочедыки, кольца для ткацкого дела, наигольники и даже украшения. Считать данный промысел самостоятельным ремеслом нельзя, так как подобное занятие, как доказали наши раскопки, бытовало почти в каждом доме.

Ткацкое дело и швейное мастерство составляли неотъемлемую отрасль домашних занятий. Найдены остатки льняных тканей, в очень большом количестве медные и железные иглы.

Рыболовство показано как наличием почти во всех жилищах костей рыб, так и орудиями рыбной ловли — крючками, острогами.

Существенную роль в хозяйстве дмитровского населения играла охота, практиковавшаяся как на мелких так и на крупных диких животных. Охотничьи стрелы крайне разнообразны по своим формам и назначению: стрелы с тупым, утолщенным концом (для пушного зверя), острые, ромбические, листовидные с концом в виде выемки лункой, втульчатые и т. д.

Из предварительного знакомства с костным материалом видно, что в XII в. в Дмитрове интенсивно было развито скотоводство.

Описание объектов из нижнего культурного слоя, позволившее нам коснуться самой ранней стадии в истории Дмитрова, может быть дополнено некоторыми моментами, проливающими свет и на самый процесс возникновения и становления Дмитрова, как ранне-феодального города.

Интересен факт существования здесь, еще до образования Дмитровской крепости, селищ, т. е. поселков сельского типа. В $^1/_2$ км на северо-восток от кремля, близ современного спортивного стадиона «Динамо», открыто древнее поселение, которое, как можно судить по добытому материалу,

могло быть, по меньшей мере, одновременным городу Дмитрову XII в. Это поселение располагалось в гораздо более высоком пункте, чем сам кремль. Часть его с северо-восточной стороны граничила с краем бугра, отлого спускающегося к болотистой низине. Культурный слой селища распространен на площади в 0.5 км. Другое селище, XI в., обнаружено на огородах, расположенных по современной Почтовой улице — Ушатинское селище. Не исключена возможность обнаружения остатков древних селений на других возвышенных местах около Дмитрова. Возможно также, что часть этих предполагаемых и уже найденных поселений представляет собой следы древнего городского посада, окружавшего Дмитровскую крепость. Летописи свидетельствуют о так наз. «преградиях», сожженных, например, дмитровцами в 1214 г. при приближении к Дмитрову дружины князя, и о существовании около самой крепости второй линии укреплений, так наз. «острога».[1]

Таким образом, как летописные, так и археологические данные показывают, что Дмитров возник не на «пустом» месте, а в районе, повидимому, многочисленных поселков подвластного князю сельского населения. Только при наличии его мог быть быстро построен город и могли поддерживаться и возобновляться его укрепления.

Многие древне-русские городища нередко связаны с предшествующими по времени «культурными слоями» селений иногда дофеодальной эпохи. Так, нижний слой Пронского городища, одновременного Дмитрову, подостлан слоем «дофеодального» селища; в кремле Переяславля Рязанского, под «культурным слоем» XV—XVII вв., обнаружен нами слой XI—XII вв.,[2] несомненно связанный с сельским населением. Целый ряд древнерусских феодальных городищ, изученных мною с О. Н. Бадером и А. А. Мансуровым на р. Проне (Толпинское, Маклаковское и др.), дает аналогичную картину.

Необходимо в археологических работах вплотную подойти к изучению вопроса о предпосылках к возникновению ранне-феодальных русских городов. Мало еще сказать, из каких предшествующих форм поселений, на какой базе возникает русский город, — важно окончательно установить чем же отличаются многочисленные древне-русские городища от городов, действительно ставших феодальными центрами. Так, например, на Проне есть городища XI—XII вв., имеющие, как правило, один «культурный слой», эти городища — небольшие по размерам, и существование их в XII в. уже заканчивается. Второй тип городищ характеризуется большой площадью, в них большей частью не менее двух культурных слоев, около них кольцами группируются селища; эти городища становятся феодальными городами и доживают до позднего времени. Городища первого вида близки к тому типу, который принято называть «детинцами» или убежищами. Про городища второго типа можно сказать словами Энгельса: «в их

---

[1] Летописец Переяславля Суздальского, стр. 112; Полное собрание русских летописей, т. XX, стр. 34.

[2] Как город и феодальный центр — Переяславль Рязанский возникает только в XV в. Следовательно, культурный слой XI—XII вв. относится к древнейшему селищу.

рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию».[1] Дмитров, безусловно, представляет собой образец этого типа.

Остановившись подробнее на характеристике материалов из нижнего культурного слоя, мы в самых общих чертах дадим описание еще двух культурных слоев: среднего и верхнего. Исследование этих слоев в процессе раскопок и знакомство с вещами в основном подтверждают те основные исторические данные о Дмитрове, которые отражены в соответствующих письменных источниках, например, в писцовых книгах XVI—XVII вв.

При раскопках в 1934 г. установлено, что так наз. средний слой имеет два горизонта — нижний и верхний. Для нижнего горизонта мы имели возможность исследовать остатки только частей двух жилищ.

Датирован этот горизонт серебряными и медными монетами XIV—XV вв. А. А. Ильин, по нашей просьбе, определил следующие три монеты: 1) медную монету Василия Ярославовича Боровского (1462—1456). В каталоге Эрмитажа за № 967 подобная монета значится среди монет Серпухово-Боровских; 2) серебряную монету кн. Василия Дмитровича с надписью на оборотной стороне «хан Тохтамыш»; 3) серебряную монету кн. Василия Васильевича Темного — обычный тип монеты с сиреной. Из всех трех монет, по мнению Ильина, наиболее интересной и редкой является первая монета.

Найденные в слое вещи говорят о том, что в XIV—XV вв. продолжалось развитие металлургии и керамического производства. При этом отмечено появление в небольшом количестве лощеной керамики. Лощение в данном случае не полное, в виде вертикальных полос, идущих от горла сосуда к днищу. Часто встречались красношиферные прясла и обломки цветной поливной посуды. Последний факт говорит о том, что возникшее еще в XII в. местное производство поливной посуды развивается и в последующее время.

Верхний горизонт среднего слоя датируется большим количеством найденных в нем изразцов и массой лощеной керамики — XVI—XVII вв.

Вещевой материал всего среднего культурного слоя, наслоение которого, таким образом, связано с временем от XIV до XVII вв., в основном представлен керамикой, железными изделиями, остатками костей животных. Облик вещей этого слоя таков, что можно говорить об усиленном развитии в эту эпоху кузнечного и гончарного ремесел.

В XVI—XVII вв. в Дмитрове особенно сильно расцветает производство лощеной посуды. Рядом с лощеной керамикой, расцвет которой в Московском районе происходит именно в конце XVI и XVII вв., датируют слой изразцы XVII в. Это тип обычных рельефных, поливных изразцов с растительным орнаментом. До сих пор малоизвестным и малоизученным видом изразцов надо считать найденные во втором слое лощеные, глянцевитые изразцы, местное производство которых существовало также в Дми-

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1934, стр. 143.

трове в XVII в. Последние найдены исключительно в более бедных жилищах, а изразцы цветные — в богатых городских домах XVI—XVII вв.

Нужно сказать, что письменные документы отмечают оживление экономической жизни в Дмитрове именно с XVI в., после некоторого застоя в XIV и XV вв. Не случайно торговое значение Дмитрова в XVI—XVII вв. отмечается и Герберштейном.

Верхний слой изучен был по раскопкам в 1933 г. на площади *А* и в 1934 г. в раскопе 1. Непосредственно под дерновым покровом шел слой, засоренный позднейшими остатками битого стекла, щебня, извести, глиняной и фарфоровой посуды. С этим слоем связаны остатки деревянного сарая (10 на 5 м). Под позднейшим горизонтом идет светловатый слой со следами жилища, относящегося, приблизительно, к началу XVII в. Жилье бревенчатое (7 на 7 м), с подпольем — ямой (4 на 4 м при глубине $1^1/_4$ м), в юго-западном углу избы большая кирпичная изразцовая печь (около 2 кв. м), стоявшая на деревянном помосте. Оказалось, что подпольной ямой жилья среднего горизонта верхнего слоя было перекрыто жилище нижнего слоя: около краев верхней ямы позднего жилища заметны следы более старой нижней ямы, давшей находки нескольких обломков стеклянных браслетов. В раскопке найдены изразцы XVIII—XIX вв. Вместе с ними обнаружено до 50 фарфоровых, цилиндрической формы, сосудов (лампады?), окрашенных в желтый или зеленый цвет. Высота этих сосудов 15 см, диаметр — 8, внутреннее коническое углубление 5 и поддон — $3\ ^1/_2$ см. Изобилие подобных сосудов и большое количество изразцов, найденных при раскопках не только около печи, но, главным образом, по середине зданий, доказывает, что на месте раскопа существовала керамическая и изразцовая мастерская. Это подтвердилось и тем, что здесь же были найдены остатки краски, медная, конической формы, кастрюлька и железная красковарка с ручкой.

Жилище XVIII в. было обнаружено в раскопе I в 1934 г. на глубине $^1/_2$ м от поверхности в виде остатков нижних венцов сруба и имело две стенки длиною в $5^1/_2$ м и две перпендикулярные первым — длиною в 5 м. Печь в юго-восточном углу, изразцовая, обращена устьем ко входу, имевшемуся с западной стороны. Пол настлан из известняковых плит. В инвентаре жилья — обычная кухонная утварь, много бус, стеклянной посуды, монет и медных предметов религиозного значения.

N. MILONOV

LE GORODISTCHÉ (KREMLIN) DE DMITROV

RÉSUMÉ

Le gorodistché se trouve dans la ville de Dmitrov, sur l'ancien lit de la petite rivière Iakhroma, dans une vallée alluviale basse et ouverte. Les premières fouilles de reconnaissance y ont été exécutées en 1933. Les explorations ont continué en 1934.

L'étude préliminaire de l'énorme matériel rassemblé au cours de ces travaux (environ 23 000 pièces) permet de dégager certains traits de l'économie et de la composition sociale des habitants de Dmitrov aux XI—XIIIe siècles. L'existence d'une agriculture déjà développée est prouvée par les trouvailles d'un araire primitif («ral»), de faucilles, de meules, de grains d'orge, de seigle et de pois, etc. La plupart des habitations n'ont pas de caves ou fosses. Le grain était conservé dans des fosses à grain spéciales, hors du logis. La différence entre les deux types d'habitation ici constatés, non seulement dans leur mode de construction et leurs dimensions, mais aussi dans leur matériel et leurs dépendances, atteste une différenciation économique assez avancée au XIIe siècle, confirmée d'ailleurs par d'autres données. La découverte d'un plancher de boutique avec balance, restes de grain, instruments agricoles, objets fabriqués et articles d'importation dénote l'existence d'un marché de ville, où s'accomplissaient les échanges naturels. La présence de forges, fourneau, minerai brut, scories et objets en métal montre le rôle considérable que la métallurgie jouait dans l'économie du Dmitrov ancien. La céramique aussi était une branche importante, comme en témoigne la poterie variée recueillie au cours des fouilles.

Les restes d'étoffes de lin et les aiguilles en cuivre et en fer indiquent que le tissage et la couture faisaient partie intégrante des occupations domestiques. Comme autres genres de production, il convient de mentionner la charpenterie et la menuiserie et la fabrication d'objets en os. L'élevage atteignait un développement intensif. La chasse occupait une place en vue dans l'économie, de même la pêche, comme en fait foi la présence dans toutes les habitations d'os de poisson et d'engins de pêche.

Un autre fait intéressant à noter est l'existence, antérieurement à la création de l'enceinte fortifiée de Dmitrov, de sélistchés, localités de type rural. L'un d'eux a été découvert à 0.5 km. du kremlin; il pouvait être contemporain du Dmitrov du XIIe siècle et occupait un point plus élevé que le kremlin. Un second sélistché a été décelé dans les parages de la rue de la Poste. Ces données, de même que les chroniques, montrent que Dmitrov, comme nombre de gorodistchés de la Russie ancienne, s'est édifié dans une région à nombreux villages placés sous l'autorité du prince de la population rurale.

Après avoir caractérisé en détail le matériel provenant de la couche archéologique inférieure, l'auteur donne une description générale des couches moyenne et supérieure. La couche moyenne, qui se rapporte aux XIV—XVIIe siècles, a fourni de la céramique, des objets en fer et des ossements d'animaux. On peut parler d'un fort développement des travaux de forge et de l'art de la poterie.

Les fouilles de la couche supérieure ont donné une grande quantité d'objets prouvant l'existence aux XVIII—XIXe siècles d'ateliers pour la fabrication de la céramique et des carreaux de faïence. Dans les habitations, on a découvert des ustensiles de cuisine, beaucoup de perles, de vaisselle de verre, de monnaies et d'objets de culte en cuivre.

В. И. СМИРНОВ

ОБЗОР АРХЕОЛОГИЧЕСКХ ПАМЯТНИКОВ БЕЛОМОРСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ СЕВЕРНОЙ ОБЛАСТИ

I

Беломорское побережье издавна привлекало к себе человека своими рыбными богатствами, обилием морского и лесного зверя. Следы стоянок древнего человека встречаются по всему побережью. Здесь на песчаных прибрежных дюнах жило население в эпоху родового общества, может быть не только временно в сезоны рыбной ловли, но и более или менее продолжительно, о чем можно судить по обилию остатков каменных орудий и обломков керамики на некоторых из этих стоянок.

Море, многочисленные реки этого побережья, озера, болота и лесной массив являлись той географической средой, где протекала жизнь древних насельников побережья.

Белое море представляет собою сильно вдающуюся в сушу часть Баренцова моря. У южных берегов (в пределах Северной области) оно довольно мелководно, особенно вдоль Зимнего берега и в Двинской губе с ее песчано-илистыми отложениями. Берега моря мало извилисты, почти лишены губ. В горле моря, под Зимним и Летним берегом островов нет совсем, только Онежский залив носит тип шхерного ландшафта. В древнее время все эти обстоятельства могли, конечно, иметь свое значение для развития мореплавания и рыболовства.

Фауна Белого моря, заселение которого животным миром должно было начаться со времени отступления глетчеров последнего оледенения, весьма богата. Из многочисленных пород рыб отметим массовый ход следующих видов: 1) семга — по Зимнему берегу, в дельте Двины и частью по Летнему берегу; 2) навага в Онежской губе и 3) сельдь — в Онежской и Двинской губе. Морской зверь, тюлень и белуха, наблюдается, главным образом, в горле Белого моря. В качестве продукта питания отметим значительное скопление в некоторых местах у берегов съедобных моллюсков, известных под названием мидий (Mytilus edalis) и др. Немало моллюсков оставляют на берегу прибой и смена приливных и отливных течений. Многочисленные

представители приморского птичьего царства — чайки, утки, гаги, чистики и др. дают и теперь местным жителям большое количество яиц и доставляют превосходный пух.

Самые берега сложены осадочными породами, представляя большое разнообразие по своему возрасту, происхождению и составу в зависимости от многочисленных перемен, каким подвергались сложенные ими территории в различные геологические времена. Берег Белого моря частью высок и обрывист; голые склоны утесов, сложенных из девонских песчаников и глин, прорезаны глубокими оврагами, по которым стекают ручьи из нагорных болот. Кое-где он постепенно становится низменным. На более пониженных участках наблюдаются перевеянные, отсортированные морские песчаные отложения и узкие песчаные гряды дюнного характера.

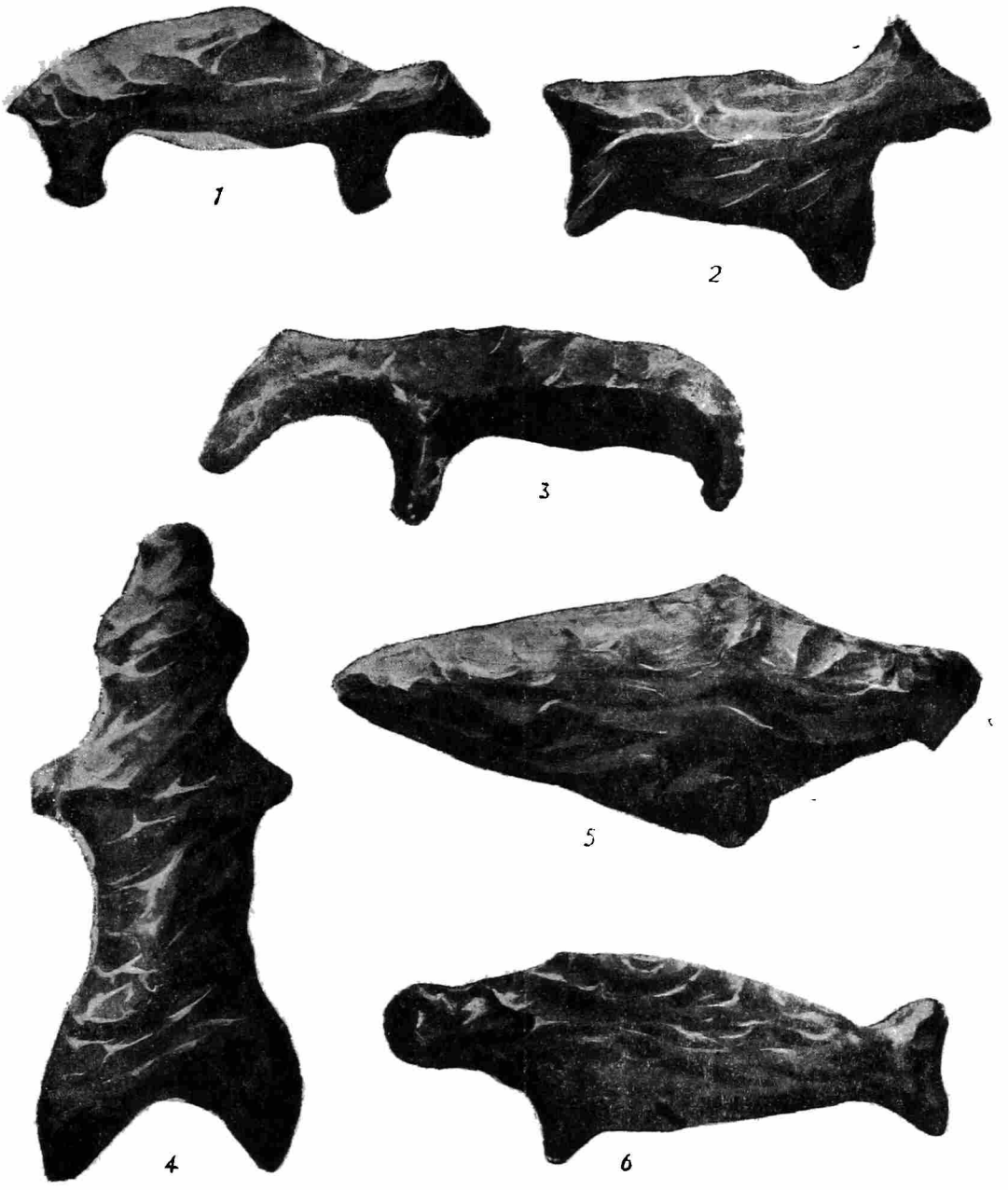
Дельта Северной Двины представлена системой низких островов, расходящихся в виде веера от суженного конца дельты и прибрежных низменных равнин. Преобладающая высота над уровнем моря 2—3.5 м. Более высокие отметки приурочены к грядам дюнных песков. Здесь они достигают 7—8 м. Берега покрыты мокрыми лугами, болотами и кочковатыми пространствами, а также кустарником и лесом.

От Северной Двины на запад, отходя от низкого берега моря, на высоте 8—10 м над уровнем его, тянется узкой полосой приморское плато, сложенное серой безвалунной глиной, сверху покрытое валунной супесью. В районе конечных морен дальнейшего протяжения Летнего берега моренный ландшафт характеризуется сильно всхолмленным рельефом. Крупные гряды, подходящие к берегу, чередуются с глубокими понижениями. Но самая приморская узкая полоса берега покрыта чаще всего морскими песчаными отложениями и грядами дюн, нередко находящихся в движении.

По Онежскому берегу вдоль самого моря простирается низкая заболоченная полоса. В глубине берега в районе конечной морены расположена сильно холмистая местность с массой озер и котловин.

Современная топография линии берега моря сложилась не сразу. После освобождения котловины Белого моря от ледника, которое относят к позднеледниковому периоду (Дерюгин), отстоящему от нашего времени приблизительно на 13 000 лет, море отступало, оставляя на своем пути следы береговых линий.

В Белое море впадает значительное количество рек и ручьев. Из них наиболее крупными являются: Северная Двина, Онега, Солза, Сюзьма, Кудьма, две Золотицы, Мегра и др. Эти реки многоводны, имеют массу притоков, текут в глинистых или песчаных ложах, иногда порожистых, среди пространств, покрытых массой озер, лесом или мокрой тундрой. Пред своими устьями, где чаще всего селился или временно останавливался древний насельник, в большинстве случаев реки имеют мелководные, а местами осушенные бары, образующиеся от взвешенных частиц грунта, выносимых рекой и осаждающихся при встрече с сильными приливами. Благодаря

Примечание. Подписи к рисункам см. в конце статьи.

такой протянувшейся параллельно берегу гряде, река постепенно продвигает свое устье.

Рыбные богатства рек, особенно в устьях их и в озерх, исключительны. По берегам и в болотах гнездится масса прилетной водоплавающей и болотной дичи: утки, гуси, лебеди, разные виды куликов.

Сплошной массив смешанного леса придвигается к самому берегу Белого моря, и лишь близ селения Инцы на Зимнем берегу северная граница леса отходит от моря вглубь материка, уступая пространство безлесной тундре.

В лесах на супесчанных почвах растут сосновые и еловые насаждения — сухие черничники и брусничники, с примесью лиственницы. Они чередуются с вековыми сосняками на светлых песчаных почвах, в ложбинах сменяясь сфагновыми сосновыми болотцами. Долины рек заняты еловыми лесами. На низменных местах растут также березняк, ольха, осина, черемуха и рябина. Верхний слой почвы в виде торфа встречается весьма часто.

Лесная фауна богата и в настоящее время. Здесь водится лось, заходит дикий олень, из пушных млекопитающих водятся: медведь, волк, лиса, песец, куница, горностай, заяц, белка. Бобр истреблен окончательно в XVIII столетии. В большом числе водится лесная пернатая дичь — глухарь, тетерев, рябчик, куропатка.

Леса богаты ягодами и грибами.

Что касается климата, в южной части Белого моря он более континентален. На севере средняя температура воздуха в январе — 10°, на юго-востоке — 14°, в июле соответствующие цифры +8° и +15°. Годовая амплитуда на севере +18°, на юге +28°. Зимой и осенью преобладают юго-западные ветры, весной — северо-западные, летом — северные, северо-восточные и восточно-северо-восточные. Льды появляются (около о. Мудьюга) в среднем 26 октября. От льда море очищается 20 мая.

Структура Беломорского побережья, его климат, животный и растительный мир, которые мы видим в настоящее время, могли быть иными в эпоху первоначального заселения человеком Приморья. Выяснить прошлый географический ландшафт, колебания климата и различные изменения географической среды в связи с обитанием здесь человека — задача весьма привлекательная, но в то же время и чрезвычайно трудная.

Нужно отметить, что планомерных исследований самих памятников древнейших культур всего Беломорского побережья не было. Исключением являются экспедиционные исследования 1926—1928 гг. Летнего и Онежского берегов Московским государственным историческим музеем.

Обзор памятников древнейших культур побережья Белого моря мы ограничиваем лишь пределами побережья в границах Северной области, опуская памятники Карелии и Терского берега, находки на берегах Баренцова моря — по побережью Канина и на о. Моржовце, — материалы по которым, к сожалению, или очень недостаточны, или нам мало известны.

II

Сведения о памятниках Зимнего берега, с которого начинаем наш обзор древностей Беломорья, носят совершенно случайный характер. Находки самих стоянок были здесь часто случайными.

На коренном берегу р. Майды в двух км выше устья найдены были в 1930 г. следы древней стоянки геологом Я. Д. Зеккель. Здесь были встречены им кремневые поделки и осколки кремня как в песчаной россыпи, так и в коренном залегании в почвенном слое. Стоянка осталась необследованной.

Другая подобная стоянка найдена также Я. Д. Зеккель в 1931 г. у устья р. Мегры на второй надпойменной террасе на высоте 6—10 м над уровнем моря.

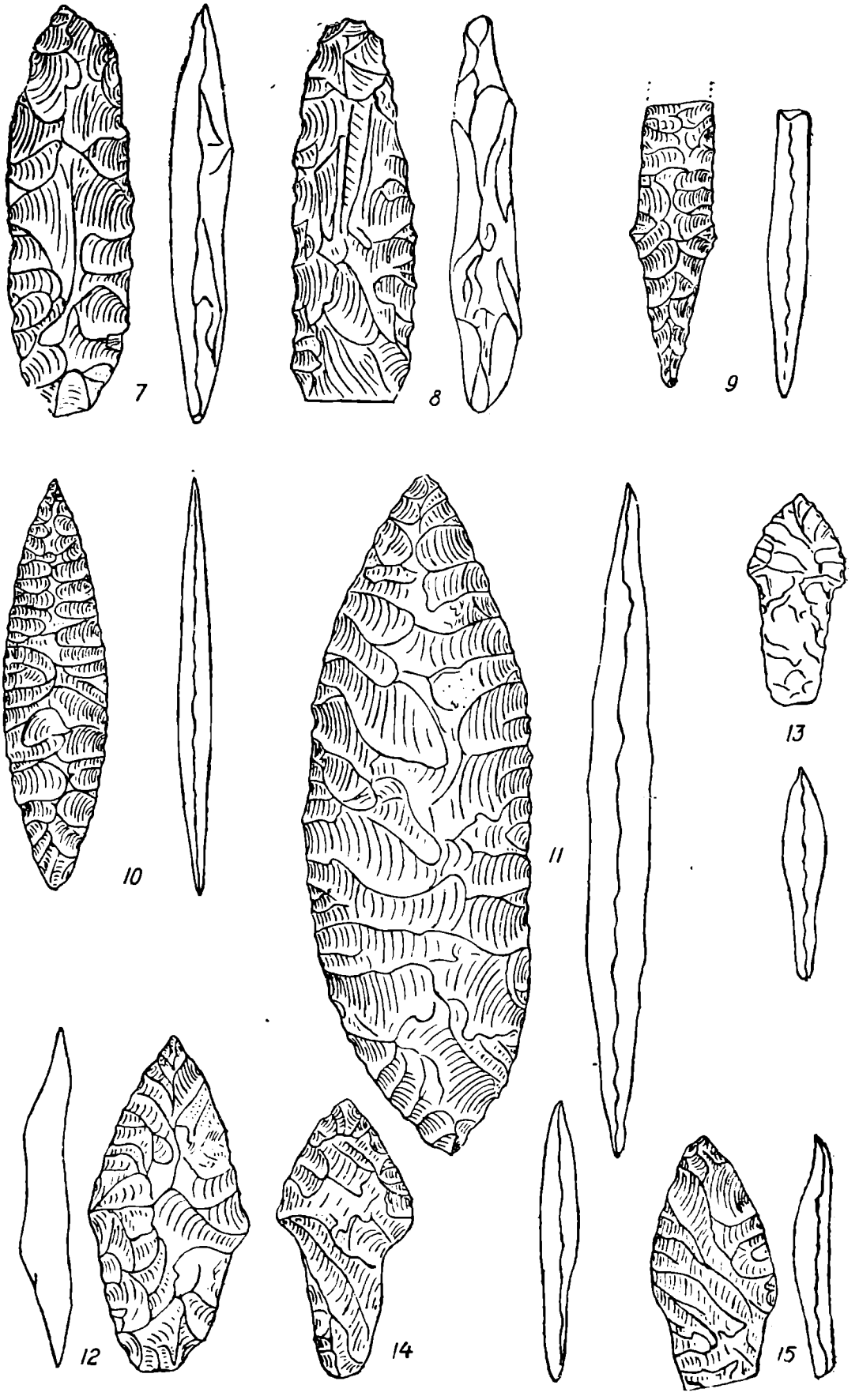
Небольшой собранный на этих стоянках кремневый материал находится в Ленинградском геологическом тресте. На обеих стоянках керамики не было поднято, и это затрудняет их датировку.

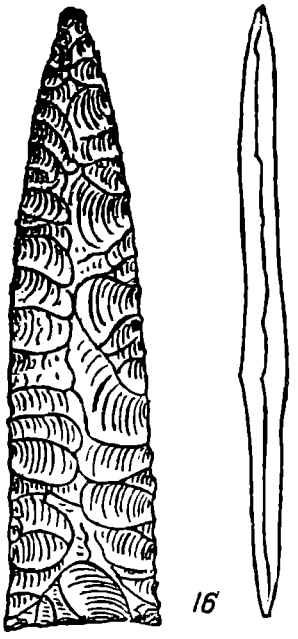
Три наконечника кремневых стрел из Инцы имеются в музее Геологического института в Ленинграде. С именем Инцы связано селение и река, впадающая в Белое море на Зимнем берегу. Вероятнее всего стоянка находится в устье р. Инцы, где стоит и одноименное селение. В музее не сохранилось никаких материалов о том, от кого поступили эти предметы. На этикетке значится: «Инцы 1925 г.».

Между тонями «Катериниха» и «Могилка» недалеко от устья р. Товы в 1934 г. гражданином селения Верхняя Золотица П. В. Пономаревым были обнаружены следы чрезвычайно интересной стоянки среди песчаных дюн в «выдуве».

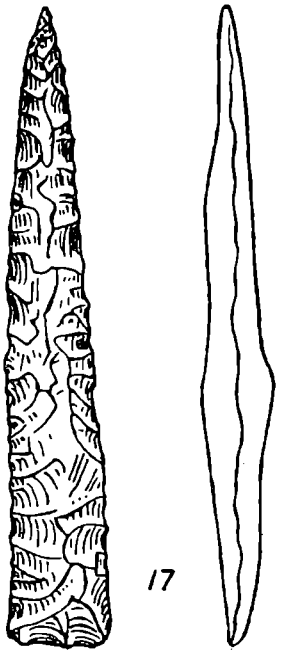
Среди кремневых поделок собранной им коллекции выделяется группа наконечников стрел (10 штук); судя по довольно небрежной технике, они представляют собою, повидимому, «заготовки», первую стадию обработки. Концы их чаще овальные, тупые, иногда намечено прямое тылье. В средине утолщены (рис. 7, 8).

Другой тип здешних наконечников представляет окончательную обработку предыдущих — это узкие стрелки, утолщенные по длине своей в средине (так что в изломе они дают ромб), с прямым тыльем, иногда с выемкой в нем (рис. 17, 18). Эти наконечники близки к типу наконечников с пильчатыми краями, зубчики которых на побережье Белого моря делались с особой тщательностью.

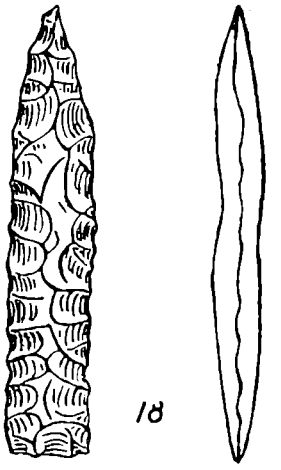

7
8
9
10
11
12
13
14
15

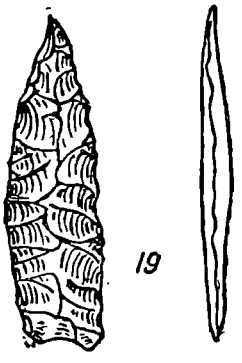
16

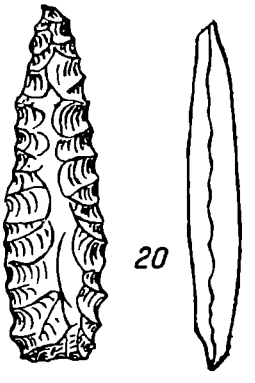
17

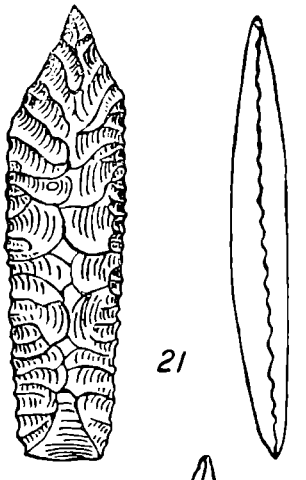
18

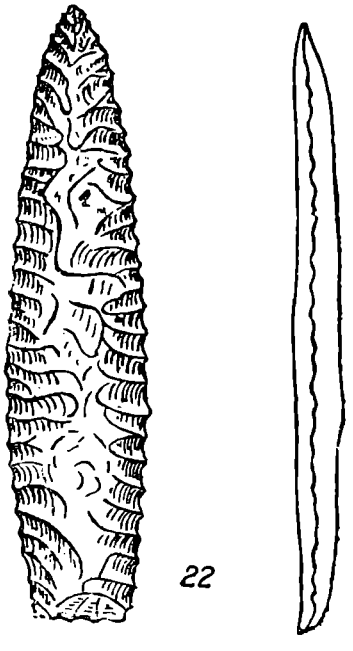
19

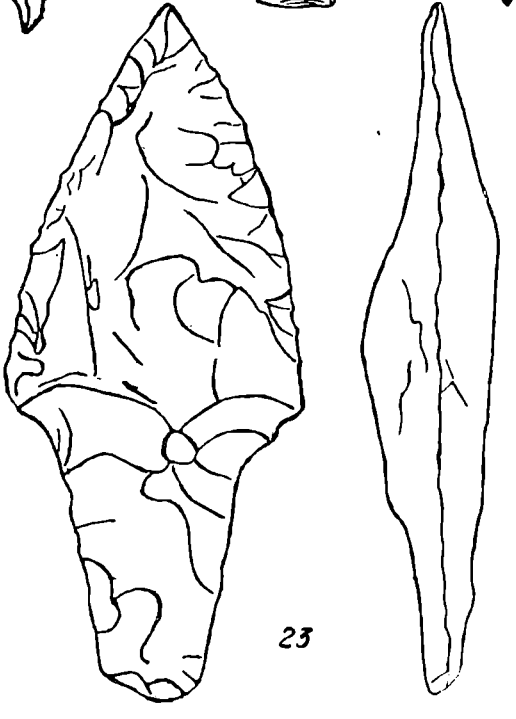
20

21

22

23

В коллекции оказались еще: одна листовидная стрелка изящной работы (рис. 10), обломок наконечника стрелы с тонким насадом и с жальцами (рис. 9) и обломок довольно массивного копья.

В коллекции имеется лишь один кремневый скребок на длинной пластинке, толстый, округлый (рис. 25). Надо думать такой единичный факт находки скребка объясняется тем, что собиратель неясно представлял себе назначение встречаемых им поделок.

Пономаревым была собрана здесь довольно характерная керамика в виде обломков глиняных сосудов с гребенчатым орнаментом. Зубчики короткого нетонкого штампа расположены редкими, иногда небрежными рядами в елочном порядке. К массе глины примешана дресва. Один обломок — с полосой ямок по отогнутой шейке и с гребенчатым орнаментом на остальной части. Имеется еще один черепок сосуда из легкой пористой массы с неясным орнаментом.

Так как эта интересная стоянка не разведана и не описана, и сборы на ней носят случайный характер, — наличный материал ее не дает возможности делать какие-либо надежные заключения.

Совершенно исключительный интерес представляет собою обширная и своеобразная стоянка Зимней Золотицы, посещенная несколько раз исследователями и собирателями.

В 1876 г. шведский путешественник Г. Г. Сандберг [1] посетил Зимнюю Золотицу и в окрестностях селения на песчаном берегу моря нашел множество кремневых осколков и несколько стрелок, еще большее число которых ему удалось приобрести покупкой у местных крестьян. Вскоре после открытия, сделанного Сандбергом, начальник Архангельского порта Л. А. Ухтомский сообщил об этом факте Московскому Обществу любителей естествознания. Последнее, отправляя в следующем году на север Н. К. Зенгера и А. И. Кельсиева, предложило им, между прочим, посетить указанную местность и собрать по возможности большое число образцов попадающихся здесь кремневых орудий. Зенгер и Кельсиев добыли здесь, преимущественно через крестьян, значительное число стрелок и других кремневых орудий. Эта коллекция, фигурировавшая на Антропологической выставке в Москве в 1879 г. вместе с коллекцией Сандберга, добытой им во время своего вторичного посещения с. Золотицы, состояла из 325 кремневых поделок. Здесь были наконечники копий, стрел, ножи, скребки, камни неправильной формы с сквозными отверстиями, кремневое изображение тюленя (рис. 6), осколки и обломки кремня. Коллекция с выставки поступила в Московский университет, отсюда в Общество любителей естествознания. В настоящее время она хранится в Московском государственном историческом музее.

---

[1] Д. Н. Анучин. Отдел доисторических древностей. Тр. Антропол. выст. Общества любителей естествознания и антропологии, т. II, стр. 6.

Сюда же поступила довольно большая коллекция подобных предметов, собранная в 1901 г. в Золотице Масловым и А. В. Марковым.[1]

Отличную коллекцию орудий собрал здесь около того же времени известный геолог Е. С. Федоров, передавший это собрание в музей Горного института в Ленинграде.[2]

В 1910 г. в Зимней Золотице вел широкие исследовательские работы шведский профессор Гальштрем. Нам известны лишь фотографии добытой им большой коллекции кремневых орудий и керамики. Этот альбом фотографий хранится в Северном областном музее.

В 1927 г. здесь была собрана, частью приобретена покупкой у местных жителей, порядочная коллекция орудий Ф. А. Чесноковым, переданная им в Северный областной музей в Архангельске.

В 1934 г. при посещении Зимней Золотицы по служебной командировке автором настоящего очерка попутно была осмотрена стоянка и также собрана коллекция поделок, переданная им в Северный областной музей.

Несмотря на то, что изучение стоянки и собирание на ней материалов начались давно, стоянка остается далеко не освещенной.

Верхнее течение р. Зимней Золотицы проходит среди гористых берегов, покрытых лесом, нижнее, ближе к устью, идет среди низменных песчаных берегов. За песчаными буграми тянутся лесистые горы. Стоянка расположена на правом низменном песчаном плече реки против селения Нижняя Золотица в местности «Сопки» среди песчаных бугров. От берега реки она находится в 180 м. Узкой полосой в 25 м ширины тянется она вдоль берега реки на протяжении 100—150 м. На этом ее участке чрезвычайно интенсивно попадаются осколки кремня и поделки. Без преувеличения можно сказать, что первых здесь встречаются тысячи. Далее к северу следы стоянки почти прерываются — на протяжении 500 м встречаются лишь отдельные осколки кремня. Может быть, эта часть стоянки занесена песком. Вновь она обнаруживается уже параллельно берегу моря, в 250 м от тони «Глубокая». Здесь ее протяжение прослежено на 350 м.

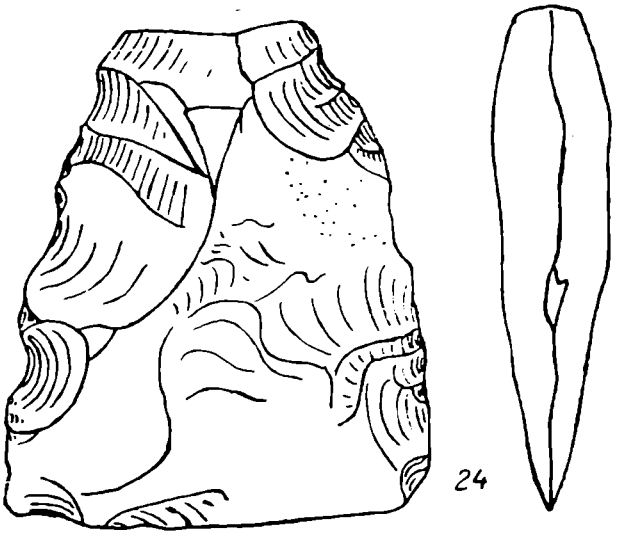
«Сопки» представляют собою песчаные холмы, частью развеянные, частью поросшие кустарником и травой, поэтому из года в год наростающие, так как среди травы и кустов осаждается выдуваемый со стороны моря песок. Их высота достигает 6—8 м над уровнем берега, а над уровнем моря 10—20 м.

Стоянка расположена на I-й береговой террасе и, возможно, покоится отчасти под сопками. Высота стоянки над уровнем реки во время малого прилива около 4 м. Культурный слой залегает несколько ниже черного зольного слоя, который выдержанно полосой проходит вдоль ряда прибрежных сопок. Интересно отметить, что этот зольный слой прослеживается и на стоянках Летнего берега и также выше культурного слоя.

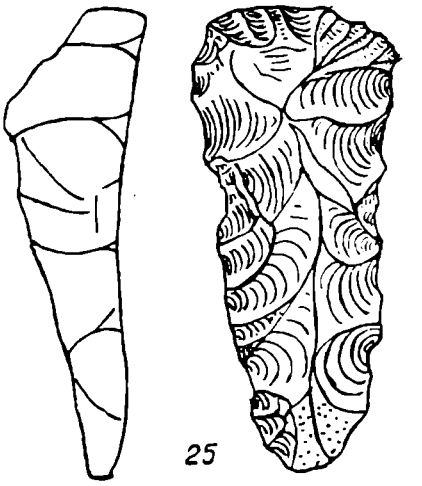
---

[1] М. Маслов. К археологии Летнего и Зимнего берега Белого моря, Архангельск, 1913, стр. 1—9 (отд. отт. из Изв. Археолог. общества изуч. русск. сев., 1913, № 19.)

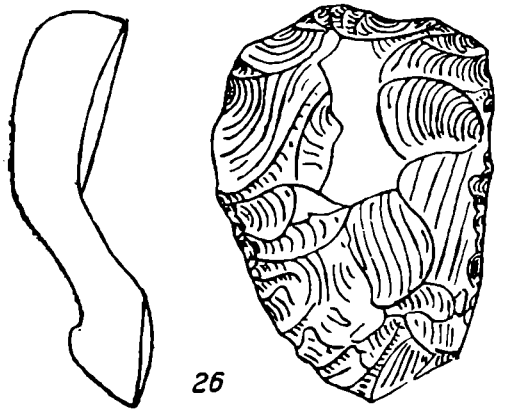
[2] Е. С. Федоров. Минералогическое и петрографическое описание берегов Белого моря. Горн. журн., 1904, т. III, стр. 110.

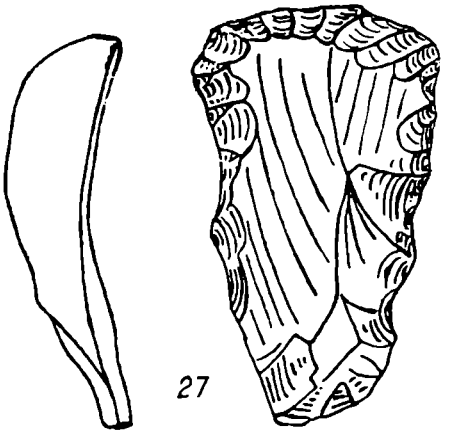
24

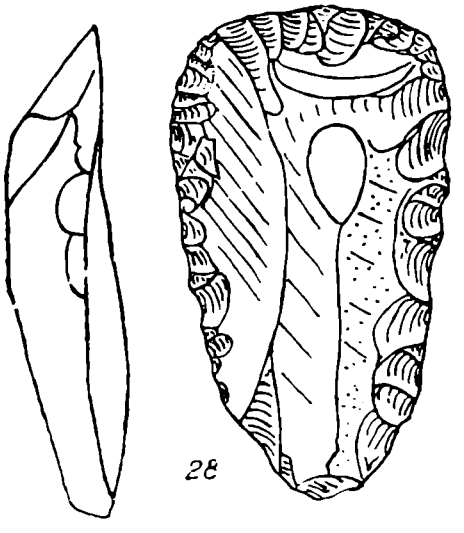
25

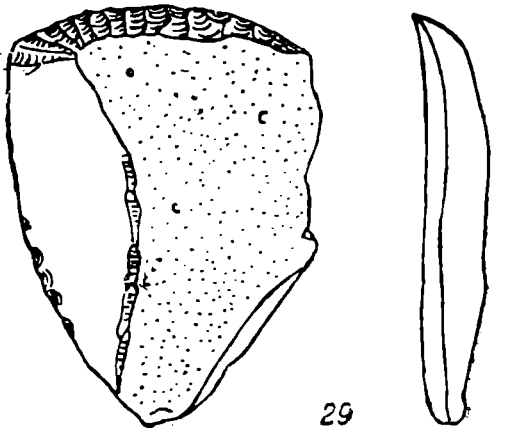
26

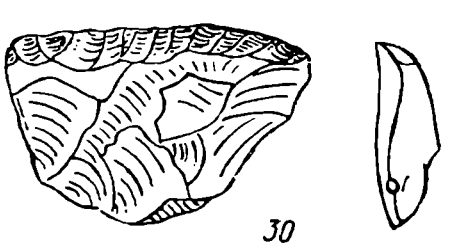
27

28

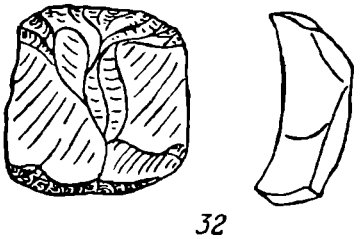
29

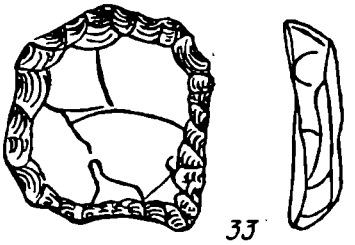
30

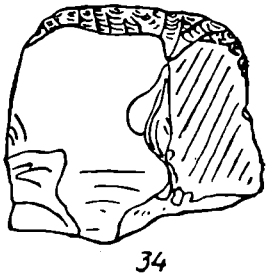
31

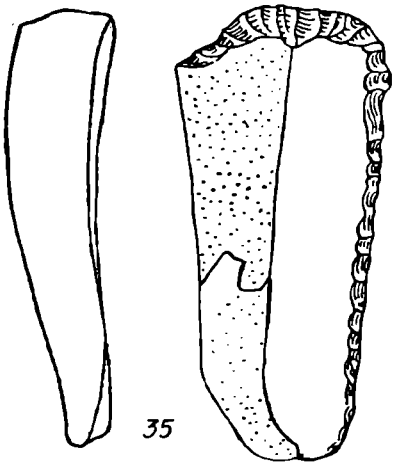
32

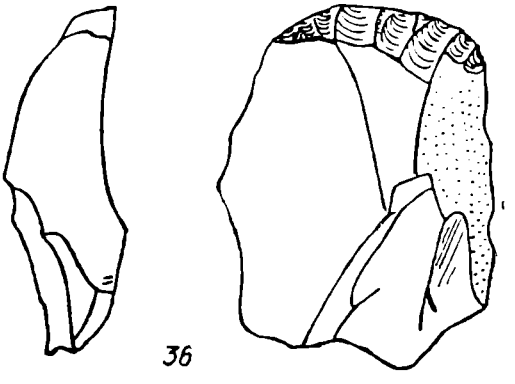
33

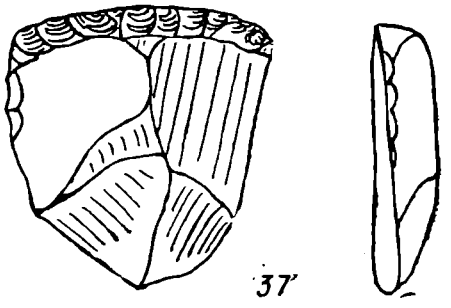
34

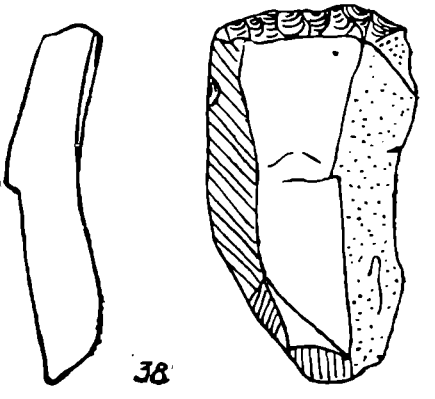
35

36

37

38

В коричневом культурном слое встречаются глиняные черепки посуды, поделки и осколки кремня. Слой этот толщиною до 20 см. В одном месте наблюдался второй темноватый или точнее сероватый слой. Но нельзя с уверенностью сказать, что здесь не произошло оплыва слоя вследствие неровности почвы.

На самом конце стоянки за тоней «Глубокая» сохранились 5 сопок, выдвинутых из ряда остальных значительно к берегу. Представляется вероятным, что эти сопки являются остатками трех рядов дюн, находившихся когда-то на побережье моря. Ближайшая к морю сопка лежит от него в 90 м. Отметим кстати, что на этой же неясной старой волноприбойной линии стоит современная рыбацкая избушка. Средняя группа сопок лежит на 30 м вглубь. Через 30 м отсюда высятся еще две сопки. Высота сопок разная: ближняя к морю имеет от подошвы 1.5 м высоты, средние достигают 2 м и последние — 3 м. Высота над уровнем моря крайней к морю сопки равняется приблизительно 4 м, подножие средних возвышается над уровнем моря на высоту около 5 м и дальнейших — около 6 м.

Одна из средних сопок имеет два конуса вершин. Ее овальное основание равно по окружности 15 м. Очень вероятно, что сопки эти сохранились потому, что почва здесь долгое время находилась под жильем. О последнем свидетельствуют многочисленные горелые камни, разбросанные на сопках, кости и следы очага. Почва была уплотнена, благодаря отбросам, остатки которых заметны в кусочках пережженных черепков, обожженных и цельных костей (песцов).

На одной из средних сопок из нескольких каменных плит выложен очаг. Об этом назначении камней можно судить по сильному их обжигу. На одной из сопок найден был кремневый скребок и кусочек какой-то бронзовой вещицы и бронзовый или медный шлак. На другой, дальней от моря сопке лежала довольно большая (30 × 20 см) из красного песчаника точильная плита.

Вглубь берега поднимается ряд песчаных дюн, поросших кустами и лесом. В обнажении этих дюн ясно вырисовывается черный зольный слой на горизонте вершины последних одиноких сопок. Таким образом происхождение рядов песчаных дюн в глубине берега должно быть отнесено ко времени более позднему, нежели появление человека в этой части побережья моря. Здесь на глазах происходит процесс разрушения ближайших к морю дюн и процесс нарастания более отдаленных.

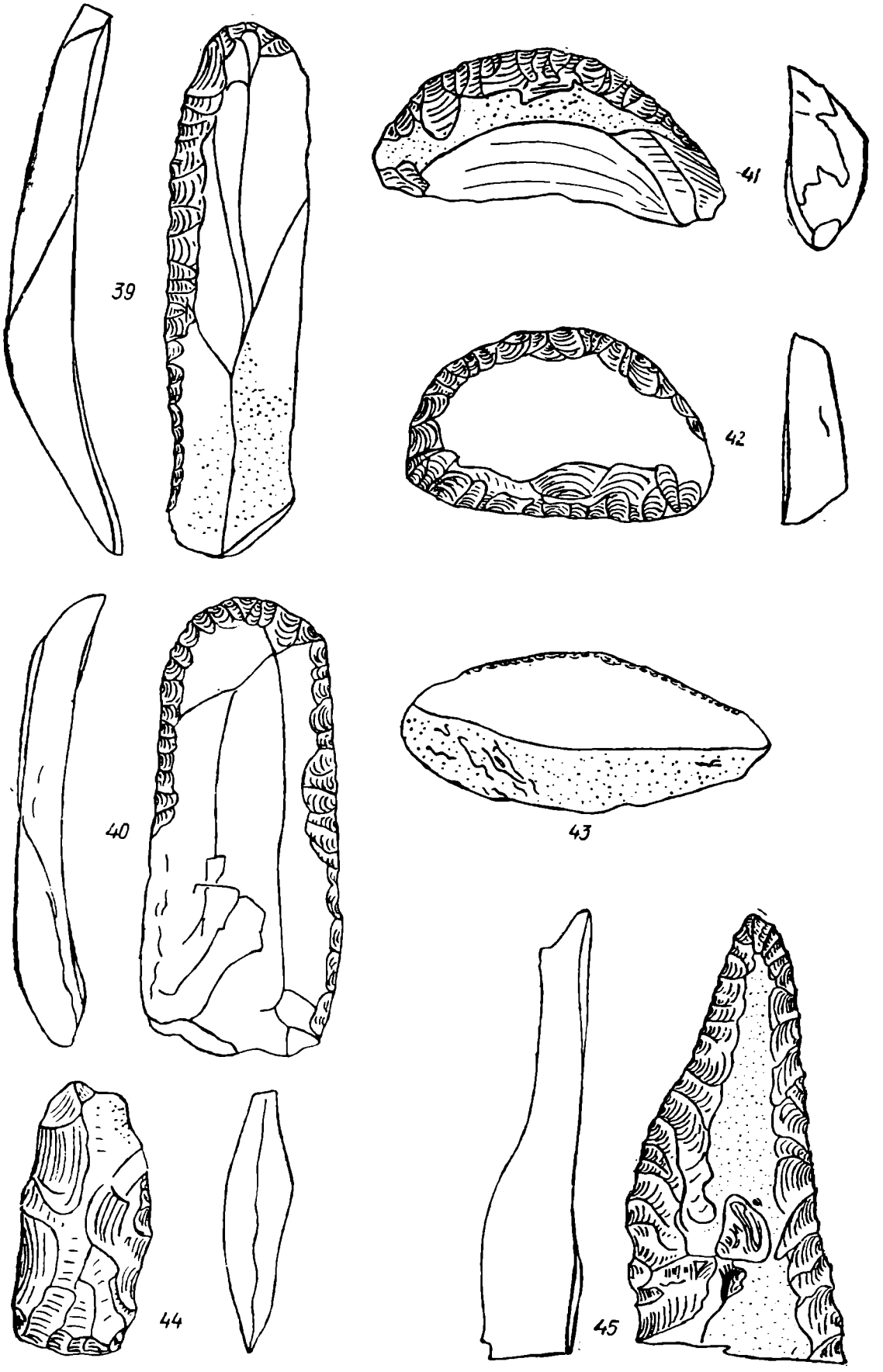
Кремневый инвентарь этой стоянки исключительно обилен. Он состоит из наконечников стрел и копий, скребков, ножей, ланцетовидных орудий, проколок, буравчиков, долот и других орудий.

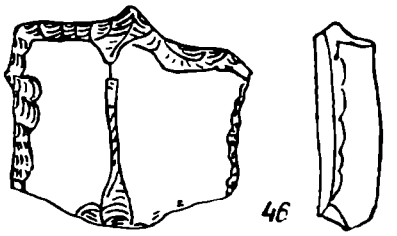
Форма наконечников здесь сильно дифференцирована. Они представлены следующими типами: 1) Листовидные узкие, утолщенные по средине, чаще с обоими острыми концами, реже — закругленные на одном конце (обработка изящная), подобные наконечнику, представленному на рис. 10. Таких наконечников встречается немного. В коллекции Северного областного

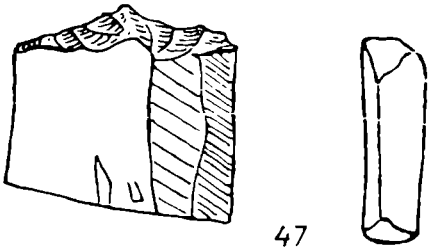
музея их два. Один их них достигает 12 см длины. В коллекции Гальштрема из 80 наконечников лишь 5 листовидного типа. Из 17 наконечников коллекции А. В. Маркова в Московском Историческом музее листовидных — два. 2) Небольшие широкие наконечники стрел с насадом тщательной работы. В нашем собрании из 40 наконечников таких 4, в собрании Северного музея — два, из них один наконечник копья, в собрании Гальштрема — пять (рис. 13—15). 3) Наконечник с насадом и опущенными вниз жальцами. Такой вид наконечника представлен лишь одним экземпляром в коллекции Гальштрема. 4) Ромбические наконечники имеются в собраниях Северного областного музея, в коллекциях Гальштрема и А. В. Маркова — по одному. 5) Узкие наконечники с выемкой в тылье. По средине в длину утолщенные или плоские (рис. 19). В собрании Гальштрема — 9 штук, Маркова — 4, в нашем — 2. 6) Узкие, плоские наконечники с прямым тыльем. Своей формой они представляют вытянутые треугольники (рис. 16). В коллекции Гальштрема — 10. Маркова — 7, в нашей — 6. 7) Узкие, с пильчатыми краями в виде ровных зубчиков (рис. 20, 22). Тылье этих наконечников почти всегда прямое. В нашем собрании таких наконечников более 50%, в собрании Гальштрема — около 25%. Значительное количество их в собрании Северного областного музея. 8) Узкие, утолщенные, по средине с округлым тыльем. В собрании Гальштрема — 9, в нашем — 13. 9) Наконец не часто здесь встречаются «недоделы» или заготовки, подобные тем, о которых мы упоминаем при описании стоянки у р. Товы.

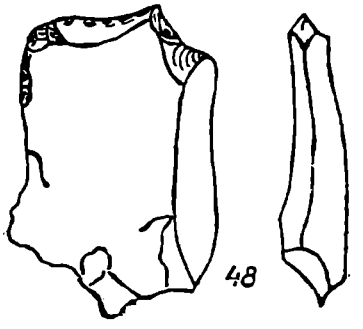
Второй значительной группой здешних орудий являются скребки. Под этим термином объединяются орудия разного назначения. Скребки особенно полно представлены в коллекции Гальштрема. В нашем собрании их 26. Численное соотношение разных типов скребков берем по нашей коллекции: 1) Округлых толстых с крутой ретушью — 13 из 26, массивных (рис. 26 и 27) или небольших, на коротких пластинах, иногда заретушированных с разных сторон (рис. 32 и 33). 2) Округлых с отлогой ретушью — 4 (подобные представленным на рис. 28 и 29). 3) Прямых на более или менее ровных пластинках с крутой ретушью — 4 (рис. 37). 4) Прямых с крутой ретушью и острым выдающимся углом на рабочей части — 5 (рис. 30 и 31). 5) Округлых трехсторонних на длинной пластине — 1 (рис. 40).

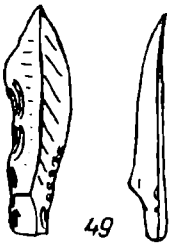
Из прочих кремневых поделок этой стоянки обращают на себя внимание следующие: 1) Ланцетовидные орудия треугольной формы, заретушированные кругом на тонкой пластинке (рис. 52). Трудно решить назначение этих предметов. Неизвестно также, какой конец является рабочим. Таких орудий имеется два — одно в собрании Гальштрема, другой — в нашем. 2) Одна проколка на тонкой пластинке с ретушью на конце (рис. 51). 3) Одно небольшое долотцо из кремня не зашлифованное, покрыто пустынным загаром (рис. 44). 4) Ножи двух типов: а) в виде коротких тонких пластин, иногда почти круглых, заретушированных по части края, и б) в виде более или менее длинных пластин, заретушированных с одной или с обеих длинных сторон. В известных мне собраниях с этой стоянки таких ножей

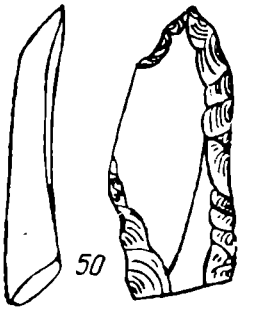

39
41
42
40
43
44
45

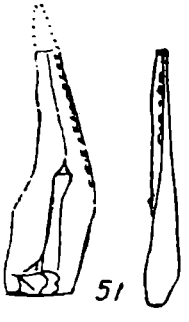

46

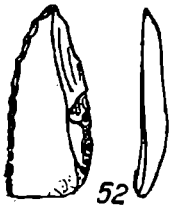

47

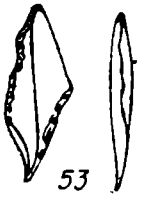

48

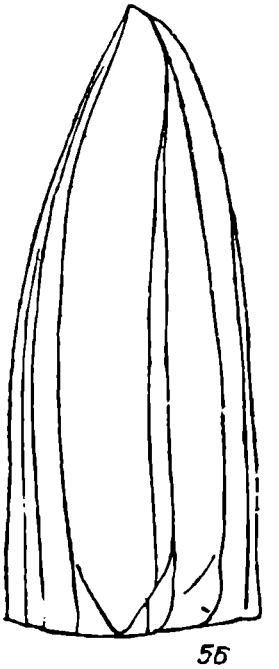

49

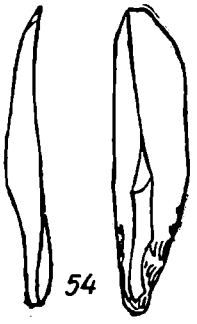

50

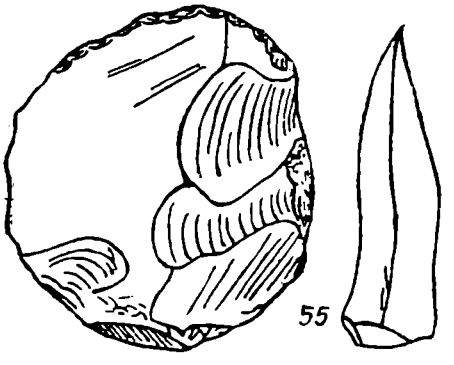

51

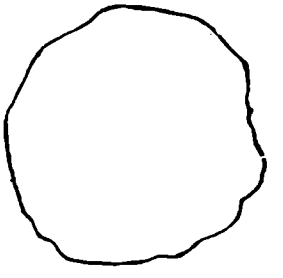

52

53

56

54

55

немного (4 штуки). Один на изогнутой пластине нож коллекции Гальштрема представляет неповторенный в других собраниях образчик этого орудия.

В коллекции Ленинградского горного института имеется между прочим топор или кирка из кремня, клин из нефрита шлифованный, точильный брусок и круглый гранитный камень с желобком, служивший, возможно, в качестве булавы (коллекция эта датирована 1928 г. 14 марта).

Среди каменных поделок особый интерес представляют каменные изображения зверей. Таких изображений здесь найдено 6: два в собраниии ранних коллекций Сандберга, Зенгера и Кельсиева хранятся в Московском Историческом музее, три фигуры изображения были найдены Гальштремом и одно изображение находится в коллекции музея Ленинградского горного института. Среди этих изображений можно узнать песца, лося, собаку или волка, тюленя.

Среди находок на этой стоянке следует отметить одну костяную проколку или шило, обломок медной (или бронзовой) вещицы и медистый шлак.

С особенным вниманием следует отнестись к керамике Золотицкой стоянки. При осмотре стоянки нами в культурном слое взято было 10 черепков одного толстостенного сосуда среднего размера с зубчатым и мелкоямочным орнаментом по венчику и с точечным орнаментом на плечиках. Из точек образуется полоска зубчиков. Найден был так же черепок толстостенного сосуда с крупной дресвой. Орнамент стерт. В собрании Гальштрема, как можно судить о том по фотографиям, были обломки сосудов с крупно-ямочным орнаментом «неолитического типа». Среди той же коллекции довольно ясно выступает керамика, схожая с той, которую мы отметили на стоянке у р. Товы. Кроме того здесь встречена особая керамика из легкой пористой массы. Она пока неясна. Подняты были также два загнутых краешка очень тонкостенного сосуда без орнамента.

Таким образом керамика принадлежит, видимо, разным по времени культурам. А следовательно и каменный инвентарь, быть может, следует отнести к разным культурным комплексам.

Весь материал этой стоянки подъемный, за исключением вещей, найденных при раскопках Гальштремом. К сожалению, отчетом о его раскопках мы не располагаем. Самым интересным, но невыясненным для нас вопросом этой стоянки, является вопрос о том, не имеется ли следов человеческого обитания в сопках, находящихся в глубине берега. Благодаря поднятию берега эти следы должны быть обнаружены выше стоянки, на которой собирался подъемный материал. Они должны относиться ко времени более раннему, нежели находки на обнаженной части стоянки.

На другом берегу р. Золотицы, у самого селения, между кладбищами двух церквей, на каменистом прибрежном вале, параллельно берегу моря находится другая стоянка. Дюны ушли далеко вглубь долины, обнажив

каменистый вал. На нем рассеяно довольно много осколков кремня. Стоянка расположена на 4 м над уровнем моря и тянется с перерывами на полкилометра. Она совершенно разрушена. Самые поиски предметов на каменистой гряде среди галек очень затруднительны. Здесь мною были найдены обломки четырех пильчатых наконечников стрел, обломок тыловой части наконечника узкой стрелки, один наконечник листовидной небрежной работы и два скребка.

Стоянка у Спасской тони между дюн у одного из «выдувов» за избушкой мною не была осмотрена, так как я проходил здесь ночью. В коллекции Гальштрема имеется отсюда один наконечник с насадом и обломок другого наконечника.

Стоянка у Никольской тони в настоящее время совершенно разрушена. В песчаном обрыве на высоте около 4 м над уровнем моря виден нетолстый черный зольный слой. Под ним буроватый культурный слой, в который вкраплены осколки кремня. По словам моего проводника, крестьянина из Нижней Золотицы, еще недавно здесь вываливались из обрыва «глиняные кринки» (сосуды). Необходимо отметить, что разрушение этой террасы происходит благодаря тропе, проложенной по ее краю. Когда тропка пробивает растительный покров, по уплотненному песку стекают воды, появляется трещина. Затем слой отваливается. Тропка переносится на полметра в сторону. Повторяется тот же процесс.

Этими данными ограничиваются наши сведения о древних стоянках Зимнего берега Белого моря, побережье которого в ближайшей к Архангельску части на протяжении около 130 км остается еще необследованным. Об одной находке кремневого наконечника стрелы близ селения Куи на этом побережье передавал нам И. П. Ануфриев.

Неисследованной остается также дельта р. Северной Двины и прилегающее к дельте побережье реки. Исключением являются два пункта, в которых встречены следы стоянок. 1) Урочище «Бык» на окраине города, в настоящее время почти совершенно застроенное. Здесь К. П. Рево вел раскопки, давшие характерную ямочную и ямочно-гребенчатую керамику. Коллекция хранится в Северном областном музее в Архангельске. К сожалению, автор не оставил дневника или отчета раскопок. 2) Другую стоянку К. П. Рево нашел в 1927 г. вверх по Северной Двине в 30 км от Архангельска у устья р. Лявли с гребенчатой керамикой и поделками в виде скребков. Вещи поступили в Московский государственный исторический музей. Стоянка также остается пока нигде не описанной.

III

Стоянки Летнего побережья исследованы более внимательно, нежели памятники Зимнего берега. Сборами и раскопками в течение ряда лет занимался здесь К. П. Рево (1893—1898). Гальштрем произвел раскопки в Красной Горе в 1910 г. В. А. Острогский в 1913 г. вел раскопки там же и в Веноксе. В 1926—1928 гг. на Летнем берегу работала упомянутая экспе-

диция Московского государственного исторического музея во главе с А. Я. Брюсовым, открывшая целый ряд стоянок. В 1934 г. часть Летнего берега (от Пертоминска до Рикасихи) была осмотрена мною совместно с Л. С. Китицыной.

Ближайшая к Архангельску озерная стоянка в эту сторону намечается близ Кудмозера. На Онежском тракте между 18 и 19 км нами найдены были в свежем только-что привезенном из карьера песке, рассыпанном по дороге для ее замощения, три скребка. В 1935 г. в районе Кудмозеро на 24 км тракта был найден наконечник стрелы — плоский с выемкой на насаде. Тракт идет по крайнему к озеру старому береговому валу.

Следы стоянок были обнаружены и в других местах близ озера. У устья Верхней Кудьмы в 300 м от ее впадения к западу, на песчаном приплеске озера были найдены мною два скребка и обломок кремневого наконечника стрелы, обломки керамики, между ними — из пористой с обломками раковин массы и со штриховкой на внутренней стороне, а также осколки кремня. Стоянка разрушена, так как озеро имеет поступательное движение в этом (южном) направлении.

Обширная стоянка была обнаружена мною на правом берегу Нижней Кудьмы, недалеко от выхода ее из озера. Слабо выраженная находками стоянка тянется узкой полосой по береговому валу на протяжении метров 300. В настоящее время река, извиваясь по широкой низине, далеко отошла от берегового вала. На втором и третьем валах встречены также следы обитания человека.

Следует отметить, что почвообразовательные процессы на этих песчаных береговых валах не были развиты. Поэтому культурный слой залегает здесь сверху непосредственно или под дерном в виде коричневато-серого песка в 5—15 см. Находки представляют осколки кремня, прямые скребки, черепки посуды, большею частью окатанные с крупной дресвой и из пористой с обломками раковин массы, со штриховкой. Один черепок с мелко-зубчатым орнаментом. Обнаружены также обломки жженых косточек птиц и мелких животных и обломок грузила.

Таким образом поселение человека здесь не было локализировано: он обитал на большом пространстве, может быть передвигался с места на место.

Такие же черепки посуды были найдены нами на северном берегу озера в урочище «Перевозное» («Косовка»).[1]

На левом берегу р. Солзы в самой деревне того же имени была обнаружена нами совершенно разрушенная дюнная стоянка. Найдены были несколько скребков, обломок наконечника и одно ядрище. Осколков кремня в виде отщепов — обычной здесь техники — было встречено довольно большое количество.

---

[1] Берега озера остались далеко не обследованными полностью. Не осмотрено побережье от Верхней Кудьмы к востоку и северу до Каменного ручья.

Здесь следует отметить быстрое движение дюн на деревню. Сосновая роща сзади деревни еще недавно играла защитную роль. В настоящее время, благодаря тому, что часть рощи вырубили, пески со стороны моря пришли в интенсивное движение к деревне. Часть бань уже занесена, пески грозят окраинным полям.

Стоянка близ посада Неноксa была открыта К. П. Рево в 1893 г., производившим здесь потом не только сборы, но и раскопки. В 1920 г. вел здесь исследования Гальштрем, в 1926 и 1927 гг. — А. Я. Брюсов. В 1934 г. удалось стоянку осмотреть мне.

Она находится в 4—5 км от Неноксы в местности «Сопки». Так называют здесь песчаную прибрежную полосу, покрытую дюнами и сосновым лесом. «Сопки» имеют протяжение до 3 км, простираясь в ширину на 1.5 км. С запада они граничат с р. Неноксой, с юга с озером Нижним, на востоке примыкают к холму «Толстику».

Самая стоянка обнаруживается между морем и лесом на развеянном из-под песка пространстве передвинувшихся вглубь леса дюн. Восточный конец стоянки отстоит от моря в 75 м. Стоянка тянется на запад узкой полосой в 20—25 м. на протяжении около километра, отходя постепенно от моря. Кое-где сохранились «останцы» старых дюн в виде одиноких бугров, по местному называемых «челпанами». Челпаны стоят то одиночками, то группами. Сверху они поросли пыреем, вероникой и другими ягодниками, кустарниками и деревцами. Заметен продолжающийся процесс их выдувания ветром со стороны моря и в то же время нарастание некоторых из них. Ясно, что челпаны когда-то представляли нечто цельное в виде террасы или дюнной гряды, теперь разорванной и местами почти сметенной.

Уровень культурного слоя можно наблюдать в разрезах и естественных обнажениях челпанов — не выше 3—4 м над уровнем моря (во время дневного прилива). В западном конце стоянки уровень культурного и лежащего над ним зольного слоев выше — они здесь лежат на 5—6 м над уровнем моря.

Стоянка выступает в виде гнезд кремневых осколков. Среди тысяч отщепов лежат ядрища и поделки. Также гнездами попадаются черепки посуды.

Нами здесь найден лишь один обломок стрелы, в то время как скребков поднято 22. Найдены были также ножевидные пластинки, остроконечные резцы, проколки или буравчики, ланцетовидные орудия. Интересен нож-скребок с крутой ретушью на длинной слегка изогнутой трехгранной пластине с коркой пестро-желтого кремня (рис. 39). Из 22 скребков прямых оказалось лишь два (рис. 38) и два с мысиками на рабочем конце (рис. 48), остальные округлые. Большинство с крутой ретушью. Обработка большинства скребков довольно небрежная. Из остроконечников обращают на себя внимание небольшие режущие орудия, сделанные на треугольных пластинах (рис. 49, 50, 53, 54).

Находки К. П. Рево на этой стоянке, по его описанию,[1] состояли из разнообразных наконечников: ланцетовидных, миндалевидных, листовидных, широких с суженным насадом, некоторые с выемкой на тылье. Один наконечник копья с жальцами («в виде листа болотного стрело-листа»), кремневый нож. Материалы его раскопок 1893 г. поступили в Московский Исторический музей. Часть материалов — шесть наконечников стрел «весьма изящной отделки с выемчатым основанием или затесанным в виде лезвия» — Рево были переданы в Ярославскую архивную комиссию. В Северном областном музее имеется 8 скребков из этого собрания.

В небольшой коллекции, собранной здесь Гальштремом, имеются: листовидный наконечник копья и 5 наконечников стрел (две того же типа с выемкой в тылье, остальные листовидные), один нож, 18 скребков и три неопределенные поделки.

В нашем собрании керамика принадлежит 7 сосудам. Она с типичным гребенчато-ямочным орнаментом. Круглодонные прямостенные сосуды разной величины орнаментировались сплошь гребенчатым штампом (рис. 58, 59). Кроме одного сосуда все они толстостенные с примесью в глиняной массе крупной дресвы.

При раскопках К. П. Рево было встречено здесь несколько очагов. «Разожженные камни образовывали четырехугольную рамку длиною 1 аршин 10 вершков и шириною 1 аршин 8 вершков. Внутри их пространство заполнено выщелоченною золою, мелким углем, перемешанным с песком». В некоторых очагах им была найдена ямочно-гребенчатая керамика.

Близ Неноксы К. П. Рево отмечает еще две стоянки. Одна из них у озер. Более точное место он не указывает. По его словам, эта стоянка незначительна. На прибрежной глине заметны ясные следы кострищ и осколки. Кроме того найдены были: «кремневый очень грубой работы боевой (охотничий) клин — молот (?), наконечник копья и обломок ножа». Где эти предметы — неизвестно.

Еще одна стоянка на берегу р. Неноксы, близ моря, о которой говорит Рево, осталась никем необследованной.

Есть указание на стоянку по ручью «Исток» в урочище «Куртяево» близ Неноксы.[2]

В окрестностях Неноксы на восточном берегу Лывозеро на прибрежной песчаной террасе геологом Э. А. Кальберг в 1932 г. был поднят

---

[1] К. Рево. Археологическая находка. Архангельские губернские ведомости, 1892, № 101; Он же. О раскопках поселений каменного века. Там же, 1896, №№ 31, 32, 45, 46; Он же. Следы доисторического поселения Архангельской губернии. Там же, 1898, №№ 8—13; Он же. Следы доисторического поселения Архангельской губернии по раскопкам поселений каменного века, Архангельск, 1898, стр. 1—30.

[2] К. Рево. Отчет о раскопках, произведенных в местности, называемой «Сопками», и по р. Чукче (Чудче). (Рукопись.)

59
60
58
62
57
61

листовидный наконечник копья (рис. 11). Побережье этого озера в археологическом отношении остается также не исследованным».[1]

Одна из наиболее интересных стоянок на Летнем берегу около устья р. Чукчи в 2 км от с. Красная Гора была не раз посещена исследователями. Здесь вел раскопки Рево (1893—1894), Гальштрем (1910), Острогский (1913), А. Я. Брюсов и А. В. Збруева (1926), А. Я. Брюсов (1927). В 1934 г. стоянку эту осмотрел автор настоящей работы.

Р. Чукча перед впадением в море делает крутой поворот на восток. На протяжении приблизительно около километра она течет параллельно берегу моря, отделяясь от последнего каменистой полосой, довольно высоко приподнятой в виде берегового вала у самой реки. Над уровнем воды р. Чукчи, у ее поворота на восток левый берег возвышается на 4.5 м. Следы древней гряды дюн сохранились в виде отдельных разорванных бугров-челпанов. На месте снесенных почти начисто дюн образовалось обширное поле галечников. Эта каменисто-песчаная полоса чуть поката к морю. Стоянка тянется узкой полосой приблизительно на полкилометра по береговому валу, когда-то песчаному, теперь почти оголенному от песка. Протяжение стоянки А. В. Збруева определяет в 3 км, В. А. Острогский в 1 км. Эта разница в определении со стороны разных лиц, посетивших стоянку в разное время, объясняется вероятно тем, что следы ее по временам заметались песком. А. В. Збруева и Красногорскую и Чукчинкую стоянки считает за одну.

К. П. Рево справедливо делает заключение, что последние полкилометра берега р. Чукчи, на протяжении которого отсутствуют следы стоянки, наросли уже позднее времени стоянки. К этому геологическому факту отступления устья реки под действием ветра и морского прибоя, довольно обычному для рек, впадающих в Белое море, необходимо отнестись с особым вниманием.

Верхушка останца-челпана не является здесь показателем высоты бывшей террасы, так как останец неизменно из года в год повышается благодаря наращиванию песка, задерживаемого травой. Растение здесь ежегодно принуждено выбиваться из-под песка, благодаря чему его корневище уходит вглубь иногда больше, чем на метр.

В челпанах наблюдается черный зольный слой — мертвый в смысле отсутствия предметов или следов древнейших культур. Может быть, это след лесных пожаров или почвенный погребенный слой какого-то особо влажного периода, во время которого развилась на песках растительность. Ниже черного зольного слоя залегает коричневатый слой, из которого высыпаются плохой сохранности черепки глиняных сосудов. Разрез одного из челпанов, оставленный вероятно экспедицией А. Я. Брюсова, ясно обнаруживает черный слой на глубине 2 м. Следовательно, вся эта толща песка наросла

---

[1] Э. А. Кальберг. Отчет о работах Унско-Ненокской партии летом 1932 г. (Рукопись.)

уже позднее существовавшей здесь стоянки. Этот второй геологический факт роста останцов следует также учесть при постановке вопроса о возрасте стоянки.

В. А. Острогский, сотрудник Гальштрема, потом самостоятельно производивший здесь раскопки в 1913 г. по поручению Археологической комиссии,[1] ни в одном из 5 вскрытых им челпанов и в двух траншеях культурного слоя, по его словам, не обнаружил. В то же время он говорит о слое, проникнутом гумусом толщиною в 10 см, ниже которого на 35—40 см лежит один или два слоя ортштейна толщиною в 25 см. На слое ортштейна им было найдено несколько черепков и наконечник стрелы. В другом челпане черепки оказались под гумусным слоем, а в одной из траншей было встречено много черепков ниже линии ортштейна. «Таким образом, — заключает автор отчета, — раскопки не достигли своей задачи определить условия первоначального залегания в ней находок вследствие явной деформации стоянок до слоя ортшейна и ниже. Видимо, вещи опускались в вывейки и снова в них засыпались песком, а затем обнаружились» (обнажались).

К. П. Рево отмечает наличие здесь обнаруженных им очагов в виде неправильных куч обожженных валунов с сохранившимися между ними углями.

При раскопках А. В. Збруевой,[2] охвативших в двух пунктах 50 кв. м, следов прочных жилищ не обнаружено, но найдены были также следы очагов в виде потрескавшихся от огня камней. Песок под камнями был обожжен или имел серый пепелистый цвет. Около одного из таких очагов был найден горшок с веревочным орнаментом.

Все лица, посетившие эту стоянку, свидетельствуют о большом количестве кремневых поделок и обилии осколков кремня. Повидимому, значительная коллекция поделок была собрана здесь К. П. Рево. Однако в собрании Северного областного музея в Архангельске, где эти сборы отмечены датой «Красная Гора», удается отнести сюда лишь 27 предметов. 44 кремневых поделки и 18 обломков глиняной посуды были переданы Рево в Ярославскую архивную комиссию. Позднее эти коллекции были описаны В. А. Городцовым.[3] Часть предметов им была передана в Московский исторический музей.

В своем описании раскопок на р. Чукче Рево отмечает наконечники стрел с широкой лопастью и с узким насадом, ланцетовидные и с выемкой в тылье, пильчатые, с треугольной лопастью и тонким насадом. Им найдены здесь также наконечники копий, кремневый нож, 2 крючка, «конический бурав» (вероятно нуклеус), тонкое сверло и топор из кремня.

---

[1] Отчет Археолог. комиссии за 1913—1915 гг. Пгр., 1918, стр. 160—163, 233.

[2] А. В. Збруева и М. Е. Фосс. Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной Горы и у р. Галдареи. Сообщения ГАИМК «К десятилетию октября», М., 1928, стр. 42—53.

[3] В. А. Городцов. Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря, М., 1901, стр. 1—7.

В собрании Гальштрема имеется до 150 предметов, датированных «Красной Горой, 1910», повидимому, происходящих отсюда, так как небольшая стоянка под с. Красная Гора, находящемся от р. Чукчи в 3 км, не могла дать такого количества находок. Из 70 наконечников подавляющее большинство — обломки небрежно сделанных орудий и лишь незначительная часть принадлежит типу узких пильчатых и узких листовидных.

В. А. Острогским на этой стоянке при раскопках и сборами было найдено много скребков, чаще «с прямыми лезвиями» на продолговатой пластине, наконечников стрел и копий узких длинных пильчатых, толстых или широких и плоских с широким насадом. Были найдены также пилки, проколки, ножи и орудия неизвестного назначения. Эта коллекция поступила в Русское археологическое общество.

Коллекция Государственного Исторического музея в Москве из раскопок А. В. Збруевой 1926 г. состоит из 325 кремневых поделок. Больше половины их составляет подъемный материал. Автор делит находки на следующие группы: 1) наконечники стрел и копий, 2) скребки, 3) долотовидные орудия, 4) режущие орудия, 5) резцы. Техника обработки, по свидетельству автора, сколотая и отжимная. Преобладают наконечники стрел и копий (50%) в раскопках, в подъемном материале их лишь 32%. А. Я. Брюсов объясняет это тем, что наконечники выбраны крестьянами. Более характерными для данной культуры являются наконечники с пильчатыми краями. Распространен тип листовидный, встречаются треугольные наконечники, иногда с выемкой в основании, и два наконечника переходных к черешковым с особой обработкой острия. Характерны скребки на широкой короткой пластине с прямым или слегка дуговидным рабочим краем. Встречаются округлые, почти обработанные кругом и массивные, иногда с изогнутым профилем. Одно из долотовидных орудий заполировано к толстому краю. Кроме того, здесь были встречены кремневый нож и остроконечники. Рисунки наиболее характерных орудий изданы в работе А. В. Збруевой.

Подобный материал дает и наше собрание. Наконечников стрел и копий в нем цельных и обломков 21, скребков 27 и один нож. Из наконечников несколько листовидных. Один очень массивный. 5 наконечников пильчатых (рис. 21). Обломки наконечников дают чаще всего тыловую часть. Среди скребков преобладают орудия с крутой ретушью. Большинство скребков округлые; два имеют острый выступ в средине (рис. 46, 47). Обращает на себя внимание ножичек из корки желтоватого кремня (рис. 43).

Собрание поделок с этой стоянки представляет тем больший интерес, что на стоянке добыта обильная и почти однообразная керамика.

При раскопках К. П. Рево здесь попадались целые круглодонные шаровидные сосуды и сосуды в виде ваз с веревочным орнаментом. Два сосуда из этих раскопок хранятся в Государственном Историческом музее в Москве и довольно значительный фрагмент в Северном областном музее в Архангельске. Сосуды имеют митровидную форму, суженную шейку с выпуклым валиком по обрезу края и круглое дно. Диаметр шеек 19.5 см и 27 см.

Толщина стенок сосудов, по измерению А. В. Збруевой, от 4 до 9 мм. 18 обломков посуды с этой стоянки Рево передал в Ярославскую археологическую комиссию. Об этой керамике В. А. Городцов замечает, что «орнамент наносился лишь по верхней части сосуда и преимущественно состоял из оттисков тонкой веревочки или вернее крученой нити, а также отпечатков отчетливо и мелко вырезанного зубчатого чекана, энергично вдавленных точек и ямок». Аналогичную посуду он указывает на Котловском могильнике и на городище Грохань с устья Вятки.[1]

В московском собрании имеется отсюда несколько фрагментов «сетчатой» керамики.

В коллекции Гальштрема богато представлена керамика с веревочным орнаментом, с редкими ямками, с вдавлениями мелко-гребенчатого штампа. Лишь один обломок сосуда, насколько можно судить по фотографии, с сетчатым орнаментом и ямками по венчику.

Найденные В. А. Острогским сосуды по р. Чукче представляют собою, по его описанию, «невысокие чашки со слегка отогнутым бортом, слегка выпуклыми стенками и круглым дном, тонкие, слегка разламывающиеся, глина с растительной примесью». Некоторые черепки покрыты красивой штриховкой и зубчиками. Автор полагает, что к этой культуре относится найденный на стоянке обломок бронзового кельта.

Та же керамика была встречена при раскопках А. В. Збруевой. Вместе с тем она отмечает наличие и другого вида керамики — с мелкой штриховкой и отпечатками или следами тонкой ткани. Она указывает на сходство основной «веревочной» керамики с керамикой из раскопок Нефедова в Приуралье (на берегу р. Белой Шихан) и в Кировском крае (б. Елабужский уезд, могильник «Релка»).

В нашем собрании кроме основного вида керамики, отмеченной в предыдущих коллекциях, имеются обломки сосуда с ямочно-ногтевым орнаментом на массе с примесью дресвы.

Из прочих памятников этой стоянки следует отметить встреченные Рево очаги, представляющие собою конические кучи до «аршина» и немного более в диаметре обожженных булыжников округлой формы. Здесь же им было встречено неизвестно к какому времени относящееся погребение. Возможно — позднее.

Между р. Чукчей и с. Красная Гора, ближе к первой, на берегу моря к востоку от старой дороги К. П. Рево указывает на существование стоянки. Нам не удалось ее отыскать. Возможно, Рево имеет в виду продолжение стоянки Чукчи, выступающей на поверхности не сплошной полосой, а с перерывами. Не исключена возможность, что стоянка в то время, когда нам в 1934 г. пришлось пройти по этому побережью моря, была заметена песком.

---

[1] В. А. Городцов. Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря, М., 1901.

Приблизительно на полпути между р. Чукчей и Красной Горой нам пришлось лишь встретить у одиноко стоящего челпана, в 4 м высотою, продольное расположение больших валунов, образующих овальный круг в два ряда. Продольная ось равна 2.5 м, поперек — 1.5 м. Памятник этот нами не был исследован.

Близ с. Красная Гора у ручья, соединяющего озеро с морем, в расстоянии около 150 м от моря по обоим берегам ручья на второй террасе расположена стоянка. Она тянется узкой полосой в 25 м на протяжении 250—300 м. Уровень этой террасы над морем 5—6 м. Стоянка сильно разрушена не только ветром, но и тем, что здесь было когда-то устроено кладбище, о чем свидетельствуют многочисленные кости, а местами и гроба. Одинокие останцы-челпаны сохраняют черный зольный слой, ниже которого наблюдается местами еще коричневатый тонкий культурный слой.

В нашей коллекции со стоянки Красная Гора среди наконечников из 17 штук цельным оказался только один (рис. 12), остальные обломки. Из них 11 тыловых частей. Пильчатых оказался лишь один. Типичными для этой стоянки наконечниками стрел и копий являются узкие, утолщенные посредине, треугольные. Один из плоских наконечников копий с прямым тыльем достигает 5.5 см в поперечнике. Обращает на себя внимание когтеобразное орудие на толстой пластине (рис. 45). Скребков найдено всего 4 — на толстых трехгранных и четырехгранных пластинах, рабочие концы округлые (рис. 27, 36).

На Красной Горе нами было поднято крайне мало керамики. Кроме одного неорнаментированного черепка из массы с примесью крупной дресвы, она принадлежит к тонкостенным сосудам. Орнамент из мелких ямочек, продолговатых вдавлений и зубчиков. Комбинации последних образуют на прямой шейке ромбы. Неорнаментированные черепки (тех же сосудов) носят следы легкой штриховки и лощения.

Одна кремневая поделка была найдена на верхней террасе, на тракте, на высоте 15—18 м над уровнем моря.

Близ Пертоминска с обеих сторон поселка в песчаных обнажениях террасы, на которой стоит селение, находилась стоянка, теперь сильно разрушенная. Здесь встречаются отдельные находки орудий и осколки кремня. Наши сборы на этой стоянке дали очень немного: обломок пильчатого наконечника стрелы, два прямых тонких скребка, одну неопределенную поделку, пластину со следами ретуши и черепок сосуда с неясным орнаментом.

IV

Продолжая обзор стоянок побережья Белого моря в западном направлении, необходимо отметить, что береговая линия Унской губы на протя-

жении около 100 км никем не обследовалась. Между тем обращает на себя внимание отличный призматический нуклеус из посада Луды, расположенный на восточном берегу Унской губы, хранящийся в Северном областном музее (рис. 56).

Повидимому эта случайная находка была кем-то передана в музей через Рево.

К западу от Унской губы по Летнему побережью открыт ряд стоянок К. П. Рево и особенно много экспедицией Государственного Исторического музея в 1926—1927 гг. Эти стоянки следующие: на речке Ловкоте близ с. Яренги, у оз. Верстинского, у р. Малый Серт на высоте 12 м, у р. Голодеихи, около оз. Лопшенского, у Тотьманского ручья на высоте 12 м, у Лопшеньги (подъемный материал), у Сарайского ручья на правом берегу на высоте 11 м; на левом — случайные находки, между Сарайским ручьем и Люленьгою, у р. Люленьги, между последней и Галдареей, у р. Галдареи, у р. Копылихи, у тони Ям-Наволок, у р. Усть-Яренги, у Тимофеевского ручья, около с. Дуракова, у тони Загорушна, у р. Летняя Золотица на правом берегу, отдельные предметы на левом берегу, и у Паранина ручья. Общие условия этих стоянок следующие. На некоторой глубине, иногда выходя на поверхность, иногда уходя глубоко под песок, иногда исчезая там, где дюны содраны совершенно ветром, наблюдается один или несколько темных зольных слоев толщиною около 5—10 см. А. Я. Брюсов считает этот «пал» погребенной растительной почвой. Культурный слой залегает обычно ниже в виде серого песка, достигая 20, 30—40 см.

Некоторые дюны находятся в сильном движении, другие сдерживаются покрывающей их растительностью. Все стоянки лежат на высоте 11—13 м над уровнем моря (в 1927 г. высота определялась барометрически). Исключение представляет стоянка у Ям-Наволок, находящаяся на высоте около 10 м над уровнем моря. Предметы этой стоянки, однако, находятся не на месте своего первоначального положения. Большинство стоянок разрушено.[1]

Отметим наиболее интересные наблюдения и находки в этой группе стоянок, сделанные исследователями.

На стоянке между Сарайским ручьем и Люленьгой К. П. Рево находил фрагменты литейных форм, а экспедиция Московского Исторического музея нашла обломки льячек. Сосуды Сараихи, отметим кстати, с налепным и зубчатым орнаментом, редкими круглыми ямками и горизонтальными полосками веревочного орнамента по плечикам.

Раскопками К. П. Рево у р. Люленьги было установлено существование стоянок на дюнах, расположенных в несколько рядов по левому берегу реки. Самая большая стоянка находится в третьем ряду дюн. Здесь были найдены крупные гарпуновидные наконечники стрел с узким насадом,

[1] А. Я. Брюсов. Что представляют собою стоянки на Летнем берегу Белого моря? Тр. секции археологии Инст. археол. и искусствозн. РАНИОН, М., 1928, стр. 3—8.

широкие листовидные наконечники копий до 20 см длины, крупные скребки. Керамика — шаровидная, орнаментированная рядами зубчиков и бороздок оттиснутых бичевкой. На стоянках других рядов встречались сосуды кувшинообразной формы с ямочным и крестообразным (?) орнаментом.

Особо интересной является стоянка у р. Галдареи. Дюны здесь только что начинают приходить в движение. Растительность еще продолжает сдерживать большую часть их. Стоянка расположена на обоих берегах реки — на правом — на высоте 12 м над уровнем моря и на левом — на высоте 12.5 м в третьем, пятом и шестом рядах дюн. На этой стоянке в третьем ряду при раскопках Рево было найдено шлифованное орудие из сланца (молот), плитка (?), два кремневых наконечника копий с остатками обугленных древков. К сожалению, рабочие разбили эти древки. Какая керамика была найдена здесь — из описания неясно.

Керамику стоянки пятого ряда дюн Рево характеризует следующими словами: «Грубые горшки с загнутым под прямым углом внутрь сосуда краем, по которому выдавлены продолговатые ямки, вылеплены из глины с разожженным гранитом».

На стоянке шестого ряда посуда украшена крупно-ямочным орнаментом: «ямки так глубоко и так густо покрывают горшки, что черепки их похожи на глиняные соты». Не остается сомнений, что это та посуда, которая по прежней терминологии относилась к раннему керамическому неолиту.

Собрание К. П. Рево в Государственном Историческом музее в Москве содержит из этой стоянки обломки керамики ямочной, гребенчато-ямочной и сосудов с веревочным орнаментом и карнизом. Очевидно, последняя была встречена в третьем ряду дюн.

Из коллекции с Люленьги и трех стоянок Галдареи 68 предметов было передано К. П. Рево в Ярославскую архивную комиссию. Из них — 11 обломков кремневых орудий, остальные 57 — черепки глиняной посуды. Общее описание этой керамики было сделано В. А. Городцовым без разделения ее по отдельным стоянкам.[1] Он различает здесь два типа керамики: более поздней, являющейся совершенно тождественной с керамикой Чукчи и Красной Горы и тип посуды более древний. Поверхность последних «сплошь испещрена орнаментом, состоящим преимущественно из энергичных точечных вдавлений и коротких косопоставленных оттисков зубчатого чекана. Такой пошиб орнамента представляется очень характерным для конца неолитической эпохи средней и северной полосы России, но более близкое сходство имеет с пошибом орнаментации посуды стоянки окрестностей Сэрейзними, близ Улезее». Среди обломков этого древнейшего типа посуды «встречаются хотя и не часто и такие экземпляры, которые сделаны из глины без всякой искусственной примеси посторонних веществ».

---

[1] В. А. Городцов. Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря, М., 1901, стр. 1—7.

Таким образом мы имеем на Галдарее дело с разными по времени культурами. Рево делает совершенно правильную догадку, что на более дальних от моря дюнах находятся более древние стоянки. Можно пожалеть, что раскопки Рево не сопровождались планами и зарисовками.

Еще раз здесь производились раскопки в 1926 г. экспедицией Московского Исторического музея. Отчет о раскопках, опубликованный М. Е. Фосс,[1] сообщает о стоянке следующее. На расстоянии 150 м от моря была обнаружена громадная вывейка, усеянная кремневыми осколками и орудиями. Раскопками было вскрыто 68 кв. м. Обнаружены 4 кострища овальной формы. Диаметр их 2 и 1 м. В них встретились кремневые орудия, ожженные косточки, куски обгорелой бересты. Кроме того было открыто сооружение из обожженных камней, образующих как бы загородку, охранявшую костер от ветра.

Культурный слой достигает здесь 15 см на левом берегу и 24 см на правом. Определить границу поселения не удалось в виду слишком большого песчаного баласта.

При этих раскопках найдено было 66 целых орудий, 135 обломков и 340 черепков посуды.

При изготовлении орудий употреблялась, как заключает автор отчета, сколотая и отжимная техника. Форма наконечников, которые составляют в этой коллекции около 60% всего инвентаря, разнообразна: треугольные, с выемкой и без нее, ланцетовидные, черешковые. Первые два с пильчатыми краями. Таких наконечников почти половина. Прекрасный образец этой техники являет кинжал или копье из красного кремня — 13.4 см длины и 3.8 см ширины. Фотография этого орудия издана в отчете М. Е. Фосс, здесь же дано графическое изображение типичных кремневых орудий. Аналогии по форме и по обработке орудий автор указывает в находках района Кенозера и среди коллекций Копенгагенского музея.

Прочие поделки: скребки округлые и прямые, несколько режущих орудий и один полированный по лезвию с одной стороны топор из серого кремня. Здесь был найден кроме того ромбической формы молоток из гринштейна, «имевший широкое распространение в Норвегии в конце III тысячелетия до нашей эры». Эту коллекцию дополняют материалы Рево в Историческом музее в Москве, где хранятся собранные им здесь отбойники и наконечники тех же типов.

Интересный отчет М. Е. Фосс, к сожалению, не отмечает, к какому ряду дюн относятся те или иные находки, не приурочивает он и керамику. Между тем эта керамика, по замечанию автора отчета, неоднородна: часть ее с ямочно-гребенчатым орнаментом, широко распространенная в центральной части СССР и Олонецком крае во время неолита, другая часть — принад-

---

[1] А. В. Збруева и М. Е. Фосс. Раскопки на дюнах Белого моря близ селения Красной Горы и у р. Галдареи. Сообщения ГАИМК «К десятилетию октября», М., 1928, стр. 42—53.

лежит более позднему времени. Один из сосудов этого типа частично удалось восстановить. Он — с округло-коническим дном, высотою 32 см, диаметр горла 27 см. Верх сосуда украшен ямочно-зубчатым орнаментом. Орнамент расположен лишь по верху сосуда. Эта керамика, по заключению М. Е. Фосс, относится ко времени бронзы. Не даром здесь найдены обломки литейной формы (Рево) и обломки трех льячек со следами медной окиси. Между прочим в собрании Исторического музея в Москве имеется отсюда несколько черепков «сетчатой» керамики.

В расстоянии 2 км от р. Усть-Яренги в осыпи оврага были найдены К. П. Рево черепки глиняной посуды, наконечники стрел, кремневая фигурка стоящего на задних лапах медведя (рис. 4), обломки поделки из мягкого песчаника: «последнее каменное изделие похоже на куски карниза с вырезанными на нем рубчиками». Предметы раскопок Рево (1894 г.) поступили в Московский Исторический музей. Может быть эту самую стоянку А. Я. Брюсов в отчете о раскопках 1927 г. имеет в виду, когда описывает свои раскопки близ р. Усть-Яренги. Здесь им было вскрыто 150 кв. м. При этом обнаружено 5 кострищ. Сама стоянка тянется на протяжении 125 м в длину и 10—20 м в ширину. Найдена часть тигля и обломок льячка. На левом берегу р. Усть-Яренги отдельные кремневые находки были сделаны на высоте 20 м. В собрании Исторического музея в Москве отсюда также имеется несколько черепков «сетчатой» керамики.

Онежский берег Белого моря — от устья р. Зимней Золотицы до Онеги был обстоятельно исследован в 1928 г. экспедицией Московского государственного исторического музея, продолжавшей работы предыдущих лет. Экспедицией были обследованы следующие стоянки:

1. Летнезолотицкая стоянка близ устья р. Летней Золотицы, совершенно развеянная в настоящее время.

2. Стоянка у Паранина ручья около с. Летняя Золотица — очень бедная, давшая при раскопках экспедиции лишь несколько орудий и немного керамики.

3. Стоянка у с. Пушлахта расположена на неширокой дюнной гряде на высоте 9 м над уровнем моря. Здесь раскопками было вскрыто 146 кв. м. Культурный слой мощностью 10—30 см лежит непосредственно почти под растительным слоем. Следов жилищ не обнаружено. Инвентарь — немного промысловых орудий: наконечники, ножи, скребки. Кроме того здесь были найдены топоры и два узких резца. Один топор сделан из сланца. Наконечники листовидные небольшого размера.

Между прочим, здесь были встречены скребковидные орудия с острой выпуклостью на рабочем крае, подобные тем, которые были найдены нами в Неноксе и на Чукче. А. Я. Брюсов предполагает, что этот инструмент служил для тиснения кожи или для проведения прямых орнаментальных линий на дереве или кости. Среди прочих скребков, найденных на стоянке,

А. Я. Брюсов различает типы: прямой, крутой, дуговой, широкий крутой и полукруглый крутой.

Керамика представлена довольно большими глиняными сосудами с выпуклыми боками. Орнамент зубчатый в виде коротких вдавлений, расположенных рядами или под углом друг к другу. Эта керамика напоминает, по словам А. Я. Брюсова, гребенчатую керамику средней полосы СССР.

4. Стоянка на р. Вейге расположена над уровнем моря на высоте 6 м. Раскопками экспедиции здесь было вскрыто 53 кв. м. Находки начинаются непосредственно под растительным слоем и идут до глубины 25—30 см. Целые наконечники относятся к треугольному типу. Из керамики найдены здесь обломки глиняного сосуда с резко выраженной шейкой с горизонтально-волнистым орнаментом, нанесенным веревочкой.

5. Стоянка на р. Тамице протянулась вдоль берега моря на расстоянии около 1 км полосой в 250 м на высоте 8 м над уровнем моря.

Здесь раскопками экспедиции 1928 г. было вскрыто более 300 кв. м. Найдены были скребки разных типов. Наконечники встречаются треугольные, черешковые, листовидные. Кроме того были найдены: толстообушный полированный топор с овальным поперечным сечением и отполированная часть каменной рукояти, обломок глиняной льячки.

Вдоль берега тянется линия часто расположенных кострищ и несколько очагов, сложенных из средней величины камней.

Сосуды — из чистой глины. Орнаментом покрыта только верхняя часть сосуда. Круглоямочный орнамент редок. «Зубчатый штамп обычно очень узкий, вдавливается только слегка, не оставляя тех отчетливых глубоких полос, которые так характерны для керамики неолитического типа» (А. Я. Брюсов). Керамику эту автор отчета о раскопках сближает с керамикой второй группы стоянок на озере Намисьярва.

Положение стоянок Онежского берега над уровнем моря (на Вейге — 6 м, на Талице — 8 м и у Пушлахты — 9 м), а также керамика обнаруживают некоторые черты отличия от стоянок Летнего и Зимнего берега.[1]

V

Археологические исследования, производившиеся до настоящего времени на побережье Белого моря, далеко недостаточны, чтобы очертить основные контуры проистекавшего в здешних условиях исторического процесса.

---

[1] Кроме упомянутой ранее, автором использована нижеследующая литература: А. Я. Брюсов. Путеводитель по открытым залам Государственного Исторического музея первобытно-коммунистического общества, М., 1934, стр. 54—61; Н. А. Голубцов. Архангельский городской музей и его коллекции, Архангельск, 1913, стр. 13; ОАК за 1893 г., СПб., 1895, стр. 18—19, 106—107; ОАК за 1894 г., СПб., 1896, стр. 25—26, 154—155; Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 г., Архангельск, 1913, стр. 85; Указатель памятников Российского Исторического музея, 2-е дополн. изд., М., 1893, стр. 16—18.

Можно лишь с определенностью констатировать, что здесь мы имеем дело с памятниками разновременными. Но так как большинство находок относится к определенному периоду родовой организации первобытно-коммунистического общества, дальнейшая далеко не полная характеристика хозяйства и уклада жизни дюнного населения побережья будет относиться ко времени конца «неолита» и к эпохе «бронзы».

Почвенные условия дюнных стоянок исключают возможность сохранения изделий из кости и из дерева и вообще органических остатков. Поэтому о некоторых сторонах жизни дюнного обитателя мы можем строить лишь догадки, восстанавливая многое путем аналогий.

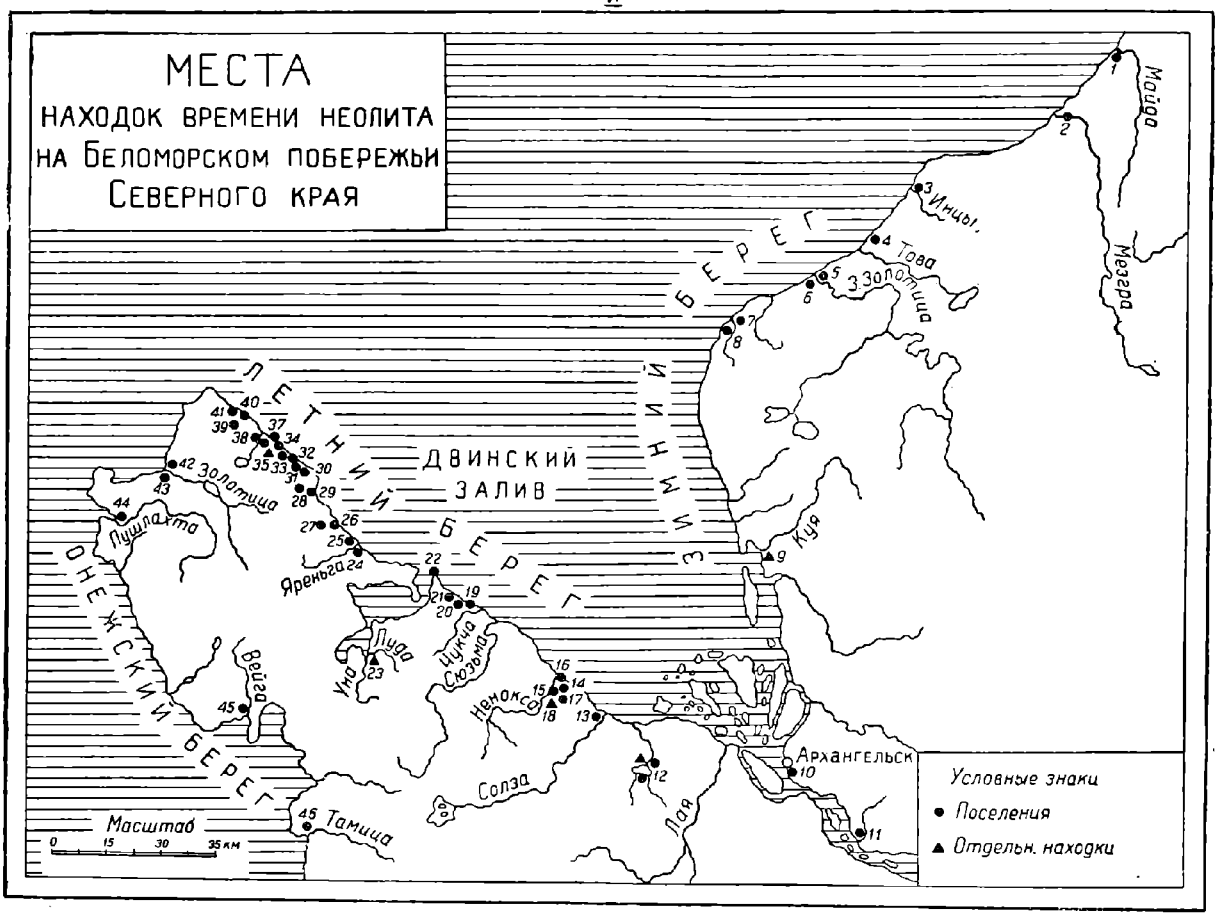
Остатков жилищ здесь пока не найдено. Встречены лишь очаги разной формы, неизвестно — имевшие ли покрытие. Вероятно некоторые из очагов, представлявшие скорее всего ямы с покрытием из жердей, ветвей и земли, были сложены вне жилищ.

Разные по численности группы семей поселяются близ устьев рек и располагаются временно на таких участках, где наблюдается хороший ход рыбы, подобно тому, как в настоящее время население прибрежных деревень выходит в сезон для промысла на тони, раскиданные далеко от селений. Это говорит за рыболовческий характер дюнных поселений. В устьях рек и речек устраивались, вероятно, сообща «заколы», совместно ловилась рыба.

Из состава инвентаря стоянок обнаруживается, что вместе с этой отраслью хозяйства оно носило и охотничье-промысловый характер. Наибольший процент собранных материалов дают орудия охоты. Особенно полно представлены кремневые наконечники стрел и копий. Разнообразие типов их свидетельствует о развитой охоте с луком. А крупные наконечники копий, дротиков и кинжалы говорят о том, что широко практиковалась охота на крупного зверя — лесного и морского. Коллективная охота, надо полагать, совершалась загородями, загонами, ловчими ямами и силками.

Нет никаких данных говорить о том, что местное население практиковало какую-либо систему земледелия. Даже самые поздние культуры дюнных стоянок пока не дают повода для заключений о земледелии.

Являлись ли дюнные стоянки только местами временного промыслового поселения, или человек обитал здесь постоянно? Анализ инвентаря стоянок как будто указывает на сезонный характер поселений. Здесь почти отсутствуют шиферные топоры, долота, полированные и сверленые молотки, столь обычные на подобных стоянках озер и рек в центральной части страны. С другой стороны — наличие мастерских кремневых орудий, большое количество на некоторых стоянках керамики, конечно не привозной, а вырабатывавшейся на месте, самая обширность некоторых стоянок (Зимняя Золотица, Ненокса, Чукча и др)., насыщенных кремневыми поделками, обломками и осколками, свидетельствуют о продолжительности обитания человека в данных пунктах. Нужно представлять себе, что как и в настоящее

СПИСОК БЕЛОМОРСКИХ СТОЯНОК И ПУНКТОВ ОТДЕЛЬНЫХ НАХОДОК

1. На р. Майде в 2 км выше устья. 2. На р. Мегре у устья. 3. У селения Инцы на Зимнем берегу. 4. Между тоней «Катериниха» и «Могилка» недалеко от устья р. Товы. 5. На правом берегу р. Зимней Золотицы близ устья у «Сопок» до тони «Глубокая». 6. На левом берегу р. Зимней Золотицы между кладбищами. 7. У «Спасской» тони на Зимнем берегу. 8. У «Никольской» тони на Зимнем берегу. 9. Отдельная находка у селения Куя. 10. На «Быку» — урочище на окраине Архангельска. 11. В устье р. Лявли, впадающей в Сев. Двину выше Архангельска с правой стороны. 12. Отдельные находки близ Кудмозеро на Онежском тракте. 13. На левом берегу р. Солзы в одноименном селении, на Летнем берегу. 14. На «Сопках». близ Неноксы. 15. Близ селения Неноксы у озер. 16. В устье Неноксы у моря (?). 17. У Куртяево, близ Неноксы. 18. У Лывозера, отдельная находка. 19. У устья р. Чукчи на левом берегу. 20. Между р. Чукчей и Красной горой к востоку от старой дороги. 21. У с. Красная гора. 22. Близ коммуны им. Сталина (б. Пертоминский монастырь). 23. На р. Луде — отдельная находка. 24. На рч. Ловкоте близ с. Яренги. 25. У оз. Верстинского. 26. У р. М. Серт. 27. У р. Голодаихи. 28. Около оз. Лопшенского. 29. У Тотьманского ручья. 30. У Сарайского ручья. 31. Между Сарайским ручьем и р. Люленькою. 32. У р. Люленьки. 33. Между Люленькою и р. Галдареей (у Осиповского ручья). 34. Ур. Галдарея. 35. Ур. Копылихи — отдельные находки. 36. У тони Яш-Наволок. 37. Ур. Усть-Яренги с правой стороны. 38. Ур. Усть-Яренги на левом берегу. 39. У Тимофеевского ручья. 40. Около с. Дуракова. 41. У тони «Загорушной». 42. У селения Летняя Золотица. 43. У Паранина ручья. 44. У с. Пушлахта. 45. На р. Вейге близ устья. 46. На р. Тамице.

время, тогда на побережье было несколько оседлых пунктов, из которых население разбредалось в сезон рыбной ловли по всему берегу Белого моря.

Техника обработки кремня достигла значительной высоты. Особенно совершенны по правильности форм и тонкости работы так наз. пильчатые наконечники с ровными зубчиками по краям.

Производство средств труда стояло на высокой ступени. Были в употреблении кремневые топоры, иногда заточенные, долота, клинья, молотки, хотя они встречены и не часто. Широко применялись скребки, ножи, сверла, скобели, шилья, проколки, пилки.

Крайне разнообразны по типу и по величине скребки дюнных стоянок. Это говорит о разнообразном их назначении, как поделочных орудий. Значительная сношенность рабочего края некоторых скребков указывает, что они служили не только для обработки шкур, но также и для различных работ по дереву и кости. Это было довольно универсальное орудие, служившее и для чистки чешуи рыбы и для скобления заболони молодых елей в весеннее время. Скобление заболони и теперь практикуется детворой на севере.

Для расчленения туши убитого зверя, для снимания шкур, для приготовления ремней, обуви и одежды и других работ служили кремневые ножи. Для сшивания шкур употреблялись кремневые и костяные проколки и шилья.

Ряд отраслей производственной деятельности населения дюнных стоянок невозможно как-либо характеризовать из-за отсутствия костяных и деревянных поделок, представлявших, конечно, гораздо большее разнообразие, нежели материал кремневый.

Значительное место в быту тогдашнего населения дюн имели глиняные сосуды. Сосуды лепились без гончарного круга, от руки, налепным способом, т. е. из длинных раскатанных полос глины. Дно сосудов делалось округлым. Такой сосуд мог ставиться в песок или между камнями очага. В виду плохого качества глиняного теста, слабости и неравномерности обжига нагревание в сосудах жидкости вероятно производилось при помощи раскаленных на огне камней, которые потом бросались в сосуд. Такой способ нагревания воды практикуется в Северной области до настоящего времени.

Большие сосуды делались толстостенными. Вероятно для крепости в глиняное тесто примешивалась дресва. В тех же целях и, может быть, для ускорения нагрева производились на стенках с внешней стороны различными штампами или палочкой вдавления, расположенные для красоты в виде узора. Глиняные сосуды могли служить также и для хранения разных вещей или запасов пищи.

Особый интерес представляют фигурные кремневые изображения, найденные на стоянках Белого моря. Скульптура, примененная на таком материале, как кремень, показывает, каких высоких образцов искусства мы вправе ожидать, если бы сохранились изделия из дерева и кости. Мы

имеем изображения лося или оленя, песца, собаки или волка, медведя, какого-то морского зверя и рыб. Подобные фигурные кремневые изображения найдены также на известной Волосовской стоянке (у г. Мурома на р. Оке), на стоянках «Уница» на Ростовском озере, «Станок» в окрестностях Костромы и в других местах. Напрашивается связь этих изображений с петроглифами побережья Онежского озера и острова Шойрукшина в низовьях р. Выг в Карелии. Возможно, что это магические фигуры или изображения тотемов. В таком случае мы вправе делать некоторые заключения о религиозных верованиях насельников беломорских дюн времени конца родовой организации.

Данная стадия истории древнего населения южного побережья Белого моря характеризуется наличием бронзовых изделий. Находки бронзового кельта, льячек с следами шлака бронзы, тигля и литейных форм, говорят за развитие металлургии на месте. Добывание руды меди и олова могло производиться поблизости от Беломорья, а самая отливка в каменные или глиняные формы практиковалась на нескольких стоянках побережья.

В связи с этим было бы интересно направить поиски древних рудников и шахт по побережью Белого моря.

VI

В настоящее время не представляется возможным установить с определенностью отношение дюнных стоянок побережья Белого моря к геохронологической канве. Тем более трудно установить на данной стадии исследования точную абсолютную датировку этих стоянок.

Однако попытки определения времени дюнных стоянок имеются, в том числе и на основании археологических данных. В своей статье «Что представляют собою стоянки на Летнем берегу Белого моря»[1] А. Я. Брюсов относит все стоянки Летнего берега к концу второго тысячелетия до нашей эры, учитывая то обстоятельство, что на некоторых из них найдены были тигель, льячки и обломки литейных форм. Стоянки Онежского побережья он датирует как по расположению их над уровнем моря, так и по характеру орудий и керамики временем около конца второго и начала первого тысячелетия до н. э., т. е. они являются более поздними, нежели летнебережные стоянки.

Хотя почти нигде на этих стоянках не выступает отчетливо стратиграфическая картина чередования слоев различных по времени культур, тем не менее можно с полной определенностью говорить о разном возрасте стоянок, точнее — наслоений на одних и тех же стоянках, заселявшихся в разное время. Опору для относительной датировки культур дает керамика стоянок, представленная здесь несколькими фазами развития.

---

[1] А. Брюсов. Что представляют собою стоянки на Летнем берегу Белого моря. Труды секции археологии, РАНИОН, М., 1928, стр. 3—8.

К первой наиболее архаической стадии развития керамики следует отнести характерные неолитические круглодонные сосуды округло-конической, позднее митрообразной формы с ямочным и ямочно-гребенчатым орнаментом (рис. 57), с крупной грубой дресвой в глине. Фрагменты ее встречены на Галдарее, на «Быку» и частью на Зимней Золотице и на «Сопках» Неноксы. Этот вид керамики соответствует первой фазе развития гребенчатой керамики Северо-Западной области, которой в Балтике соответствует время древне-балтийской трансгрессии. Абсолютная хронология этой фазы развития керамики для Северо-Западной области устанавливается периодом от 2500 до 1700 г. до н. э.[1]

К более позднему этапу развития северного неолита (ко второй стадии) относится керамика дюнных стоянок Белого моря — сосуды той же формы, но орнаментированные преимущественно гребенчатым штампом, оттиски которого располагаются кругом сосуда в наклонном положении в ту и в другую сторону, покрывая весь сосуд. Ямки наносятся чаще всего в верхней части сосуда. Такая керамика встречена на стоянках Неноксы, Пушлахты, на Зимней Золотице и на «Катеринихе» у р. Товы. Эта керамика сходна с керамикой второй фазы развития ее в Северо-Западной области, датируемой периодом от 1700 до 1200 г. (по Б. Ф. Землякову).

Третья группа керамики весьма резко отличается своей массой, в которой отсутствует примесь крупного песка или дресвы, тонкозубчатым орнаментом и формой. Сосуды нередко шарообразны или с заметно выпуклыми боками, имеют округлое дно. Венчик сосудов то отогнут кнаружи, то прямой. Орнаментировка производилась чаще всего тонкими зубчатыми чеканами в разных комбинациях, иногда чередующихся с мелкими неглубокими ямками. Обычно орнаментируется не весь сосуд, а лишь венчики и плечики. По археологической датировке эту керамику относят к «бронзе». Среди нее нередко встречаются сосуды со следами штриховки на внутренней и внешней стороне (рис. 61), а также лощеные и сделанные из легкой глиняной массы, благодаря примеси каких-то выгоревших при обжиге органических остатков, толченой раковины и других. Может быть, к этой же группе следует отнести сосуды с беспорядочно разбросанными оттисками гребенчатого штампа с округлыми днищами (Зимняя Золотица и Катериниха). Небольшие сборы не позволяют пока расчленить материал этой группы, расположив в хронологическом порядке ее керамику.

Гораздо полнее представлен здесь материал круглодонных сосудов «веревочной» или «шнуровой» керамики, называемой так по ее орнаменту, с выпуклым валиком на шейке (рис. 62). Она представляет собою четвертую фазу развития здешней керамики. Сосуды орнаментируются по шейке и плечикам ямками и мелкими зубчиками — оттисками веревочки. Ко времени этой керамики и керамики предыдущей стадии относится большинство пред-

[1] Б. Земляков. Доисторический человек Северо-Западной области в связи с ее геологией в послеледниковое время. Доклады Академиии Наук СССР, Л. 1928, № 5, стр. 85—90.

метов, связанных с металлургией: льячки, литейные формы, обломок бронзового кельта, найденные на стоянках Беломорья. Судя по обилию керамики этого вида на крупных стоянках (Зимней Золотицы, Чукчи, и др.) ей одновременно и большинство предметов кремневого инвентаря, в том числе пильчатые наконечники стрел.

Подобная керамика характерна для Котловского могильника, для городищ Вятского и Пижемского типа, относимых в последнее время к I—IX вв. н. э.[1] Нет оснований круглодонную «веревочную» керамику Беломорья относить к концу этого периода.

К этой керамике примыкает генетически близкая «сетчатая» или «текстильная» керамика, как ее еще называют. Она встречена в немногих фрагментах на Чукче, близ Усть-Яренги и на левом берегу Галдареи. Благодаря именно тому обстоятельству, что сетчатая керамика встречена здесь в весьма малом количестве обломков, трудно сказать, к какой именно группе сетчатой керамики она относится — к плоскодонной или более архаической круглодонной.

Нам представляется вероятным, что группа плоскодонной керамики, орнаментированная гребенчатым штампом не по всей поверхности сосуда, а только по шейке и краю, является более поздней фазой в развитии керамики, нежели круглодонная керамика с шнуровым или веревочным орнаментом.

Таким образом, рассматривая керамику Белого моря не как единый одновременный комплекс, а как явления хронологически разные, нельзя согласиться с предложенной археологической датировкой стоянок побережья Белого моря концом второго и началом первого тысячелетия до н. э. Здесь налицо несколько сменившихся культур долгого исторического периода.

Весьма привлекательны попытки распространить геохронологические выводы, сделанные в отношении стоянок берегов Балтийского моря, на территории и стоянки Беломорского пебережья. Но такие сближения, пока не накоплен достаточный материал и пока отсутствует геохронологическая его оценка, не должны претендовать на безусловное совпадение.

Береговая линия Белого моря после стаяния ледника находилась в состоянии непрерывной регрессии. Поднятие континента совершалось неравномерно, временами более быстро, временами замедленным темпом. В силу этого в районе берега наблюдается ряд морских террас. Самый молодой абразионный уровень по нивелировочным определениям М. А. Лавровой лежит на высоте 1.5—4.5 м над уровнем моря. Вторая песчаная развеваемая в настоящее время терраса с волнообразной линией 4—7.5 м представлена отложениями послеледниковой трансгрессии, покрывшими подстилающий их торф. Третья терраса с отчетливо выраженной волнообразной линией на высоте 11.5—13.5 м над уровнем моря, богатая растительными

[1] А. В. Збруева. Пижемское городище. Сб. «Из истории родового общества на территории СССР», М.—Л., 1934, стр. 289.

остатками, относится также, повидимому, к последниковому времени. Четвертая и пятая террасы принадлежат времени позднеледниковой трансгрессии. «В период регрессии моря от уровня волнообразной линии второй террасы, — замечает М. А. Лаврова, — на побережье Белого моря расселялся человек, приурочивая свои стоянки к *поверхности вышележащей третьей террасы*». (Курсив наш. — *В. С.*) Принимая определение времени стоянок, данное А. Я. Брюсовым, относящим возраст их за 1000 лет до н. э., М. А. Лаврова полагает возможным приурочить возраст стоянок «приблизительно ко времени древне-балтийской регрессии в районе Балтийского моря в суббореальное время».

В связи с этой датировкой в вопрос необходимо внести некоторые уточнения. Отметим еще раз, что здешние стоянки представляют собою напластования разновременных поселений и что положение их в отношении уровня моря неодинаковое. А. Я. Брюсов в своей работе о беломорских стоянках не совсем точно указывает, что границы стоянок не спускаются ниже 12—13 м над уровнем моря, кроме Вейги (6 м), Тамицы (8 м) и Пушлахты (9 м), обследованных им позднее. Наши наблюдения и глазомерное определение посещенных нами стоянок дали другие результаты. Так, культурный слой стоянки у Неноксы не превышает 4 м над уровнем моря. На Чукче береговой речной вал с кремневыми поделками возвышается на 4—5 м. В Красной Горе стоянка лежит на 5—6 м над уровнем моря. У Малого Серта, в Дуракове и Люленьге, по наблюдениям М. А. Лавровой, стоянки также находятся на 5—6 м над уровнем моря. То же можно сказать и о некоторых стоянках Зимнего берега: для стоянки Зимней Золотицы и стоянки у Никольской тони уровень определяется 4—5 м во время малого прилива. Все эти стоянки лежат на второй развеваемой террасе. На третьей террасе мы не встретили ни одной стоянки. Если остальные стоянки к западу от Унской губы не спускаются ниже 12—13 м над уровнем моря, тогда, значит, человек селился то на второй, то на третьей террасе, если только колебания берега Белого моря в разных его частях не протекали неравномерно.

Окончательной работы по синхронизации отложений на берегах Белого моря по балтийской (шведской) хронологической шкале нет, — слишком мало накоплено материалов. В этом направлении сделана пока одна попытка. По мнению М. А. Лавровой, вторую террасу естественнее всего сопоставить с литориновым уровнем Балтики. Заметим, что максимум первой литориновой трансгрессии имел место 6000 лет тому назад, а начало суббореального времени падает на 4250 лет назад (по Рамзаю).

Интересно отметить, что пыльцевой анализ торфа из слоев, подстилающих отложения послеледниковой трансгрессии у Тамицы не дал решительных указаний на изменение климата в сторону потепления.[1] В то же

---

[1] М. А. Лаврова. К геологии Онежского полуострова. Тр. Геол. музея Акад. Наук, вып. VIII, 1931, стр. 1—66.

время изучение торфяников, развитых на поверхности послеледниковой террасы Поморского берега указало на то, что низ торфяника относится к суббореальному времени и что к концу этого времени образование послеледниковой террасы было закончено.[1] Формирование погребенных торфяников в районе Архангельска, как показали исследования В. Я. Филиппович, началось вслед за отступанием ледника. В нижних горизонтах торфа на побережье Чешской губы между рр. Омой и Вижасом К. К. Волосовичем и на побережье Мезенской губы А. Н. Александровой обнаружена пыльца теплолюбивых — вяза и липы. Неизвестно в каком отношении к этим горизонтам торфа стоит находка в устье р. Неси кремневых поделок и осколков.

Вот те немногие разрозненные факты, относящиеся к анализам погребенных и древних торфов на побережье Белого моря и в его окружении, которые очевидно не позволяют в данный момент делать какую-либо синхронизацию с явлениями этого порядка в Балтике.

Для датировки дюнных стоянок может иметь значение изучение самих дюн побережья. К сожалению, история дюн, которая могла бы быть прослежена в их поперечных профилях — их нарастание и уменьшение, залегание в них гумусовых горизонтов, анализ последних и т. д. — почти совершенно не изучена. В литературе имеется лишь одна работа, посвященная вопросу о древних дюнах Онежского полуострова, — М. А. Лавровой.[2] Для определения возраста дюн она пользуется той же археологической датировкой А. Я. Брюсова остатков культуры, которые он считает одновременными и относит к 1000 годам до н. э. Так как культурные находки «приурочены к верхней части подзолистого горизонта, лежащего непосредственно под погребенным гумусовым горизонтом, — говорит М. А. Лаврова о дюнах третьей террасы, — то, следовательно, формирование дюн к этому времени закончилось, и вследствие изменившихся климатических условий в сторону увеличения влажности и главным образом уменьшения силы ветра они перешли в стадию покоя, что вполне согласуется с концом суббореального периода, когда теплый сухой климат сменился более влажным, остановившим движение дюн и благоприятствующим развитию сплошного растительного покрова».

Таким образом начало образования дюн автор относит ко времени, предшествующему расселению человека, именно к началу суббореального периода или даже несколько более раннему, когда, по мнению автора, поверхность второй террасы «только начала освобождаться из-под воды и еще подвергалась действию волн во время штормов, почему человек был принужден селиться на верхней террасе». Однако М. А. Лаврова сама наблюдала «разрозненные остатки культуры доисторического человека» у с. Красная

[1] М. А. Лаврова. К познанию четвертичных отложений Поморского берега Белого моря. Тр. Геол. инст. Акад. Наук, т. III, 1933, стр. 5—39.

[2] М. А. Лаврова. О древних дюнах Онежского полуострова. ДАН, 1928, № 12, стр. 215—220.

Гора и у р. Малый Серт на дюнах второй террасы с волнообразной линией 5—6 м. Добавим, что на второй именно террасе расположено значительное число стоянок. Таким образом начало заселения побережья Белого моря должно быть отодвинуто примерно к средине суббореального периода.

Постепенное формирование дюн, вытянутых вдоль побережья более или менее правильными рядами при наличии поднятия берега располагает дюны в отношении берега моря в хронологическом, так сказать, порядке. Более удаленные от берега моря дюны очевидно являются более древними, нежели более близкие к морю. По мере образования новых дюн и удаления берега человек, селившийся на берегу, должен был передвигаться к морю. Поэтому мы должны встретить под древними дюнами и среди них более древние культуры, под новыми, ближе лежащими к морю — более молодые. Такой интересный случай, как мы уже отмечали, являют собой ряды дюн Галдареи, где смена культур ясно выражена разнохарактерностью содержания стоянок третьего, пятого и шестого рядов. Здесь следовало бы поискать ключ к хронологии стоянок и к хронологии самих дюн.

Еще один геологический факт может быть использован для датировки дюнных стоянок — это рост речных кос некоторых рек Белого моря, в устьях которых расположены стоянки. Господствующие северные и северо-восточные ветры и прибои моря, а также приливные течения, с одной стороны, и интенсивная аккумуляция речных песков в устье, с другой, — неизменно отклоняют течение реки к востоку. Между морем и ложем реки образуется узкая коса, постепенно растущая по мере того, как река продвигает устье вперед, подмывая правый берег. Эта коса сложена обычно каменистым береговым валом и крупными речными и морскими песками. Такое явление наблюдается между прочим в течении рек Сюзьмы и Чукчи. На последней расположена стоянка как раз на повороте реки к востоку. Следы стоянки на косе прослеживаются приблизительно на 0.5 км. Очевидно — последние полкилометра, на которых отсутствуют следы стоянки, образовались после того, как человек покинул Чукчу. Для наиболее поздней культуры Чукчи, ярко и обильно выраженной здесь керамикой с веревочным орнаментом и «налепными» рубчиками, может быть определено время конца, если бы были поставлены стационарные наблюдения за движением устья и ростом речной косы. Для постановки такой работы необходимо произвести точное измерение расстояния от восточного конца стоянки до современного устья реки и соорудить надежные реперы. Последующее нарастание косы (в полустолетие или в столетие) даст возможность вычислить время образования косы после стоянки. Последнее позволит определить дату конца самой стоянки.

Заметим кстати: по аналогии с положением Чукчинской стоянки, стоянку на р. Сюзьме следует искать не у современного ее устья, а значительно западнее, вероятно, близ поворота реки на восток.

В итоге всех попыток датировать и синхронизировать беломорские стоянки с стоянками Балтики с геохронологической шкалой последней вытекает один твердый вывод: необходимо накапливать новые и новые материалы в этом направлении и критически проверять прежние материалы и выводы.

В заключение необходимо отметить назревшие работы в направлении изучения древних культур Беломорья:

1. Обследование участков Белого моря, непосещенных еще исследователями: а) от Зимней Золотицы до Канина и по западному берегу последнего, б) от Архангельска по Зимнему берегу до Конецгорья, в) в дельте Двины и от коммуны «Искры» до устья р. Солзы, г) от коммуны имени Сталина по Унской губе до Яренгского рога.

2. Специальное изучение дюн, их генезиса и истории, в частности изучение дюн у р. Галдареи, с их профильными разрезами, занятых стоянками.

3. Установление реперов на р. Чукче для стационарных наблюдений.

4. Обследование приозерных стоянок Онежского полуострова и Зимнегорского берега, в первую очередь стоянок Кудмозеро для выяснения вопроса о связи этих поселений с поселениями побережья Белого моря.

5. Обследование единственного встреченного нами в районе побережья Белого моря городища на правом берегу р. Зимней Золотицы в 3 км от устья в целях выяснения связи культуры городища с культурами береговых стоянок.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ

1. Кремневая фигурка песца. (Из собрания Гальштрема, со стоянки у Зимней Золотицы. Размер неизвестен.)

2. Кремневая фигурка лося. (Из собрания Гальштрема, со стоянки у Зимней Золотицы.)

3. Кремневая фигурка собаки или волка. Зимняя Золотица, из собрания Сандберга, Зенгера и Кельсиева. (Хранится в Государственном Историч. Музее в Москве.)

4. Кремневая фигурка медведя. В 2 км от Усть-Яренги. (Из собрания К. П. Рево. Государственный Историч. музей в Москве.)

5. Кремневая фигурка неопределенного животного. (Из собрания Гальштрема. Зимняя Золотица.)

6. Кремневая фигурка морского зверя. (Из собрания Сандберга. Зимняя Золотица. Государственный Исторический музей в Москве.)

7—10. Наконечники стрел со стоянки у тони «Катериниха». Собрание П. В. Пономарева. Сев. краевой музей.

11. Наконечник копья. Лыс озеро З. А. Кальберг.

12. Наконечник стрелы. Красная Гора. Собрание автора. Сев. краевой музей.

13—15. Наконечники стрел. Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей. Все рис. н. в.

16—18. Наконечники стрел. «Катериниха». Собрание П. В. Пономарева. Сев. краевой музей.

19—20. Наконечники стрел. Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей.

21. Наконечник. Чукча. Собрание автора. Сев. краевой музей.

22. Наконечник стрелы. Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей.

23. Наконечник копья. Зимняя Золотица. Из собрания Ф. А. Чеснокова. Сев. краевой музей. Все рис. н. в.

24. Кремневый зашлифованный к рабочему концу топорик. Чукча. Из собрания К. П. Рево. Государственный Исторический музей в Москве.

25. Скребок. «Катериниха». Собрание П. В. Пономарева. Сев. краевой музей.
26. Скребок. Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей.
27. Скребок. Красная Гора. Собрание автора. Сев. краевой музей.
28. Скребок. Ненокса-Сопки. Собрание автора. Сев. к раевой музей.
29. Скребок. Чукча. Собрание автора. Сев. краевой музей. Все рис. н. в.
30—34. Скребки. Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей.
35. Скребок. Ненокса-Сопки. Собрание автора. Сев. краевой музей.
36. Скребок. Красная Гора. Собрание автора. Сев. краевой музей.
37. Скребок. Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей.
38. Скребок. Ненокса-Сопки. Собрание автора. Сев. краевой музей. Все рис. н. в.
39. Скребок. Ненокса-Сопки. Собрание автора.
40. Скребок. Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей.
41—42. Скребки. Чукча. Собрание автора. Сев. краевой музей.
43. Нож. Чукча. Собрание автора. Сев. краевой музей.
44. Долотцо кремневое. Собрание автора. Сев. краевой музей.
45. Острие. Красная Гора. Собрание автора. Все рис. н. в.
46. Скребок с острым углом. Чукча. Собрание автора.
47. То же. Чукча. Собрание автора. Сев. краевой музей.
48. То же. Ненокса-Сопки. Собрание автора. Сев. краевой музей.
49. Ланцетовидное орудие Неноксо-Сопки. Собрание автора. Сев. краевой музей.
50. Остроконечное орудие. Ненокса-Сопки. Собрание автора. Сев. краевой музей.
51. Ланцетовидное орудие. Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей.
52. Остроконечное орудие. Зимняя Золотица. Собрание автора.
53—54. Ланцетовидное орудие. Ненокса-Сопки. Собрание автора. Сев. краевой музей.
55. Круглое режущее орудие (нож). Зимняя Золотица. Собрание автора. Сев. краевой музей.
56. Нуклеус. Луда. Собрание К. П. Рево. Северный краевой музей. Все рис. н. в.
57. Обломок глиняного сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом (1-я фаза керамики Беломорского побережья. «Бык»).
58—60. Обломки глиняных сосудов с гребенчато-ямочным орнаментом (2-я фаза керамики Беломорского побережья. Ненокса-Сопки).
61. Обломок глиняного сосуда с гребенчато-ямочным орнаментальным поясом по краю и со штриховкой (3-я фаза керамики Беломорского побережья. Красная Гора).
62. Обломок глиняного сосуда с выпуклым валиком на шейке и веревочным орнаментом, с ямками и штрихами (4-я фаза керамики Беломорского побережья. Чукча). Около $^2/_3$ н. в.

V. SMIRNOV

REVUE DES MONUMENTS ARCHÉOLOGIQUES DU LITTORAL DE LA MER BLANCHE DANS LA PROVINCE DU NORD

RÉSUMÉ

Les restes de station de l'homme primitif se rencontrent sur tout le littoral de la mer Blanche. Les dunes de sable riveraines étaient habitées à l'époque de la société de clan, comme l'atteste l'abondance des outils en pierre et des fragments de céramique. Dans son article, l'auteur n'étudie que les monuments situés dans la Région du Nord, principalement ceux de la fin du Néolithique et de l'époque du bronze.

Ces stations étaient-elles des lieux d'habitation temporaires pendant la saison de la pêche ou bien permanents? L'analyse de l'outillage semble indiquer leur caractère saisonnier. On y constate l'absence presque complète

des haches en schiste, ciseaux, marteaux polis ou perforés, si communs dans ce genre de stations sur les lacs et les rivières de la partie centrale du pays. D'autre part, la présence d'ateliers d'out ils en silex, l'abondance, dans certaines stations, de la céramique fabriquée sur place, les vastes dimensions de quelques unes des stations (Zolotitzy, Nenoksa, Tchouktcha, etc.), toutes pleines d'objets, de fragments et d'éclats de silex, témoignent de la durée du séjour de l'homme en ces points. Il devait y avoir ici, alors comme aujourd'hui, plusieurs points d'habitations fixes, d'où la population se dispersait sur tout le littoral de la mer Blanche à la saison de la pêche.

La technique du silex atteignait un degré élevé. Les pointes dites en scie, à dentelures régulières sur les bords, se distinguent par la perfection de leur forme et la finesse de leur travail. On utilisait ici des haches en silex, parfois des ciseaux aiguisés, des coins, des marteaux, bien qu'on n'en ait pas rencontré souvent. L'emploi des grattoirs, couteaux, burins, râcloirs, poinçons, perçoirs, petites scies était largement répandu. Les pointes de flèches et de lances présentent une grande diversité. Les vases en argile jouaient un rôle important dans la vie domestique des habitants des dunes. Ils étaient fabriqués sans l'aide du tour, à la main. Le fond des vases était généralement concave. On ajoutait à la pâte du gravier. Le côté extérieur du vase était orné-menté d'empreintes faites par estampage ou à l'aide d'un bâtonnet.

Les figurines en silex offrent un intérêt particulier. On y trouve représentés des élans ou des hommes, des renards bleus, des chiens ou des loups, des ours, une espèce d'animal marin et des poissons. Il est tout indiqué de rapprocher ces figurines des pétroglyphes des bords du lac Onéga et de l'île Choïroukcha sur le cours inférieur du Vyg en Carélie. Il est possible que c'ait été des figures magiques.

La trouvaille d'objets en bronze — celtes, creuset et moules, etc. indique le développement sur les lieux de la métallurgie. Aussi serait-il fort intéressant de rechercher les anciennes mines et puits du littoral de la mer Blanche.

Il est très difficile encore de dater d'une manière précise les stations étudiées. Un point de repère pour la détermination de leur âge relatif est fourni par la céramique, qui y est représentée par plusieurs phases de développement. On ne peut accepter la date proposée de la fin du 2-e et début du 1-er millénaire avant notre ère. Il y a eu là plusieurs cultures qui se sont succédées au cours d'une longue période historique. Toutes les tentatives de datage et de synchronisation des stations de la mer Blanche avec celles de la Baltique et son échelle géochronologique amènent à la conclusion qu'il est nécessaire d'accumuler de nouvelles données et de soumettre à un examen critique les matériaux et conclusions antérieurs.

А. А. МАНСУРОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА РЕКИ ПРОНИ

Обследование реки Прони было предпринято Рязанским Средне-Окским музеем в плане его археологических исследований районов Средней Оки. Оно велось в течение трех лет (1928—1930 гг.). В 1928 г. было пройдено среднее течение реки — от г. Пронска до с. Добрый Сот, в 1929 г. — нижнее — от с. Добрый Сот до устья и в 1930 г. — верхнее — от истоков до Пронска.

Проня — правый приток р. Оки, впадающий в нее против г. Спасска и берущий начало на окско-донском водоразделе; имеет общее протяжение около 250 км.

Долина р. Прони прорезает западный склон рязано-костромского прогиба, впадая в Оку в центре его. Этим объясняется тот факт, что по мере продвижения вниз по течению реки, несмотря на естественное углубление долины в этом направлении, мы встречаем смену угленосной свиты (меридиональный отрезок верхнего течения Прони) более молодыми известняками окского яруса. К последним, уже ниже г. Михайлова, присоединяется еще московский отдел каменноугольной системы (представленный, главным образом, известняковыми породами). В низовьях Прони московский отдел является единственным горизонтом палеозоя. На каменноугольных отложениях трансгрессивно залегают юрские и меловые отложения, представленные песчано-глинистыми осадками.

Четвертичные отложения и геоморфология долины р. Прони остаются весьма слабо изученными. Наблюдения Н. И. Кригера, проведенные им в 1932 г., позволяют говорить, что не только большая часть долины Прони, но и некоторые являющиеся ее притоками овраги (бассейн р. Жраки), в основном уже были сформированы до наступления ледника. Пришедший ледник отложением своей морены частично сгладил резкость эрозионного рельефа, но последовавшая после его отступления новая эрозия восстановила большую часть «доледниковых» долин и явилась причиной образования целого ряда новых.

После ухода ледника долина р. Прони и ее притоки пережили несколько циклов эрозии, благодаря которым образовались прослеживаю-

щиеся в бассейне реки древне-аллювиальные террасы со средними высотами в 35, 20, 10 м и современная пойма. Интересно, что среди древне-аллювиальных отложений, на ряду с суглинками и песками, нередко встречается аллювиальный лёсс.

Древне-аллювиальные и ледниковые отложения часто бывают покрыты слоем делювия, в один — два метра мощностью.

Столь же мало была изучена р. Проня и в археологическом отношении. Достаточно сказать, что все селища и стоянки, открытые нашими исследованиями, вообще не были известны. Сведения о курганах и городищах касались лишь самого факта их существования, если не считать некоторых попыток к их внешнему описанию и истолкованию, имевших место в результате работ Статистического комитета в Рязани и Рязанской ученой архивной комиссии, с которыми мы встретимся при изложении самих материалов о памятниках.

Между тем, как само богатство археологическими памятниками р. Прони) их всего нами зарегистрировано 106), так и ее географическое положение должны были привлечь к ней внимание исследователей. Являясь древним водным путем, связывающим течение средней Оки с более южными (верховья Дона) районами, — она естественно должна была быть освоена человеком в очень ранний период. Как по археологическим материалам, так и по данным русских летописей эта территория входила в состав «вятической земли».

Наши исследования[1] не были особенно детальными. Правда, некоторые памятники были подвергнуты систематическим раскопкам (Пронское городище, Гневна), другие — тщательной шурфовке (Чортово городище), но большинство их было лишь обследовано и описано по внешним признакам. Характер работ представлял собой нечто среднее между археологической рекогносцировкой и разведкой. В этом отношении он может иметь некоторый методический интерес, как типично краеведческая работа, проведенная на базе реальных возможностей и местных условий. За три года исследований были применены различные способы работы: маршрутный и стационарный. Первый способ осуществлялся поездкой в лодке, использованной на большом отрезке реки от г. Пронска до с. Добрый Сот, следованием на подводе и исключительно пешим передвижением. Второй способ заключался в том, что исследователи поселялись в определенном центре (например, Пронске) и вели оттуда обследования ближайших окрестностей.

К недостаткам работы следует отнести то, что, во-первых, не всегда удавалось достаточно полно фиксировать памятники (например, на среднем течении не было использовано фотографирование), и, во-вторых, то, что маршрутными обследованиями была захвачена слишком узкая полоса долины. Несомненно, расширение территории исследований дало бы мно-

---

[1] Помимо автора, в них принимали участие в разное время следующие лица: О. Н. Бадер, Н. П. Милонов, Н. В. Говоров, и др.

гочисленный ряд новых памятников, может быть, связанных с обнаруженными. И при всем том, надо сказать, что большое количество открытых памятников, среди которых — группа феодальных городищ и селищ, дает вполне

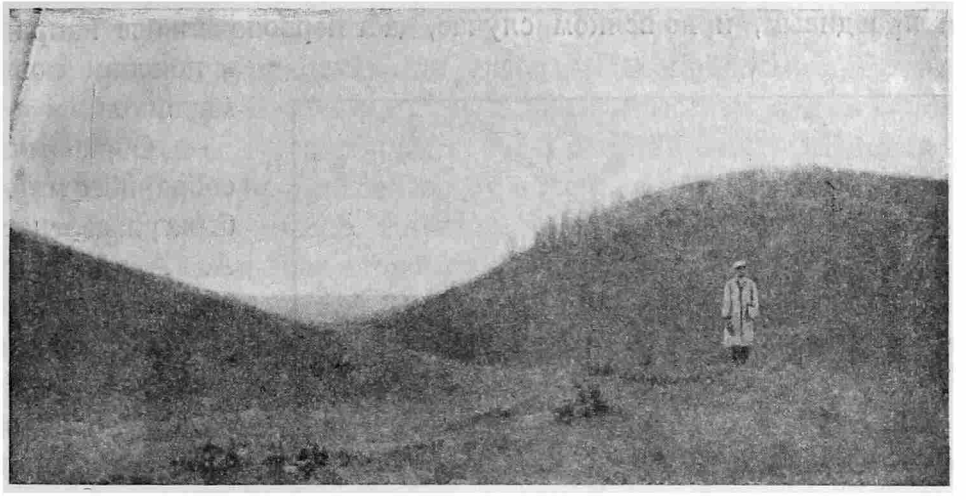

Рис. 1. Лубянское городище. Ворота в северной части валов.

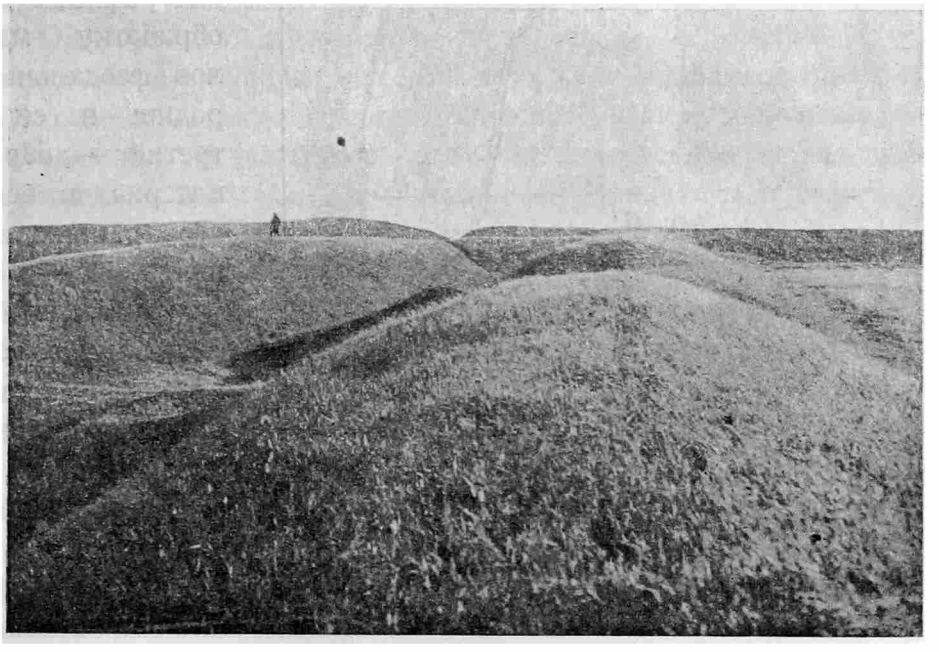

Рис. 2. Ижеславль. Валы.

определенную картину. Значительный интерес представляют памятники феодального времени в связи с ранее проведенными большими археологическими раскопками Старой Рязани, находящейся всего в нескольких километрах от впадения Прони в Оку и километрах в 45 сухопутным путем от Пронска.

Все памятники, включенные нами в археологическую карту р. Прони, были лично осмотрены и в той или иной мере обследованы. Вместе с тем,

нам удалось собрать материал путем опроса местного населения о памятниках и находках, исследовать которые мы лично не смогли. Эти данные на археологическую карту нами не занесены. Нам кажется, что такого рода материал необходимо тщательно собирать, так как в известной степени он оказывается правдивым, и во всяком случае, дает первоначальное направление к поискам новых памятников.

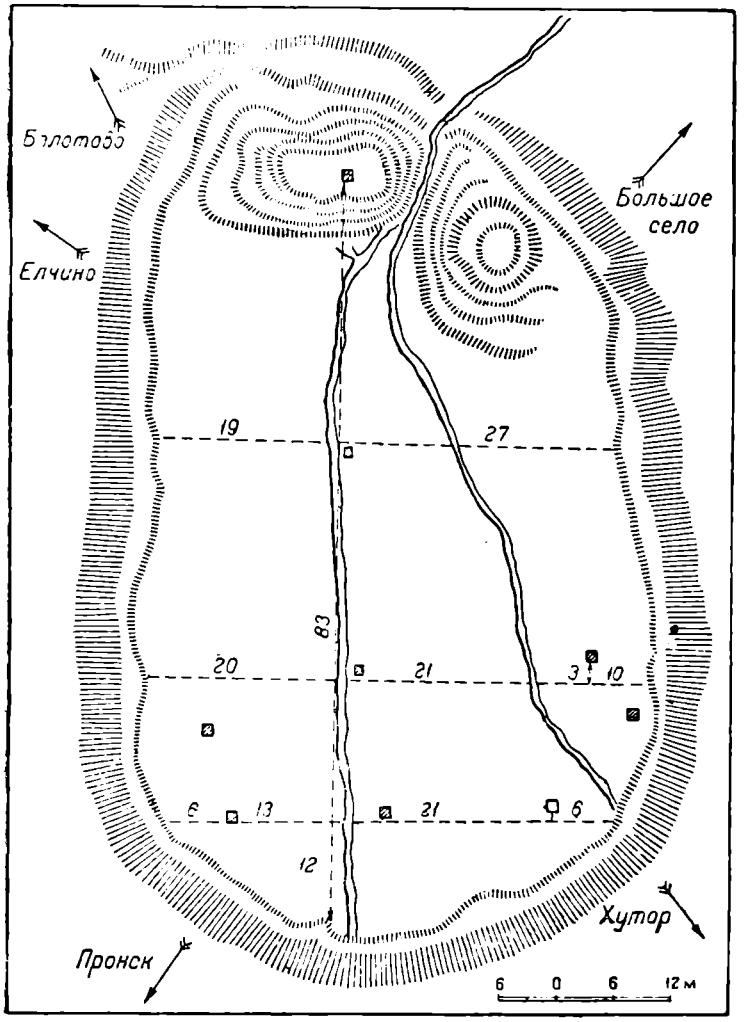

Рис. 3. Чортово Городище — план.

Обработка всего собранного материала была разделена между А. А. Мансуровым, Н. П. Милоновым и О. Н. Бадером. Первый взял на себя составление общего текста по описанию всех памятников и разработку их библиографии, второй — обработку материалов феодальных городищ и селищ и третий — обработку материалов всех более ранних памятников.

Археологические коллекции со всех памятников поступили в Рязанский базовый Средне-Окский музей, где все они заинвентаризированы и включены в систему хранилищ. Ссылки на инвентарные номера этих коллекций мы приводим в описании самих памятников.

Прилагаемая карта р. Прони составлена в масштабе 1 : 250 000 и разбита градусной сеткой по листам Основной топографической карты СССР. Номенклатура их приведена на этой же карте. Ссылки на соответствующие листы карты даны в списке памятников и находок, собранных через опрос местного населения. Эти ссылки отсутствуют в тексте описания обследованных нами памятников, поскольку они нанесены на карту, пронумерованы и тем самым прикреплены к определенным листам.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

1. Гремячее городище представляет собой археологический памятник, по р. Проне, — первый от ее истока. В «России» Семенова, т. II, стр. 402, значится: «...в пределах Веневского уезда, расположена на р. Проне целая группа смежных слобод (Новоприборная, Беломестная, Пушкарская, Старо-Казачья и Стрелецкая), известных под собирательным именем Гремячевы... Это старый город Гремячев, построенный в XVI в. и еще в 1760 г. окруженный земляным валом». В настоящее время никаких следов вала не сохранилось. На месте древнего города, который стоял на выступе, огибаемом с трех сторон р. Проней, до последнего времени была большая кирпичная часовня. Место около нее изрыто довольно глубокими ямами, благодаря которым удалось проследить культурный слой и собрать предметы в нем: культурный слой обнаружился на глубине от 1 до 1.5 м. Слой богато насыщен костями рыб, птиц и животных, в частности — овцы и коровы. Много попадается угля и остатков древесины. Керамика светло-серая и темносерая. Шейки сосудов с орнаментами позднего типа. Повидимому, памятник имеет два слоя: средне-русский — XV—XVII вв. и поздний — XVII—XIX вв. Количество находок значительное.

2. Одиночный курган в поле между деревнями Курлышевым и Иваньковым, на рубеже владений двух сел. Находится приблизительно в 2 км на северо-восток от деревни Орловки. Курган хорошо известен окрестному населению. В настоящее время он значительно видоизменил свою форму; посреди него выемка, очевидно, от кладоискательской ямы. По форме своей он напоминает овал с диаметрами 16 и 7 м. Наибольшая высота около 2 м.

3. Проне-городище или, как его еще называют, Мочильское, находится на левом берегу Прони. О нем имеются очень краткие указания. Так, Любомудров в своих «Местногеографических древностях в Рязанской губернии» (Рязань, 1874) говорит о нем лишь следующее: «... Проня, Мочильское городище (село), на реке Проне, с левой ее стороны, выше г. Михайлова, на границе Рязанской губернии и Тульской». М. В. Бабкин в книге «Краткие очерки из истории нашего края» (г. Михайлов и его уезд до XVIII в., Михайлов, 1927) упоминает его в числе местных городищ лишь потому, что на мысль об укреплении наводит само название села. Осмотр места позволяет предполагать, что самые укрепления могли быть расположены на берегу реки, напротив того места, где сейчас стоит церковь. Очевидно, городище было приспособлено для помещичьего сада, вал был срыт, но некоторые следы его еще можно видеть и сейчас.

4. Курлышевское селище находится в с. Курлышево, на правом берегу Прони при въезде в село через реку. Непосредственно на берегу Прони, по дороге в селение, представляющей собой крутой подъем, обнажены оба края берега, где заметен культурный слой, глубиной от 50 до 125 см. В слое — известняковые камни, угли, черепки, древесина. Подстилающий

слой — глина. Границы распространения селища не прослежены, так как площадь его застроена, но можно сказать, что она распространилась по обеим сторонам дороги. Можно также думать, что селище захватило и противоположный берег Прони, в обнажениях которого также были замечены находки керамики. Это тем более вероятно, что здесь река особенно мелководна, течет по каменистому дну, и сообщение с одного берега на другой не затруднительно. Находки заинвентаризированы за № 425. Имеющиеся образцы керамики светлосерые и темноватые; обработка поверхности небрежная; есть образцы лощеной сизой; заметна примесь шамота. Датировать ее можно XV—XVII вв.

5. Курлышевский курган находится на левом берегу Прони в поле, в стороне от дороги, ведущей из Завидовки в Курлышево, на расстоянии, приблизительно, 1.5 км от последнего. Место, где находится курган, не распахивается и поросло мелким кустарником. Его форма— усечённый конус; высота — 2 м, диаметр — 7 м.

6. Михайлов расположен в 43 км выше г. Пронска на Проне. Кремль и острог этого города находятся на левом берегу реки. Данные о его основании, приводимые М. В. Бабкиным в «Кратких очерках из исторического прошлого нашего края», таковы: «... время возникновения (Михайлова) точно установить не представляется возможным. Хотя в Воскресенской летописи он упоминается под 1137,... но доверять этому нужно с большой осторожностью; во всяком случае он возник не ранее XIV в; в XII же веке имелся Кир-Михайлов, расположенный южнее, ближе к истокам Дона. Возможно, после разрушения татарами Кир-Михайлова, жители последнего перебрались на берега Прони, в наши места. В XIV в. упоминается „Михайлово Поле", как вотчина, данная Ивану Мирославовичу, крещенному татарскому мурзе Салихмиру, великим князем Рязанским Олегом. В 1546 г. Михайлов уже определенно упоминается, как укрепленный пункт „украинской линии". В 1551 г. боярами князем Воротынским и Головиным Михайлов укрепляется вторично» (стр. 13—14).

В «Местногеографических древностях Рязанской губернии» Н. Любомудрова (1874 г.) приводится следующее описание остатков укреплений Михайлова: «... Город огражден был в старину деревянной стеною и окопан валом и рвом, в окружности 330 саж., фигурою четыреугольной. Остатки этой стены и рва еще видны были в начале нынешнего столетия, но теперь значительно истребились. Остался только вал или земляная насыпь, имеющая в окружности около 160 сажен, а в вышину до 9 аршин. Эта насыпь находится внутри города, на высоком берегу р. Прони с левой ее стороны, на расстоянии от нее в 50 саж. и известна под именем городка. На ней стоит соборная церковь».

Непосредственный осмотр памятника летом 1930 г. обнаружил следующее: остатки рва и вала заметны западнее собора. Здесь по краю сада наблюдается осыпь с обнаженным культурным слоем. Мощность последнего доходит до 70 и более см; попадаются часто угли, кости животных и черепки.

Затем, более слабые следы вала видны восточнее собора, где они пересекают Пронскую улицу и уходят в I Городской сад. Там заметны остатки рва в виде прерывающихся прудов, идущих в направлении, параллельном реке. По сообщению старожилов, еще на их памяти были видны следы рва, но сейчас на этом месте разбит сад и площадь его сравнена.

Укрепления, охватывавшие Кремль с западной и северо-западной стороны, не сохранились. Возможно, что существующие теперь овраги и были его границами.

Рис. 4. Сосуд (реставрированный) из Чортова городища Пронского района. Выс. 23.5 см.

Собранные материалы заинвентаризированы за № 431. Керамика — темновато-сизая и светлосерая; днища — гладкие и выделанные на подставном круге. Отмечаются две стадии: средняя—XV—XVII вв. и поздняя — XVII—XIX вв.

7. Свистовское русское селище находится в д. Свистово, на левом берегу Прони, метрах в 100 выше (по реке) от спуска, ведущего из деревни в селения Рачатники и Свистовские выселки, и ниже находящейся на берегу Прони мельницы. В осыпающемся берегу видно обнажение культурного слоя, глубиной 60 см. В обнажении замечены черепки позднего русского типа.

8. Лубянское городище находится на левом берегу Прони, к северу от нее менее чем на 1 км. Оно расположено на рчк. Жраке, впадающей в Проню около д. Лубянки и принимающей в себя в этом месте рчк. Лубянку. Таким образом городище охватывается ими с западной, южной и восточной сторон. Баранович («Рязанская губерния», СПб., 1860) об этом памятнике лишь упоминает. В «Рязанских губернских ведомостях» за 1874 г., № 10, приводится такое его описание: «...Городище в Новорождественской волости, в расстоянии от Михайлова в 12 верстах, и села Ховертова в 3 вер-

стах — по направлению к селу Новорождественскому. В длину это городище имеет 300, а в ширину 200 саж. Окружность имеет 850 саж., форма его кругообразная. Поверхность его ровная, площадь распахивается под посевы. Помещено на высоком месте на берегу двух рек — Жраки и Лубянки. Внешние укрепления: с запада и юга — овраг и спуск, а с востока и севера — рвы и насыпные валы. Валы имеют от земли вверх 7 аршин, рвы — 7 аршин вниз. Три входа в городок: один с севера и два с юга; последние входы как будто образовались от течения воды. Преданий о причине сооружения этого городища в народе нет. Лет 20 тому назад во время распахивания найдены были в земле ручные жернова и обгорелые зерна пшеницы, обращенные в уголь». Очевидно, этот же памятник описан Любомудровым, но, повидимому, по ошибке, он только что приведенное упоминание о находках ручных жерновов и зерен пшеницы отнес к Ижеславлю; едва ли, однако, здесь мы имеем дело с таким совпадением. Естественнее предположить ошибку. У Любомудрова мы находим такое описание: «Городище (урочище) при д. Лубянке на р. Лубянке, при впадении последней в Проню, с левой стороны, между Ижеславским городищем и Михайловым. Здесь доселе сохранился вал, идущий полукругом от р. Лубянки к р. Проне, протяжением около 2 верст. Туземцы рассказывают, что значительная часть этого вала, которая давала бы ему вид круга, отмыта Проней и что здесь был городок, разоренный будто бы Литвой. О разорении рязанской земли Литвой сохранилось летописное известие под 1396 г. по поводу войны рязанцев с Витовтом. Тогда Витовт, по выражению летописца, „пролил рязанскую кровь, как воду". Литовцы сажали рязанцев улицами и секли их мечами. Вообще, имя Литвы по Рязанской губернии нередко встречается в памяти народной». Наконец, М. В. Бабкин («Краткие очерки из истории нашего края») сообщает: «Городище близ д. Лубянки на берегу р. Жраки и впадающей в нее речки Лубянки. Недалеко сама Жрака впадает в Проню. Городище округлой формы, более вытянуто с востока на запад (285 саж.) и менее с севера на юг (до 165 саж.). Вал и ров со всех сторон от времени приняли неправильный и изогнутый вид. Трое ворот до 3.5 саж. ширины, ров до 1.5 саж. глубины; к Жраке (на юг и юго-запад) крутой обрыв до 5 саж. Почти посредине городища имеется невысокий курган овальной формы (12 саж. и 15 саж.); за рвом на юго-западе тоже заметен курган (10 саж. и 12 саж). В городище одно время были найдены обгорелые зерна пшеницы и ручной жорнов. Встречаются черепки от глиняной посуды, судя по орнаментам, древнего типа».

Непосредственный осмотр памятника летом 1930 г. был проведен в чрезвычайно неблагоприятных условиях (позднее время и дожди). Промерить и снять план с него не удалось. Повидимому, приведенные цифры о размерах его приблизительно верны. Культурный слой — неглубок, достигает всего полметра. Керамика — светлосерая и красноватая — славянского типа ранней стадии. Собранная коллекция заинвентаризирована за № 426.

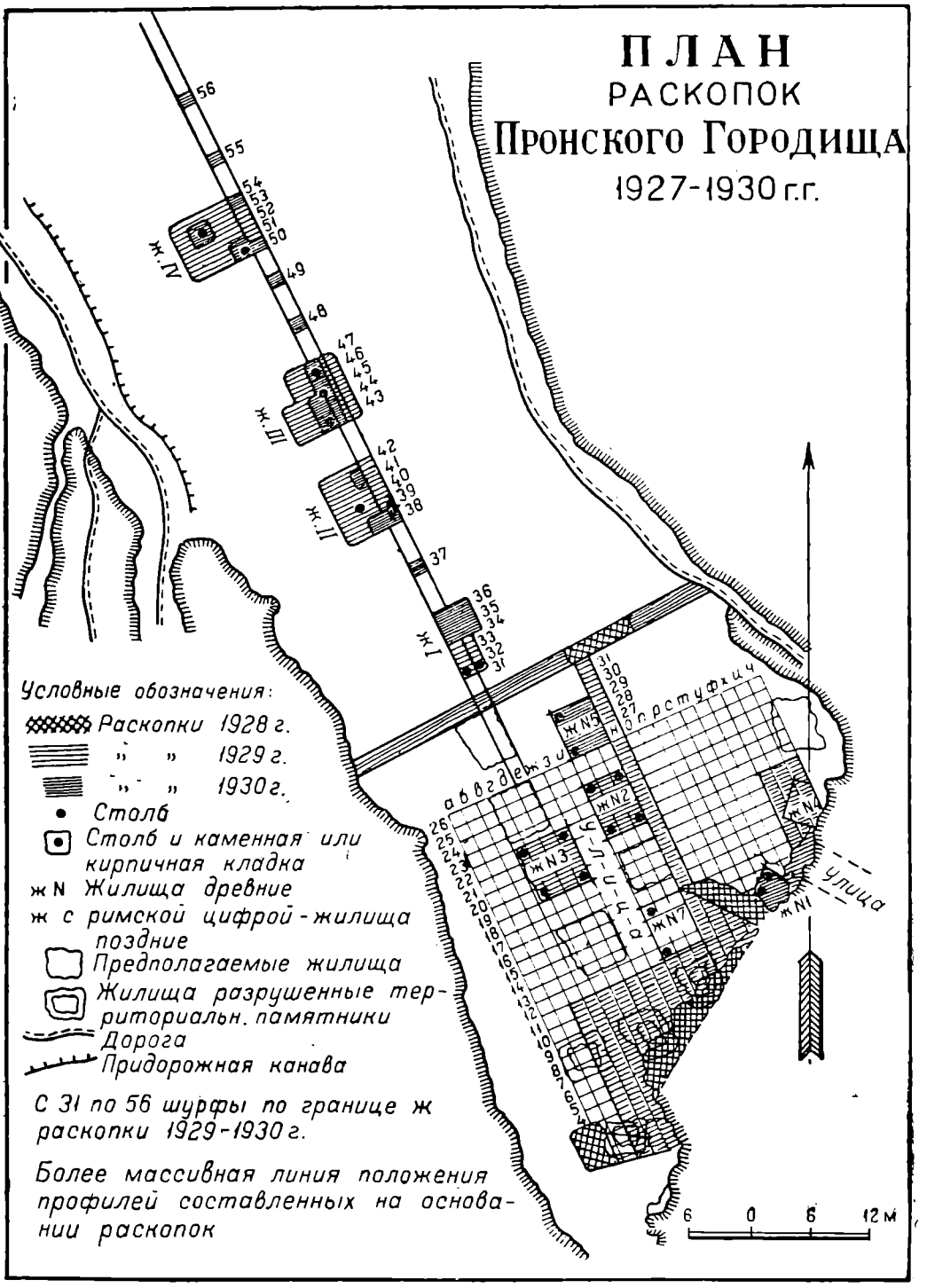

Рис. 5. План раскопок Пронского Городища 1927—1930 гг.

9. Ижеславское городище находится на правом берегу Прони, километрах в 14 от Михайлова, ниже по течению. По своему внешнему виду, сохранности валов и рвов — это один из наиболее интересных и внушительных памятников Рязанского края. Между тем, и исторические данные о нем недостаточно ясны, и в литературе имеются ошибочные о нем сведения. Д. Тихомиров в своих «Записках об археологических исследованиях в Рязанской губернии» пишет: «Ижеславец находился в пределах Рязанских и разорен Батыем в 1237 г.; о месте его существования г. Калайдович говорит, не сохранился ли сей город в имени села Ижевска». Это мнение Тихомиров подкрепляет выпиской из грамоты, данной Олегом Рязанским епископу Феогносту и, таким образом, связывает Ижеславец не с Ижеславским городищем, а с селом Ижевским Спасского уезда. Баранович, напротив, полагая, что Ижеславец был на месте Ижеславского городища близ с. Новорождественского, об этом городище пишет: «Это последнее носит название городка Андрея Лешпана, и на месте его стоял некогда город Ижеславец, в 1237 г. вместе с Пронском разрушенный Батыем. До сих пор с. Новорождественское называется еще у местных жителей Ижицким или Жиславскими выселками; более же принятое в окрестностях название этого села Жислав. Не в этих ли местах следует искать также следов Белогорода, который постигла одинаковая с Пронском и Ижеславцом участь». Любомудров в цитированной выше работе сообщает: «Ижеславское городище (урочище), на левом берегу р. Прони, от Михайлова вниз по ее течению 12 верст, в направлении к Пронску, неподалеку от сс. Хавердова и Новорождественского. Здесь существовал старинный рязанский город Ижеславль, разоренный Батыем в 1237 г. вместе с Пронском. В припр. книг. 1616 упоминается пустошь: Жеславские Луги, показанная за рчк. Курмышовскою. Городище простирается в окружности на 850 саж., имеет вид квадрата и обнесено с трех сторон валами, вышиною до 2 саж., а остальной, четвертый — берег отвесно обрывающийся к Проне. Эти валы снаружи защищены довольно глубокими рвами и имеют трое ворот. Внутренность крепости распахивается теперь поселянами, которые находят там кресты, кадила и разные медные и железные вещи. Не очень давно во время распахивания также найдены были там в земле ручные жернова и обгорелые зерна пшеницы, обращенные в уголь. Городище в устах народа называется просто «Жеславль». Очевидно, как мы уже отметили, Любомудров смешал данные, относящиеся к Лубянскому и Ижеславльскому городищам. В только что приведенном описании безусловно неверны: определение местоположения городища на левом берегу р. Прони, тогда как оно находится на правом; размеры его, в действительности относящиеся к Лубянскому городищу, и находки жерновов и зерен пшеницы, которые также следует отнести к Лубянскому городищу. По нашему мнению, Любомудров, очевидно, сам лично не осматривавший местности, не разобрался в источниках и, помимо того, что привел некоторые сведения о Лубянском городище в описании Ижеславльского, — выделил, как особое городище, запись, относящуюся к Ижеславлю. Так, им ука-

зывается еще: «Городище в Мишинской волости расположено на возвышенном берегу р. Прони, вблизи речки Мишиной, в окружности имеет 620 саж., форму четырехугольную, со всех сторон защищено валом, вход с востока». В действительности это и есть Ижеславль, так как его местоположение, форма и размеры именно таковы. Ижеславльское городище было описано в 1874 г. в «Рязанских губернских ведомостях» в № 10 следующим образом: «Городище в Мишинской волости, в расстоянии от р. Прони на 60 саж., по направлению к д. Мишиной. В длину и ширину это городище имеет по 155 саж. Окружность его в 620 саж. Форма его четвероугольная. Поверхность площади ровная, распахивается под посевы. Помещено на высоком месте на берегу р. Прони. Внешние укрепления: с четырех сторон окружено двумя валами, длина которых с каждой стороны 170, а ширина 15 саж. Въезд в него с востока. Городище это вполне сохранилось. Преданий о причине сооружения его в народе нет». Наконец, в приводимой выше работе Бабкина, Ижеславль также описан: «Городище неподалеку от с. Ижеславля, четырехугольной формы, с тремя валами и рвами с трех сторон, четвертая круто спускается к р. Проне. Длина периметра до 800 саж., глубина рвов до 2 саж., высота валов до $1^1/_2$ саж. Трое ворот. Находились кресты, некоторые медные и железные вещи, не так давно выкопано крестьянами 2 больших дуба. Предполагают, что здесь существовал... г. Ижеславец».

Непосредственный осмотр городища установил, что оно занято под поле и находится во владении граждан поселка «Камушки» — выселки из Новорождественского. Городище окружено тремя валами, как пишет об этом Бабкин. Инструментального измерения памятника не сделано, но, повидимому, периметр самого городища равен приблизительно 1.32 км, а периметр внешних валов около 1.7 км. Культурный слой, насколько его удалось проследить в обнажениях, доходит до 1 м. На поверхности пашни и из обнажений удалось собрать небольшую коллекцию керамики, которая заинвентаризирована за № 433. Керамика светлосерая и красноватая. Оба типа имеют точные аналогии в нижнем слое (славянском) Пронского городища и относятся к ранней стадии, времени XI—XIII вв. Осмотр разрушенной части вала к Проне обнаружил, что он сложен из железняка.

10. Селище Вешалы расположено на левом берегу Прони при впадении в нее р. Устёна близ Альютовских выселков. Ниже от впадения Устёна, протяжением более, чем на полкилометра, левый берег Прони сильно возвышен и содержит в себе известняк, который разрабатывается местными жителями. Проня в этом месте делает луку. На всем протяжении возвышенного берега края его осыпаются. Самый берег пересечен несколькими оврагами. По одному из них, самому большому, и течет Устён. Осыпи берега обнаруживают довольно мощный культурный слой, доходящий местами до метра. Подстилающим слоем является глина. Поверхность селища занята пашней, вплоть до самого берега. Проследить границы селища вглубь не представляется возможным, по реке же оно идет до самого конца обнажения. Местность эта носит название — Вешалы. С правой стороны Устёна также

имеются обнажения с видимым культурным слоем. После продолжительного и внимательного осмотра обнажений удалось собрать коллекцию керамики, заинвентаризированную за № 428. Керамика — финская. Сохранились сведения о том, что при постройке винокуренного завода (на правом берегу Устёна), за 2—3 года до империалистической войны, в котлованах были находки человеческих костей. Сохранность памятника довольно удовлетворительная, хотя край его несколько осыпается, а поверхность выпахивается.

Возможно, что в данном случае мы имеем дело с финским селищем. Чрезвычайно желательно детальное исследование его.

11. Чувиковское русское селище находится на левом берегу Прони в с. Чувиках, на месте, занятом старым кладбищем и прилегающим к нему огородом. Оно расположено на возвышенном обрывистом берегу, выступающем тупым мысом и сильно подмываемом Проней. Благодаря осыпи хорошо виден культурный слой (более 1 м), который особенно резко выражен на протяжении от плотины до конца кладбища. В слое сделаны находки — черепки русской глиняной посуды, угли, древесина, битый кирпич и обожженная глина. В отдельных местах заметны скопления золы. Коллекция керамики заинвентаризирована за № 432.

Сохранность памятника — неудовлетворительная. Культурный слой, подмываемый Проней, сильно осыпается. Помимо того, он перемешан благодаря рытью на нем могил. Подстилающий слой — глина.

12. Пронское Архангельское русское селище находится на правом берегу Прони, против города Пронска, рядом с Архангельской слободой. Селище примыкает непосредственно к реке. Глубина культурного слоя, обнаруженного по обрыву реки, местами достигает 1.5 м; протяжение его более 250 м. В культурном слое заметны угли, прослойки древесины, следы каменной кладки и слои уплотненной глины. Были прослежены концы сгнивших бревен, лежащих в направлении, перпендикулярном к реке. Коллекция заинвентаризирована за № 424.

13. Пронское Котовское русское селище находится на том же правом берегу Прони, непосредственно примыкая к ней. Оно расположено в двухстах метрах ниже впадения в Проню р. Керди. Против Никольско-Котовского поселка видно обнажение культурного слоя глубиной от 75 см до 1 м. Подстилающий слой — глина. Это обнажение хорошо выражено на протяжении метров 50. В слое находятся: остатки дерева, каменные кладки, железные предметы, кирпичи, угли, зола и обломки глиняной посуды позднего типа. Инвентарь № 427.

14. Пронское Красное русское селище находится на правом берегу Прони, несколько выше впадения в нее р. Керди. Под Красной Слободой оно непосредственно примыкает к Проне и, повидимому, продолжается вглубь слободы. По словам старожилов, прежде на месте селища и была расположена сама слобода, но впоследствии, благодаря обвалам берега, постройки от реки были отодвинуты. На протяжении более чем 0.5 км

виден обнаженный культурный слой, достигающий мощностью 1 м. В слое видны угли, кости, кирпичи. Керамики попадается сравнительно мало. Удалось проследить выходящий на обрыв слой древесины, на протяжении более десяти метров. Инвентарь № 434.

15. Пронское Ново-Никольское русское селище на левом берегу Прони вдоль расположенной рядом с ним Ново-Никольской слободы. Протяжением более чем на 0.25 км по обрыву реки видно обнажение культурного слоя, глубиной от 25 до 75 см. Находок мало (инвентарь № 430). Керамика светлосерая, обработанная на ножном круге, с линейно-гребенчатым орнаментом, — поздней стадии (XVII—XIX вв.). Очевидно, это более позднее из всех расположенных вокруг Пронска селищ, образовавшееся от прежних усадеб слободы, которые, вследствие подмывов реки, пришлось отнести в сторону. В этом месте река размывает берега особенно сильно.

16. Ново-Никольская курганная группа расположена, приблизительно, в 3 км от Пронска по направлению большой дороги на Елшино (Рязань) в 0.25 км от самой дороги в угодиях государственного Ново-Никольского (Пронского) леса. Курганы находятся среди молодого смешанного леса на большой поляне, окруженной с северо-восточной стороны длинным оврагом с долиной, по которой течет небольшой ручей, впадающий в речку Скородню — приток Прони. Всего курганных насыпей 48, хорошо сохранившихся, полушарообразной формы. Из них до десяти курганов высотой 1.25 м, остальные высотой от 0.5 до 0.75 м. Поверхность курганов хорошо задернована. Часть насыпей во всей группе к юго-западному углу покрыта лесом. Курганы не были известны в литературе и впервые обнаружены Н. П. Милоновым и краеведом А. П. Поповым в 1932 г. Форма расположения всех курганов приближается к треугольной.

17. Чортово городище, оно же, по некоторым литературным данным (Спицын, Некоторые губернии и области России в археологическом отношении, Рязанская губерния, XIX), Елшинское, находится в 5 км на северо-запад от Пронска, в 2.5 км на северо-восток от села Елшино и в 0.75 км севернее Губановского хутора. Расположено в лесу, принадлежащем с. Елшино. Представляет собой характерный мыс с резкими боковыми скатами, окружено с трех сторон — западной, северо-западной и юго-западной — оврагами. С северо-восточной стороны (напольной) мыс городища замкнут рельефно обозначенными валом и рвом, причем за первой линией укреплений намечается и вторая: после первого рва новое повышение, следы оплывшего второго рва, за которым с трудом прослеживается слегка обозначающееся понижение, может быть, второй (внешний) ров. Городище имеет овально-вытянутую форму и помещается на возвышенном, хорошо защищенном месте. Длина его по линии нивелировки около 70 м, высота до 51 м над дном оврага. Сохранность памятника не вполне удовлетворительная; поверхность городища задернована и покрыта сплошь лесом; корни леса глубоко проникают в массив почвы, способствуют разрых-

лению и оподзоливанию последней. В некоторых местах на площадке культурный слой обнажается. Оползней по склонам почвы нет. Вал значительно срыт и разрушен как в центральной его части, так и с боков. Кроме того, в центре вырыта довольно большая яма (работа кладоискателей). Тем не менее, для археологических раскопок памятник вполне пригоден.

Местное население о городище знает очень хорошо, но как археологический памятник оно исследовано не было. В литературе имеется достаточно упоминаний об этом памятнике.

В самом начале XIX в. его обследовал учитель рязанской гимназии Воздвиженский. М. Макаров в Трудах Общества любителей российской словесности, говоря о Чортовом городище, отмечает: «вероятно, что сия последняя насыпь принадлежала неприятелям земли русской, а в противном случае она не имела бы себе такого обидного прозвания». В «Статистическом описании г. Пронска в Рязанской губернии», помещенном в «Отечественных записках» за 1828 г., городище объясняется, как «насыпь, покрывающая тела убитых иноплеменников или, может быть, не означавшая ли место древнего языческого капища, а потому из поругания (вероятно, уже во времена христианства) названная Чортовою. С сего самого кургана, если верить преданию, князь Пожарский наблюдал за движением поляков, осаждавших Пронск». Далее, в 1844 г., Тихомиров упоминает о Чортовом городище в своих «Записках об археологических исследованиях в Рязанской губернии». В 1846 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» в статье «Курганы и остатки древних укреплений в Рязанской губернии», читаем: «Чортово городище — курган, получивший свое название, как можно думать, от того, что он окружен горами, глубокими оврагами, а в старину дремучим лесом. Курган этот находится в 8 верстах от Пронска. Окружность его при подошве простирается на 60, длина на 15, ширина на 10 и вышина на 20 саж.». В том же году о городище снова пишет М. Макаров в «Заметках о землях рязанских», напечатанных в «Чтениях Общества истории и древностей российских...»: «Курган „Чортово городище“ был замечен многими и неоднократно; не на нем ли стаивал идол Проно, божество прончан язычников? С другого взгляда не Чортово ли это (пограничное) городище от Рязани. Отсюда хорошо виднеют все напутья к Дону. Этот курган весьма любопытен: окрестные жители думают, что в нем много кладов». В 1860 г. о городище находим упоминание у Барановича («Рязанская губерния»). В 1866 г. в «Рязанских губернских ведомостях» в статье И. Алексеева «Прощенин колодец» приводится легенда о разбойнике Булате, жившем на Чортовом городище. В этой же газете за 1874 г., № 6, дано более подробное описание памятника: «Курган имеет название Чортово городище. Такое название, вероятно, простолюдинами дано потому, что курган окружен горами и глубокими оврагами; при том, в старину тут был дремучий лес — убежище разбойников. Впрочем, во времена нашествия татар, как говорит предание, Чортово городище служило убежищем для жителей г. Пронска. Впоследствии времени на этом ужасном месте основали непри-

ступный притон разбойники, из коих преданием сохранено имя Кудеяра». Г. Макаров, описывая «древности рязанские и пронские», говорит: «Дьявольское городище имеет большое сходство с известным Мячковским курганом, и я полагаю почти наверное, что оно служит могилою каким-нибудь страшным неприятелям наших „праотцев"». Уверяют, что в Пронском кургане находится пустота, своды и выходы».

«Местонахождение: курган находится от г. Пронска в 5 верстах, от села же Елшина не более двух. Близ него нет ни рек, ни озер. Развалин и следов нет. Вместо дремучего леса, который окружал его в старину, теперь виден небольшой кустарник; не в дальнем расстоянии есть осиновые рощи. К востоку все распахано и там, где за несколько десятков лет человек страшился и приблизиться, теперь все возделано».

«Наружный вид кургана представляет огромную насыпь, возвышающуюся над всеми близ него находящимися горами. Самое возвышенное место, на котором курган находится, имеет вид скобы. Внутренний состав его — чернозем, перемешанный с хрящеватым песком. Внутри его не в малом количестве выкапывают небольшие камни. Величина этой насыпи в длину простирается до 15 саж., в ширину — до 10, в вышину с основания по прямой линии около 20 саж., в окружности же не менее 60 саж., не включая в этот счет насыпи, которая несколько ниже первой, но, повидимому, принадлежала к ней. Теперь большая часть под пашнею, а прежде составляла одно целое. Что тут было чье-нибудь жилище, доказывается вещами, которые попадались на этом Чортовом городище. Найдены, между прочим, крест медный, древнейшей работы, складной замок, щипцы и две сковороды. При том же близ кургана был колодезь, а наверху и около росли такие деревья, которые сами по себе, кажется, не должны бы здесь находиться, например, вишни, сливы и др. Все это ведет к такому заключению, что тут обитали первоначально мирные и трудолюбивые люди, а впоследствии поселились разбойники, вытеснившие первых, и место это сделалось страшным не только для проезжающих, но и для туземцев. По всем признакам и можно думать, что Чортово городище не было могилою страшным неприятелям наших предков, но убежищем мирным жителям Пронским во время набегов хищных татар».

В том же 1874 г. появились известные «Местногеографические древности в Рязанской губернии», Н. Любомудрова, опубликованные в «Рязанских епархиальных ведомостях». Он повторяет вышеприведенные данные и добавляет: «Во времена доисторические, как говорит народная сказка, на этом городище имел притон атаман разбойничьей шайки по имени Булат. Далее во времена татарские, по сохранившемуся местному преданию, оно служило убежищем для жителей Пронска, а впоследствии — гнездилищем разбойника Кудеяра».

За время существования Рязанской ученой комиссии (1884—1917) Чортовому городищу со стороны последней уделено внимания не было. Это объясняется тем, что в то время памятники со слоем еще мало привлекали

внимание исследователей. Внимание их поглощали, главным образом, могильники и курганы. Так, А. И. Черепнин раскапывал вблизи городища курганы, но исследований городища не поставил. В протоколах Архивной комиссии имеются указания, что в 1897 г. А. П. Поповым-Копцовым был передан в музей комиссии железный топорик, найденный на Чортовом городище.

В 1924 г. была помещена в Рязанской газете «Рабочий клич», № 163, заметка М. Ковалева «Пещера Чортово урочище». В первой ее части, озаглавленной «Легенды о пещере», приводятся некоторые из вышеприведенных преданий и добавляется, что будто бы в ней «скрывался знаменитый разбойник — Жиньжа, память о котором жива в Пронском уезде еще и до сих пор... несомненно, неопровержимы из всех этих сказок только те, что здесь еще в 20 году скрывалась бандитская шайка, потом перебравшаяся отсюда куда-то в другое место». В следующей части под заглавием «геологическое значение» говорится, что пещера разбивается на бесконечный лабиринт переходов, ходов и зал, идущих буквально без конца. По рассказам крестьян, сюда приезжали в 1912 г. ученые из Петрограда и исследовали «Чортово урочище». Однако, они смогли среди запутанных ходов исследовать пещеру только на $1^1/_2$ версты вглубь и определили, что пещера тянется еще по меньшей мере на 18 верст. Те же крестьяне говорят, что ученые нашли там порядочное количество всякого старого оружия, а также 2 скелета и увезли их с собой. В следующем разделе, озаглавленном «Тайны Чортова урочища», говорится: «Летом 1922 г. один парень, забравшийся в пещеру с компанией, нашел там слиток золота весом около фунта. Большинство жителей боятся пещеры из-за суеверий». Заключительная часть заметки называется: «Надо исследовать». Автор обращает внимание Рязанского музея на возможность приобретения больших сокровищ.

Все только что изложенное является сгустком тех несуразиц, которые еще недавно рассказывались о городках и курганах, но особенно характерно то, что на Чортовом городище никаких пещер нет, и что фантазия, щедро наделяя эти памятники подземными ходами и бочками зарытого золота, может доходить до таких пределов, находя доверчивых людей даже из числа газетных корреспондентов.

Рязанским музеем исследования Чортова городища велись в течение двух лет: 1928 г. и 1929 г. В первый год работы вела М. А. Розанова, во второй год Н. П. Милонов. В 1928 г. на площадке городища и на валу было вырыто 5 шурфов и 2 по бокам; размер заложенных шурфов 1 кв. м. Находки распространяются по всему городищу и представлены, главным образом, керамикой — рогожной, сетчатой, гладкой с дресвой и русской с линейным орнаментом, костями животных, костяными поделками в виде ножей и т. п. Находки на поверхности незначительны, встречаются, главным образом, около испорченных сторон вала и кое-где на площадке. При шурфовке обнаружено два слоя: верхний культурный песчаный темнокоричневый, постепенно переходящий во второй, подстилающий, коричневато-красный,

иногда светлокрасный песок. Верхний слой включает очень много камней, большей частью битых. В нем же обнаружены и находки. Глубина культурного слоя прослежена от 30 до 110 см.

В 1929 г. на городище было заложено еще насколько шурфов, подтвердивших данные предыдущего года и дополнивших инвентарь памятника новыми образцами. Среди них следует отметить один сосуд, который удалось реставрировать.

18. Вуколово селище (Вуколов бугор) представляет один из отрогов, выдающихся с северо-восточной стороны по направлению к Пронску и отделенный от Пронского плато оврагом. Сам бугор вместе со всей системой разветвления пронских холмов лежит на левом берегу Прони в 0.5 км от ее течения за Пронским городищем, на 200 м на север от речки Пралии. Окружен с трех сторон — западной (к Пронску), северо-восточной и юго-восточной оврагами. Вуколов холм представляет собой неправильной формы мыс, широкой стороной соприкасающийся с напольем.

Сохранность памятника почти удовлетворительная: поверхность задернована, к углу же мыса видно обнажение культурного слоя.

В 1929 г. Н. П. Милоновым и А. А. Мансуровым было заложено 5 шурфов. Прослежено более или менее равномерное распространение культурного слоя по поверхности городища, мощностью от 35 до 50 см; в шурфе 1 обнаружен очаг на глубине 20 см; он сложен из округленных камней известняка, площадь его 40 на 60 см; с юго-восточного угла слой слегка обуглен. Собрана коллекция предметов в количестве 341 экземпляров, поступивших в археологическое отделение Рязанского музея под № 389. Содержание коллекции: кости животных, пережженные камни (известняк), нижняя плита каменной зернотерки, кусок обожженной глины и около 300 обломков глиняной посуды, аналогичной керамике Чортова городища.

Как археологический памятник Вуколов бугор раньше известен не был. Его обнаружил Н. П. Милонов. Среди местного населения никаких преданий о нем не существует.

19. Плотное русское селище расположено между Батыевым селищем и оврагом, отделяющим его (площадь селища) от Плотной слободы. Основной отрог, на котором лежит селище, выдается к речке Пралии. Северо-восточная часть отрога, постепенно расширяясь, переходит в поле. Находки (керамика русского типа) распространяются по вспаханному полю, самый же отрог задернован, и культурный слой здесь не виден. Инвентарь № 379, 387, 417.

20. Пушкарское русское селище находится в черте владений Пушкарской слободы — непосредственно располагаясь на юг за огородами Пушкарской слободы в 0.5 км на восток от Пронска. Мыс, занятый селищем, с трех сторон — северной, западной и южной — окружен неглубокими оврагами, дно которых хорошо задернованно и сухо. С северо-восточной стороны мыс переходит в поле и огороды Пушкарской слободы. Поверхность задернована, сохранность памятника удовлетворительна.

21. Плотное-Старокладбищенское селище находится в поле за Пронском, километрах в 2 от Покровского бугра на северо-восток, вблизи от Батыева селища, через дорогу, ведущую от Погореловки на Плотную слободу. Находки (русская керамика XVIII—XIX вв.) распространены на большой площади. С южной стороны селище соприкасается с лощиной.

22. На Плотном-Старокладбищенском селище обнаружено 2 рельефно выделяющихся кургана. Вышина их 0.75 м, диаметр 8 м. Форма расплывчатая.

23. Батыев курган находится в поле около дороги, ведущей из Погореловки на Плотную слободу, в расстоянии 1.5 км на северо-восток от Покровского бугра. Форма кургана коническая. Высота 1.35 м, диаметр 4.80 м. Поверхность обнажена и покрыта редкой травой. В 1928 г. этот курган был прорезан траншеей Н. П. Милоновым, но ничего найдено не было.

24. Батыево селище находится на поле, прилегающем к Батыеву кургану. По нему проходит дорога с напольной стороны в Плотную слободу. С трех сторон: юго-западной, западной и восточной окружено оврагами. Самый холм ориентирован параллельно Гневне и Прикурганному селищу. Поверхность его распахивается. Находки (русская керамика XIV—XVII вв.) собраны на пашне (картофельное поле). Заинвентаризированы за № 378.

25. Пронское городище находится в южной части современного Пронска, расположенного на левом берегу Прони. Это следы от древнерусского города Пронска, основанного, очевидно, в XI в. и уже неоднократно упоминаемого в XII в. русскими летописями. Древний город находился на мысе, называемом сейчас Покровским бугром, омываемом речкой Пралией, впадающей в Проню. Баранович («Рязанская губерния», СПб., 1860) пишет: «Прежний город стоял на оконечности узкой и длинной площадки, окруженной с одной стороны крутыми берегами Прони, а с другой — глубокими оврагами. Это от природы сильно укрепленное место было ограждено деревянною стеной с башнями. Теперь от прежней крепости остались едва заметные следы и на месте древнего Пронска находятся только две старые церкви, соляной магазин и каменные присутственные места. Новый же город отводвинулся вверх по площадке и занимает более широкое ее место». В «Местногеографических древностях Рязанской губернии» Н. Любомудрова мы находим сообщения о первоначальной истории города (первое летописное упоминание в 1146 г., предположение об основании его Ярославом Святославичем, осада 1207 г. Всеволодом и разгром 1237 г. Батыем), сведения о нем, как о Рязанском удельном княжестве, об осаде его Ляпуновым в 1608 г. По поводу пронских укреплений Любомудров отмечает: «От бывшей городской крепости в настоящее время не видно почти никаких следов. Она была деревянная, с башнями и существовала на крутом отвесном берегу Прони, выдающемся мысом в длину 340 а в ширину 70 саж. Около крепости с северной, восточной и южной стороны находится множество

рвов и оврагов, дающих городской местности вид полуострова, защищенного, таким образом, самою природою; эти рвы и овраги весьма глубоки, и из них текут ручьи».

Будучи давно зарегистрирован как историческое место, Пронск не исследовался до 1925 г. как археологический памятник. Тем не менее, некоторые находки на нем могли дать к этому повод. Так, в 1872 г. на склоне Покровского бугра были найдены серебряные и золотые слитки (см. С. Д. Яхонтов «Дело о старинном кладе, найденном в Пронске в 1872 г.», Труды Рязанской ученой архивной комиссии, т. X, вып. I, 1895); во время деятельности Рязанской ученой архивной комиссии в ее музей не раз передавались находки бытовых древне-русских предметов, главным образом, через посредство А. П. Попова-Копцова. Н. П. Милонову принадлежит заслуга открытия Пронского городища как археологического памятника. В 1925 г. им велись предварительные разведки городища, установившие полную пригодность памятника для археологических раскопок и давшие характеристику его стратиграфии. Результаты своих наблюдений Н. П. Милонов опубликовал в журнале «Наука и техника» за 1927 год в № 49 («Археологические открытия в Пронске») и в «Трудах общества исследователей рязанского края», вып. XII, 1928 («Материалы к археологической карте Скопинского уезда»). В первой из названных работ автор так описывает стратиграфию Пронска: «Установлено, что от подстилающих грунтовых слоев до самых поверхностных покровов идет постепенное чередование отдельных культурных наслоений, разбивающихся по трем основным горизонтам. Нижний... горизонт относится к культуре славянского городища... на глубине 2 м и мельче». Автор указывает для него черно-углистую окраску; находимый в нем инвентарь (ножики курганного типа, глиняные и шиферные пряслица, каменные бусы и глиняные грушевидные подвески, костяная игла, кусочек янтаря, разноцветные стеклянные браслеты и кольца, кости домашних животных и рыб) относится к древне-русскому городищу. «Средний культурный горизонт моложе, чем наслоение городища... В его разрезе имеются остатки деревянных сооружений, истлевших от времени и частично представленных в виде сплошной обугленной массы дерева. . Возможно допустить, что... имеются остатки сооружений от старинной Пронской крепости. Вместе со следами сооружений на глубине 1.5 м и мельче... обнаружен и богатый вещественный материал. Найдены: татарские серебряные и медные монеты — золотоордынские XIV в., четырехгранные мелкие железные наконечники стрел.., льячка для плавки свинца, предметы религиозного быта... глазированная посуда... повторяются стеклянные браслеты, кольца и др. Время этого наслоения датируется монетами XIV веком, но несомненно, что жизнь, к которой относится перечисленный инвентарь, шла гораздо раньше, — она началась, повидимому, еще в XIII в. и доходила, может быть, до XVI—XVII вв. Третий культурный горизонт.., прослеженный на глубине 1 м и до самой поверхности, содержит остатки сгоревших деревьев и громадные зольные скопления (красновато-серая

масса)... следы пожара (Пронской крепости) 1630 г., по всей вероятности, и отражены... в верхнем горизонте». Н. П. Милонову удалось добиться постановки раскопок на Пронском городище, которые и были произведены под его руководством и с участием А. А. Мансурова в течение 1928, 1929 и 1930 гг. на средства, главным образом, Рязанского музея. Частично результаты раскопок опубликованы Рязанским музеем в изданной им в 1931 г. книжке Н. П. Милонова «Славянские жилища по данным археологических раскопок Пронского городища». Собранный материал поступил в Московский областной музей и в рязанский Средне-Окский музей. В последнем имеются 4 коллекции, заинвентаризированные под №№ 435 (раскопки Милонова 1928 г. — 4209 экз.), 484 (раскопки Милонова и Мансурова 1929 г. — 1688 экз.), 485 (раскопки Милонова и Мансурова 1929 г., раннее железо, — 34 экз.) и 486 (раскопки Милонова и Мансурова 1930 г. — 274 экз.). Эти материалы выявили, что на месте русского города еще прежде было городище ранней поры железа. Собранные материалы еще не обработаны. Так как настоящая статья имеет в виду дать отчет лишь об археологических разведках по течению Прони и так как материалы раскопок должны быть опубликованы самостоятельно, мы ограничимся лишь тем, что укажем на основное их значение, заключающееся в том, что благодаря им удалось вскрыть богатый материал по древне-русским жилищам, который, будучи сопоставлен с аналогичным же материалом старо-рязанских жилищ (раскопки Городцова 1926 г.; материалы еще не опубликованы), сможет пролить достаточно света на эту сторону дела.

26. Гневненский могильник. Гневна представляет собою гору, являющуюся одним из отрогов Пронского волнообразного рельефа. Расположена при впадении речки Пралии в Проню. Основание возвышенности имеет более 20 га, поверхность — 5 га, высота над уровнем реки — от 80 до 100 м. Бока ее отвесны, со следами оползней. Поверхность холма (вершина) с первого взгляда кажется слегка неровной, что зависит от многочисленных воронок, вырытых здесь кладоискателями. В действительности, строение поверхности ровное и в профиле не дает волнообразной линии, так характерной обычно для территории, занятой курганами, даже оплывшими. Нигде в обнажениях Гневны, особенно заметных с боков, не видно культурных наслоений. Поверхность горы слегка задернована и пригодна для раскопок.

В 1924 г. на Гневне было проведено Н. П. Милоновым археологическое обследование, а в 1926 и 1927 гг. — раскопки. Всего вскрыто 120 кв. м. В связи с этим, Н. П. Милоновым подготовлена к изданию специальная работа. Могильник на Гневне представляет особый интерес в виду наличия отдельных фактов, не повторяющихся во всех исследованных ранее памятниках подобного рода. Основные результаты археологических обследований и раскопок на Гневне следующие:

Поверхность горы в смысле топографического распределения обнаруженных археологических объектов делится на две части. В одной стороне

локализовано погребальное поле с захоронениями в ямах, в другой стороне — погребальные и ритуальные кострища. В целом, Гневна являет собой некрополь XI—XII вв. и более позднего времени — до XV в. При этом может быть доказана одновременность захоронений и сопровождающих их мест, где совершался определенный жертвенный ритуал. Всего вскрыто до 20 погребений и до 5 кострищ.

Остовы умерших захоронены в ямах четырехугольной формы с округлыми краями — на глубине метра и более. Кострища заполняют ямы овальной, удлиненной формы, содержащие жертвенные остатки, на глубине 20—25 см. Среди кострищ найден глинобитный стол-жертвенник с остатками обожженных костей животных и некоторыми предметами, клавшимися с умершими (украшения). Умершие погребались в ямах, вырытых одна около другой. Имеется два яруса погребений: ранних XI—XII вв. и более поздних XIV—XV вв. Ямы для первых погребений мельче, для вторых — глубже. В раннем ярусе могил — явные следы «языческой тризны», связанные с жертвенным местом (кострами и жертвенниками). Здесь вскрыты около костяков обожженные кости животных, шлаки, большое скопление угля. Дно ям нередко покрыто золой и углями. Кроме того, в этом ряду могил раскопано особое погребение, где костяк захоронен в большом деревянном срубе и кругом обложен костями животных (двух особей — лошади и коровы). Недалеко от описанного погребения вскрыты три костяка — 2 взрослых и один подростка, представлявшие в целом семейное погребение. Датирующим инвентарем для ранних погребений являются стеклянные браслеты (XII в.) и соответствующая керамика (днища с клеймами), для поздних — бронзовый ажурный пластинчатый перстень вместе с керамикой, в которой преобладают гладко срезанные днища.

Перечисленные особенности (наличие кострищ, особый способ захоронений нижнего яруса, а также «христианский» характер погребального обряда — скрещение рук, голова на запад) говорят о том, что могильник Гневны является весьма интересным памятником, сохранившим в XI—XII вв. пережитки обрядности более ранней эпохи.

27. Пронское Подгорное селище находится на левом берегу Прони под самым Пронском и расположено в 0.5 км от моста через Проню. В отношении сохранности селище находится в неблагоприятных условиях: с береговой стороны поверхность его распахана под огороды, и самый береговой край обваливается, обнажая мощное культурное напластование — иногда на 2—2.5 м. Внутренняя площадь селища занята строениями, изредка канавами, перерезана дорогами и в некоторых частях — задернована.

Середина мощного культурного обнажения не менее, как на 30—40 м — сверху до низу, более чем на 2 м толщины, представляет напластование дерева — коричневатого по цвету, идущего вдоль берега, изредка с остатками вертикально идущих столбов. В разрезе всего культурного слоя находятся многочисленные остатки обломков глиняной посуды, костей животных, железных обломков и целых вещей (прясла, ножи и т. д.).

В обнажении максимальная мощность слоя доходит до 2.75 м, минимальная — до 1 м. Коллекция зарегистрирована под № 385. В ней отмечена керамика трех видов — темная, светлая и глянцевито-лощеная. Шейки орнаментированы. Относится она к средней стадии (XVI—XVII вв.) и к поздней (XVII—XIX вв.).

28. Пронское Новинское селище находится на левом берегу Прони, лежащем непосредственно между течением Прони и старой береговой террасой (Пронский мыс). Край селища идет вдоль берега Прони до впадения в нее речки Пралии; другой край, напольный, соприкасается с поселком «Новинская слобода». Площадь селища, за исключением небольшого треугольника у Новинской слободы, занята огородами и сильно распахана. Мощность культурного слоя неравномерна — от 40 см до 1.5 м.

Находки состоят из обломков глиняной посуды и остатков фауны (инвентарь 384). Керамика (много сосудов с подвесными ушками) сизая, разнообразная по форме, относится к средней (XVI—XVII вв.) и поздней (XVIII—XIX вв.) поре.

29. Пронские Монастырские курганы находятся на левом берегу Прони в 1 км на юго-восток от Пронска и горы Гневны, в 2.25 км на юг от Плотно-Пушкарской слободы. Расположены на высокой береговой террасе Прони. Часть курганов захватывает рощу и, прорезая ее, доходит до монастырских построек. С южной стороны за курганами идет ров, вероятно, вырытый в позднее время. Расположение группы концентрическое. Курганы на 80% раскопаны, и верхушки их имеют правильные круглые и четырехгранные воронки (раскопки колодцем). Поверхность курганов задернована, и вся территория их расположения находится или под лугом или же под рощей. Значительная часть курганов настолько деформировалась, что не всегда легко их обнаружить. По данным А. И. Черепнина, который совместно с И. И. Проходцовым вел раскопки этих курганов в 1897 г., их было заметно в то время около 50. Раскопкам подверглось из них 35 (см. отчет в т. XIII «Трудов Рязанской ученой архивной комиссии»). Оставшиеся курганы требуют изучения, так как следы курганного могильника быстро утрачиваются.

30. Пронское прикурганное селище находится на левом берегу Пралии, параллельно восточному скату Гневны. Бугор имеет седловидную форму и очень расплывчат по своим контурам. По нему проходит дорога из Пронска на с. Погореловку. С трех сторон — южной, юго-западной и северной селище окружено оврагами. Поверхность его имеет неравномерную сохранность. Большая часть распахана и засеяна, остальная — задернована и находится под лугом. Находки распространяются по всему селищу, где обнажен культурный слой. В числе находок имеется рогожная керамика, железные ножички и обычная русская керамика (инвентарь № 388). Она относится к средней стадии (XVI—XVII вв).

31. Княжевское селище находится близ с. Княжое в 4 км на северо-восток от Пронска; оно расположено на юго-западном склоне бугра по

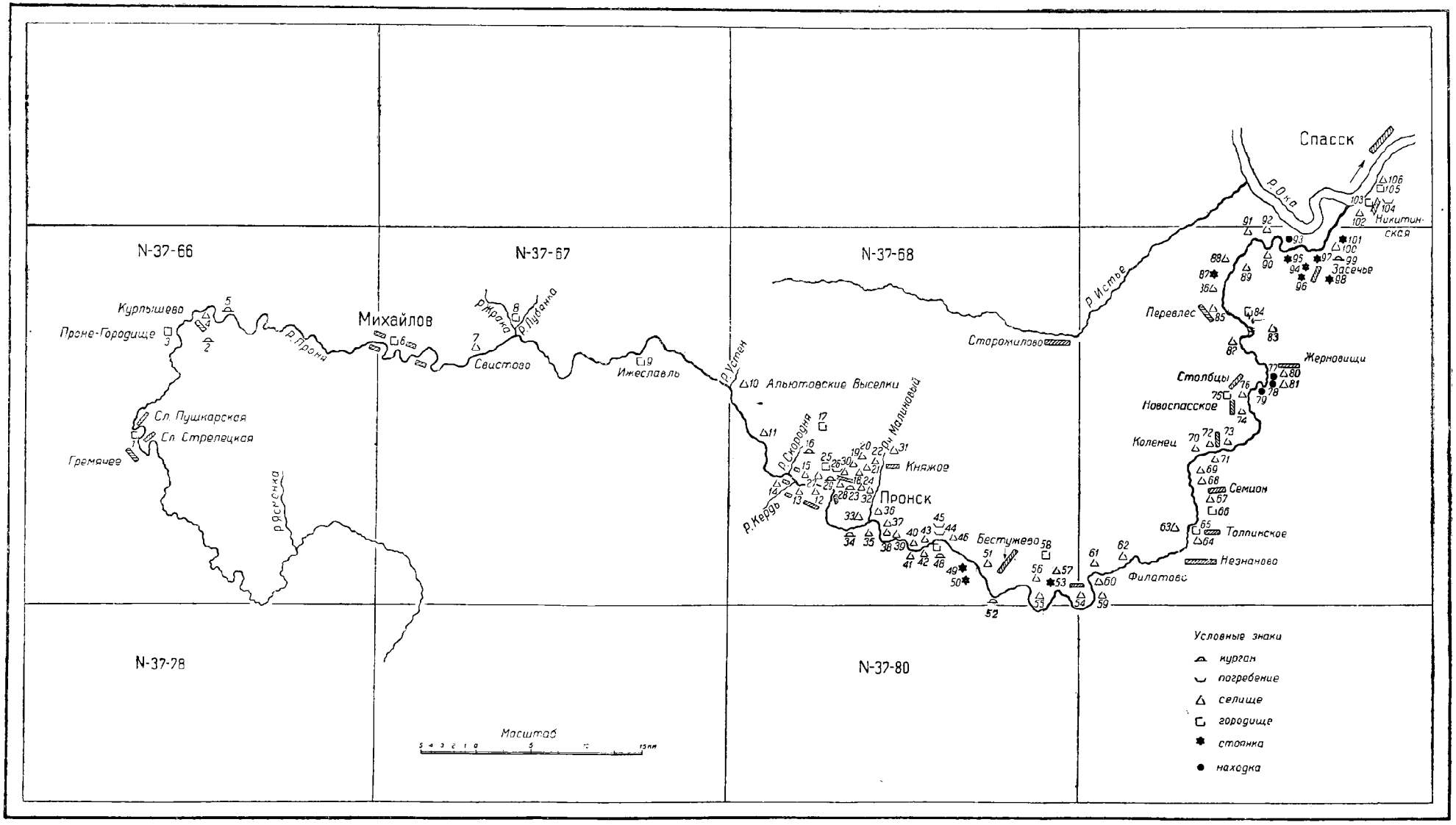

Рис. 6. Карта археологического обследования р. Прони (1928—1929—1930 гг.).

левую сторону ручья Малинового на месте бывшей помещичьей усадьбы. В настоящее время участок распахивается и соприкасается одной стороной с фруктовым садом, а другой идет по склону овражка, перпендикулярного к долине ручья. Находки распространены по бугру метров на 100 в длину и ширину. Найденная керамика (русская) относится к средней стадии (XV—XVII). Инвентарь № 376.

32. Малинище — селище находится в 4 км на восток от Пронска, на правом берегу ручья Малинового, в непосредственном соседстве с д. Малинище (Тужиловкой). Находки керамики наблюдаются на пространстве метров на 100 в диаметре. Среди собранных образцов имеются фрагменты, относящиеся к ранней стадии (XI—XIII вв.) и поздней (XVII—XIX вв.). Инвентарь № 375.

33. Верхне-Студенецкое селище находится в 4 км на юго-восток от Пронска и расположено на левом берегу Прони, напротив с. Алабина при впадении в Проню ручья. Оно занимает оба возвышенных мыса, по правую и по левую стороны ручья. Поверхность его находится под пашней. Находки распространены метров на 70—100 по ручью и по Проне метров на 60. Собранную здесь керамику можно отнести к XII—XIII в. Попадается битый камень и кремень. Инвентарь № 377.

34. Алабинский курган-одиночка находится на правом берегу Прони в расстоянии от реки в 10—15 м. Расположен в трех км на северо-запад от с. Алабина. Форма кургана расплывчатая, удлиненная, хотя на поверхности луга он рельефно выделяется и имеет типичные контуры. Диаметр с юго-запада на северо-восток 12 м; с юга на север — 7.5 м; высота 2 м.

35. Алабинское селище. На правом берегу Прони, против с. Алабино, на расстоянии $^1/_3$ км от моста по Рязанскому тракту, ниже по реке, на отлогом склоне, запаханном под поле, были обнаружены фрагменты керамики русского типа. Находки сконцентрированы на небольшом пространстве, метров на 10, в расстоянии от реки на 10—12 м. Имеются находки битого кремня, среди которых некоторые с намеком на искусственную обработку.

36. Погореловское селище расположено на левом берегу Прони на расстоянии около 0.75 км выше Погореловской мельницы. Оно лежит на возвышенном и ровном берегу, над каменоломней. Начинается приблизительно от пограничного между яровым и озимым клином столба и идет вниз по берегу метров на 30. Находки — в виде черепков посуды русского типа и мелких битых кремней. Керамика светлосерая с красноватым и коричневатым оттенком, ранней стадии (XI—XIII вв.). Заинвентаризирована под № 380.

37. Кисвинское селище расположено в 3 км от с. Кисьвы на высоком левом берегу Прони. Следы памятника найдены в береговом обрыве к реке. Поверхность селища задернована.

Находки распространены, главным образом, по обрыву террасы. Сохранность удовлетворительная. Памятник был обнаружен впервые О. Н.

Бадером при обследовании берега Прони в 1928 г. Заложено 4 шурфа (см. прилагаемый план) площадью в 1 кв. м каждый. На месте шурфа 1 обнаружен культурный слой мощностью до 1 м, 2-й и 3-й шурфы дали мощность культурного слоя в 40 см и 4-й — в 50 см. Найденные обломки керамики с линейным и волнистым орнаментом относятся к ранней стадии (инвентарь № 291). В стене шурфа 1 замечены остатки глинобитного сооружения (мощностью в 55 см).

38. Галинское селище находится на левом берегу Прони на площади д. Галино и расположено на высоком берегу. Часть селища занята самой деревней, часть распахана. По берегу заметны обнажения, идущие на протяжении метров 200 от конца деревни и ниже по реке в поле.

В обнажениях слоя обнаружены обломки керамики русского типа. По рассказам местных жителей при рытье земли в деревне для хозяйственных надобностей были находимы человеческие кости. Такие же находки были сделаны у межевого столба, на самом берегу Прони против деревни.

При зачистке обнажения, у тропы, опускающейся к лодкам, установлена мощность культурного слоя около 1 м. Его цвет — темносерый. Керамика — ранне-русская. Инвентарь № 304.

39. Средне-Галинское селище находится в 0.25 км к югу от пос. «Галинские выселки». Расположено селище на левом берегу Прони, невысоко над водой. Вдоль берега со стороны реки обнаружен культурный слой, в котором находится, главным образом, керамика. Среди фрагментов древне-русской посуды встречаются обломки керамики типа дьяковских городищ; прослежены уголь и кости животных. Сохранность селища неудовлетворительная, вследствие вспашки; береговой край сильно оползает. Коллекция заинвентаризирована за №№ 301 и 322.

40. Лыковское первое селище находится близ Лыковской водяной мельницы, в 300 м на северо-запад и в 4 км от с. Маклакова. Расположено на левом берегу Прони. Поверхность занята пашней. Находки распространены по всей площади на 160 м вдоль берега и на 130 м от берега на пашне. В заложенном шурфе наблюдается мощность глинистого, красно-бурого культурного слоя в 40 см. В нем найдены обломки керамики, кости свиньи и костяной гребень. Собран подъемный материал (инвентарь № 287 и № 289). Селище относится к ранним и может датироваться XI—XII вв. Весьма желательно его исследование, так как оно может дать хороший материал.

41. Лыковское второе селище находится на высоком правом берегу Прони, несколько выше Лыковской мельницы. На протяжении нескольких десятков метров видны мощные обнажения черного глинисто-песчаного слоя, достигающего мощностью более 1 м. Подстилающий слой — известняк. Разрушение памятника происходит со стороны реки, так как добыча камня заставляет вскрывать его поверхность.

42. Лыковское третье селище находится на высоком правом берегу Прони, непосредственно за плотиной Лыковской мельницы. Площадь селища занята каменоломней. Находки керамики русского типа распространя-

лись вдоль берега, приблизительно, на 150 м. Зачистка обнажений в нескольких местах обнаружила мощность слоя от 0.60 до 1 м.

43. Мызгинское селище находится непосредственно около хутора «Мызга». Расположено на высоком левом берегу Прони.

Находки распространены на незначительном пространстве вдоль береговой террасы, обрывающейся к Проне. Селище распахано и засеяно. Береговой край его сильно осыпается. Находки в небольшом количестве были сделаны в обнажениях культурного слоя, в береговом обрыве. Культурный слой темносерый. Два фрагмента керамики: один — с линейным орнаментом и другой — гладкий, заинвентаризированы за № 404.

44. Денисовские могилы. В изданной Н. П. Милоновым книжке «Опыт археологических исследований по течению рек Верды, Прони и Галины», Скопин, 1925, он отмечает, что им была найдена на низком берегу р. Галины группа маленьких холмиков, в количестве 45, сохранившихся возвышений, вытянутых в виде четырехугольника с юга на запад. Они занимали, по его словам, пространство в 25—30 саженей длины и 10—15 саженей ширины. Местное население достоверных сведений о происхождении этих холмов сообщить не могло, но передавало предания, связывающие их с литвой и татарами. Раскопки положительных результатов не дали, так как не были доведены до конца вследствие обилия подпочвенной воды. В 1928 г. эти холмы были вновь осмотрены Н. П. Милоновым совместно с А. А. Мансуровым и О. Н. Бадером. Холмы расположены на берегу речки Суровки, ниже д. Денисовки. Раскопок не производилось, почему и нельзя с определенностью принять или отвергнуть мнение Н. П. Милонова о том, что эти возвышения представляют собой могильные насыпи.

45. Денисовские погребения. При обследовании вышеописанных холмиков в 1928 г. удалось получить сведения о древних погребениях, найденных в самой д. Денисовке. В 1926 г. местный гражданин И. С. Амелькин около своей избы, находящейся на краю села, хотел вырыть погреб и нашел 6 погребений. При одном из них оказались медные пуговицы «на жерелочке» шелковом. Насколько он помнит, ориентированы были погребения головой на запад. На месте находки имеется небольшое возвышение, которое можно было бы принять за оплывший курган. Высота насыпи около 40 см, диаметр 10—12 м. По дополнительным сведениям, полученным в 1930 г. через местного же жителя И. П. Ярцева, была найдена полная, почти цельная одежда, вышитая блестящими крестиками (парча?). Кусок ее был передан гр. Илюхиным в Исторический музей, часть одежды разорвана и брошена.

46. Денисовское селище расположено на левом возвышенном берегу Прони, напротив Маклаковского городища и Маклаковских курганов. Исследовано Н. П. Милоновым летом 1924 г. и при обследовании Прони в 1928 г. вторично не осматривалось. Н. П. Милонов дает его описание. По его словам, местность, где расположено селище, запахивается, причем обилие находимых там черепков глиняной посуды мешает пахоте. «Культурный углистый пепельный слой, толщиной в некоторых местах до 0.5 ар-

шина, а большей частью в 0.25 аршина, залегает на протяжении одной десятины. В юго-восточном углу поселка отмечаются выемки и возвышения, следы от валов и рвов древних укреплений, пространством в 20 сажен, ныне уже запаханных. Древний поселок был расположен на открытом месте, на поперечной дилювиальной террасе, укреплен с юго-восточной и, вероятно, с других сторон рвами». Милоновым были заложены три небольших траншеи. Были найдены кости домашних животных, фрагменты керамики (в числе которых была сетчатая), древесные угли, шлаки, обожженная глина, камни, а также одно погребение без вещей, лежащее головой на северо-запад. В виду отсутствия точных данных, позволяющих этот памятник отнести к городищам, мы его назвали селищем. Необходимо его дальнейшее исследование.

47. Маклаковское городище расположено на правом берегу Прони, на месте крутого ее изгиба, напротив д. Денисовки. Городище смывается с двух сторон Проней, а с третьей стороны защищено валом, остатки которого хорошо заметны. Культурного слоя на городище обнаружить не удалось. Очевидно, он весь смыт, вследствие чего и датировать памятник затруднительно. План городища опубликован Н. П. Милоновым в названной выше его работе, где также дано и краткое его описание. «Длина городка вдоль по линии с запада на восток 100 арш., ширина... 38 арш.... высота внутреннего вала со стороны городка по бокам его 6 арш., а в середине 8 арш., высота вала со стороны первого рва — 10 арш., ширина рва 5 арш., высота второго оплывшего вала — 5 арш., ширина площади этого вала 6 арш. На площади два въезда — с северо-западной и с юго-восточной стороны».

48. Маклаковские курганы расположены на так наз. Журавлиных лугах и находятся с южной стороны от вала Маклаковского городища — в двух группах. Эти курганы были известны еще Рязанской ученой архивной комиссии, делавшей попытки к их раскопкам. В 1901 г. В. Н. Крейтон и А. И. Черепнин раскопали 4 кургана, но погребения оказались сильно разрушенными и не имеющими инвентаря. Исследователи отметили, что погребения лежали в ямах на глубине от поверхности земли от двух до трех четвертей аршина; направление могильной ямы с юго-запада-запада на северо-восток-восток. По двум сравнительно хорошо сохранившимся костякам было определено, что они лежали на спине, головою на юго-запад-запад, ноги протянуты, руки сложены на животе. Дождливая погода прервала раскопки, и они были отложены до следующего года. Однако неудачное начало, повидимому, не вызвало дальнейшего интереса к этим памятникам и Рязанской архивной комиссией они уже не раскапывались. В отчете о ее деятельности за 1901 г. имеется следующее описание курганной группы: «Курганы расположены в двух группах в расстоянии 60 сажен одна от другой. Первая, ближайшая к д. Денисовке, группа состоит из 48 курганов, занимающих по берегу Прони небольшую площадь около 1000 кв. саж.; во второй группе всего пять курганов. Члены Комиссии начали рас-

копку с первой группы; вскрытые 4 кургана имели от 1.5 до 3 арш. отвесной высоты и от 30 до 48 арш. по окружности у основания их; почти все курганы имели полушарообразную форму и только некоторые из них представляли более или менее удлиненную форму. Насыпь курганов — суглинок; грунт — плотная глина». В 1919 г. были произведены раскопки четырех курганов из этой же группы, а затем в 1924 г. Н. П. Милонов продолжил раскопки и опубликовал их результаты в книжке «Опыт археологических исследований по течению рек Верды, Прони и Галины». Сопоставляя его данные и данные Архивной комиссии, надо отметить, что за прошедшие 23 года курганы подверглись значительной порче. Прежде всего, вместо отмеченных в 1901 г. 53 курганов, Н. П. Милонов насчитывает их всего 51. Далее, было найдено, помимо ранее раскопанных насыпей, 11 курганов «неизвестно кем и когда раскопанных». Вероятно, здесь были работы местных кладоискателей. Затем, значительно изменились и размеры насыпей. «Избранные нами 8 курганов, — пишет Н. П. Милонов, — характерны по своему строению для всей группы. Все они с острой сохранившейся верхушкой, с оплывшим боком на северо-восточную сторону, с ровиком и перемычками, прослеживающимися с разных сторон. Форма наших курганов такова: два высоких (2 арш.), приближающихся к конусообразной форме, два малых, расплывчатых, два полушарообразных и два совсем утерявших свой вид, имеющих форму бугорков в четверть аршина над землей. Высота всех курганов колеблется от двух аршин и до полуаршина, диаметром от 4 саж. до двух. У всех курганов преобладающей формой является полушарообразная, с уклоном или к конусу — у более высоких, или к расплывчатым — у низких, потерявших нормальный вид вследствие оплыва насыпи с северо-востока к юго-западу». Одной из причин гибели памятников служит, очевидно, то, что курганы находятся на заливной части луга. «Во время вешних разливов Прони вся эта низина покрывается водой, и место кажется озером, среди которого, говорят крестьяне, выглядывают верхушки высоких курганов и вала, служащих рыболовам пристанищами». Инвентарь из раскопанных Милоновым курганов оказался типичным вятическим. Все находки поступали в Скопинский музей, где хранятся также и материалы более ранних раскопок.

49. Таркинская неолитическая стоянка (?) расположена на правом берегу Прони, где она огибает д. Таркино, стоящую на противоположной стороне. Точно границы стоянки не определены, но, повидимому, она находится на высоком каменистом берегу, благодаря осыпанию которого осколки кремня в изобилии попадаются по его склону среди известняка на протяжении метров 250 (приблизительно). Слой стоянки темный, песчаноглинистый, подостланный известняком. Мощность верхнего слоя до 60 см. Коллекция заинвентаризирована за № 395.

50. Чупрынская неолитическая стоянка (?) расположена на правом берегу Прони, на месте современной деревни Чупрынка. Точно границы стоянки не обозначены, но, судя по тому, что все находки кремня

сосредочены на низком берегу в уровень с водой, исключительно в районе так называемой «Красной горы», — можно предполагать, что она находится непосредственно над ней. Сведения о стоянке были получены А. А. Мансуровым от гр. Ивана Фокина, который рассказал, что недавно он нашел на этом месте кремневое копье, хорошо полированное, «рябое», и выбросил его в воду. Здесь же, по его словам, находили такие же копья и другие, размером до 15 см. Коллекция заинвентаризирована за № 396.

(Продолжение следует)

A. MANSUROV

CARTE ARCHÉOLOGIQUE DE LA RIVIÈRE PRONIA

RÉSUMÉ

L'auteur a accompli, en collaboration avec N. Milonov et O. Bahder, des recherches archéologiques dans la vallée de la Pronia (affluent de l'Oka) pour le Musée de Riazan. En trois ans (1928—1930), ils ont exploré tout le cours de la rivière, des sources à l'embouchure (250 km). Parmi les 106 monuments découverts, en majorité slaves anciens, il convient de signaler plusieurs groupes de tumuli à mode de sépulture caractéristique de la tribu des viatitchi (XI—XIIe siècles), une série de gorodistchés et de sélistchés (XIII—XIVe siècles et époques plus récentes). Les fouilles du gorodistché de Pronsk ont fourni d'intéressants matériaux caractérisant l'habitation russe ancienne. Les résultats de ces dernièrs travaux seront publiés séparément.

А. П. СМИРНОВ

МОГИЛЬНИК БИГЕР-ШАЙ

Могильник находится в 14 км от города Глазова и в 2.5 к северо-востоку от селения Адамова, вправо от дороги в д. Полом (в 1 км от р. Пизеп, по левому ее берегу).

Могильник помещается на конце небольшой возвышенности, ограниченной с севера и востока заболоченной низменностью, которая с небольшими перерывами продолжается до берега р. Пизеп.

Внутреннее строение возвышенности, обнаруженное по профилям траншей раскопок, состоит из следующих слоев:

1. Перепаханный слой до 15 см.

2. Желтый песок, в котором иногда попадаются мелкие камни. Верхняя часть этого слоя серого цвета, с примесью золы и содержит местами большое количество углей.

Этот песчаный слой сыграл печальную роль в отношении древнего могильника, уничтожив совершенно костные остатки, а также многие вещи, сопровождавшие погребения.

Площадь могильника давно распахивается, и поэтому никаких внешних признаков его не сохранилось.

Как сообщили мне краеведы г. Глазова, могильник был открыт А. А. Спицыным, который и производил там раскопки. Однако, ни в отчетах Археологической комиссии, ни в своей работе «Приуральский край» проф. А. А. Спицын ничего об этом не сообщает. В археологической литературе нигде нет упоминания этого памятника.

В 1928 г. нашими работами не могла быть выяснена вся территория могильника. Раскопки велись при помощи широких траншей (5 м ширины). Были заложены 2 траншеи, с северо-востока на юго-запад, примыкающие одна к другой. Всего раскопано 130 кв. м, на каковой площади вскрыто 25 погребений.

Могильник Бигер-Шай совершенно не сохранил костных остатков, что сильно затруднило установление обряда погребения.

Как выяснилось, покойники полагались в прямоугольных ямах, в среднем около 2 м длины и 0.90 м ширины. Глубина захоронения коле-

балась от 0.60 до 1 м, причем глубина детских погребений не меньше глубины взрослых. Также не замечено более глубокого положения мужчины. И мелкие ямы, и глубокие принадлежат как мужчинам, так и женщинам.

Среди открытых погребений встречаются могилы до 2.30—2.80 м длины при 0.60—0.70 м ширины. Углы могил прямые и лишь в пяти случаях (могилы №№ 17, 19, 20, 23, 24)— закругленные. На ряду с прямоугольными ямами в могильнике прослежены в двух случаях ямы овальной формы (№№ 1 и 4). Аналогии таким могилам можно указать в Борковском могильнике.

Ориентировка могил преобладает в направлении запад-восток. Так, с северо-запада-запада на юго-восток-восток констатировано 15 погребений (№№ 1, 3, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 25); с юго-запада-запада на северо-восток-восток — 4 погребения (№№ 5, 8, 11, 23); с запада на восток — 3 погребения (№№ 19, 22, 24) и с северо-запада на юго-восток — 1 погребение (№ 20).

Остальные два погребения — с северо-северо-востока на юго-юго-запад (№№ 2 и 4).

Является ли разница в ориентировке погребений хронологической, как это установлено, например, проф. В. А. Городцовым для Подболотьевского могильника, или это различие является особенностью другого характера, установить, в виду недостаточности материала, в данное время трудно. Но все же отмечу, что погребение № 2 может быть несколько древнее прочих. Могила же № 4 не дала никаких вещей, и определение времени ее весьма затруднительно.

На дне двух могил (№№ 7 и 21) замечены незначительные остатки дерева. В обоих случаях дерево сохранилось благодаря образованию окиси медных вещей. Нужно думать, что покойники полагались в гробах, а не клались на доски, как это наблюдается в некоторых Окских могильниках. Некоторым доказательством этого может служить то, что в бассейне Камы древние могильники имеют внешним признаком небольшие углубления, образование которых объясняется провалом земли после сгнивания гроба или колоды. Ориентировка покойников, в виду полного отсутствия костей, могла быть установлена только в некоторых случаях, там, где расположение вещей допускало это. Таким образом определено направление 11 погребений. Головой в восточном направлении лежало одно погребение — на юго-восток-восток (погребение № 3) и в западном — десять (юго-запад-запад — погребение № 8; северо-запад-запад погребение №№ 7, 9, 12, 14, 15, 17, 21 и 25; запад — погребение № 22).

Разница ориентировки не является в данном случае признаком для определения пола покойника; в Бигер-Шае единственное установленное погребение головой на восток принадлежит мужскому погребению. Погребения же головой в западном направлении дали 8 женских и 2 мужских.

Положение покойника, как можно судить по вещам, было головой в западном и реже в восточном направлении, на спине, с руками, вытяну-

тыми вдоль тела (об этом свидетельствуют погребения №№ 3 и 21, где положение браслета указывает место рук вдоль тела погребенных). При покойниках клались вещи. Женщины хоронились с украшениями, мужчины — с предметами вооружения и охоты. Кроме того, в могилу покойника ставились сосуды, по одному, по два и по три. Сосуды помещались преимущественно в головной части могилы (погребения №№ 3, 8, 7, 9, 17, 22), реже в ногах (погребение № 15) и посредине могилы (погребения №№ 12, 14 и 21). В случаях, когда сосудов было два или три, они располагались в противоположных концах могилы и один посредине. В некоторых погребениях вместо целых сосудов клались только обломки их. При зарывании покойника в могилу бросались разные вещи: железные ножи, пластинки, разные стеклянные бусы, черепки посуды и бронзовые браслеты, причем последние найдены в согнутом виде (погребения №№ 1, 4, 5, 6, 7, 9, 14, 17, 18, 19,20). После зарытия могилы на месте погребения устраивалась тризна, доказательством чего служит угольно-пепельный слой, обнаруженный в верхней части всех могил. В некоторых из могил среди этого слоя имелись кусочки мелких пережженных костей (погребения №№ 22, 23, 24). Нахождение вещей в засыпи могил ни в коей мере не может служить доказательством обряда перерывания могил, обряда, распространенного, по мнению А. А. Спицына, в области бассейна Камы. В могильнике Бигер-Шай вещи в засыпи не связываются непосредственно с погребением, а вещи основного погребения лежат всегда в порядке первоначального положения при костяке (например, погребение № 9).

Обряд бросания вещей в могилу прослежен в Подболотьевском могильнике, где В. А. Городцовым установлено положение в мужские погребения женских вещей.

Часто в могилах можно было проследить только след от положенных в могилу медных или серебряных предметов, и только в трех случаях удалось вынуть более сохранившиеся вещи. Все найденные предметы я опишу по группам.

Железные вещи представлены стрелами, удилами, ножами, топором и пластинками.

Найденные железные стрелы черешковые и втульчатые. Первые представлены одним типом — плоским, овальным. Аналогичные наконечники стрел встречаются довольно широко (рис. 1).

Втульчатые стрелы также представлены только одним типом — плоским, овальным. Тип этот распространен в широких хронологических границах (рис. 2).

Стрелы в могилах полагались всегда попарно, одна черешковая и одна втульчатая. Боевым концом они клались или в сторону головы, как, например, в погребении № 3, или же в обратном направлении (погребение № 9). Находятся они или у пояса, или в ногах покойника.

Найденные ножи все железные, прямые, черешковые. У некоторых экземпляров лезвие непосредственно переходит в черешок, у других же на

месте соединения имеется перемычка. Размер ножей колеблется от 8 до 15.5 см. Ножи встречены и в насыпи могилы (погребения №№ 1 и 5), и при самом погребении, причем количество ножей колеблется от одного до трех. При погребениях они располагались или в углах могилы, или у пояса, на животе или сбоку. Ножи найдены в инвентаре мужских и женских погребений.

Пряжки железные, четырехугольные, размер их в среднем 3 на 3 см. Аналогичные пряжки встречаются в широких хронологических границах. Пряжки в погребениях могильника Бигер-Шай найдены только в мужских погребениях (погребения №№ 3 и 9), причем располагались они или в области ног, где служили, повидимому, для застегивания обуви, или же в области груди и пояса.

Долото железное, втульчатое, длина — 13 см. Найдено в засыпи мужского погребения № 9. Подобные долота нередки среди славянских древностей. Удил имеется две пары и принадлежат они к различных типам. Найдены удила в одном погребении № 3 (мужском), где они помещались по обе стороны покойника, в средней части могилы. Первые удила состоят из двух прутьев, соединенных посредине при помощи колец. По концам имеются длинные псалии и отверстия для продевания ремней (рис. 3). Другие удила состоят также из двух прутьев, скрепленных посредине кольцами, но не имеют псалий, а только два кольца.

Топор найден один в мужском погребении № 9. Находился он посредине южной стенки могилы и положен был, повидимому, в области бедра, причем острием своим был всажен в землю. Топор проушной, имеет в длину 14 см, проух овальный, длина его 4 см, ширина 3 см, лезвие скошено вверх и вниз, обух короткий, четырехугольный, как у молотка. Топоры этого типа известны в довольно широких хронологических границах и весьма обычны в инвентаре Окских могильников (рис. 4).

Шило найдено одно, в виде обломка, в насыпи могилы № 5. Обломок этот представляет собой четырехгранный стержень, рабочий край которого обломан. Подобные шила известны широко. Кроме шила, в насыпях могил были находимы пластинки, костылики и обломки различных железных вещей. Все эти вещи бросались в могилу при закапывании умерших.

Бронзовые вещи представлены браслетами, одним обломком пряжки и шумящими привесками. Как первые, так и вторые дошли до нас в крайне неудовлетворительном состоянии и в незначительном количестве. Из 25 исследованных могил только пять погребений содержали в своем инвентаре бронзовые вещи (погребения №№ 3, 7, 9, 4, и 21). Малочисленность металлических украшений в могильнике объясняется не столько бедностью костюма захороненных, сколько действием почвы, разложившей вещи. Доказательством этого может служить то, что и добытые вещи все плохой сохранности, а из погребения № 21 так и не удалось вынуть некоторые предметы.

Браслетов найдено 2 целых, согнутых, 2 обломка, и, кроме того, один пластинчатый браслет не удалось вынуть (погребение № 21). Первые два браслета были найдены в засыпях двух могил (№№ 4 и 9), из которых одна

несомненно принадлежит мужскому погребению. Согнуты они, повидимому, умышленно. Оба принадлежат к типу круглых проволочных. Два обломка принадлежат одному браслету и относятся к типу четырехгранных проволочных. Найдены они у края могилы № 3, и их положение показывает, что браслет был надет на руку, вытянутую вдоль тела покойника.

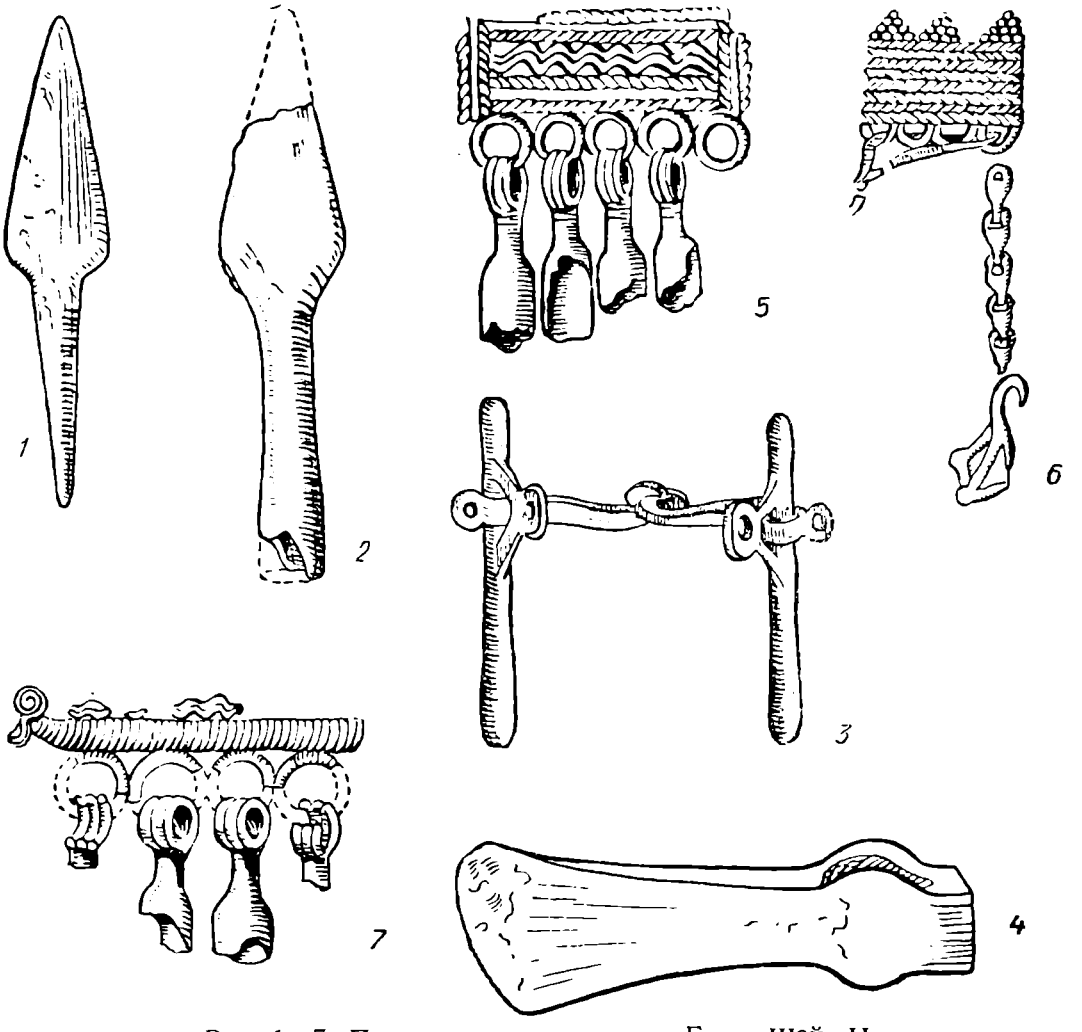

Рис. 1—7. Предметы из могильника Бигер-Шай. Н. в.

Пластинчатый браслет, отмеченный в погребении № 21, не мог быть вынут, но форма его была установлена. Это обычный пластинчатый браслет, ровный, без расширения посредине. Форма широко распространенная. Положение браслета в могиле показывает, что он находился на правой, вытянутой вдоль тела, руке погребенной женщины

Обломок поясной бронзовой пряжки найден в области пояса погребения № 3 (мужского). От нее уцелела только часть, служащая для прикрепления к ремню.

Шумящих привесок найдено: одна целая и три разрушенных. Первая привеска пластинчатая, ажурная, представляет собой прямоугольник — в 5 см длины и 2 см ширины — имеющий по краям два ряда жгутиков (ими-

тация веревочки), между которыми проложена круглая проволока. Середина прямоугольника заполнена зигзаговой горизонтальной линией, состоящей из двух положенных рядом проволок. К нижнему жгуту прикреплены 5 неподвижных колец, на которых качаются бутыльчатые привески. Вещь литая. На обратной стороне ее имеются две петли для продевания ремня при прикреплении ее к одежде. Привеска найдена в единственном числе и помещалась в области нижней части груди (погребение № 7, рис. 5). Близкую аналогию этой привеске можно указать в инвентаре Максимовского могильника. Вообще же подобные ажурные привески характерны для могильников IX—XI вв. н. э., примером чего может служить материал Лядинского, Томниковского и Максимовского могильников. В. В. Гольмстен относит наибольшее развитие шумящих ажурных привесок ко времени между IX и XI вв. н. э. Привески, аналогичные бигер-шайской, найдены в Максимовском могильнике в числе двух у пояса. В Лядинском же могильнике подобные привески находимы всегда на груди, чаще единично. Таким образом, мы видим, что назначение и положение бигер-шайской привески совпадает с аналогичными находками из других могильников. Две другие привески обломаны. Обе литые. Они относятся к одному типу и представляют собой прямоугольники, размер которых в настоящее время 3.5 на 1.5 см. Весь прямоугольник заполнен горизонтальными жгутами в 9 рядов (имитация веревочки). На верхнем жгуте находятся пирамидки, состоящие из имитации зерна. К нижнему же ряду прикреплены полукруги, на которых висели длинные цепочки (в данное время рассыпавшиеся), заканчивающиеся гусиными лапами ромбической формы. Цепочки составлены из звеньев, из которых каждое состоит из одной проволоки, скрученной наподобие как бы восьмерки. На последнем звене висит гусиная лапка ромбической формы. На обратной стороне привески имеются две скобочки с остатками ремня. Обе привески найдены вплетенными при помощи узкого ремня в косу, находившуюся под спиной покойницы (непосредственно на остатках гробовой доски). Такой обычай украшать косу шумящими металлическими привесками известен в Окских могильниках. Точной аналогии рассмотренной привески Бигер-Шайского могильника мне не удалось подыскать. Но аналогичные цепочки с гусиными лапками встречаются в следующих могильниках VII—X вв.: Подболотьевском, могильнике из окрестностей гор. Владимира, Лядинском в находках из Мурома (Окский могильник) и в Максимовском. По своему стилю (имитация веревочки и зерна) эта привеска близко подходит к шумящим украшениям Максимовского, Лядинского и Томниковского могильников. И, наконец, последняя (рис. 7) привеска представляет собой бронзовый стержень, обвитый тонкой бронзовой проволокой, в виде спирали. На одном ее конце имеется плоская спираль, другой же конец обломан. Снизу стержня имеется неподвижно закрепленный ряд колец, на которых качались бутыльчатые привески. Сверху стержня имелась зигзаговая полоса, состоящая из двух рядов гладкой проволоки. С одной стороны привески имеются обломки скобочек, служивших для прикрепления привески

к одежде. Другая сторона — гладкая. Рассмотренное украшение было найдено в нижней части груди и, повидимому, являлось привеской у пояса. Варианты ее встречаются в поздних окских могильниках. Встречены они также в раскопках Н. П. Первухина. Вместе с тем вариант этой привески встречен Бранденбургом в одном из погребений южного Приладожья в качестве фибулы. В могильнике же Бигер-Шай несомненно рассмотренное украшение не является фибулой, так как, с одной стороны, оно имеет обломки ряда скобочек для прикрепления его к костюму, что и указывает на употребление его в качестве привески. Такое применение фибул в качестве простых привесок встречается неоднократно. Примером этого явления могут служить пальчатые фибулы, употреблявшиеся носителями культуры Подболотьевского могильника в качестве простых блях.

В общем все шумящие привески Бигер-Шая имеют аналогии в древностях окского района X в. или в памятниках южного Приладожья, где они датируются этим же временем.

Монетообразная разрушенная привеска из тонкой пластинки белого металла. На ней имеются следы орнамента или надписи. Привеска односторонняя. Положение ее в могиле показывает, что она носилась, повидимому, вплетенной в косу женщины.

Кроме бронзовых вещей, женские погребения могильника Бигер-Шай сопровождались большим числом стеклянных бус. Из стеклянных бус состояли украшения головных уборов, нагрудные украшения, ожерелья. Кроме того, бусы нашивались на нижнюю часть одежды (погребение № 25).

Ожерелья состояли из одного ряда бус, нанизанных, повидимому, на одну нитку. Почти все они составлены из разнотипных бус, и в расположении их нельзя было приметить какую-либо закономерность.

В погребении № 15 были найдены бусы, принадлежащие, несомненно, к головному убору. Они нашиты были на передней его части в несколько рядов, причем нижние ряды имеют зигзагообразную форму. Бусы удалось снять в полном порядке.

Найденное нагрудное украшение состоит из 12 рядов разных стеклянных бус (всего 345 штук). Причем бусы шли все увеличивающимися полукругами. Бусы эти, повидимому, нашивались прямо на одежду. Преобладают желтые (лимонного цвета) бусы, но попадаются и другие. Какой нибудь закономерности в расположении типов бус нет (погребение № 21).

И, наконец, в погребении № 25 находились бусы, нашитые, повидимому, на нижнюю часть одежды. Дождь, начавшийся во время исследования могилы, смешал расчищенные бусы с землей и не дал возможности установить порядок в их положении. Все найденные бусы исключительно стеклянные. По форме и цвету их можно разбить на ряд типов. Бусы стеклянные, золоченые, встречены в большом количестве. Среди них круглые, крупные, неправильной формы, боченкообразные и несколько приплюснутые, одинарные и состоящие из нескольких штук. Кроме того, имеются бусы мелкие, круглые, в отрезках по нескольку штук.

Бусина пастовая (?). Внешняя поверхность ее состоит из красных, синих и желтых продольных полос. Среди найденных бус имеется только один экземпляр. Вместе с бусами в погребении № 25 найдена одна половина шаровидной подвески, приготовленная из белого металла. Аналогию ей можно указать среди ожерелий могильников X—XI вв. н. э., например, в Лядинском. В стеклянным предметам относится и поделка, приготовленная из синего стекла в форме лунницы. Найдена она вместе с бусами головного убора из погребения № 15. Полную аналогию ей я не могу указать. Но металлические прототипы известны хотя бы, например, в Лядинском финском могильнике.

Из всех находок могильника бусы представлены наиболее богато. Самыми многочисленными являются желтые всех типов, затем синие, золоченые. Остальные же, как, например, красные, представлены в небольшом количестве. Описанные бусы в материале Бигер-Шая встречаются часто и в славянских курганах XI—XIII вв. н. э.

Керамические изделия представлены в достаточном количестве. Из двадцати пяти исследованных могил семнадцать содержали в своем инвентаре или целые сосуды, или их фрагменты. Последнее явление замечено в нескольких могилах. Аналогию ему можно указать, например, в Борковском могильнике, где также в некоторых погребениях находились вместо целых сосудов только отдельные черепки.

Вся найденная посуда весьма низкого качества, приготовлена без помощи гончарного круга. Глина плохо промешана. Примеси толченой раковины и песка в ней нет. Обжиг керамики весьма низкий, так что почти все сосуды при выемке из земли крошились на мелкие части. Цвет посуды желтый или черный, что зависит исключительно от характера обжига. Толщина стенок колеблется от 0.3 до 0.5 см в верхней части сосудов, утолщаясь ко дну до 0.7 см. По форме все найденные сосуды необходимо отнести к отделу чаш, т. е. к таким сосудам, у которых верхнее отверстие имеет отношение к высоте, как 2 к 1. Дно сосудов плоское, при переходе к стенкам закругленное. Бока сосудов слегка выпуклые, в верхней части иногда украшенные орнаментом. Края всегда слегка отогнуты во внешнюю сторону и обрез их плоский, неорнаментированный. Диаметр отверстия сосудов колеблется от 8 до 18 см. Имеется несколько сосудов с овальным отверстием (например, могила № 21). 40% всех сосудов покрыто орнаментом. Орнамент во всех случаях располагался по верхней части сосудов. По технике нанесения его можно разделить на печатный и чеканный. Первый (печатный) превалирует в укрешении посуды Бигер-Шайского могильника. Он украшает $^3/_4$ всей орнаментированной керамики. Группа печатного орнамента представлена: 1) отделом простой веревочки — типом прямолинейным, расположенным в несколько рядов по шейке сосудов, причем за исключением двух случаев всегда в комбинации с группой чеканных орнаментов, где последний играет всегда подчиненную роль; 2) отделом плетеной веревочки (т. е. нанесенным веревочкой в виде косы, сплетенной из трех отдельных концов).

Группа чеканных орнаментов встречается на сосудах самостоятельно в весьма незначительном количестве. В комбинации же с печатным покрывает почти все орнаментированные сосуды. Эта группа более разнообразна, чем печатная, и представлена двумя отделами: круглыми и граненными. Первый отдел содержит типы: пунктирный, встреченный на фрагменте одного сосуда, в комбинации с печатным, причем пунктирный орнамент располагается в виде пирамидок основанием кверху и играет в узоре подчиненную роль; и второй тип этого отдела плоско-ямочный — расположен в один ряд вокруг верхней части сосуда и помещен между рядами веревочного орнамента.

Отдел граненых разделяется на типы: квадратный, треугольный рамчатый, квадратный рамчатый. Первый тип — квадратный — имеется на одном сосуде из могилы № 12. Орнамент нанесен небрежно и расположен по шейке сосуда в два, а местами в один ряд. Оттиск его весьма неясный, что объясняется, быть может, скверным обжигом посуды.

Треугольный рамчатый наносился чеканом, у которого внутренность треугольника заполнена перекрещивающимися линиями. Этот орнамент встречен или в комбинации с линейным веревочным, причем он расположен всегда основанием кверху и всегда играет подчиненную роль в узоре, — или же в комбинации с чеканным, квадратным рамчатым, причем в этом случае треугольники размещены основанием книзу.

Последний тип этого отдела — квадратный рамчатый — имеется на сосудах Бигер-Шая или в комбинации с линейным веревочным, или с треугольным рамчатым, причем всегда рассматриваемый орнамент расположен наискось, в один или два ряда, в последнем же случае — в шахматном порядке. Все орнаменты нанесены достаточно небрежно, оттиски их иногда неясны, что объясняется весьма низким обжигом бигер-шайской посуды.

Керамика могильника Бигер-Шай по своей форме чрезвычайно однообразна и может быть сближена с некоторыми сосудами Ананьинского могильника. Датировка могильника устанавливается по ряду признаков, как то: шумящие привески и часть бус.

Наиболее точную дату дает ажурное шумящее прямоугольное украшение, снабженное бутыльчатыми привесками (погребение № 7). Эта привеска, как я выше указал, имеет аналогию в древностях Максимовского могильника, который датируется X в. н. э. Другие шумящие привески из могилы № 21, как отмечено, имеют близкие аналогии в Подболотьевском и Максимовском могильниках. Варианты же этих привесок могильника Бигер-Шай имеются в могильниках X в., как Максимовский, Лядинский и Томниковский. Кроме того, их можно указать в древностях южного Приладожья, которые датируются X—XI вв. К этому же времени необходимо отнести и большую часть бус, как, например, желтые, составляющие большую часть всего стекла. Подобные бусы встречаются в поздних могильниках Максимовском, Лядинском и др. Другие бусы, как то: зеленые, голубые, синие, встречаются и в финских и славянских древностях X—XI вв.,

а также и несколько ранее. Некоторые их золоченых бус, встреченных в могильнике, обычны и в инвентаре более древних памятников. Бусы красные (простые) вообще характерны для могильников более древних, например, Дубровического, Борковского, Кошебеевского. В могильнике Бигер-Шай они встречаются в ожерельях вместе с желтыми бусами, как, например, в погребении № 21 или в головном уборе из могилы № 15.

Керамические изделия по своей орнаментике и форме целиком совпадают с тем же материалом из Чепецких городищ X—XII вв. н. э.

Исходя из этих положений, можно датировать по шумящим ажурным привескам и некоторым бусам могильник Бигер-Шай X—XI вв. н. э.

Существование могильника позднее, в XII в., я полагаю, мало вероятно. Для этого времени нет характерных вещей, и я думаю, для исследованных погребений могильника XI в. является поздней датой.

Некоторые из рассмотренных погребений, как, например, могильник № 2, имеющий только одну красную бусину, могут быть несколько древнее прочих, так как красные пастовые бусы обычны в инвентаре более древних Окских могильников. Но вместе с тем не нужно забывать, что в могильнике Бигер-Шай эти красные бусы в некоторых погребениях встречаются с более поздними вещами X в. Точно так же и погребения №№ 3 и 9 могли существовать несколько ранее X в.

A. SMIRNOV

LE CIMETIÈRE DE BIGHER-CHAÏ

RÉSUMÉ

Le cimetière de Bigher-Chaï est situé à 14 km de la ville de Glasov. Il n'a conservé aucun reste d'ossements, ce qui rend difficile de reconnaître le mode d'inhumation. Son âge se détermine d'après certains objets tels que pendeloques cliquetantes et perles. La date la plus précise est fournie par un objet de parure rectangulaire à cliquetis, muni de pendeloques en forme de bouteilles, qui a son analogue dans les pièces trouvées au cimetière de Maximovo (Xe siècle de notre ère). D'autres pendeloques de ce genre de la tombe № 21 ont des analogues très proches dans les cimetières de Podbolotiévo et de Maximovo. Il en existe également des variantes dans les cimetières du Xe siècle tels que ceux de Maximovo, de Liadino et de Tomnikovo, ainsi que dans ceux du sud de la région de la Ladoga, qui datent du X—Xe siècles. A cette même époque doivent être rapportées la plupart des perles, par exemple les perles jaunes, qui forment la plus grade partie des objets en verre.

La céramique est identique par sa forme et son ornementation avec celle des gorodistchés de Tchépets (X—XIIe siècles). Se basant sur ces considérations, on plut dater le cimetière de Bigher-Chaï du X—XIe siècle de notre ère.

А. АЛЕКПЕРОВ

КРАШЕНАЯ КЕРАМИКА НАХИЧЕВАНСКОГО КРАЯ И ВАНСКОЕ ЦАРСТВО

Древний период истории Азербайджана очень мало освещен. Почти не разработана проблема взаимоотношений Закавказья с Ассирией, Урартскими царствами и древне-иранскими государственными образованиями. Между тем, еще Я. И. Смирновым издан ряд предметов, найденных в Закавказье и на Северном Кавказе, несомненно передне-азиатского происхождения. [1]

Находки этих предметов в курганных погребениях Кавказа и обряды погребений говорят о сношениях с упомянутыми государствами.

Описание походов ассирийских царей к Араксу и халдских набегов в области Малого Кавказа в районе о. Гокчи дает все основания предполагать, что они шли не в неизвестные таинственные страны, а были хорошо знакомы с Закавказьем. Несомненно, что страны, расположенные даже далеко к северу от Аракса, находились в сфере влияния вышеуказанных культур, и советской археологии предстоит разрешить ряд интересных задач в этой области. Особенный же интерес в свете этой проблемы приобретает изучение памятников наиболее южных районов Закавказья, непосредственным образом соприкасавшихся с государствами Передней Азии.

Русская археология до советизации в Закавказье вообще серьезных работ вела мало, ограничиваясь главным образом разведочными раскопками. В частности и б. Нахичеванский уезд как далекая окраина Российской империи не привлекал внимания археологов.

Только после революции, десять лет тому назад, было положено начало планомерному изучению археологии Азербайджана, в том числе и Нахичеванской АССР.

В 1926 г. под руководством и по инициативе акад. И. И. Мещанинова началось изучение археологических памятников в окрестностях с. Ходжалы (А. О. Нагорного Карабаха) и Кызыл-Ванка (Нахичеванская АССР).

---

[1] Я. И. Смирнов. Восточное серебро, СПб., 1909, №№ 1—11, 326—331 и, в особенности, 278.

Выбор пунктов явился удачным, и раскопки дали ключ к пониманию культуры северо-восточных склонов Малого Кавказа, от Казаха до Карягина и для районов верхнего течения Аракса — Араратской долины. Оба пункта показали ряд культурных наслоений. Но надо признать, что экспедиция Общества изучения Азербайджана вначале никаких широких исторических проблем перед собой не ставила. Кызыл-Ванк прельщал крашеной керамикой, еще недостаточно изученной, но в то же время сопутствующей, а может быть и предшествующей, ряду высокоразвитых древних культур.

Там, где Аракс входит в узкое ущелье между Нахичеванскими и Карадагскими горами Ирана, на отрогах гор находится старый армянский монастырь Кызыл-Ванк, построенный на могильном поле, доходящем до Аракса. Это место возвышается над долиной Аракса и в климатическом отношении является чрезвычайно благоприятным.

Неоднократно монахи при строительных работах находили крашеные сосуды. На эти находки в 1895 г. обратил внимание служивший здесь археолог-любитель Н. В. Федоров, поставивший в известность о них Археологическую комиссию,[1] которая и поручила ему разведочные раскопки. Однако отчета по этой работе не было им представлено. Несмотря на значение, придаваемое крашеной керамике, Кызыл-Ванк до советизации не привлек ни одного археолога, который сумел бы на месте проверить обстоятельства случайных находок. Случай же, когда в 1905 г. железная дорога прорезала могильное поле около монастыря, также прошел незаметно.

В период раскопок 1926 г. мы еще не совсем были свободны от увлечения вещеведением. Наши раскопки все внимание сосредоточили на могильном поле, добывая легко доступный погребальный инвентарь, и совершенно не искали других видов памятников, могущих дополнить и разъяснить Кызыл-Ванк. Досадно, что, работая в Кызыл-Ванке, мы не обследовали находящегося на расстоянии около $1\frac{1}{2}$ км какого-то «капища», где по поручению Археологической комиссии копал Н. В. Федоров и нашел обломок глиняной расписной статуэтки. Тогда мы еще не учитывали, что даже богатый могильный инвентарь далеко не полностью может характеризовать структуру общества, так как зачастую погребальные обряды застывают и сохраняют пережиточные формы.

В результате раскопок Кызыл-Ванка мы имели только одно нетронутое погребение, в его могильном инвентаре преобладало железо. В шести остальных погребениях, у которых верхние плиты были снесены при устройстве железной дороги, железо обнаружено не было, но были богато представлены бронзовые изделия очень тонкой выделки, пастовые и сердоликовые бусины, обсидиановые и бронзовые наконечники стрел и в большом

---

[1] Материал поступил в б. Археологическую комиссию и передан в Исторический музей в Москве. См. ИАК, вып. 29, 1909, стр. 3—5, 11—15.

количестве красноглиняная крашеная керамика на ряду с черноглиняными сосудами.[1]

Необходимо несколько остановиться на формах сосудов Кызыл-Ванка. Помимо геометрического орнамента, нанесенного черной и красной краской, некоторые формы сосудов особенно типичны для этой культуры. Это — красноглиняные кувшины шаровидной формы, покрытые красной краской в нижней части и более светлой в верхней части, по которой нанесен орнамент черного и красного цвета, и черноглиняные высокие кувшины и бокалы на тонких ножках, хуже обработанные, иногда с вдавленным орнаментом. Особенностью Кызыл-Ванка являются кувшины типа «чайников» с вытянутым носиком, разные по величине, но одинаковые по форме как красноглиняные, так и черноглиняные. Первые покрыты орнаментом. Они без ручек, но имеют какие-то рубчики на верхней части, против носика. Назначение этих сосудов не установлено.

Все шесть раскопанных погребений Кызыл-Ванка представляли собой каменные ящики, размером около 2 м на 1.5 м, сложенные из плит. Большинство из них имело характер индивидуальный, хотя в одном ящике были обнаружены два скорченных скелета, лежавших у противоположных краев ящика. Около обоих скелетов были поставлены сосуды и другой инвентарь таким образом, что между ними оставалось свободное пространство, заполнявшееся впоследствии землею.[2]

В том же 1926 г. осенью производились раскопки в Кызыл-Ванке экспедицией ГАИМК. Во время раскопок был обнаружен ряд новых предметов: скульптурное изображение сапога из глины и очень интересная намогильная плита с рисунком человека. Эта плита была к сожалению оставлена на месте работ.

Большинство погребений Кызыл-Ванка в раскопках под руководством акад. И. И. Мещанинова дало примерно одинаковый (с еще ранее известными находками) инвентарь. Раскопки же ГАИМК дают новые данные, обусловленные, повидимому, некоторой хронологической разницей в дате раскопанных погребений. Кроме вышеуказанных предметов, раскопки ГАИМК дали, между прочим, сосуды, сходные по типу с сосудами из предыдущих раскопок, но гораздо более крупные по размерам. ГАИМК было обследовано также древнее поселение рядом с могильником.[3]

Дальнейшие работы показали, что район распространения крашеной керамики не ограничивается одним Кызыл-Ванком. Моя дополнительная командировка осенью того же года в Зангезур и Нахичеванский край преследовала основную цель проверки наличия в этих районах клинописных

---

[1] Одно погребение дало много черепов и костей, лежавших в беспорядке, что могло случиться и в позднейшее время, даже во время проведения железной дороги. Кости вскрытых погребений могли быть сложены в одну могильную яму.

[2] Сообщения ГАИМК, I, 1926, стр. 234—240.

[3] Там же, стр. 326.

надписей. Эта поездка дала новые сведения о крашеной керамике, обнаруженной уже в горных районах Нахичеванской АССР по ущелью р. Алимджа-чай, около с. Аравса.[1] В последующие годы в деле изучения археологических памятников края большую работу проделывает Нахичеванский музей. Благодаря энергии дирекции музея, сюда стекаются очень интересные случайные находки. Эти находки являются теми предварительными данными, которые так необходимы при археологических исследованиях. От музея, между прочим, были получены сведения о находках крашеной керамики в сс. Ибадулла и Шахбуза.

Последующие работы 1934 и 1936 гг. показали, что крашеная керамика имеется во многих местах Нахичеванской АССР. Она встречается не только в низменных берегах Аракса, но поднимается по его притокам и выше, в горы. Однако только район Кызыл-Ванка дает много крашеной керамики, для других же районов она является исключением.

Об этих памятниках нельзя судить только по орнаменту крашеных сосудов, а необходимо учесть данные о самом обряде погребения, о формах и технике изготовления сосудов, а также о металлическом инвентаре. Как случайные находки, так и раскопки показали, что на низменности красноглиняных крашеных сосудов обнаружено значительно больше, чем в горных районах. Обилие красноглиняных сосудов в Кызыл-Ванке, повидимому, объясняется местными условиями, может быть особенностями глины, дающими возможность ее обработки. Необходимо указать, что этот район до сих пор отличается своим гончарным ремеслом и колхоз с. Тазакенд, находящийся в 3 км от Кызыл-Ванка, снабжает город Нахичевань и его окрестности глиняной посудой.

Экспедиция 1936 г. Азербайджанского филиала Академии Наук СССР по своим результатам превзошла все предыдущие. Были не только установлены новые места распространения крашеной керамики, но обнаружены и разные типы поселений, что дает возможность более полного освещения этой культуры. К описанию изученных памятников мы теперь перейдем.

Обследование Нахичеванской АССР в 1936 г. началось с Норашенского района, где в начале ущелья р. Арпа (восточной) на горе Кара-Тапа была обнаружена мощная циклопическая крепость, известная у населения под именем Оглан-Кала. Северные склоны горы обрывисты, по другим же склонам доступные места закрыты стенами из громадных, слегка обтесанных камней размером 1.5—2.5 м длиной и более 1 м высотой, сложенных без скрепляющего раствора. Сохранились участки стен, где эти камни сложены в 4 яруса. В юго-западной части были обнаружены полукруглые стены из этих камней в виде небольших башен; внутри одной из них, параллельно наружной стене идет вторая, описанная меньшим радиусом в расстоянии от первой на 1.20 м. Вторая стена сложена из менее крупных камней

[1] А. Алекперов. Поздка в Зангезур и Нахкрай. Изв. Общ. обслед. и изуч. Азербайджана, № 4, Баку, 1927, стр. 215—216.

в 2 яруса. Такой характер укрепления напоминает ассирийские рисунки горных крепостей, имеющих террасообразные укрепления (рис. 1 и 2). Площадка для воинов была углублена на 55 см, т. е. защищала только ноги, а верхнюю часть тела воин мог защищать щитом, как это мы и видим на ассирийских рисунках.

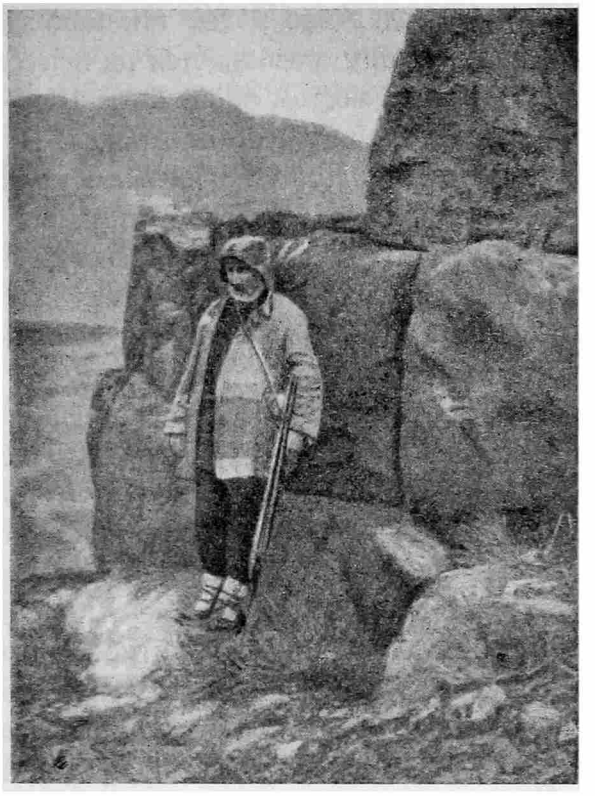

Рис. 1. Оглан-кала. Остатки циклопической скалы.

На вершине горы сохранилась ровная площадка размером 70 на 100 м, где были, повидимому, какие-то архитектурные сооружения, на что указывают обломки баз колонн из камней разного цвета. Площадка обнесена в некоторых местах подпорными стенами. На этой площадке крестьяне находили большие кувшины (карасы), врытые в землю. На склонах горы и на верхней площадке экспедицией были обнаружены фрагменты крашеной керамики, типа Кызыл-Ванка, что связывает Оглан-Кала с Кызыл-Ванком общностью культуры.

Крепость Оглан-Кала не только преграждала путь в ущелье и из ущелья, но, кроме этого, по своему местоположению она могла контролиро-

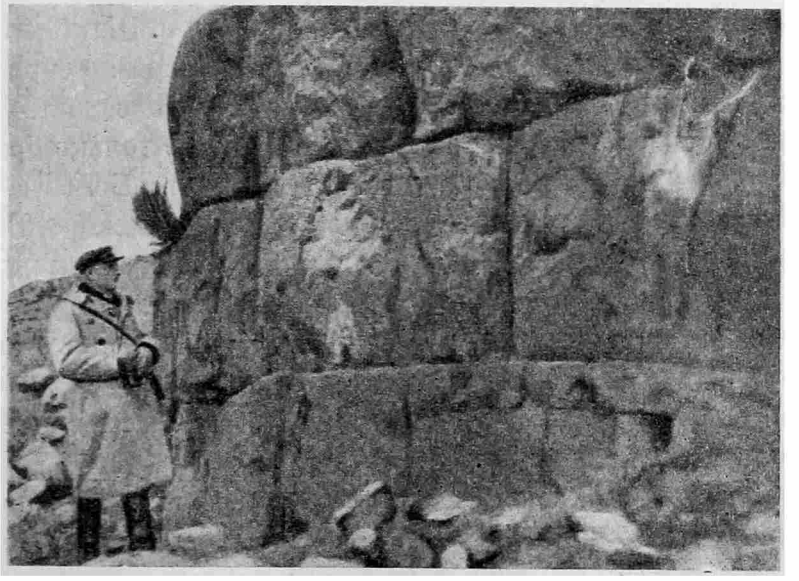

Рис. 2. Оглан-кала. Остатки циклопической башни.

вать распределение воды, так как здесь вся р. Арпа, при выходе из ущелий на равнину, разбивается на искусственные каналы.

Вторым местом работ была Шор-Тапа, около с. Ибадулла, Норашенского района, недалеко от Аракса. В 1934 г. при рытье канавы был обнаружен целый ряд красноглиняных крашеных сосудов, доставленных в Нахичеванский музей. Вместе с ними в музей было доставлено скульптурное изображение — в натуральную величину — головы какого-то крупного, рогатого домашнего животного.

Шор-Тапа — небольшая солончаковая площадка около 150 на 100 м, возвышающаяся над окрестностями на 1^1_2—2 м. На этой площадке мы сделали три разведочных раскопа. На глубине 30—40 см были обнаружены детские костяки, на глубине 0.80—0.90 м — грунтовые могилы взрослых без инвентаря. На глубине 1.5 м появляются совершенно другие виды погребения — ящики из речных валунов с простыми черноглиняными сосудами. Металла не обнаружено. Ниже этих трех слоев попадались культурные остатки: тандиры, фрагменты посуды. В одном из раскопов, на глубине более 2 м, мы нашли скульптурное изображение человеческой ноги почти в натуральную величину из глины, повидимому, часть большой фигуры.

Культурный слой нами прослежен в глубину до 3 м, может быть в некоторых местах он шел и глубже. Тут мы имеем интересный случай наслоений, происходивших в течение тысячелетий. Шор-Тапа требует к себе внимания и производства здесь широких раскопок, так как эти слои при систематическом исследовании могут дать очень интересные результаты. В особенности это относится к самому нижнему слою, где были обнаружены глиняная голова рогатого животного и крашеные сосуды. Они найдены, видимо, не в погребении, а в культурных остатках поселения. Это обстоятельство указывает на возможность впервые произвести раскопку поселения сельского типа периода крашеной керамики.

Третьим местом наших работ были окрестности с. Шахтахты. Кывракское плато, постепенно спускаясь, около с. Шахтахты резко обрывается. На краю обрыва находится крепость Гяур-кала. Трудно сказать что-нибудь определенное о плане крепости, так как крестьяне не только брали отсюда землю для удобрения, но и перерыли всю крепость. Боковые стены все разобраны. Разведочные раскопки Гяур-кала дали возможность проследить три слоя, принадлежащих, очевидно, одной культуре. В самом нижнем слое, на глубине 3 м у края обрыва, были найдены каменный молоток, терка и несколько обработанных камней, повидимому, хозяйственного назначения. Следующий слой дал следы погребения в каменных ящиках. Поверх этих ящиков были остатки крепости, повидимому, циклопического типа, сооруженной на краю могильного поля.

К северо-востоку от крепости тянется огромное могильное поле, состоящее из каменных ящиков разных размеров. Самые большие из них 5 на 3 м. Особенность некоторых из этих погребений заключается в том, что на поверхности они заключены в правильные концентрические круги из боль-

ших камней, выступающих над уровнем земли на 30—40 см. Круги, в зависимости от величины каменных ящиков, доходят до 30 м в диаметре. Все каменные ящики мало прикрыты землею и в силу этого, а также вследствие наличия ценного инвентаря, они, очевидно, уже в древности были разграблены. На могильном поле много таких вскрытых ящиков.

Но все же нам удалось наткнуться на одно погребение, которое, повидимому, не было затронуто может быть потому, что было прикрыто двумя рядами плит (размером 1.20 м длины и 1 м ширины и 30—40 см толщины). Каменный круг, в котором было заключено погребение, имел в диаметре 7.70 м, а размеры погребальной ямы были 4.30 на 0.90 м. Боковых стен из камней в данном погребении не было. Весь инвентарь его был сосредоточен в западной части и состоял из 30 разнообразных глиняных сосудов, из которых только один был крашеным с рисунками. Около сосудов в восточном углу была найдена золотая пряжка на бронзовой основе. Когда сосуды были сняты, то оказалось, что они покрывали скелет лошади, лежащей на левом боку. Костяк лошади был в полной сохранности.

Одной из особенностей данного погребения является красноглиняный сосуд шаровидной формы высотой 48 см и шириной 48 см. Вся поверхность его окрашена в красный цвет, причем горлышко и нижняя часть несколько темнее средней части, покрытой тремя поясами рисунков и орнамента. Первый пояс шириной 7.5 см покрыт двухцветными (темнокрасными и черными) изображениями лебедей или гусей. Второй пояс в 16 см шириной составлен из отдельных сцен цикла «борьбы зверей», где хищные звери и птицы нападают на диких коз, осла, быка или зубра. Между этими зверями расположены водоплавающие птицы. Третий пояс шириной 3.5 см состоит из простого геометрического орнамента — рис. 3 (см. в начале сборника 4—5).

Этот большой сосуд из Шахтахты отличается от кызыл-ванкских только своими размерами и рисунком. Что же касается его формы, окраски и расположения рисунка, то он точно повторяет указанные кызыл-ванкские сосуды. Рисунки на кувшине изображали, повидимому, местную фауну.

Работы последних десяти лет, проводившиеся, хотя и с перерывами, в Нахичеванском крае, дали достаточный материал для предварительных выводов. Крашеная керамика распространена по всему району и, повидимому, свойственна оседло-земледельческой культуре, возможной в низменных районах при помощи искусственного орошения.

На ряду с погребениями нам удалось установить разные типы поселений: 1) сельского типа (Ибадулла), 2) крепость-убежище (Оглан-кала) [1] и 3) городище (Шахтахты).

В крепости Оглан-Кала нами была обнаружена часть базы колонны, являвшейся архитектурной деталью какого-то крупного сооружения. В с. Ибадулла была найдена и доставлена в Нахичеванский музей голова

[1] У подножья горы, на которой находится Оглан-кала, также прослеживается городище. Возможно, что сооружение наверху было цитаделью, а внизу был город.

крупного рогатого животного из глины. Там же нами была при раскопках найдена скульптура ноги тоже из обожженной красной глины. В тех же местах, еще до Октябрьской революции, была найдена упоминавшаяся выше глиняная статуэтка.[1] Все эти данные, а также техника обработки металла и керамики несомненно говорят о высоком уровне развития ремесла, что могло уже иметь место при отделении последнего от сельского хозяйства. Еще первые раскопки Кызыл-Ванка дали основание акад. И. И. Мещанинову говорить о двух стадиях развития местной крашеной керамики. Последние же раскопки дают сведения о новой высшей стадии развития общества, может быть, уже классового. Несомненно, что эта культура развивалась здесь на месте и, по крайней мере, в отдельные периоды должна была соприкасаться с древне-восточными культурами, в особенности во времена экспансии ассирийцев и халдов к берегам Аракса.

Ближайшим соседом этой территории было Ванское царство, для которого низменные искусственно-орошаемые районы могли быть житницею. Нужно отметить, что эта низменность продолжается и на другом берегу Аракса, где она хорошо орошается р. Зангемаром. Между тем до сих пор археологи не делали попыток связать крашеную керамику с Ванским царством, несмотря на то, что культуру Закавказья, даже его северных районов с бассейном р. Куры, иногда считали урартской и инвентарь раскопок в Азербайджане в Историческом музее в Москве выставлялся как урартский. Крашеную же керамику Нахичеванского края считали случайно привнесенной и гадали о месте ее происхождения.

С формальной точки зрения представители этого мнения может быть и правы, так как в ванских клинописях нет отражения высокой культуры данного района. Халдские скальные надписи известны в ряде пунктов на территории советской Армении, но в Азербайджане до сих пор не обнаружено ни одной клинописи. Надо признать, что их плохо у нас искали, но, с другой стороны, если бы их было так много, как в Армении, они были бы уже обнаружены.

Следует ли, однако, успокаиваться на отсутствии надписей в Нахичеванской АССР и на отсутствии сведений об этом районе в ванских клинописях и тем самым признать, что халды избегали этот богатейший край? Как нам кажется, вовсе не исключено, что халды бывали здесь довольно часто, но мы, основываясь только на их клинописи, не можем этого установить.

Географически Нахичеванский край был самым доступным районом Аракса со стороны Тушпы, столицы Ванского царства. Обычно считают, что халды попадали в Закавказье через Чингильский перевал, направляясь прямо на север от оз. Ван и переходя Аракс около Арарата. Но если присмотримся к карте, то увидим, что для того, чтобы попасть от оз. Ван к оз. Гокча прямым путем необходимо пересечь три-четыре горных хребта,

[1] Известия Археологической комиссии, вып. 29, 1909, стр. 12, рис. 33, 35, 37.

Рис. 4. Детали росписного сосуда из Шахтахты.

высотою более трех тысяч метров, наиболее доступных в летнее время. Акад. Н. Я. Марр между тем при разборе текста клинописей установил, что походы халдов происходили во все времена года, кроме двух летних меся-

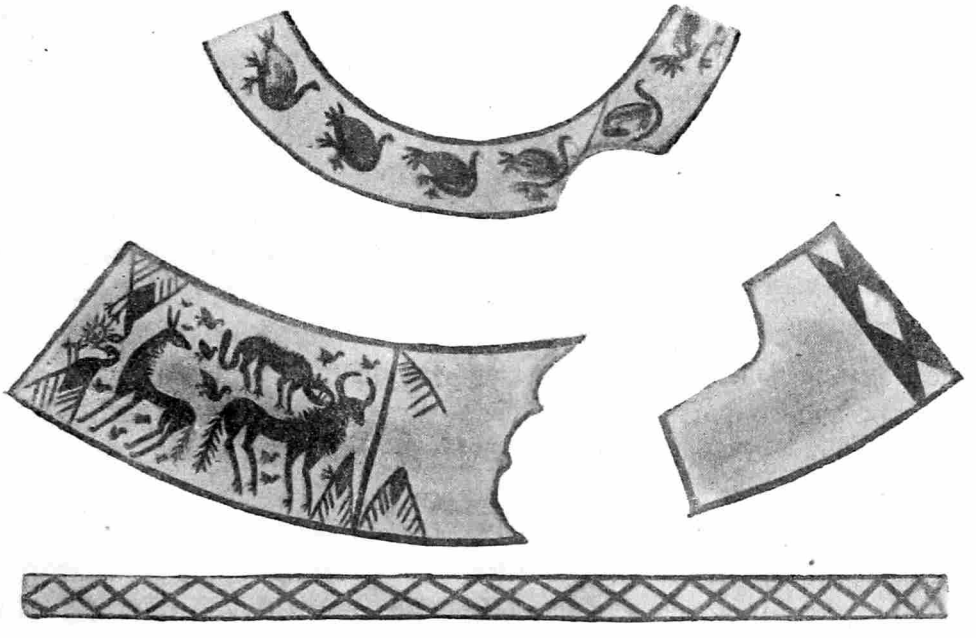

Рис. 5. Детали росписного сосуда из Шахтахты.

цев. Гораздо больше оснований предполагать, что халды шли на северо-восток, где им не приходилось преодолевать таких горных перевалов, а по ущелью р. Зангемар они попадали прямо к Араксу, в район Шахтахты.

Отсюда легко было по долинам Аракса и его притоков проникнуть к оз. Гокча или в район г. Еревана. Благодаря своему положению, район с. Шахтахты должен был играть важную роль. Быть может самое название селения «царский трон», т. е. столица, имеет какое-либо историческое оправдание. Удобство путей сообщения через Шахтахты было учтено и русским царским правительством, строившим военную узкоколейную железную дорогу в сторону оз. Вана и начавшим ее именно с этого пункта.

На все это могут возразить, указав на отсутствие клинописей на территории Нахичеванского края. Нужно, однако, иметь в виду, что халды оставляли надписи не там, где они беспрепятственно проходили, а там, где они при помощи меча оспаривали права на какую-либо территорию. Подробный перечень в надписях завоеванных территорий указывает на то, что они служили для закрепления захваченных областей и устрашения ими населения.

На севере такие победные анналы с перечислением названий районов мы имеем на берегах Гокчи, где параллельно с ними встречаются циклопические крепости. Линия, отмеченная этими надписями, повидимому, совпадала с северными границами Ванского государства, конечно, с некоторыми колебаниями в разные царствования. Эта линия шла по южным берегам оз. Гокчи по направлению к Ленинакану и оз. Чалдыр. И каждый поход к восточному берегу оз. Гокчи требовал завоевания вновь приозерных стран. Поэтому эти надписи начинаются словами: «взяв страну Аркукини, я завоевал страну Адахуни» и т. д. Очевидно, территория до Аркукини, расположенной на юго-восточном берегу оз. Гокчи, входила в состав халдского государства и поэтому незачем было в Нахичеванском крае, может быть основной части царства, о чем речь будет ниже, оставлять свои победные надписи.

Этому положению, на первый взгляд, противоречит то обстоятельство, что столица Ванского царства — Тушпа находилась на большом расстоянии от Аракса. Вряд ли, однако, Тушпа была географическим центром страны. Скорее всего она была выдвинута аванпостом благодаря своему стратегическому положению, так как оз. Ван защищало ее с трех сторон от внезапных набегов, особенно со стороны Ассирии, исконного противника халдов. При ослаблении Ванского царства мы видим, что последние их цари переносят свою деятельность к берегам Аракса.

Если халдские тексты мало говорят об этих своих основных владениях, то может быть ассирийские клинописи могут заполнить этот пробел. Из ассирийских походов для нас особенно важен поход Саргона II против Русы I (714 г. до н. э.).

При приближении Саргона II Руса I оставил Тушпу и отступил, повидимому, к центру своего государства, где он возле Арарата сосредоточил громадные полчища.[1] «В результате разыгравшегося боя Саргон занял

[1] И. И. Мещанинов. Халдоведение, Баку, 1927, стр. 44.

на севере Ванского озера области Бари, взял и сжег 56 городов и 11 крепостей в семи урартских провинциях, захватил Арбу, наследственный город Русы и некогда выстроенный Сардуром г. Риар. В семи близлежащих городах жили братья Русы и отчаянно оборонялись, но и эти препятствия были устранены... А в области Гизилбунда на Араксе Саргон поставил ассирийского наместника».

Этот текст указывает, что Саргон после победы над Русой не пошел на юг (в этом случае он должен был взять Тушпу), а занялся разгромом халдских городов и крепостей на Араксе, повидимому, к северу и востоку от Арарата. Несомненно, этот поход должен был задеть территорию Нахичеванского края. Очень соблазнительно «наследственный город Русы» Арбу связать с названием р. Арпа, тем более, что на этой же реке сохранилась вышеописанная циклопическая крепость Оглан-кала, отличающаяся от горных крепостей характером кладки, совершенно схожей с крепостью Вана. Это мощное циклопическое сооружение резко выделяется среди других укреплений из полуобтесанных глыб, что дает основание относить его к типу ванских циклопических крепостей и предполагать, что так наз. Оглан-Кала и есть остатки крепости халдского города Арбы.

Указания, которые мы находим в вышеотмеченной надписи Саргона, дают основание считать, что Ванское царство в приараксинской долине имело целую систему экономических центров-городов, управляемых наместниками из членов царской династии. На ряду с этим фактом то обстоятельство, что наследственный город Русы и Сардура был здесь, показывает, что исконными землями Ванского царства была приараксинская долина. Такое обилие городов указывает также на высокую ступень развития производительных сил у халдов. Здесь интересно отметить, что братья Русы жили не в изолированных, укрепленных замках, а в городах, где имели пышные дворцы. Описание одного из таких дворцов в г. Улху, близ Арарата, мы находим у того же Саргона, который его приписывает Русе, так же как и сооружение системы каналов и плотин. Далее Саргон отмечает, что «веселая песня пахаря доносилась до жителей (города) с доселе пустовавших полей». Расположение пашен вокруг городов, проживание наместников в этих городах, а не в укрепленных замках — все эти обстоятельства позволяют считать, что в этих приараксинских районах жило достаточно развитое общество.

Данные археологических раскопок также могут подтвердить наличие здесь дифференцированного общества. В то время как разведочные раскопки Кызыл-Ванка дали довольно однообразную картину обряда погребения, Шахтахты показали уже несколько типов таких обрядов, из которых одни повторяют кызыл-ванкские, а другие дают совершенно новые образцы. Также и при повторении форм и техники сосудов Кызыл-ванка Шахтахты дали погребения с гораздо большим количеством сосудов и большей их величиной.

Изображение на расписном сосуде из Шахтахты сцены борьбы зверей вообще свойственно как пережиточное явление периоду распада родового общества. В данном случае сосуд с этими изображениями найден в богатом индивидуальном погребении с большим количеством сосудов разной формы из красной и черной глины. Кроме того, шахтахтинские погребальные камеры больше кызыл-ванкских, а внешний вид погребений отличается от последних тем, что они заключены в правильные круги из торчащих из-под земли камней, которые как бы изолируют это погребение от других. Все эти обстоятельства, а также наличие золотой пряжки в нашем погребении несомненно позволяют считать, что оно характеризует общество, в котором уже происходит значительное накопление собственности в руках отдельных лиц.

Первые сведения о Кызыл-Ванке послужили поводом для заключений о сходстве этой крашеной керамики с эламской культурой. Это сходство устанавливали на основании почти одинаковых рисунков на сосудах, что давало возможность буржуазным археологам строить различные миграционные теории. Теперь это сходство мы в общих чертах можем объяснить одинаковой ступенью развития общества на определенных этапах, достигнутых как в Приараксинской долине, так и в Сузах, Богазкее и других районах.

Однако находки крашеной керамики в ряде районов Ближнего Востока и даже, может быть, Причерноморья нельзя объяснить только одной стадиальностью и считать, что общество развивается совершенно изолированно. Крашеная керамика описанного нами типа, обнаруженная, главным образом, в городищах, очевидно, была присуща городским поселениям того времени, в которых должно было быть значительно развито ремесло.

Несомненно, что указанные города не были изолированы, а наоборот, поддерживали экономическую связь друг с другом, чем объясняется сходство примерно одновременных изделий, находимых подчас на большом расстоянии друг от друга. В частности сосуды Нахичеванского края, например, схожи по форме с керамикой, найденной в хетском городище Богазкей. Там также обнаружены красноглиняные кувшины с геометрическим орнаментом и сосуды типа «чайников».[1] В ряде экспонатов, показанных на выставке к Третьему конгрессу иранского искусства и археологии в Ленинграде в 1935 г., имелись также сосуды из Ирана, по форме или рисункам близкие к нахичеванской керамике. Так, сосуд из Ирана (Тепе Сиалк) представляет собою более развитую форму тех же «чайников», но с рисунком рогатого животного, сходство с которым можно найти среди зверей, изображенных на круглом сосуде из с. Шахтахты. Кувшины из Туркмении, отличные по форме от нахичеванских, повторяют, однако, рисунки

[1] Проф. А. А. Захаров. Хеттская керамика из Богазкея и некоторые закавказские параллели. Изв. Общ. изуч. Азербайджана, Баку, 1928, № 5, стр. 144—153.

степных длиннорогих коз. Все эти предметы датируются первым тысячелетием до н. э.[1] Повидимому, они современны нахичеванским.

Свойственное первому тысячелетию до н. э. на Востоке частое перемещение политических центров, а в связи с этим объединение огромных территорий под влиянием одного центра, как Ниневия, Вавилон, Сузы, Тушпа и т. п., также приводили к более тесной связи в экономическом и культурном отношениях. Захват территории приводил часто к разрушению былых центров и насильственному переселению отдельных групп побежденных стран. Часть захваченного населения перебрасывалась на полевые работы, на строительство искусственного орошения, другая же часть, главным образом состоящая из ремесленников разрушенных городов, переселялась в вновь создаваемые центры. Такой захват людской рабочей силы происходил не только в близлежащих странах, но набеги производились, повидимому, специально для захвата людского состава и в отдаленные районы. Так, халдский царь Сардур, сын Аргишти, в своих походах на север захватил и увел с собою десятки тысяч людей.

Все эти выводы напрашиваются в результате разведочных работ и дают основание предполагать, что мы стоим перед крупными археологическими открытиями в бассейне Аракса, которые могут дать новые сведения не только о тесной связи Закавказья с государствами Ближнего Востока, но и о наличии здесь крупных культурных центров. Для решения этих задач необходимо вести дальнейшую археологическую работу как по разведочному выявлению имеющихся в крае древних поселений и могильников, так и по тщательному изучению путем раскопок отдельных поселений городского и сельского типа и связанных с ними погребений.

В заключение кстати будет упомянуть о каменных орудиях хозяйственного назначения (молотки, терки, ступки), обнаруженных в с. Шахтахты и Ибадулла в одних слоях с красно- и черноглиняными сосудами. Правильно оспаривается принадлежность к неолиту таких же каменных орудий, найденных в Армении,[2] но надо итти дальше и попытаться связать их с крашеной керамикой, так как они обнаружены в одних с нею культурных слоях. Беспомощность старой методологии приводила археологов к тому, что они памятники одного времени по внешним формальным признакам относили к разным периодам, причем самые примитивные орудия приписывали ранним эпохам. Так, халдские городища и находимые в них и около них, на ряду с крашеной керамикой, каменные орудия отрывались друг от друга и датировались совершенно различными эпохами. Нельзя, однако, забывать, что характер способа производства определяется не щитами и мечами, которые вешали халдские цари на своих храмах, а орудиями производства. Добыча металла в то время была не так велика, чтобы

[1] Б. Веймарн и Б. Денике. Итоги Иранского Конгресса. «Искусство», 1936, № 1, стр. 7—8.

[2] Е. А. Байбуртян. Псевдонеолитические поселения Армении. ПИМК, 1933, № 1 и 2, стр. 39—42.

из него делать все орудия. Металл, главным образом, шел на выделку военного оружия и предметов украшения. Однако обилие военнопленных, превращенных в рабов, давало возможность этому обществу развиваться даже при очень низкой технике орудий производства. Находки и изучение таких примитивных орудий из камня и грубых черноглиняных сосудов несомненно помогут нам осветить историю развития общества в этот древнейший период Азербайджана.

A. ALEKPEROV

LA CÉRAMIQUE PEINTE DU PAYS DE NAKHITCHÉVAN ET LE ROYAUME DE VAN

RÉSUMÉ

Le territoire de la République de Nakhitchévan est très peu étudié au point de vue archéologique. Les recherches systématiques ont commencé en 1927 par les fouilles exécutées près de Kizyl-Vank par I. Mesčaninov. La même année, de la céramique peinte semblable à celle des sépultures de Kizyl-Vank a été trouvée par l'auteur dans la partie montagneuse du pays de Nakhitchévan, aux environs du village d'Aravs, dans la gorge de l'Alimdjan-tchaï. Dans les années suivantes, le directeur de musée de Nakhitchévan, Mir-Heidar-Zade, a rassemblé d'amples matériaux archéologiques. Le musée de Nakhitchévan possède entre autre de la céramique peinte provenant des villages d'Ibadoulla et de Chakhbousa. Dans les années 1934—1936, des trouvailles de céramique peinte ont été signalées en beaucoup d'endroits non seulement dans la partie basse de la vallée de l'Araxe, mais aussi, bien qu'en nombre moins élevé, dans la partie montagneuse.

En 1936, la Filiale d'Azerbaïdjan de l'Académie des Sciences de l'URSS a organisé une expédition archéologique dans la République de Nakhitchévan, qui a reconnu de nombreux points où a été découverte de la céramique peinte et établi les relations de cette céramique avec le type d'habitat (sélistché, gorodistché, forteresses avec murailles en pierre de construction cyclopéenne).

Dans la gorge de l'Arpa, sur la montagne Kara-tapa, a été étudiée la forteresse d'Oglan-Kala, avec ses puissantes murailles cyclopéennes (fig. 1 et 2). Sur son territoire et aux alentours, sur les versants de la colline, on a trouvé de la céramique peinte.

Près de la station Ibadoulla, dans la vallée de l'Araxe, des fouilles entreprises sur la colline Chor-tapa, où avaient été faites des trouvailles accidentelles de céramique peinte, ont mis à découvert une série de sépultures de types divers — tombeaux par groupes et cistes de pierre — au-dessous des-

quelles s'étendait une couche avec objets de l'époque de la céramique peinte se rapportant non à la nécropole, mais à un sélistché. A signaler ici des sculptures en argile (tête d'animal à cornes et partie d'une figure humaine de haute taille — jambes de grandeur naturelle).

Le dernier lieu étudié a été la forteresse de Giaour-Kala près du village de Chakhtakhty, où furent exécutées des fouilles de reconnaissance. En outre, on a exploré une série de tombes dans une grande nécropole au nord-ouest de la forteresse. L'inhumation se faisait ici dans des coffres de pierre entourés d'un cercle de pierre de près de 30 m de diamètre. La plupart des sépultures ont été détruites à une époque ancienne. Dans l'une des tombes, on a découvert une sépulture chevaline, avec 30 vases d'argile, dont l'un de céramique peinte (fig. 3—5).

Pour terminer, l'auteur fait une série de remarques concernant les rapports mutuels de l'ancienne population du pays de Nakhitchévan et du royaume de Van et trace les voies possibles suivies par les Chaldéens dans leurs expéditions dans la vallée de l'Araxe.

М. В. ПОКРОВСКИЙ и Н. В. АНФИМОВ

КАРТА ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ И МОГИЛЬНИКОВ ПРИКУБАНЬЯ

С IV ВЕКА ДО Н. Э. ПО III ВЕК Н. Э.

Публикуемая карта составлена нами в результате систематических обследований, проведенных в течение времени с 1927 по 1935 г. В указанный период нами было обследовано среднее течение Кубани, от станицы Тифлисской до станицы Марьинской, и нижнее течение рек: Зеленчука, Лабы, Белой, Псекупса, Супса, Афипса, Иля.

Кроме того, в 1928 и 1929 гг. мы обследовали нижнее течение р. Кирпили, впадающей в Азовское море. Благодаря этим обследованиям нам удалось обнаружить и зарегистрировать ряд совершенно неизвестных ранее городищ и могильников. Со всех нанесенных на данную карту городищ собран подъемный материал, который хранится в настоящее время в музее школы № 8 г. Краснодара и частично в Краснодарском городском краеведческом музее. С большинства зарегистрированных и описанных нами городищ сняты планы.

Во вновь открытых нами могильниках: Пашковских могильниках №№ 1, 2 и 3, могильнике у Васюринско-Воронежского городища, Усть-Лабинском могильнике № 2, могильнике хутора Куанжского, могильнике у Афонского переката и др. нами были произведены доследования обнажившихся и разрушающихся погребений.

Ряд древних авторов сообщает о существовании больших городов в Прикубанье. Так, например, у Диодора Сицилийского мы находим сведения о городе Гаргазе (см. Диодор, XX, 22—24). Страбон, описывая путь от Танаиса к Фанагории, отмечает реки Ромбит Большой и Ромбит Малый с населенными пунктами на их берегах (следует отметить, что в р. Ромбит Малый, повидимому, можно видеть нынешнюю р. Кирпили. См. Страбон, кн. II, гл. 2). Птоломей говорит о 5 городах на Вардане (см. Птоломей, V, 8). Тацит называет в земле дандариев г. Сосу и в земле сираков г. Успу (см. Тацит, «Анналы», XII, 16).

Следует отметить, что среди зарегистрированных и описанных нами городищ имеется несколько очень больших по своим размерам, которые могут представлять собою остатки некоторых из поселений, упоминаемых древними авторами. Такими городищами являются: городище ст. Елизаветинской, городища ст. Старо-Корсунской №№ 1 и 2, городище ст. Воронежской № 2 и городище КРЭС Краснодара.

Нанесенные на настоящую карту городища и могильники расположены следующим образом.

№ 1. Городище хутора Стефановского находится на мысу правой террасы р. Кубани, напротив хутора Стефановского, между станицей Марьинской и станицей Елизаветинской. Часть городища, обращенная к р. Кубани, имеет выходы обнаженного культурного слоя в обрыве берега. Центральная часть городища окружена неглубоким рвом.

№ 2. Городище Елизавето-Марьинское № 2 расположено в 9 км от ст. Елизаветинской, вниз по течению Кубани, на старом русле ее. Центральная часть его имеет овальную форму и окружена рвом. Длинная ось городища направлена параллельно берегу. Размеры центральной части городища 79 на 23 м.

№ 3. Городище Елизавето-Марьинское № 1 расположено в 4 км от ст. Елизаветинской, вниз по течению р. Кубани, на берегу ее старицы, близ кирпичного завода. Центральная часть городища представляет собой холм размером 55 на 21 м, обнесенный глубоким рвом.

№ 4. Городище ст. Елизаветинской, открытое нами в 1928 г., подверглось изучению экспедициями Академии Наук СССР в 1934 и 1935 гг. и принадлежит к числу крупнейших городищ Прикубанья (см. отчеты о работах названных экспедиций).

№ 5. Городище между ст. Елизаветинской и Краснодаром находится в 2 км от восточной окраины ст. Елизаветинской, по дороге в Краснодар. Городище небольших размеров с заплывшим рвом, сильно распахано. Через центральную часть его проходит большая дорога.

№ 6. Городище в городском саду Краснодара находится на правой террасе Кубани, на южной окраине города. Обнажения культурного слоя выходят к железнодорожному полотну железной дороги Краснодар—Новороссийск. По заплывшему рву городища проходит одна из аллей сада. На городище расположена оранжерея. Размеры его 285 на 68 м.

№ 7. Городище КРЭС расположено на мысу правого берега Кубани на юго-восточной окраине города. С северо-западной стороны городища в древности проходил рукав Кубани. В настоящее время большая часть его снесена при земляных работах во время постройки электростанции. Сохранившаяся восточная часть застроена.

№ 8. Городище «Сад Тротнера» расположено на мысу р. Карасун в Краснодаре, поблизости от комбината «Союзмаргарин». Размеры его точно установить не представляется возможным, так как оно было снесено при земляных работах по засыпке р. Карасун в 1926 г.

№ 9. Городище на Дубинке расположено на восточной окраине Краснодара, близ «Мясокомбината». Большая часть городища уничтожена Кубанью и работами по добыче глины. Первое описание его сделал В. А. Бернштам в 1879 г. (см. Труды V Археологического съезда в Тифлисе, 1879, стр. 301 и сл.). Следует отметить, что ни одного из упоминаемых Бернштамом 130 курганов, находившихся близ этого городища, в данный момент не существует. Уцелевшая часть городища представляет собою вытянутый, неправильной формы прямоугольник, площадь которого равна 105 на 35 м. В обрыве городища, обращенном к Кубани, имеются выходы культурного слоя до 2 м толщиною.

№ 10. Городище «Красный Кут» — маленькое, находится на мысу правого высокого берега Кубани, на расстоянии 2 км от окраины Краснодара, вверх по течению Кубани. Центральная часть его окружена рвом.

№ 11. Селище у трамвайного депо Краснодара расположено на левом берегу старого русла р. Карасун (рукав Кубани), по улице Безымянной. Точные размеры его установить не представляется возможным, так как оно сплошь застроено.

№ 12. Городище «Лелека» расположено в садах ст. Пашковской в 3 км от водной станции ГСФК. Центральная часть его имеет размеры 19 на 15 м и окружена рвом.

№ 13. Селище № 3 ст. Пашковской находится на старице Кубани в 2 км на юг от ст. Пашковской. Территория селища засажена плодовыми деревьями.

№ 14. Городище ст. Пашковской № 1 расположено на старице Кубани на 12 км шоссе Краснодар—Горячий Ключ (шоссе проходит близ городища). Центральная часть его частично смыта в древности Кубанью и имеет размеры 65 на 35 м. Со стороны степи городище окружено рвом, шириною 23 м. С северной стороны у выхода рва к старому руслу Кубани имеется насыпанный через ров переезд.

№ 15. Селище № 2 ст. Пашковской находится у переправы через Кубань по шоссе на Горячий Ключ в 2 км от городища № 1 ст. Пашковской. Селище разрушается работами кирпичного завода.

№ 16. Городище «Хорольское» расположено на мысу высокого берега Кубани, на расстоянии 4 км к юго-востоку от ст. Пашковской (на противоположном берегу Кубани находится лес «Закоп»). Центральная его часть, имеющая вид возвышенного холма, размером 90 на 35 м, окружена глубоким рвом. Посреди центральной части имеется выемка, выходящая к югу. Прилегающее к вышеописанной центральной части городища поселение защищено, в свою очередь, со стороны степи хорошо сохранившимся валом и неглубоким рвом.

№ 17. Городище «Казубское» находится на расстоянии 2 км от вышеописанного городища на берегу старицы Кубани. Городище небольших размеров, окружено неглубоким рвом и засажено фруктовыми деревьями.

№ 18. Городище «Голубовское» расположено на расстоянии 4 км к востоку от городища «Казубского», на берегу старого русла Кубани.

№ 19. Городище № 3 ст. Старо-Корсунской находится на мысу правого берега Кубани, у парома на юго-западной окраине станицы. Городище сильно разрушается водами Кубани.

№ 20. Городище № 1 ст. Старо-Корсунской расположено на берегу старого русла Кубани, на восточной окраине станицы. Как уже было упомянуто выше, оно принадлежит к числу наиболее крупных городищ Прикубанья. Центральная часть представляет собою укрепление в виде холма, размерами 140 на 122 м, окруженное с северной и западной стороны рвом, а с восточной — оврагом, по дну которого проходит дорога. Значительная часть остальной территории городища застроена.

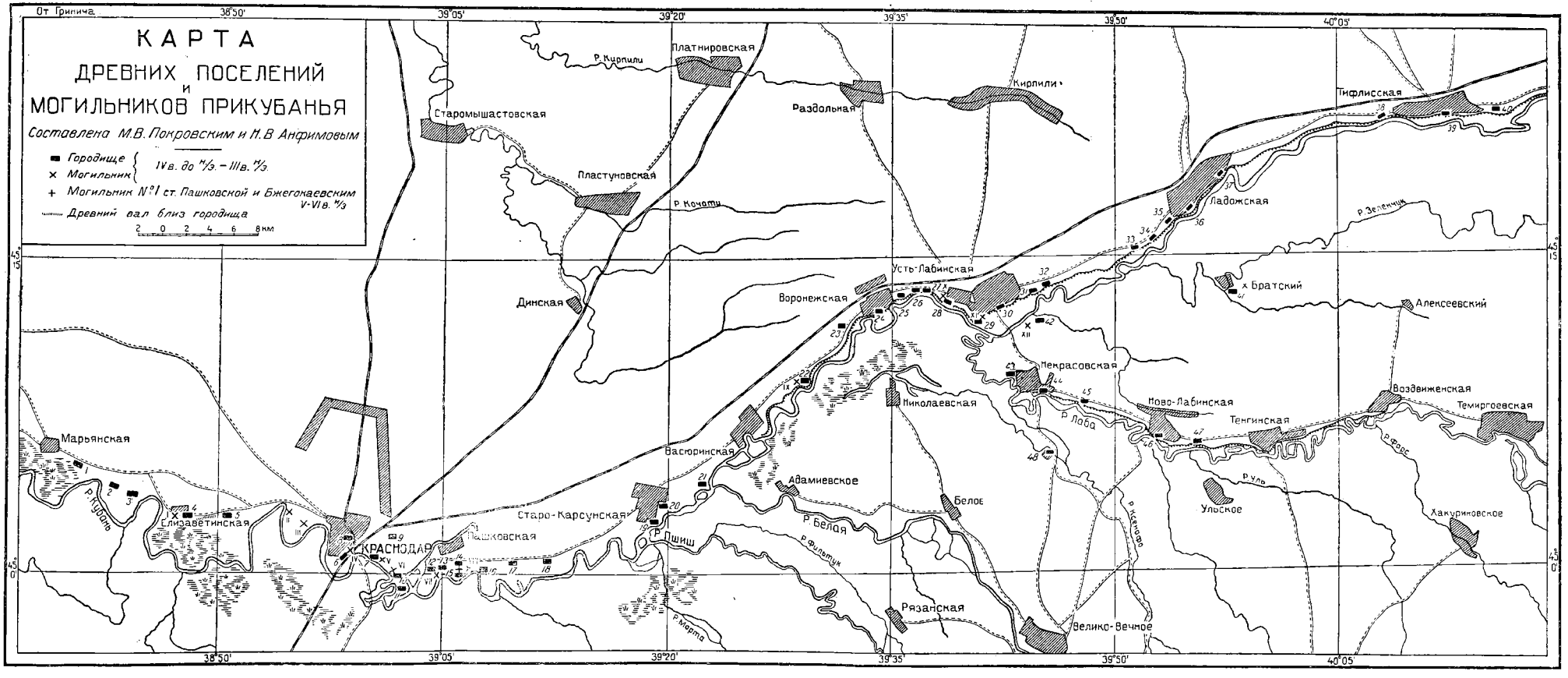
№ 21. Городище № 2 ст. Старо-Корсунской расположено в 6 км от городища № 1, вверх по течению Кубани, на ее правом высоком берегу, у впадения р. Белой. Городище это также принадлежит к числу крупных городищ Прикубанья. Размеры его 593 на 198 м. Со стороны степи оно окружено рвом. С северной стороны городища имеются три полузаплывших въезда. Южная сторона, обращенная к Кубани, имеет вид отвесного обрыва с мощными выходами культурного слоя до 3 м толщиною, сильно разрушаемого Кубанью. У северной окраины городища, за рвом расположена группа курганов.

№ 22. Городище «Васюринско-Воронежское» расположено на меже между землями колхозов станиц Воронежской и Васюринской, против хутора Посыпкина. Городище небольших размеров. В длину оно тянется по берегу Кубани на протяжении около 50 м.

№ 23. Городище ст. Воронежской № 2 расположено на правом берегу Кубани, в 2 км от западной окраины ст. Воронежской. Центральная часть его резко возвышается над окружающей местностью. Размеры центральной части 180 на 82.5 м. Следует отметить, что она имеет по своему верхнему краю ярко выраженный вал и окружена глубоким рвом. С северо-западной стороны центральной части городища имеется въезд. Прилегающее поселение со стороны степи также окружено рвом и валом.

№ 24. Городище ст. Воронежской № 1 находится на расстоянии 1 км от городища № 2 ст. Воронежской, вверх по течению Кубани. Центральная его часть наполовину уничтожена обвалами Кубани (размеры ее 28 на 7.5 м) и окружена со стороны степи рвом. К центральной части городища прилегает поселение, культурный слой которого тянется на запад по берегу Кубани на протяжении 150 м, на восток же — на 1 км. Со стороны степи у городища расположена группа курганов.

№ 25. Городище ст. Воронежской № 3 находится на расстоянии 3 км от восточной окраины ст. Воронежской, вверх по течению Кубани. Центральная его часть, имеющая в длину около 160 м, окружена рвом и с северной стороны имеет въезд. Прилегающее поселение защищено со стороны степи рвом и валом.

КАРТА
ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ
и
МОГИЛЬНИКОВ ПРИКУБАНЬЯ
Составлена М.В. Покровским и Н.В Анфимовым
Городище
Могильник
IV в. до н/э. – III в. н/э.
Могильник №1 ст. Пашковской и Бжегокаевским
V-VI в. н/э
Древний вал близ городища
2 0 2 4 6 8 км
От Гринича
38°50'
39°05'
39°20'
39°35'
39°50'
40°05'
45°15'
45°00'
Р. Кирпили
Платнировская
Кирпили
Раздольная
Тифлисская
Старомышастовская
Пластуновская
Р. Кочети
Ладожская
Р. Зеленчик
Усть-Лабинская
Воронежская
Динская
х. Братский
Алексеевский
Некрасовская
Николаевская
Воздвиженская
Темиргоевская
Ново-Лабинская
Р. Лаба
Тенгинская
Р. Уруп
Марьянская
Васюринская
Адамиевское
Белое
Улское
Хакуринковское
Р. Кубань
Елизаветинская
Старо-Карсунская
Пашковская
КРАСНОДАР
Пшиш
Р. Белая
Р. Фильтюк
Рязанская
Р. Марта
Велико-Вечное

№ 26. Городище № 4 ст. Воронежской, небольших размеров, расположено на расстоянии 1.5 км к востоку от городища № 3.

№ 27. Городище № 4 ст. Усть-Лабинской расположено на правом высоком берегу Кубани в 2 км от городища № 4 ст. Воронежской. Городище небольших размеров, центральная часть его имеет в длину 45 м и окружена рвом.

№ 28. Городище № 3 ст. Усть-Лабинской расположено у западной окраины ст. Усть-Лабинской. Центральная часть со стороны степи окружена рвом, с юга выходит к долине Кубани, с востока проходит глубокий овраг, отделяющий от нее остальную часть городища.

№ 29. Городище № 2 ст. Усть-Лабинской находится на правом берегу Кубани, на Поташной улице. С запада на восток окружено двумя глубокими оврагами. Размеры его 125 на 120 м. С восточной стороны имеет выемку, аналогичную выемке на Хорольском городище.

№ 30. Городище № 1 ст. Усть-Лабинской расположено на правом высоком берегу Кубани близ шоссе, идущего в ст. Некрасовскую. Центральная часть носит у местных жителей название «Шпиль». Она окружена глубоким рвом. С восточной и западной стороны к центральной части прилегает поселение.

№ 31. Городище № 5 ст. Усть-Лабинской расположено в 3 км к востоку от ст. Усть-Лабинской. Центральная часть его с южной стороны обрывается к Кубани, с трех остальных сторон окружена рвом. Размеры центральной части 34 на 15 м.

№ 32. Городище ст. Усть-Лабинской № 6, небольших размеров, расположено приблизительно на расстоянии 1.5 км от предыдущего городища к востоку. Центральная часть его окружена рвом.

№ 33. Городище ст. Ладожской № 4, небольших размеров, расположено приблизительно на расстоянии 9 км от западной окраины ст. Ладожской. Центральная часть его окружена рвом.

№ 34. Городище ст. Ладожской № 3 находится на расстоянии 5 км от околицы ст. Ладожской, по направлению к западу. Центральная часть окружена рвом и имеет размеры 64.5 на 19 м. К центральной части прилегает поселение, на западной окраине которого имеется укрепленный пункт в виде возвышенного холма, окруженного рвом. Размеры укрепленного пункта 25 на 17 м.

№ 35. Городище ст. Ладожской № 2 расположено близ западной окраины ст. Ладожской. Центральная часть, имеющая размеры 75 на 60 м, окружена рвом. Прилегающее поселение тянется по берегу Кубани на расстоянии около 0.5 км в обе стороны.

№ 36. Городище ст. Ладожской № 1 находится на юго-западной окраине ст. Ладожской, засажено фруктовым садом.

№ 37. Городище ст. Ладожской № 5 находится на восточной окраине ст. Ладожской и сплошь застроено.

№ 38. Городище ст. Тифлисской № 1 находится на расстоянии 4 км на запад от ст. Тифлисской в урочище Яблонки. Центральная часть окружена глубоким рвом.

№ 39. Городище ст. Тифлисской № 2 расположено в самой станице, на берегу Кубани, против хутора Северина. Городище находится под садами и строениями.

№ 40. Городище ст. Тифлисской № 3 находится на расстоянии 3 км от восточной окраины ст. Тифлисской. Центральная часть его окружена рвом.

№ 41. Городище хутора Братского расположено на левой террасе Кубани, имеет форму вытянутого прямоугольника и окружено рвом.

№ 42. Городище хутора Кубанского находится на левой террасе Кубани у впадения р.Сухого Зеленчука, на восточной окраине хутора Кубанского Усть-Лабинского района. Центральная часть, имеющая размеры 34 на 15 м, окружена рвом. Ров с юго-восточной стороны имеет переезд в 7.5 м шириною.

№ 43. Городище ст. Некрасовской находится на мысу правого берега р. Лабы, окружено рвом и валом. Размеры его 500 на 200 м. С восточной стороны городища имеется широкий въезд.

№ 44. Селище ст. Некрасовской находится на правом берегу р. Лабы, у южной окраины станицы. Территория селища занята садами.

№ 45. Городище хутора Киевского находится на расстоянии 5 км от ст. Некрасовской, вверх по течению р. Лабы, против хутора Киевского. Длина городища по обрыву берега р. Лабы равна 109 м.

№ 46. Городище ст. Новолабинской № 1 расположено близ северо-западной околицы ст. Новолабинской, окружено рвом и сильно испорчено кирпичным заводом, находившимся на его территории.

№ 47. Городище ст. Новолабинской № 2 находится на расстоянии 2 км от юго-восточной окраины станицы Ново-Лабинской. С юго-восточной и северо-западной стороны его возвышаются 2 укрепленных пункта, окруженных рвами. В центре городища возвышается еще одно такое же укрепление.

№ 48. Городище хутора Салтановского, расположено на левой террасе р. Лабы, напротив ст. Некрасовской. Его центральная часть резко выделяется над окружающей местностью, благодаря чему оно хорошо видно из ст. Некрасовской.

№ 49. Городище аула Тахтамукай находится на левой террасе Кубани. Центральная часть, имеющая размеры 84 на 79 м, окружена рвом, общая длина которого равна 285 м.

№ 50. Городище ст. Калужской находится на правой террасе р. Супса, на северо-восточной окраине ст. Калужской. Центральная часть его небольших размеров, окружена рвом.

№ 51. Городище ст. Крымской находится на расстоянии 1 км от предместья ст. Крымской, так наз. Слободки, на берегу высохшего ерика

р. Адагума. Центральная часть имеет овальную форму и вытянута с юга на север. Размеры ее 45.5 на 25 м. Городище со стороны степи окружено рвом.

№ 52. Городище ст. Роговской № 1 находится на левом берегу р. Кирпили, на расстоянии 1.25 км от окраины ст. Роговской, вниз по течению. Городище представляет собою холм, окруженный рвом, имеющим в длину 247 м.

№ 53. Городище ст. Роговской № 2 находится несколько ниже по течению р. Кирпили. Оно значительно больше размером, чем городище № 1. Центральная его часть окружена глубоким рвом. Со стороны степи городище имеет два укрепленных пункта.

№ 54. Городище ст. Роговской № 3 расположено на расстоянии 5 км от ст. Роговской, вниз по течению р. Кирпили.

№ 55. Городище ст. Новоджерелиевской № 1 находится на правом берегу р. Кирпили, у б. Рожковой гребли, против ст. Роговской. Длина его 277.5 м.

№ 56. Городище ст. Новоджерелиевской № 2 находится на правом берегу р. Кирпили в 3 км от восточной окраины ст. Новоджерелиевской. Центральная часть его окружена рвом и имеет в длину 112.5 м. Прилегающее к центральной части городища поселение со стороны степи также окружено рвом и валом.

№ 57. Городище ст. Новоджерелиевской № 3 расположено на правом берегу р. Кирпили в самой станице. Центральная часть этого городища, имеющая размеры 450 на 281 м, окружена рвом.

№ 58. Городище ст. Новоджерелиевской № 4, небольших размеров, находится на правом берегу р. Кирпили, вниз по течению, за западной окраиной станицы.

№ 59. Городище ст. Новоджерелиевской № 5 находится на меже между землями ст. Новоджерелиевской и ст. Степной.

№ 60. Городище ст. Степной находится на правом берегу р. Кирпили, за западной окраиной ст. Степной. Центральная часть его окружена рвом.

№ 61. Городище ст. Приморско-Ахтарской № 1 находится на берегу соленого озера, недалеко от железнодорожной станции «Ахтари». Городище имеет в длину 262 м.

№ 62. Городище ст. Приморско-Ахтарской № 2 находится на берегу соленого озера, на расстоянии 3 км от городища № 1. Центральная часть его, имеющая в длину 49 м, окружена рвом.

№ 63. Городище ст. Ильской № 1 находится на правом берегу р. Иля на северо-восточной окраине ст. Ильской. Центральная часть его имеет круглую форму и окружена рвом. Размеры центральной части 26 на 15 м.

№ 64. Городище ст. Ильской № 2 находится на правом берегу р. Иля, на расстоянии 1 км к югу от городища № 1. С северной и южной стороны

центральной части городища проходят овраги, а с востока она охвачена рвом. Размеры центральной части 22 на 15 м.

На всех здесь описанных городищах, как уже указывалось выше, нами было собрано большое количество подъемного материала.

МОГИЛЬНИКИ

I. Могильник станицы Елизаветинской, открытый нами в 1928 г., находится у северо-западной окраины городища. В данном могильнике нами в период времени с 1928 по 1931 г. было доследовано 14 погребений. В 1934 и 1935 гг. на этом могильнике производились работы экспедициями Академии Наук СССР. Могильник датируется временем IV—II вв. до н. э.

II. Могильник на территории коопхоза находится на правом берегу Кубани, близ Краснодара, относится к III—II вв. н. э.

III. Могильник у «Афонского переката». Находится на западной окраине Краснодара, на правой террасе Кубани. Датируется временем I—II вв. н. э.

IV. Краснодарский могильник на Почтовой улице. Могильник находится на Почтовой улице Краснодара, на правой террасе Карасуна (рукав Кубани). Могильник был вскрыт при земляных работах в 1929 г. Здесь нами было зарегистрировано свыше 150 погребений. Большинство погребений этого могильника датируется временем I—II вв. н. э., часть же погребений восходит к III в. до н. э.

V. Могильник городища КРЭС. Находится у восточной окраины городища КРЭС. Датируется I—II вв. н. э.

VI. Могильник у городища на Дубинке. Находится у северо-западной стороны городища, на месте зароя для добывания глины. Датируется I—II вв. н. э.

VII. Пашковский могильник № 2. Находится на правой террасе Кубани, на территории садов ст. Пашковской, с юга от селища № 3 (на карте № 13). Датируется I—III вв. н. э. — Пашковский могильник № 1. Расположен на территории кирпичного завода ст. Пашковской, у переправы через Кубань. Датируется V—VI вв. н. э.

VIII. Пашковский могильник № 3. Находится на правом берегу Кубани, на расстоянии 2 км от кирпичного завода ст. Пашковской, вверх по течению. Датируется III—II вв. до н. э.

IX. Могильник у городища Васюринско-Воронежского (на карте № 22). Находится с западной стороны городища. Датируется I—II вв. н. э.

X. Могильник ст. Усть-Лабинской № 2. Находится у западной окраины ст. Усть-Лабинской, близ городища № 3 (на карте № 28). На его территории расположен кирпичный завод. Датируется временем с IV в. до н. э. по II в. н. э.

XI. Могильник № 1 ст. Усть-Лабинской. Находится на Поташной улице, близ городища № 2 ст. Усть-Лабинской (на карте № 29). Могильник

был исследован А. А. Миллером (см. Сообщения ГАИМК, 1926, стр. 86—92) и датируется временем I—II вв. н. э.

XII. Могильник хутора Кубанского. Находится на левом берегу Кубани, у юго-западной околицы хутора Кубанского Усть-Лабинского района. На его территории находится кирпичный завод. Датируется I—II вв.

XIII. Могильник ст. Новоджерелиевской № 1. Находится на правом берегу р. Кирпили, на северо-восточной окраине городища № 1 (на карте № 55). Датируется II—I вв. до н. э.

XIV. Могильник ст. Новоджерелиевской № 2. Находится на расстоянии 0.5 км от западной околицы ст. Новоджерелиевской на правом берегу р. Кирпили. Незначительное количество имеющегося пока материала не позволяет точно датировать этот могильник.

XV. Могильник близ аула Новый Бжегокай (Адыгейской автономной области). Находится на левом берегу р. Афипса, на расстоянии 2.5 км от аула Новый Бжегокой, вниз по течению р. Афипс. Датируется V—VI вв. н. эры.

Настоящий перечень городищ и могильников Прикубанья отнюдь не является исчерпывающим. Дальнейшие обследования позволят зарегистрировать еще целый ряд древних поселений и могильников, которые и будут дополнительно нанесены на карту. В особенности важно провести систематическое обследование берегов степных рек, впадающих в Азовское море, к северу от Кубани.

В настоящей работе мы можем сделать лишь несколько самых общих замечаний о собранном нами материале с городищ Прикубанья. Здесь прежде всего важно отметить, что обитатели вышеуказанных городищ, несомненно, являлись оседлыми земледельцами. На селище № 2 ст. Пашковской нами были найдены два земледельческих орудия. Они представляют собою железные, сошникообразные изделия. Такое же орудие было найдено в одном из погребений краснодарского могильника на Почтовой улице. Железные серпы были найдены в погребениях названного выше могильника на Почтовой улице и в погребениях могильника ст. Елизаветинской. Обуглившиеся зерна пшеницы, проса и других злаков были обнаружены на городище ст. Елизаветинской, ст. Старо-Корсунской № 1, на городище КРЭС и городище на Дубинке Краснодара. Большие жернова и их обломки с углублениями в виде продольных желобков и насечек на рабочей поверхности были находимы почти на всех городищах Прикубанья.

Далее следует отметить у обитателей городищ Прикубанья наличие оседлого скотоводства, которое в нашем материале представлено: 1) огромным количеством костей домашних животных (корова, овца, свинья, лошадь); 2) изображениями домашних животных на ручках сосудов; 3) отпечатками копыт домашних животных на глинобитных полах жилищ и т. д.

О занятиях развитым гончарным ремеслом говорят остатки гончарных печей, большое количество глиняных шлаков, «бракованная продук-

ция» (пережженные и спекшиеся сосуды, испорченные при обжиге рыболовные грузила и пр.).

Рыбная ловля представлена большими плоскими грузилами для сетей и огромным количеством рыбьих костей и чешуи в культурном слое всех городищ Прикубанья.

Охота имела, видимо, лишь подсобное значение у обитателей городищ Прикубанья. Наиболее часто в культурном слое городищ встречаются кости крупных животных: рога оленей и бивни диких кабанов.

Собранный материал дает возможность утверждать, что городища, расположенные на Кубани, находились в оживленных сношениях с греческими рабовладельческими колониями Черноморского побережья. В особенности это ярко чувствуется при изучении материала Елизаветинского городища. Конечно, вопрос о взаимоотношениях древних насельников Прикубанья, находившихся в стадии разложения родового строя, с греческими колониями должен явиться предметом специального исследования. Здесь же мы ограничимся лишь указанием, что предметы греческого происхождения были нами встречены почти на всех городищах и могильниках.

M. POKROVSKIJ et N. ANFIMOV

CARTE DES LOCALITÉS ET CIMETIÈRES DE LA RÉGION DU KOUBAN DU IVE SIÈCLE AVANT NOTRE ÈRE AU IIIE SIÈCLE DE NOTRE ÈRE

RÉSUMÉ

Cette carte est basée sur les érsultats de l'exploration systématique des gorodistchés et cimetières de la région du Kouban exécutée dans la période de 1927 à 1935.

Parmi les gorodistchés enregistrés, il en est plusieurs de très grandes dimensions, qui représentent peut-être les restes de localités mentionnées par les auteurs de l'Antiquité (Diodore de Sicile, Strabon, Ptolémée, Tacite). Ce sont les gorodistchés des villages d'Iélisavétinskaïa, de Staro-Korosunskaïa, de Voronéjskaïa № 1 et de Kr.E.S. (Station électrique de Krasnodar.)

La liste des gorodistchés et cimetières ici donnée n'est pas complète. Les recherches ultérieures permettront d'en enregistrer encore d'autres, qui seront ajoutés sur la carte.

Les matériaux recueillis permettent de faire certaines remarques générales. Il importe tout d'abord de noter que les habitants des gorodistchés étaient des agriculteurs sédentaires, comme l'atteste la trouvaille d'instruments en forme de soc, de faucilles en fer, de grains carbonisés de blé, de mil

et d'autres céréales, de grandes meules et de fragments de meules. L'existence de l'élevage sédentaire est prouvée par la quantitée énorme d'ossements d'animaux domestiques (vache, mouton, porc, cheval), par les figurations d'animaux domestiques sur les anses des vases, les empreintes de sabots de ces animaux sur le sol de terre battue des habitations, etc. Les restes de fours de potier, de scories, de pièces de rebut indiquent que les habitants s'occupaient de poterie. La pêche est représentée par de gros poids de filets et une quantité énorme d'os et d'écailles de poisson. Elle semble avoir eu une importance secondaire.

On peut également affirmer que les gorodistchés situés sur le Kouban entretenaient des relations très actives avec les colonies grecques des bords de la mer Noire.

МЕЛКИЕ СООБЩЕНИЯ

Е. И. ГОРЮНОВА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРНОГО ПРАВОБЕРЕЖЬЯ ВОЛГИ В ПРЕДЕЛАХ МАРИЙСКОЙ АССР

История изучения поздне-финских и, в частности, марийских памятников насчитывает очень небольшое число, и то исследованных лишь за последнее десятилетие, могильников. Изучение истории могильников народности мари на основе памятников их прошлой жизни не привлекало внимания исследователей в дореволюционный период. Мы не говорим, конечно, о многочисленных любительских раскопках, которых, к сожалению, не избежала и территория Марийской АССР.

Из систематических работ в этой области можно отметить едва ли не единственные раскопки П. П. Ефименко 1908—1909 гг. двух близких по территории могильников в б. Тоншаевской волости Ветлужского уезда Костромской губернии (ныне Горьковского края).

Другие работы нам неизвестны. После значительного перерыва, уже в связи с общими задачами изучения населения Горьковского края (работы комплексной Антропологической экспедиции, начиная с 1925 г.), Центральным музеем народоведения (ныне Музей народов СССР) совместно с Институтом антропологии в Москве, а также при участии руководящих организаций Марийской АССР, были осуществлены комплексные работы по изучению Марийской АССР.

В 1928 г. небольшим археологическим отрядом экспедиции, под моим руководством, было проведено обследование горно-марийской территории от Васильсурска до Козмодемьянска в отношении памятников поздней марийской культуры. Обследованием охвачены районы рек Большой и Малой Юнги и р. Сумки по Юринскому и Козьмодемьянскому кантонам горно-марийской области. Всего было обследовано в указанном году 8 могильников и девятый, Микряковский, был раскопан.

Все обследованные могильники расположены на открытых местах, на пологих склонах и гривах надлуговых террас, часто в непосредственном соседстве с глубокими оврагами, которыми изобилует местность, нередко

вблизи рек и ручьев. Поверхность их лишена, обычно, всякой древесной растительности, задернована и несет характерный «ямочный рельеф» (следы осевших могил).

В порядке полевых работ первым из обследованных памятников был Пайгусовский могильник.

Могильник находится в самом центре с. Пайгусова, занимая площадку, примыкающую с одной стороны к церковной ограде, с другой — к школьному зданию. Первоначальную площадь, занятую могильником, определить не удалось, благодаря застройке. Характерный ямочный рельеф могильника был сглажен, так как место это выравнено и служило в последнее время площадкой для спортивных игр сельской молодежи.

С целью рекогносцировки было заложено 3 траншеи, общей площадью 35 кв. м. Из них 2 большие — 15 и 12 кв. м — были заложены в северо-восточной и юго-западной частях спортивной площадки. Третья траншея маленькая, площадью в 6 кв. м как контрольная была заложена между зданием караулки и школы, в северо-западной части площадки, занятой могильником.

Всего было вскрыто 8 погребений, из которых — 4 мужских, 2 женских и 2 детских. Погребения залегают на глубине 1—1.50 м. Детские погребения захоронены мельче (0.76—0.85 м).

Детские погребения бедны инвентарем. Медный крест возле шеи и монетка — в области пояса — единственный вещевой инвентарь этих погребений.

Взрослые мужские и женские погребения также небогаты инвентарем.

При женских костяках мы имеем, обычно, косник, состоящий из нескольких рядов полых медных пронизок, и такую же поясную кисть, состоящую из меньшего числа пронизок.

В мужских погребениях обычно встречался железный нож. В одном случае обнаружена поясная ременная металлическая пряжка. В другом случае справа от правого бедра найден был медный сильно смятый котел с железным ножом, положенным внутрь. Найденные монеты, датированные XVIII в., полагались, очевидно, в карман одежды.

На ногах умершего были надеты лапти, следы плетения и остатки лыка от которых сохранились в нескольких погребениях. Ориентированы все погребения головой на юг-юго-запад. Погребальной оболочкой служил тесаный гроб с параллельными стенками, очень узкий, около 40 см, с крышкой. Пайгусовский могильник относится ко второй половине XVIII в., являясь одним из наиболее поздних среди обследованных нами на горной территории Марийской АССР.

Следует упомянуть еще о четырех могильниках типа Пайгусовского, расположенных в Пайгусовском же районе, близ р. Сумки (Пингель): Саламондаевские I и II, Березовский («Пекту-нэр») и Каранкинский («Матюха-нэр»). Все они находятся в радиусе 1 км от села Пайгусова и расположены на более или менее возвышенных холмах вблизи р. Сумки.

Все эти могильники дали 13 погребений. В виду того что кратким обследованием не удалось обнаружить сколько-нибудь заметных отличий в ритуале и характере погребений, рассмотрим эти могильники вместе.

Глубина залегания костяков под поверхностью современного уровня почвы, в среднем, около метра. Ориентировка голов на север, северо-северо-запад, северо-северо-восток. Положение костяка во всех случаях на спине с вытянутыми конечностями. Однако встречаются и костяки со сложенными на груди руками, что, в связи с другими особенностями ритуала, указывает на позднее христианское влияние.

Последнее вполне понятно, так как XVII—XVIII вв., к которым относятся перечисленные могильники, были эпохой, когда формально преобладало господство христианской религии, хотя в ритуале, особенно погребальном, и загробных верованиях марийцев надолго удерживаются пережитки языческих верований.

Другой группой, расположенной в районе к югу и юго-востоку от с. Пайгусова, километрах в 15 от последнего, по течению р. Большой и Малой Юнги, являются могильники: Еласовский I, Еласовский II, Картуковский и Пальтикинский. На этих четырех могильниках вскрыто в общей сложности 21 погребение. Первыми из обследованных здесь могильников являются Еласовские, расположенные близ д. Еласы (или Еласово) Козмодемьянского кантона, в ближайшем соседстве друг с другом. Еласовские могильники находятся метрах в 50 к юго-западу от д. Еласово, за усадьбами и ржаным полем, принадлежащим крестьянам названной деревни.

Еласовский I могильник занимает узкую полосу между забором, огораживающим поле, и обрывом, располагаясь на выступе высокого плато, окруженном обширной поймой. Общую площадь могильника определить не удалось из-за посевов. Метрах в 50 к юго-западу от основания плато, на возвышенной площадке поймы, носящей здесь название «Аттӱш-львӓл» (низменность), расположен Еласовский II могильник, занимающий площадь около 800 кв. м. Вследствие многих сходных черт в ритуале считаем возможным их рассматривать вместе.

Известность могильники приобрели благодаря находкам здесь металлических предметов, вымываемых из погребений полой водой. Первая находка железного топора была сделана в 1910—1911 гг. О находке было сообщено в Казанское археологическое общество.

Впоследствии могильники неоднократно подвергались раскопкам хищнического характера с целью добычи железных топоров, которые утилизировались в хозяйстве местными жителями. Впоследствие копали могильники ученики Еласовской школы-семилетки под руководством педагогов. Все эти бессистемные раскопки оставили многочисленные следы в виде бесформенных значительных по величине ям.

С целью выяснения деталей, а также общей картины характера памятника, нами вскрывались большие площадки, дававшие по несколько погребений.

Всего было вскрыто 5 погребений, залегающих на незначительной глубине, в среднем около 65 см, с ориентировкой головы на северо-запад. Они представляли обычное трупоположение, на спине с вытянутыми конечностями.

В некоторых погребениях отмечены следы древесины, характер которой определить не было возможности. По всей вероятности это была дощатая подстилка на дне могильной ямы, с дощатыми же, ничем не скрепленными стенками и тонкой дощатой покрышкой.

Погребальный ритуал мужских, женских и детских погребений ничем друг от друга не отличается, за исключением того, что детские захоронения, как общее правило, имели меньшую глубину.

Следующим в порядке обследования, близким территориально к описанным, является Картуковский могильник, расположенный, примерно, в 1 км к юго-юго-востоку от почтового тракта Горький—Казань и с. Картукова и метрах в 50 от р. Малой Юнги, занимая огромную площадь на пологом склоне высокого холма.

Присутствие могильных пятен отмечается с поверхности небольшими вытянутыми углублениями, в расположении которых замечается некоторая правильность. Встречаются по 2—3 параллельно и рядом расположенных углубления, но лишь в одном случае из восьми вскрытых нами погребений это расположение дало возможность установить не случайную, повидимому, связь двух погребений между собою. В данном случае нельзя было проследить границ между могильными ямами того и другого погребения, так как почва носила характер перекопа с многочисленными углистыми включениями. В области ног между тем и другим погребением (примерно в 10 см от голеней каждого) была устроена небольшая площадка из уложенных вплотную друг к другу плотных гладких плиток песчаника, со следами сильного обжига с поверхности, кусочками угля и обугленными скорлупками лесных орехов сверху. Прилегающие участки грунта также носили следы огня, повидимому от кострища, разложенного между мужским и женским погребением. Следы кострища, но меньших размеров, констатированы также и с внешней, т. е. левой стороны мужского погребения, где оно расположено было на уровне верхней части левого бедра, на расстоянии 15—20 см от костяка.

Любопытной особенностью ритуала погребений Картуковского могильника, встреченной, правда, только в одном женском погребении, является каменная обкладка из мелких камней песчаника, обрамляющих в несколько рядов дощатую обкладку, в которую заключен был сам костяк. Деревянная оболочка совершенно истлела и наличие ее можно было установить лишь по узкой полосе древесного тлена, заметного на более светлом грунте могильного пятна. В том же погребении, на уровне таза, с той и другой стороны глина, являющаяся здесь основным грунтом, носила следы сильного огня. Тут же, справа, была найдена целая обугленная скорлупа лесного ореха. Угли попадались по всей толще насыпи могилы, что отмечалось также

и в остальных погребениях могильника. Следы костров по бокам погребений были констатированы и в нескольких других погребениях.

Моя попытка найти объяснение описанному ритуалу в местных преданиях не увенчалась успехом.

Последним из обследованных на горной территории области могильником является Пальтикинский, расположенный на террасе левого высокого берега р. Большой Юнги, приблизительно в 0.5 км к востоку от д. Пальтикино Большеюнгского района, Козмодемьянского кантона. Могильник занимает довольно большую площадь и так же, как и многие, неоднократно подвергался хищническим раскопкам, оставившим на его поверхности многочисленные неправильной формы ямы.

При обследовании могильника было вскрыто 8 погребений, из которых 4 — женских, 2 — мужских и 2 — детских. По погребальному ритуалу могильник ближе всего стоит к типу Еласовских и раскопанного в 1925 г. на луговой стороне Большепольского. Глубина залегания костяков, в среднем, около 0.70 м — взрослых и 0.40 м — детских погребений, с преобладающей ориентировкой на запад-северо-запад.

В двух случаях была встречена ориентировка на запад. Положение костяков на спине с вытянутыми конечностями. Сохранность костей, и тем более древесных остатков, вследствие почвенных условий, крайне слабая. Установить поэтому присутствие гроба или другого вида погребальной оболочки не было возможности. В одном случае с левой стороны погребения была найдена березовая кора, но служила ли она покрышкой погребения, или случайно попала в могильную яму при захоронении, сказать нельзя.

На этом закончились работы археологического отряда экспедиции по обследованию памятников описанного типа. Такая беглая рекогносцировка, понятно, не может дать материала для широких обобщающих выводов. Результаты ее могут послужить руководящей нитью для постановки на территории Марийской АССР более углубленных работ по раскопкам археологических памятников.

Хронологически обследованные могильники распадаются на 2 группы.

В первую, более раннюю, входят оба Еласовские, Картуковский и Пальтикинский. Группа эта по ряду признаков близка к уже упомянутому Большепольскому могильнику, но имеет и свои отличительные черты, как, например, каменная обкладка погребений Картуковского могильника, кострища и др.

В составе инвентаря мужских погребений мы не имеем никаких отличий от Большепольских; отличаются несколько только типы предметов. Так, например, типичным предметом здесь является В-образное огниво, находящееся сбоку погребения у пояса. Железные наконечники стрел приобретают манжетку у черенка. Так же, как и в Большепольском могильнике, на ряду с железными наконечниками стрел найдены и костяные боченковидной формы, свидетельствующие об охоте на мелкого пушного

зверя. Железные топоры, подвешенные, очевидно, к поясу, той же поздней широко обушной формы.

В женских погребениях отмечается большая скудность инвентаря, ограниченного косником, состоящим из нескольких рядов медных полых цилиндрических трубочек, нанизанных на грубый шерстяной шнур, головной повязкой, широкой, орнаментированной серебряной тесемкой. Встречаются железные ножи и изредка бусы, бисер и просверленные монеты на груди.

В отличие от инвентаря Большепольского могильника здесь встречено в одном случае глиняное пряслице.

Группа эта провизорно датируется концом XVI и XVII вв.

Поздние могильники, группирующиеся в районе Пайгусова, существенно отличаются от рассмотренных, крайне бедны инвентарем и датируются XVIII в.

Е. И. ГОРЮНОВА

СРЕТЕНСКАЯ И КУГУНУРСКАЯ КУРГАННЫЕ ГРУППЫ

В период работ Антропологической комплексной экспедиции в пределах Марийской АССР в 1929 и 1930 гг. попутно нам удалось произвести беглую разведку двух курганных групп: в Оршанском и Иошкар-Ола кантонах.

Настоящее краткое сообщение следует считать предварительным отчетом о результатах этой разведки.

I. СРЕТЕНСКАЯ КУРГАННАЯ ГРУППА (обследована в 1930 г.)

Сведения о курганах были получены отрядом в Областном краеведческом музее в Иошкар-Ола. Группа эта находится близ починка Сретенского, Николаевского района, Иошкар-Ола кантона и расположена в полукилометре на юго-запад от починка Сретенского, частью среди поля, частью на небольшой луговине. В настоящее время здесь насчитывается всего 6 курганов (из них один двойной). Повидимому, группа была в прошлом значительно более многочисленной. Многие курганы снивелированы ежегодной запашкой и сравнялись с современным уровнем почвы. Два из оставшихся курганов копались местными жителями с кладоискательскими целями.

Группа вытянута в направлении с юга на север, причем между крайними курганами (I и VI) расстояние 156 м.

Курган I. Самый северный, имеет высоту 1.36 м, диаметр 12.60 м. Восточная половина кургана распахана. В центре воронкообразное углубление — следы искательских раскопок.

Курган II. Расположен в 48 м на юго-юго-восток от кургана I, высота 1.20 м, диаметр 9.44 м. В восточной стороне распахан, с южной стороны сильно оплыл, с западной стороны — кладоискательская яма.

Курган IV [1] расположен в 15 м к юго-востоку от кургана II. Курган этот один из самых крупных в данной группе. Высота 1.40 м, диаметр 12 м.

[1] Курган III снивелирован распашкой, из-за чего отсутствует его описание.

С южной и юго-восточной стороны курган сильно оплыл, в центре следы тех же кладоискательских раскопок.

Курган V расположен почти на юг от кургана I, на расстоянии 14 м от кургана III. Это единственный в группе двойной курган, слитый в основании, но с двумя самостоятельными вершинами.

Северная вершина высотой 1.5 м, южная — высотой 1 м. Расстояние центров вершин один от другого 6 м.

Курган VI отстоит на 60 м к юго-юго-западу от кургана V. Высота 1.40 м, диаметр 12 м.

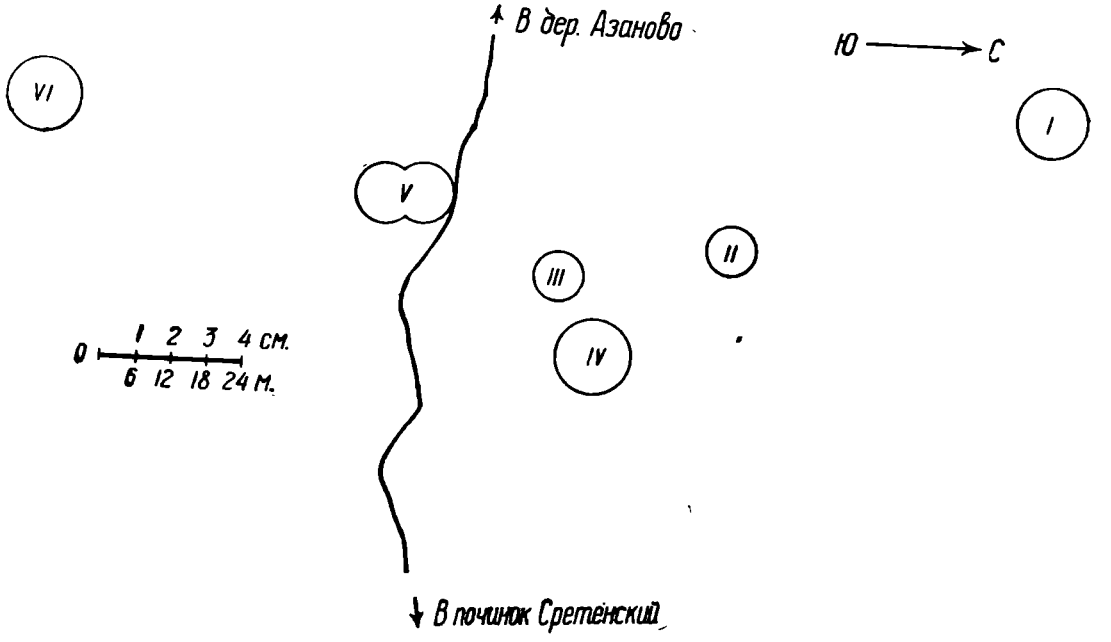

Рис. 1. Схематический план Сретенской курганной группы.

Следовательно, в среднем диаметр курганов от 9—12 м, высота от 1 до 1.5 м.

Предварительное обследование было ограничено вскрытием лишь одного кургана из группы.

Остановились мы на кургане III в виду того, что он был самым небольшим и, следовательно, менее трудоемким, а также из-за его относительно лучшей сохранности и отсутствия кладоискательских ям.

Отсутствие материалов по исследованию памятников данного рода на территории Марийской АССР заставляло с особой осторожностью отнестись к настоящим раскопкам.

Работы велись с большой тщательностью. Насыпь была взята на снос, причем послойной зачисткой регистрировались все ее особенности. Насыпь состояла из смеси песка, глины, золы и углей, которыми была насыщена во всех горизонтах. Раскопки до уровня основного грунта не обнаружили никаких находок. Продолжение раскопок на 0.5 м в материк также не дало находок.

II. КУГУНУРСКАЯ КУРГАННАЯ ГРУППА

Группа эта, обследованная в 1929 г., расположена в поле, названном местными жителями «курганским» и принадлежащем жителям починка Курганского, находящегося в 1 км юго-западнее д. Изинур (Малой Кугунур) Крестовского района, Оршанского кантона.

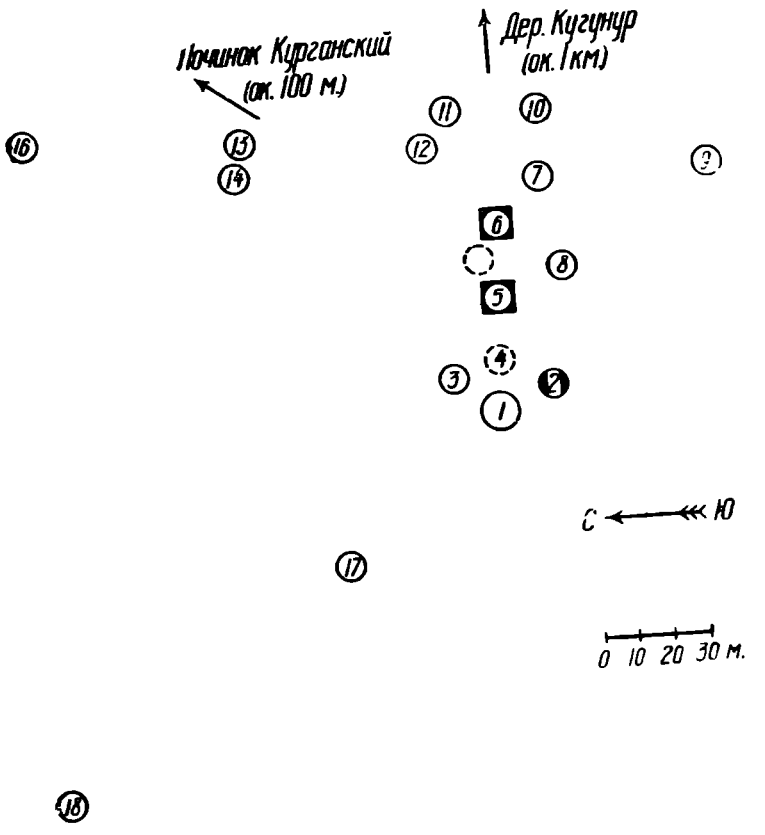

Рис. 2. Схематический план Кугунурской курганной группы.

Курганы разбросаны на значительном участке поля, границей которому с восточной и юго-восточной стороны служит р. Большая Ошла и полоса береговой затопляющейся низкой луговины шириной около 40 м.

По имевшимся в нашем распоряжении сведениям, группа должна была состоять из 12 курганов. В действительности их оказалось значительно больше. Нам удалось занести 18 курганов. Совершенно очевидно, что прежде их было еще больше, на что указывает неровность поверхности поля. Постоянной запашкой курганы (за исключением 18, отмеченных на плане) настолько снивелированы, что определить их очертания не представлялось возможным.

В соседстве с данной группой в юго-западной части того же поля располагается другая курганная группа, насчитывавшая, повидимому, около 20 курганов, но последние настолько сравнялись с пашней, что определить

их можно только на-глаз, при некотором отдалении. Группа эта является обособленной от первой и может быть названа II Кугунурской.

Из обследованной группы сохранился единственный курган № 1, очевидно, благодаря древесной поросли на нем, которая закрепила насыпь.

Было намечено к вскрытию 2 кургана (по плану №№ 5 и 6). Раскопы брались широкими квадратами 8 на 8 м, при диаметре курганов 7 м, с целью проследить все детали насыпи. Раскопки велись с большой тщательностью, с зачисткой на каждых 20 см.

Высота насыпи в кургане № 5 над уровнем материкового грунта 58 см, № 6 — 68 см.

Однако эти размеры не могут быть приняты как первоначальные, так как оба кургана сильно оплыли, расползлись и первоначально были, очевидно, значительно выше при меньшем диаметре.

Насыпная земля обоих курганов рыхлая, песчаная, пестрая — сильно отличается от основного материкового очень плотного глинистого грунта.

При зачистке площади кургана № 6 на глубине 65 см наметилось яркое черное пятно прямоугольных очертаний шириной в 98 см и длиной 1.36 м, вытянутое в восточно-западном направлении, которое было принято за могильное. Однако при зачистке оно бесследно исчезло.

Для контроля вся площадь раскопа была углублена на 75 см, после чего была прорыта еще контрольная канавка в направлении север—юг, углубившая раскоп еще на 50 см, но не давшая никаких результатов.

В кургане № 5 при снятии всей насыпи также не было обнаружено никаких находок. По всей площади раскопа был совершенно однородный слой очень плотной вязкой влажной глины.

В виду того, что вскрытие курганов № 5 и № 6 не дало результатов, решено было для контроля вскрыть курган № 2, в значительной мере потревоженный кладоискательскими раскопками.

Курган № 2 был прорезан широкой траншеей. При зачистке на уровне грунта в северо-восточной части траншеи было обнаружено большое скопление угля и золы и углубление в виде ямы неправильных очертаний, в котором на глубине 1 м найдены были кости барана. Никаких других находок этот курган не дал.

К сожалению, установить, каково же было назначение данных курганов — были ли они лишь ритуальными сооружениями или заключали и скелетные остатки человеческих погребений — не удалось. Эти вопросы остаются открытыми для будущих исследователей. Однако отсутствие реальных результатов предварительных работ отнюдь не должно умалять интереса к данным памятникам. Следует учесть, что для исследования курганных, еще неизученных групп недостаточно вскрыть 1—2, часто уже прежде потревоженных, кургана, но необходимо поставить более широкие раскопки, не стесняясь, быть может, в средствах для определения культурного значения как данного, так и сходного с ним памятников.

А. В. ДМИТРЕВСКАЯ

ПАЛЕЦКИЕ КУРГАНЫ

ДНЕВНИК РАСКОПОК КУРГАНОВ №№ 1, 2, 3, 4, 5 ПАЛЕЦКОЙ ГРУППЫ

Близ с. Городища Луковического района, Московской области, на берегу р. Воблы, притока р. Оки, лежит группа из 11 небольших курганов полушаровидной формы. Курганы расположены компактной группой. Некоторые из них имеют в центре ямы, вырытые при проведении здесь землемерных работ, как говорили местные крестьяне. В июне 1926 г. был исследован курган № 1, в 1927 г. (31 июля — 2 августа) курганы №№ 2, 3, 4, 5.

КУРГАН № 1

Курган расположен в северной части группы. Часть его (западная) уничтожена проходящею здесь дорогою. Диаметр кургана с севера на юг 14 м, высота 0.65 м, форма полушаровидная. С северо-северо-западной стороны кургана сохранился ровик длиною 5.20 м, шириною 3.80 м. Курган снят целиком. Он состоял из насыпной земли различной окраски — желтоватой и темной. Желтоватая насыпь наблюдалась в верхних частях кургана — в его центре, южной и восточной сторонах, а также отчасти и с северной стороны, остальная насыпь кургана состояла из темной земли. В насыпи кургана были рассеяны речные валуны, некоторые со следами действия огня, кости животных плохой сохранности, обломки глиняных горшков и отдельные предметы. Большая часть черепков от горшков славянского типа, сработанных на кругу, или гладких или орнаментированных, с линейным и волнистым орнаментом. Меньшая часть обломков от горшков грубой ручной лепки. Последние или гладкие, или с чеканным орнаментом — ямочным, пальчатым, зубчатым, ногтевым, линейным зигзагом и в виде коротких линий. Кроме того, найдены следующие предметы: 1) железная четырехугольная пластина с петлей на обороте размером 3.4 на 2.7 см, 2) железный выпуклый предмет подтреугольной формы (бляшки?), 3) шиферное круглое пряслице диаметром 3.2 см, 4) костяное миндалевидное острие (стрела?) плохой сохранности, длиною 6.5 см при наибольшей ширине 2.8 см, 5) железное поясное кольцо диаметром 2.9 см, 6) бронзовая

обойма в форме миниатюрного пластинчатого колечка со щитком; от кольца со стороны, противоположной щитку, отходит пластинчатый выступ, высота обоймочки 1.0 см, 7) каменный брусок плиточный, длиною 4.3 см, 8) костяное шило, длиною 6.5 см, 9) костяное острие с продольным желобком длиною 6.0 см.

Под насыпью на грунте были обнаружены 2 очага, сложенные из камней (рис. 1).

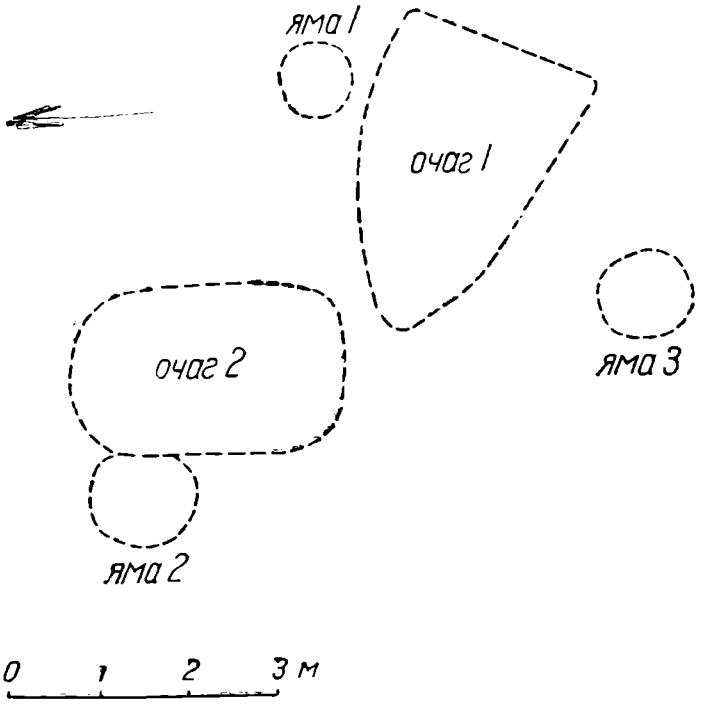

Рис. 1. Схематический план расположения очагов и ям в кургане № 1.

Очаг № 1

Устроен на грунте, в центральной части кургана, имел подтреугольную форму и был вытянут с северо-запада на юго-восток. Длина всего сооружения 3.60 м, наибольшая ширина 2.40 м. Камни, из которых был сложен очаг, лежали плотно один к другому, были обожжены, при этом нижние камни носили следы более сильного действия огня, чем верхние. На выкладке из камней, посреди очага, лежал слой обожженной глины, вытянутый с северо-запада на юго-восток. Длина глиняного слоя 0.75 м, ширина 0.55 м, высота 0.20 м. У северной стороны каменной выкладки, в грунте наблюдалась яма полушаровидной формы, в диаметре 0.80 м, глубиною 0.40 м; яма заполнена массой интенсивного черного цвета от присутствия в ней большого количества угля; такая же черная масса заметна у очага с этой стороны. Дно и стенки ямы покрыты очень тонким слоем сырой глины.

Очаг № 2

Является как бы продолжением очага № 1, соединен отдельными камнями с последним, от северо-западного конца которого он идет под некоторым углом к северу. Очаг овальной формы, вытянут с севера на юг. Длина его 3.30 м, ширина 1.90 м. Он так же, как и очаг № 1, лежит на грунте, сложен из камней, но не так высок и компактен, как очаг № 1. Камни, из которых он сложен, обожжены. Около очага № 2, с западной его стороны в грунте обнаружена вторая полушаровидная яма, в диаметре 1.20 м, глу-

биною 0.30 м. Яма заполнена землею с углем. Края и дно ямы покрыты тонким слоем сырой глины.

На очагах найдены следующие предметы (только один предмет был под действием огня): 1) стеклянная цилиндрическая, рубчатая бусина, длиною 0.9 см, диаметром 1.0 см, 2) бронзовый перстень гладкий с неспаянными концами, диаметром 1.9 см, 3) бронзовый бубенчик с крестообразною прорезью, 4) железный нож черешковый курганного типа, длиною 9.1 см, 5) железный нож черешковый, длиною 14.2 см, 6) железный нож с обломанной рукояткой, 7) шиферное круглое пряслице, диаметром 2.0 см, 8) дно глиняного миниатюрного сосудика, 9) и 10) дно горшка и в нем костяное острие плохой сохранности, 11) сплавившийся железный предмет, 12) значительное число обломков горшков, подобных найденным в насыпи, 13) значительное число обломков костей животных, очень плохой сохранности: среди них есть обожженные.

В центральной части кургана полушаровидная яма № 3 в грунте, диаметром 1.10 м, глубиною 0.45 м, заполненная темной землей, в которой найдены обломки горшков, сделанных на гончарном круге.

КУРГАН № 2

Курган № 2 лежит рядом с курганом № 1, к западу от последнего. У восточной стороны кургана проходит дорога, которая срезала небольшую его часть. Форма его полушаровидная, диаметр с юга на север — 12 м, высота 1.0 м.

Курган состоял из земляной насыпи. До 0.30 м от вершины кургана шла желтоватая илистая насыпь, на глубине 0.30—0.90 м темноватая песчаная и от 0.90—1.5 м загрязненный грунтовый песок. В середине кургана, на глубине 0.60 м от вершины, среди темной песчаной насыпи заметна желтоватая прослойка в форме круга (диаметр 1.0 м). В насыпи кургана на глубине до 0.60 м от вершины его рассеяны речные камни, некоторые со следами обжига; большая часть камней, встретившихся на глубине до 0.30 м, концентрировалась в юго-восточной части кургана.

В северо-западной части кургана на глубине 0.60—0.90 м от его вершины прослежен углистый слой мощностью 0.05 м, угли же были рассеяны во всей вышележащей насыпи, при этом на глубине 0.30—0.60 м они также скапливались в северо-западной части насыпи; на этой же глубине в северной части насыпи лежала кучка мелких углей и пепла.

В насыпи кургана на разной высоте было найдено небольшое число костей животных, рассеянных без видимого порядка. Кости, встреченные на глубине до 0.30 м, были сосредоточены преимущественно в юго-восточной части насыпи. Кости плохой сохранности, из них некоторые принадлежат корове, овце, лошади (?), имеются обожженные.

Обломки горшков также рассеяны во всей толще насыпи кургана до 0.90 м глубины. На глубине 0.30—0.60 м черепки посуды встречались

чаще; большая часть обломков, найденных на глубине 0.0—0.60 м, группировалась в юго-восточной части кургана. Они принадлежат горшкам славянского типа, сделанным на гончарном круге, и горшкам ручной лепки.

Кроме того, в северо-восточной части насыпи на глубине 0.50 м найден обломок глиняного круглого пряслица, а в северо-западной части на глубине 0.70 м — железная дужка.

Под курганом открыто погребение (мужское). Погребение было в яме овальной формы, близкой к прямоугольной, длиною 2.30 м, шириною 0.70 м, глубиною 0.20 м. В юго-восточном конце могильной ямы стоял горшок славянского типа, сделанный на кругу, с линейным орнаментом, высотою 1.45 см. В северо-западной части ямы, в расстоянии 1.80 м от горшка найдены зубы человека. Костяк не сохранился, едва прослеживались вытянуто лежащие кости ног.

КУРГАН № 3

Курган № 3 лежит в нескольких шагах к юго-западу от кургана № 2. Форма полушаровидная, несколько оплывшая к югу, диаметр 9 м, высота 0.50 м. Курган от вершины до глубины 0.30 м, состоял из темноватой земляной насыпи с большим числом речных камней и с углистыми прослойками в юго-западной части; на глубине 0.30—0.50 м из загрязненной песчаной насыпи с углистыми прослойками в юго-восточной части.

Во всей насыпи кургана рассеяны обломки горшков, большая часть их в юго-восточной стороне; обломки горшков славянского типа, сделанных на гончарном круге, и обломки горшков ручной лепки.

Под курганом в юго-восточной его стороне найдено погребение (женское) в яме № 1. Длина ямы — 2.40 м, ширина в середине — 1.0 м, у краев— 0.50 м, глубина 0.30 м, форма овальная, вытянутая с запада на восток. Яма заполнена темной землей, в которой рассеяны черепки и мелкие угли. От костяка сохранилось только немного темных волос, лежащих на дне ямы, в западной ее стороне. В западной части ямы лежали 6 височных семилопастных кольца (рис. 2) из низкопробного серебра, двумя группами, как бы у висков черепа; кольца в группе лежали одно на другом. Под кольцами, на месте правого виска, — кусок горизонтально лежащей деревянной доски. Между обеими группами височных колец встречена одна хрустальная шаровидная бусина. На месте первых позвонков найдены еще 3 хрустальные шаровидные бусины и 4 сердоликовые бипирамидальные. У правого бедра — одна сердоликовая бипирамидальная бусина. Еще одна хрустальная шаровидная бусина найдена у конца правой ноги. У правой руки — бронзовый витой браслет крутого витья, типа «витой 2 на 2». На левой руке бронзовый витой браслет типа «витой 2 на 3». У кисти правой руки — бронзовый ажурный перстень с четырьмя рядами подтреугольных прорезей на щитке, 2 бронзовых кольца замкнутых с нарезками под жгут в передней части и бронзовое замкнутое кольцо из четырехгранной

проволоки. В ногах наклонно стоящий, раздавленный горшок славянского типа, сделанный на круге.

К северу от погребения под курганом, в грунте, яма № 2 длиною 2.50 м, шириною 1.0 м, глубиною 0.35 м, овальной формы, вытянутая с севера на юг. Яма заполнена рыхлой сероватой землей. В ней найден обломок железного ножа и 2 маленьких черепка.

КУРГАН № 4

Курган № 4 лежит рядом с курганом № 1, к югу от последнего. У западной стороны кургана проходит дорога, которая уничтожила его западную часть. Форма полушаровидная, диаметр с севера на юг — 6 м, высота 0.40 м.

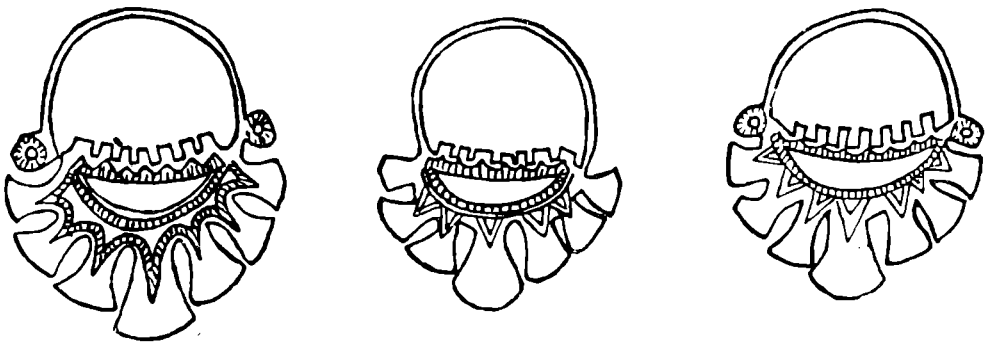

Рис. 2. Височные кольца из курганов №№ 3 и 4. $^1/_2$ н. в.

Курган состоит из темноватой земляной насыпи с речными камнями, южная часть насыпи углистая. В насыпи рассеяны угли, несколько костей животных плохой сохранности, небольшое число обломков горшков славянского типа, сработанных на кругу, и горшков, вылепленных от руки; большая часть черепков попадается в южной части кургана; найдены также сплавившиеся железные куски.

Под насыпью в юго-восточном, северо-восточном, северо-западном краях ее лежало три больших камня.

В средней части кургана находилось погребение (женское) на подсыпной земле, выше грунта на 0.25 м.

Костяк лежал на спине вытянуто, голова на запад, череп на правом виске, руки вдоль туловища, нижняя челюсть откатилась к тазу. Костяк средней сохранности, зубы стерты. При костяке были следующие вещи: у затылочной части черепа бронзовое малое семилопастное височное кольцо; у правого виска 2 больших и 2 средних размеров семилопастных височных кольца из низкопробного серебра; у левого плеча большое височное семилопастное кольцо из низкопробного серебра; на шейных позвонках бронзовая подвеска в виде кольца с гладкими концами и ушком. На левой руке бронзовый замкнутый браслет из проволоки ромбической в поперечном

сечении и с нарезками под жгут в месте спайки концов; на правой руке бронзовый витой браслет типа «витой 2 на 2». На месте несохранившейся кисти правой руки 5 перстней бронзовых. Из них 3 перстня ажурных с несомкнутыми концами и с четырьмя рядами подтреугольных прорезей на щитке, 1 перстень пластинчатый с несомкнутыми концами, с круглыми прорезями на щитке и выпуклыми бугорками между прорезями и 1 кольцо замкнутое, гладкое из проволоки полуовальной в поперечном сечении. Кроме того, найдены 4 бусины шаровидные из горного хрусталя (одна на позвоночнике, одна у правой локтевой кости, одна между бедренными костями, одна у левого бедра) и 5 сердоликовых бипирамидальных бусины — две малых у затылочной кости, одна на левой бедреной кости, одна на локтевой кости левой руки, одна малая под тазом. Там же найдены: железный нож, в ногах бронзовый шарообразный бубенчик с прямолинейной прорезью на нижней половине и горшок славянского типа, сделанный на кругу с линейным орнаментом (высотою 13.5 см). В земле у костяка — угли и черепки.

КУРГАН № 5

Курган № 5 лежит между курганами № 2 и № 4. Восточный и западный края кургана уничтожены проходящими здесь дорогами. Форма кургана полушаровидная, диаметр с севера на юг — 12 м, высота — 1.0 м. Курган от вершины до 0.70 м глубины состоял из темноватой земляной насыпи с речными камнями (некоторые камни имели слабые следы обжига); от 0.70 м до грунта из темноватой песчаной насыпи. В насыпи рассеяны в значительном количестве кости животных плохой сохранности; из них некоторые можно определить как принадлежащие корове, свинье, овце; 2 кости были обожжены. Значительное число обломков горшков славянского типа, сделанных на кругу, и горшков, сработанных от руки, также было рассеяно в кургане; черепки в верхней части насыпи концентрировались в северо-западной стороне. На глубине 0.50 м в центре насыпи лежала значительная часть разбитого горшка и обломок неопределенного листовидного железного предмета длиною 17.0 см. Кроме того, найдена обломанная железная дужка длиною 40.0 см.

Под курганом находилось погребение (мужское) в яме. Последняя по форме близкая к прямоугольнику, длиною 2.0 м, шириною 0.9 м, глубиною 0.30 м, ориентирована с юго-западо-запада на северо-востоко-восток, костяк был положен на дне ямы вытянуто на спине, головою к юго-западо-западу. Голова лежала на затылке, наклонно к правому виску. Руки вытянуты вдоль туловища, правая лучевая кость отошла к бедру. Фаланги рук и ног рассеяны. Сохранность костяка прекрасная. Длина костяка 1.80 м, зубы стерты. У черепа железное поясное кольцо диаметром 33 см. В земле, заполнявшей яму, рассеяны мелкие черепки и кости животных в небольшом количестве.

ОПИСЬ ОБЛОМКОВ ГОРШКОВ ИЗ КУРГАНОВ №№ 2, 3, 4, 5

Обломки горшков, сделанных на кругу			№ кургана	Обломки горшков ручной лепки		
Обломки края и плечиков горшков	Обломки стенок горшков	Обломки низа горшков		Обломки края и плечиков горшков	Обломки стенок горшков	Обломки низа горшков
12 обл. гладких 9 обл. с линейным и волнистым орнам. 4 обл. с линейным орнам. 2 обл. с луночным орнам. 1 обл. с ямочн. орнам. по бережку 2 обл. с поперечн. углублениями по бережку	143 обломка гладких 5 обл. с волнистым орнам. 23 обл. с линейным орнам. 3 обл. с линейным и волнистым орнам. 5 обл. с лунчатым орнам.	15 обл. гладких 4 с линейным орнам.	2	2 обл. гладких 1 обл. с поперечным углублением по бережку 6 обл. с волнистым бережком 1 обл. с ямочным орнам. по бережку	9 обл. гладких	4 обл. гладких 1 дно с ножкой длина дна — 7.5 см длина ножки — 6.5 см
10 обл. гладких 6 обл. с линейным орнам. 3 обл. с волнистым орнам. 1 обл. с линейным и волнистым орнам. 1 обл. с линейным и чешуйчатым орнам.	148 обл. гладких 44 обл. с линейным орнам. 16 обл. с волнистым орнам. 2 обл. с линейным и волнистым орнам. 2 обл. с линейным и чешуйчатым орнам.	16 обл. гладких	3	5 обл. гладких 6 обл. с волнистым бережком 2 обл. с поперечными углублениями по бережку	18 обл. гладких (1 с отверстием)	—
6 обл. гладких 2 обл. с волнистым орнам.	42 обл. гладких 9 обл. с линейным орнам.	8 обл. гладких	4	1 обл. гладкий 4 обл. с волнистым бережком	—	—
29 обл. гладких 5 обл. с линейным орнам. 1 обл. с волнистым орнам. 3 обл. с волнистым бережком 1 обл. с нарезками по бережку 1 обл. с валиком, по плечику на валике тканный орнам.	370 обл. гладких 58 обл. с линейным орнам. 11 обл. с волнистым орнам. 2 обл. с волнистым и линейным орнам. 2 обл. с лунчатым орнам. 1 обл. с валиком, на валике тканый орнам.	31 обл. гладких	5	18 обл. гладких 6 обл. с волнистым орнам. по бережку 2 обл. с нарезками по бережку 2 обл. с зубчатым орнам. по бережку 1 обл. с зубчатым орнам. по плечикам 3 обл. с волнистым орнам.	59 обл. гладких 16 обл. легкие, пористые, пережженные	3 обл. гладких

Таблица распределения обломков горшков по технике и по орнаменту из курганов №№ 2, 3, 4, 5

№ кургана	Общее число обломков	Обломки горшков, сделанных на кругу				Обломки горшков, сработанных от руки		
		Всего обломков в % от общего числа	Обломки гладкие	Обломки с линейным и волнистым орнаментом	Обломки с другими орнаментами	Всего обломков в % от общего числа	Обломки гладкие	Обломки с орнаментом
		В процентах				В процентах		
2	252	90.5	74.5	21	4.5	9.5	66.5	33.5
3	280	89	70	29	1	11	74	26
4	72	93	83.5	16.5	—	7	20	80
5	625	82.5	83.5	15	1.5	17.5	87	13

Орнамент располагался на верхней части сосуда; нижняя часть его гладкая (чем увеличен процент графы гладких обломков). На обломках горшков круговой работы, кроме линейного и волнистого орнаментов, мы имеем ямочный, лунчатый, чешуйчатый орнаменты, поперечные углубления и линейные нарезки по бережку и на двух обломках валик с орнаментом типа тканого.

На обломках горшков ручной лепки зубчатый орнамент, поперечные, ямочные углубления по бережку, линейные нарезки по бережку и наиболее часто повторяющийся пальчатый орнамент по бережку, делающий последний волнистым. Глина обломков без искусственной примеси. Обжиг хороший, есть слабый у горшков ручной лепки. Толщина стенок обломков горшков круговой работы 0.4—1.4 см, ручной работы — 0.8—1.3 см. Форма посуды, сделанной на круге, обычная форма славянских горшков. Горшки ручной лепки, насколько можно судить по небольшим обломкам, имеют слегка выпуклые бока и прямой или слегка отогнутый вовне, утолщенный край. В кургане № 5 были найдены 2 обломка от боковой стенки блюда с краями, загнутыми внутрь; в кургане № 2 обломок сосуда с ножкой. Керамика из кургана № 1 в опись не вошла, она подобна вышеописанной.

Исследованные курганы дают новые сведения о ранних вятических курганных погребениях. Ценность этих сведений увеличивается еще тем, что эти погребения приурочиваются в Палецкому городищу, расположенному примерно в расстоянии километра от данной курганной группы. Палецкое городище лежит на возвышенной террасе, имеет форму треугольника, прекрасно защищено с боковых сторон глубокими, естественными оврагами и с третьей стороны — искусственными валами и рвами. И городище, и курганы исследовались мною в продолжение 1925—1927 гг. Рас-

копки городища дали материал, обычный для культурных наслоений так наз. городищ Дьякова типа и славянской поры. Славянское поселение на городище относится к началу II тысячелетия н. э., к XI в. по датировке проф. В. А. Городцова.[1] Исследованные курганы являются вятическими погребениями конца XI и начала XII вв. Принадлежность верхнего слоя городища и курганов одной народности, их одновременность, близость

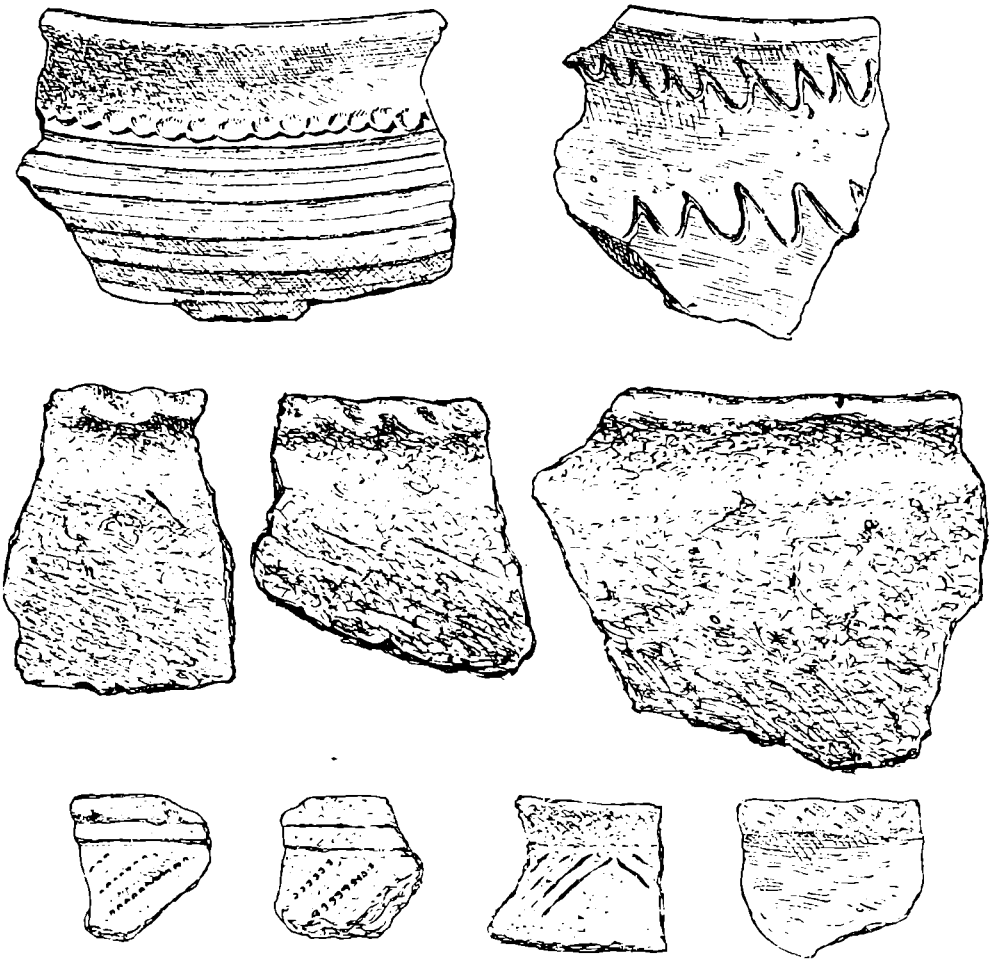

Рис. 3. Обломки горшков из кургана № 1. Около $^1/_2$ н. в.

расположения — все это дает мне основание считать курганы погребениями последних насельников Палецкого городища и назвать их Палецкими курганами.

Курганы №№ 2, 3, 4, 5 Палецкой группы являются прекрасно выраженными вятическими погребениями. И внешний вид курганов в форме невысоких полушарий, и форма погребений — трупоположений с ориентировкой на запад, и сопровождающий инвентарь в виде семилопастных

[1] По докладу А. В. Дмитревской в Обществе друзей Исторического музея в Москве, 1925 г.

височных колец, ажурных перстней, замкнутых ложновитых колец, витых браслетов с петлевыми концами, сердоликовых бипирамидальных и шарообразных из горного хрусталя бус и т. д. — все это является обычными признаками вятических курганных погребений.

Своеобразие этих погребений заключается в остатках погребального ритуала в виде костей животных, обломков горшков, углей, обожженных камней, рассеянных в насыпях курганов. Вероятно, это остатки тризны, совершенной на месте погребения, но здесь этот языческий обряд не утерял еще своего основного значения.

Вятические курганы этого же района, исследованные Рязанской ученой архивной комиссией, дали единичные случаи находок ясно выраженных остатков тризны. В других районах лесной полосы Европейской части СССР курганы начала II тысячелетия н. э., например, Гнездовский могильник (Сизов), курганы Южного Приладожья (Бранденбург), дают остатки тризны при погребениях трупосожжением.

Керамика Палецких курганов также заставляет относить их ко времени ранних славянских курганных погребений, так как часть ее горшков принадлежит ручной лепке, причем последние найдены во всех курганах (рис. 3).

Считаю возможным определить время погребений курганов №№ 2, 3, 4, 5 Палецкой группы концом XI — началом XII вв. По датировке Сизова наши курганы также относятся к XI в.,[1] по датировке Арциховского к XIV в.[2] В данном случае последняя датировка неприемлема.

Курган № 1 Палецкой группы является памятником оригинальным. Под насыпью мы имеем 2 каменных очага и у очагов ямки, заполненные черной углистой, мажущейся массой. Курган этот нельзя выделить из общего состава курганов Палецкой группы. В насыпи кургана так же, как и в насыпях остальных курганов, мы имеем обломки горшков, сделанных на гончарном круге, и ручной работы, а также кости животных. В насыпи и на очагах найдено 20 предметов без следов действия огня; сами очаги сильно обожжены.

Почти все эти предметы обычны для славянских курганов. Если костяные предметы и маниатюрные горшечки составляют редкое явление в славянских курганных погребениях, то все же в отдельных случаях такие находки известны. Таким образом, во всей обстановке исследованного нами кургана № 1 мы не имеем ничего противоречащего общности происхождения его с курганами всей группы в целом. Однако нельзя не заметить, что большая часть вещей из первого кургана представляет собой орудия, а не украшения, что придает ему несколько иной характер по сравнению с другими насыпями. Вероятно, этот курган являлся местом тризны, на очагах

---

[1] Сизов. О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так наз. московского типа. Археологические известия и заметки, т. III, 1895.

[2] А. В. Арциховский. Курганы вятичей, РАНИОН, 1930.

его варилась пища или сжигались жертвы, остатки которых полагались в ямы у очагов (стенки их покрыты слоем необожженной глины).

В Гнездовском могильнике мы знаем курганы, не имевшие никаких остатков погребений, причем под насыпью курганов были заметны небольшие ямки. В одной из таких ямок Гнездовского могильника найден был железный ножичек (Сизов). Среди исследованных 5 курганов курган № 1 является наиболее ранним (не позднее XI в.) и, вероятно, дает нам момент перехода форм погребения от трупосожжения к трупоположению. Инвентарь кургана № 1 дает возможность предполагать, что вятичи докурганного времени пользовались изделиями из кости и имели развитое гончарное производство.

Раскопки Палецких курганов и городища проведены по инициативе и на средства Зарайского краевого музея. Материал, полученный из раскопок, хранится в краевом музее г. Зарайска Московской области.

К. Я. ВИНОГРАДОВ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

За последние годы, начиная с наших раскопок 1928 г. на Ивановой горе на р. Рузе Московской области, [1] материалы по фатьяновской культуре интенсивно накопляются ежегодно.

Обнаруживаемые каждый год памятники постепенно вскрывают многие стороны этой культуры.

В 1935 г. наметились новые пункты с могильниками и случайными находками фатьяновского типа. Они находятся в различных областях РСФСР, как, например, в Ивановской, Московской, Ярославской областях. В Ивановской области, при добыче гравия у д. Змиево, в 4 км от Шуи найдено два погребения, которые были сильно разрушены добыванием гравия. Костяки были хорошей сохранности, судя по остаткам костей, находящихся в Ивановском музее. [2] Сопровождались они обычными для могильников фатьяновского типа вещами, кремневыми клиньями, сверленными молотками-топорами, горшками, костяными изделиями.

Топографическое положение Змиевского могильника [3] отличается от ранее нами изученных могильников фатьяновского типа тем, что он расположен далеко от крутого склона коренного берега реки, которая обычно протекает вблизи могильника. Здесь же река течет в расстоянии более километра от могильника, расположенного на небольшом холме, выступающем среди поля.

В Московской области нами установлено несколько новых пунктов и обследован вновь один, ранее нами частично раскопанный, могильник.

На территории Большой Москвы у д. Давыдкино, недалеко от Кунцева, обнаружены часть разрушенной могилы, которая пострадала при добывании гравия. Можно думать, что гораздо раньше попорчены были

---

[1] См. нашу брошюру «Три этапа культуры у Ивановской горы на р. Рузе».

[2] Вся добытая коллекция хранится в Ивановском музее. Могильник требует дальнейшего изучения, тем более, что его положение при большой проезжей дороге может внушать опасение в отношении его сохранности.

[3] Осмотрен мной по поручению Комитета по охране памятников при ВЦИК 14 октября 1935 г.

еще могилы, но никаких следов от них не сохранилось. Нами в оставшейся части могилы найдены: 1) кремневая ножевидная пластинка, 2) сверленый топор-молоток, 3) разбитый горшок с широкой шейкой, с веревочным орнаментом. Костяк был хорошей сохранности. Об этом говорят подобранные раздробленные кости. Случайно, при копании ямы для овощехранилища, найден топор-молоток в Ново-Петровском районе, недалеко от Тростянского озера у дд. Загорье и Муратовки Московской области. На другой стороне ручья, недалеко от этой находки, в поле при вспашке обнаружен еще топор-молоток.[1]

Рис. 1. Глиняный горшок. Истринский (Трусовский) могильник.

В Истринском (Трусовском) могильнике в 1935 г. вскрыто три могилы.

Могила № 4 овальной формы. Глубина ее — 1.2 м, длина вверху 2.30 м, внизу — 1.80 м. Могильное пятно обнаружилось на глубине 45 см. Горшок круглодонный, открыт на глубине 95 см от поверхности, другие предметы — на глубине 1.05 м.

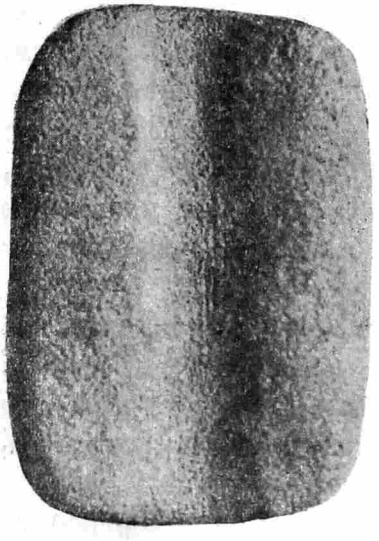

Рис. 2. Формочка или точильный камень Истринский (Трусовский) могильник.

Никаких признаков сожжения, как в могилах №№ 1 и 2, ни трупоположения, как в могиле № 6, в этой могиле не обнаружено. Нужно думать, что костяк совершенно сгнил. Вещи найдены следующие:

1. Глиняный сосуд — находился в 1 м от восточного края могилы, в 80 см от западного края могилы (рис. 1).

2. Два кремневых полированных камня.

3. Сверленый топор-молоток, в 45 см от горшка к северо-востоку.

4. Три кремневых наконечника стрел, в 75 см от горшка к северо-востоку. Размер: длина первого 4 см, второго — 3.5 см, третьего — 3 см 2 мм.

5. Формочка (?) или точильный камень (?) из красного песчаника, в 75 см от горшка, к северо-востоку (рис. 2).

---

[1] См. коллекции в Истринском музее Московской области.

6. Кремневый нуклеус, в 2 см от горшка к юго-западу.

7. Ножевидная пластинка из кремня, в 52 см от горшка к востоку с уклоном на юг.

8. Ножевидная пластинка малого размера, в 10 см к северо-востоку от горшка, ниже его на 10 см.

9. Маленькая, ножевидная, кремневая пластинка к северо-востоку от горшка 8 см.

10. Ножевидная, узкая, кремневая пластинка, к западу от горшка на 90 см.

11. Два осколка кремня.

Рис. 3. Топор-молот. Истринский (Трусовский) могильник.

Могила № 5 имела глубину в 90 см. Контуры ее не были ясны в виду большого количества корней растений. Эта могила — самая большая по инвентарю. В ней найден разбитый горшок и ножевидная пластинка на глубине 70 см. Верх горшка обнаружился на глубине 60 см.

Могила № 6 наиболее богата предметами. Ее размер ближе напоминает размер могилы № 3, раскопанной нами ранее. По форме могила № 6 овальная. Вверху ее размер 4 м на 3 м, внизу — 2.35 м на 0.90 м. Глубина ее 2.10 м. В данной могиле повторилось явление, которое было встречено ранее в могиле № 3: на глубине 43 см от поверхности обнаружился, недалеко от центра могилы, круглодонный сосуд, без орнамента. Погребение было на глубине 2 м 10 см. В данной могиле удалось проследить остатки костяка, часть черепа весьма плохой сохранности и зуб человека. Череп лежал на левом боку. При покойнике были предметы: 1) глиняный разбившийся сосуд, 2) каменный сверленый молоток-топор (рис. 3),[1] 3—4) два кремневых полированных клина, 5—8) четыре кремневых пластинки, 9) осколок кремня (рис. 4).[2]

Изучение Истринского (Трусовского) могильника[3] заставляет нас сделать пока следующие замечания:

1. Впервые в этом могильнике (могила 4) встречается из красного песчаника формочка катакомбного типа, что поможет точнее датировать этот могильник, как и другие могильники фатьяновского типа.[4]

2. В могильнике одновременно наблюдаются два типа захоронения: трупосожжение и трупоположение. Последний способ захоронения пред-

---

[1] Длина 16 см, отточенный конец 4 см, тупой конец 4 см в диаметре, диаметр сверлины — 3 см.

[2] Все коллекции находятся в Истринском музее Московской области.

[3] Вся территория его не изучена.

[4] Впрочем, мы не окончательно еще делаем вывод, что это именно формочки, а не точильные камни; все же этот предмет близок к формам катакомб.

ставлен в могилах №№ 1 и 2, где имелись сожженные костяки, сильно прокаленный слой песка в западной части могилы, зола и уголь.

3. В расположении могил не наблюдается особого порядка; все же они сравнительно близко находятся друг от друга.

4. Могилы не обязательно должны находиться на самой высокой точке данного холма; на их расположение влияет геологическое строение микрорельефа. Могилы устраивались в песке с гравием прежде всего; если рядом часть территории могильника имеет суглинок или глину, то

Рис. 4. Могила № 6. Истринский (Трусовский) могильник.

фатьяновцы предпочитали не хоронить в этом грунте. Конечно, могут быть и захоронения в суглинке и глине, но при условии отсутствия на данной территории грунта иного характера, что наблюдается сравнительно редко.

5. В устройстве могил существует разнообразие: они копались не на одинаковую глубину. Колебание в глубине наблюдается от 90 до 210 см. Не на всю глубину бывает одинакова ширина могилы. Особенно это ярко сказалось в самой глубокой могиле — № 6, в которой идет постепенное сужение к погребению. Мы это явление объясняем песчаным грунтом при глубокой могиле. Прямая стенка при большой глубине могилы в песке в процессе копания давала оползни, поэтому фатьяновцы постепенно сужали могилу книзу, что избавляло могильную яму от осыпи. Это явление прослеживается только при большой глубине могилы.

6. Меньшего объема могилы содержат и меньшее количество инвентаря, особенно это заметно в отношении неглубоких могил. Нет ли здесь элемента общественной дифференциации? Дальнейшие исследования окончательно ответят на этот вопрос.

7. Устанавливается обычай ставить глиняные сосуды на поверхности могилы, а не только внизу могилы у покойника; при этом горшок обнаруживается не выше 40 см (см. могилы №№ 3 и 6). Не следует ли связать с этим фактом, установленным нами на Истринском могильнике, находки, сделанные ранее другими исследователями — в виде отдельных горшков на небольшой глубине от поверхности?

М. В. ПОКРОВСКИЙ

ГРИФОН ЛЫСОЙ ГОРЫ

Представленный на настоящем снимке серебряный, покрытый листовым золотом грифон найден в 1927 г. в 6 км к юго-востоку от Анапы, на Лысой горе.

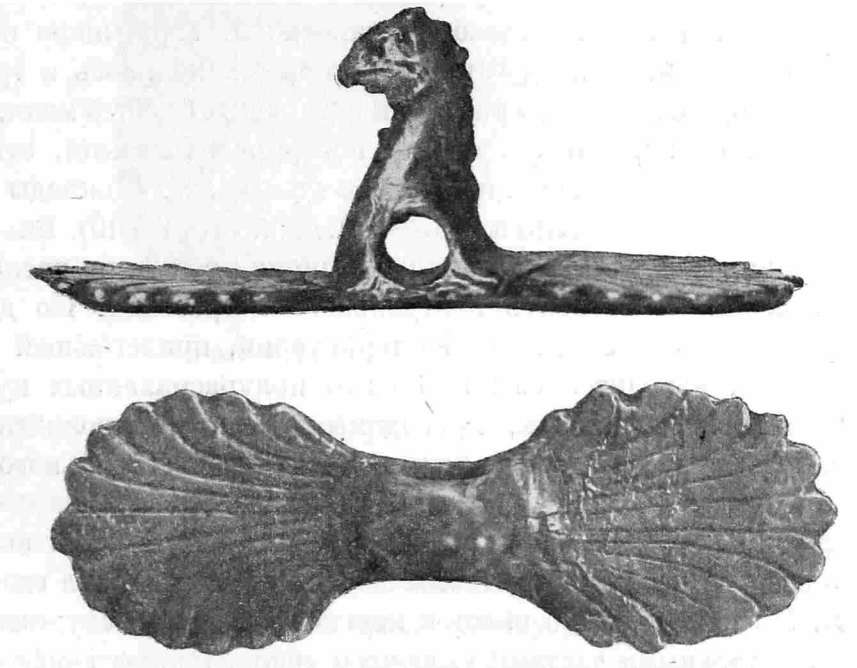

Рис. 1. Грифон Лысой Горы.

Грифон (рис. 1) был найден при земляных работах, сопровождавших разбивку в этом месте нового виноградника. При рытье канавы для посадки винограда землекопы натолкнулись на лошадиный череп, на котором и находился этот предмет в числе других частей конского головного убора.

Весь остальной скелет лошади, насколько мне удалось установить, остался нетронутым в стене канавы, точно так же, как и человеческое погребение, наличие которого, очевидно, следует предполагать в этом месте. Все остальные части головного убора лошади были разрушены, и единствен-

ное, что мне удалось выяснить путем расспросов, это то, что грифон соединялся «цепочками» с большой изукрашенной бляхой. Само собою разумеется, что восстановить более или менее точно общий вид всего найденного убора на основании таких отрывочных данных не представляется возможным. Можно лишь высказать предположение, что вышеупомянутая «изукрашенная бляха» могла быть чем-нибудь вроде той фалары, которая была найдена во втором кургане Васюринской горы, в числе предметов конской упряжи (см. «Античная декоративная живопись на юге России», т. XXIV, стр. 55).

Погребение коня, повидимому, залегало отдельно в земляной гробнице, в поле полураспаханного кургана. Аналогичный случай имел место при раскопках Забелиным таманского кургана «Буерова могила». «Забелин повел исследование кургана тремя раскопами с южной, юго-западной и западной сторон. Через неделю южный раскоп оправдал предположения. Сначала на седьмой сажени открыты были полуистлевшие кости коня, лежавшего головою по направлению к северо-западу. На коне был уздечный набор, состоявший из бронзовых, покрытых серебром с позолотою, блях и покрытых также серебром наносника, баранчиков и других частей, бронзовых и железных, в числе которых находились и три больших стеклянных бусы... Затем, в расстоянии 2 аршин от костей коня, дальше к северо-западу, на глубине 5 аршин с поверхности насыпи, открылась гробница, сложенная из больших известковых плит» (см. «Доклады о действиях Археологической комиссии за 1870—1871 гг., стр. 9—10). Вполне возможно, что в данном случае канавы виноградника прошли по распаханной курганной насыпи, не затронув центрального погребения. По дополнительно собранным мною сведениям на территории, прилегающей к месту находки грифона, находится еще несколько полураспаханных курганов, причем при земляных работах, проводимых здесь, неоднократно были находимы чернолаковые сосуды и другие предметы погребального инвентаря.

Описываемый грифон, как было указано выше, сделан из высококачественного серебра и покрыт листовым золотом. Общая длина его $8^1/_2$ см, высота 3 см. У основания шеи имеется круглое отверстие, служившее для соединения с остальными частями уздечного убора. Голова грифона посажена на два крыла-пальметки, размеры которых следующие: переднего — 3 см на 2.5 см, заднего — 3 см на 2.5 см. Характерным моментом является использование сюжета пальметок для изображения крыльев грифона в полете. Поверхность крыльев имеет вдавленные линии, начинающиеся у основания шеи грифона, т. е. в самой узкой их части, в виде тесно прилегающих друг к другу желобков, которые затем, расходясь по широкой плоскости крыльев, образуют контуры отдельных перьев. Переднее крыло имеет 12, заднее — 13 таких желобков. Задняя сторона шеи грифона украшена гребнем в виде шести отдельных выступов, причем последний из этих выступов находится на самой голове, между ушами. Передняя сторона

шеи имеет две параллельно идущих сверху вниз, от подбородка до плоскости переднего крыла, линии, которые в свою очередь соединяются между собой семью полукруглыми линиями, изображающими грудное оперение грифона. Голова грифона под подбородком с обеих сторон охвачена выступами, от которых по направлению к клюву и глазам идут насечки в виде черточек. Загнутый книзу клюв грифона разделен на две части продольными линиями.

Подобные наносники, как известно, были встречены во всех крупных скифских курганах (Чертомлык, Шульговая, Александрополь и др.) в ка-

Рис. 2. Грифоны на браслетах Куль-Обы.

честве украшения конской сбруи. Стиль описываемого наносника-грифона как будто бы позволяет говорить, что он мог быть изготовлен греческим мастером в одном из городских центров Боспорского царства. На это указывает довольно тщательно выполненный рисунок пальметок, форма головы грифона с выпуклостями и насечками на шее, изображающими оторочку из перьев, как у грифонов на браслетах Куль-Обы (рис. 2). Подобное явление переработки скифского конского убора в греческом стиле имело место в группе погребений Васюринской горы. Обнаружение в районе древней Горгиппии этого памятника вполне естественно. Что же касается вопроса о его датировке, то последняя несколько затрудняется отсутствием других сопровождавших его предметов погребального комплекса. На основании же аналогий с другими подобными памятниками грифон Лысой горы, приблизительно, можно датировать IV—III вв. до н. э.

В заключение следует высказать пожелание о широком и планомерном развертывании исследований в окрестностях современной Анапы. Эти исследования, несомненно, дадут много нового материала в изучении истории Боспорского царства.

Н. В. ВАЛУКИНСКИЙ

РАЗВЕДКИ В ВОРОНЕЖЕ (1935 г.)

В результате разведочных работ за последние 5 лет в пределах территории Воронежа, по правому и левому берегам поймы р. Воронеж, при учете ранее сделанных находок, установлено, что на правом берегу имеются 3 древне-славянских городища IX—X вв., с присутствием остатков более ранних культур эпохи бронзы, и одна стоянка эпохи бронзы; на левом же берегу — одна стоянка неолитическая, пять стоянок периода бронзы. Кроме того, зафиксировано 16 пунктов, где собран материал, близкий к перечисленным культурам.

Такое изобилие памятников древности в границах быстро растущего города заставило внимательно относиться к естественным и искусственным обнажениям грунта, в частности при закладках котлованов, резервов и прочих земляных работах, производящихся на новостройках.

В июле 1935 г. на левом берегу р. Воронеж мной была обнаружена древняя керамика в резервах строительства дамбы и моста, соединяющего улицу Варейкиса со Сталинским районом (пункт А, рис. 1). Там же, на тропе, ведущей от остановки трамвая у моста к ВОГРЭС, в 105 м обнаружено кладбище XVII—XVIII вв. Дальнейший осмотр дал более богатый материал, в частности — жерновообразный камень из розового шокшенского песчаника и один фрагмент литейной формочки.

В произведенном в течение полумесяца обследовании приняли участие инструктор ОблОНО Д. Д. Леонов и инспектор по охране памятников В. А. Ельчанинов. Остановившийся на несколько дней в Воронеже старший научный сотрудник Института антропологии, археологии и этнографии С. Н. Замятнин был приглашен для консультации и дал более верное направление работам.

В результате проведенного обследования оказалось, что обнаруженная в резервах керамика принадлежит древнему поселению, культурный слой которого был в значительной степени разрушен при выемке грунта для строительства дамбы. Изучение обрезов в резервах и естественных обнажений в данном пункте показало, что поселение занимает довольно большую площадь, располагаясь по краю первой террасы левого пологого берега

р. Воронеж на расстоянии до 120 м от современного русла реки и на высоте 12 м от летнего уровня последней (рис. 1 и 2).

Наблюдавшиеся в обрезах резервов западины культурного слоя вызвали предположение о былом наличии здесь землянок. На рис. 2 гипотетически восстановлено расположение землянок на поселении в древности. К востоку от пунктов №№ 10, 17 и 18, судя по осмотренным обнажениям грунта, культурные остатки отсутствуют, так что указанные точки можно считать лежащими у границы поселения.

В разрезе предполагаемой землянки № 1, имеющем протяжение в 10 м, глубина культурного слоя, песчанистого в основе, от дерна колебалась от 1.0 до 1.2—1.5 м, причем нижняя граница его сильно изломана. При зачистке обреза были встречены два сосуда, один из которых находился в другом; меньший сосуд имел в преддонной части отверстия с боков. В обрезе также обнаружены зубы и разбитые кости крупного скота (ребра, челюсти, бедренные и берцовые кости).

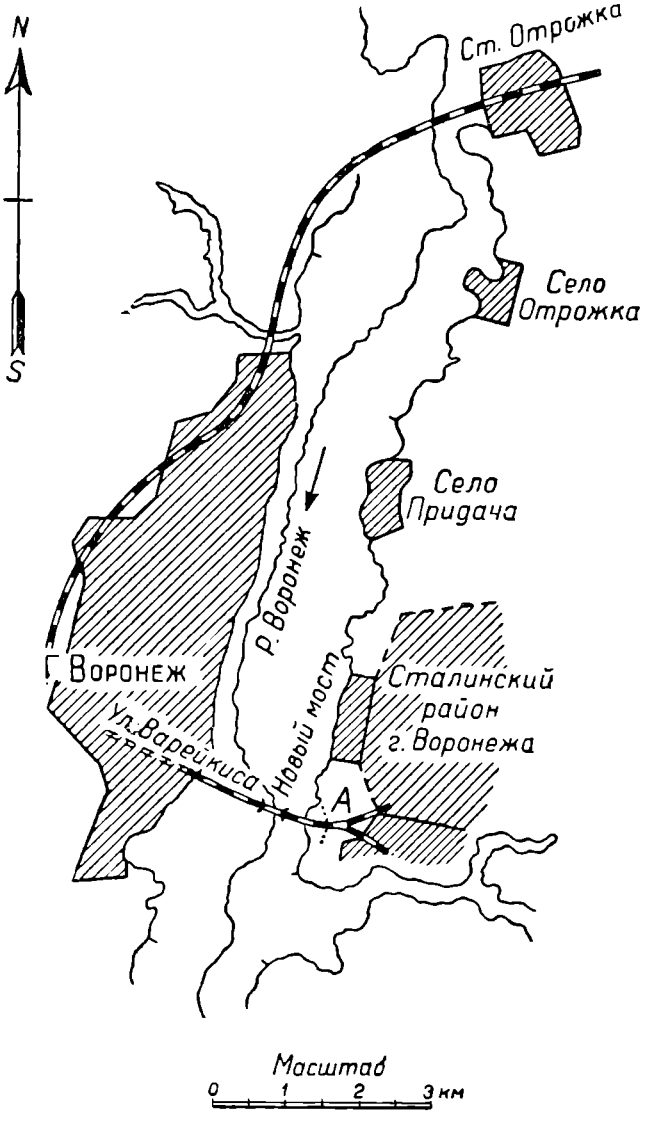

Рис. 1. План Воронежа.

Помимо осмотра и подчисток обрезов резервов и естественных обнажений, в пункте предполагаемой землянки № 1 был заложен разведочный раскоп размерами 2 на 3 м.

В процессе обследования поселения был получен весьма интересный материал, наиболее ценная часть которого представлена остатками древней металлургии, в частности обломками литейных форм.

Первый фрагмент формочки для литья бронзы найден был на месте землянки № 11, следующие (рис. 3) — найдены в землянке № 1, в пробном раскопе. Обломок формочки, изображенный на рис. 3, не имеет чешуйчатых трещин от длительного обжига, место заливки совершенно чистое.

Один же обломок формочки, найденный, помимо указанных, также в землянке № 1, изготовлен не из обожженной глины, как все остальные, а из сланца; по соседству с ним лежал кусочек бронзы, соответствующий ему по форме. Кроме отмеченных, обломки литейных форм найдены в предпо-

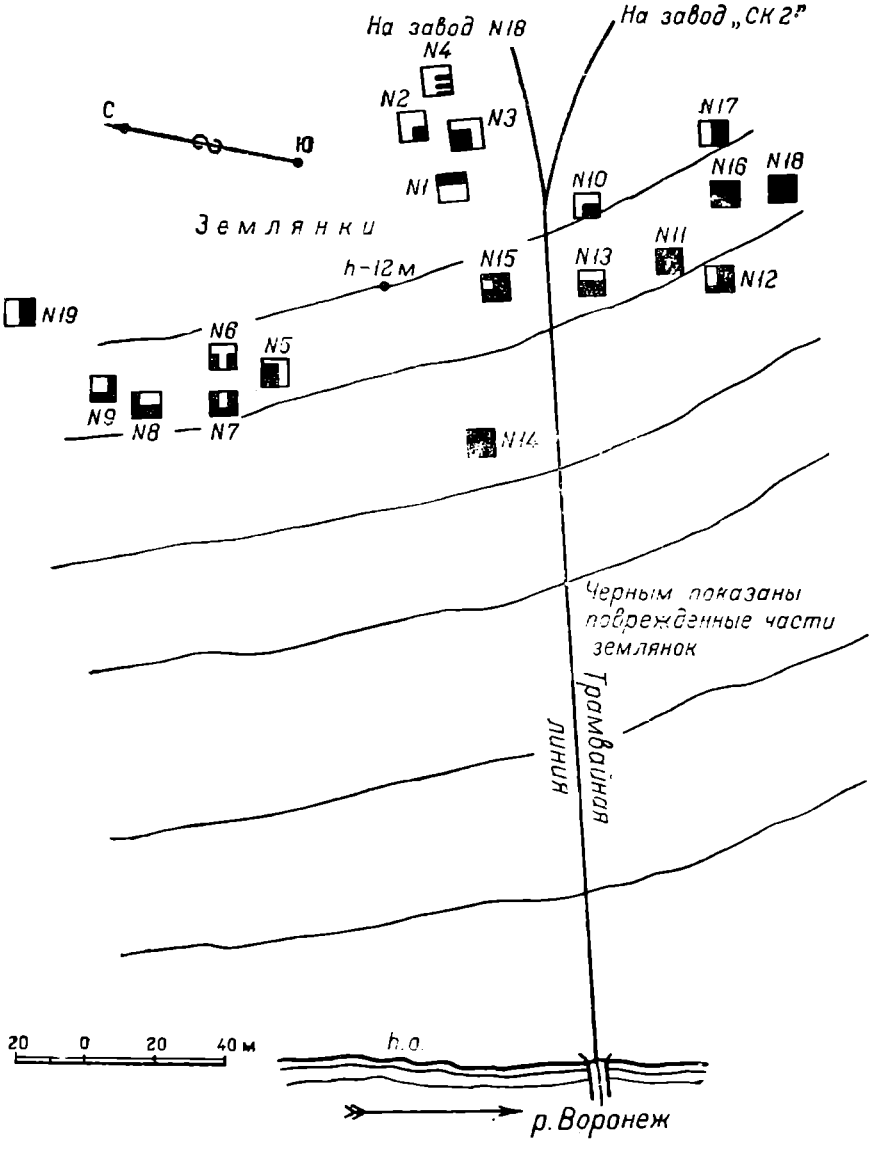

Рис. 2. План расположения землянок.

лагаемых обрезах землянок №№ 2, 18 и 5. Такая разбросанность формочек дает возможность допускать, что литье бронзы производилось во многих пунктах поселения.

В раскопе же обнаружен фрагмент края сосуда со сливом, представляющий собой, по всей вероятности, обломок тигля. В том же месте, где были найдены формочки, лежал овальной формы кусок темнокрасной охры. В том же раскопе обнаружена часть ступки, вытесанной из сланца, со следами обожженной красной краски (охры).

Из костей животных встретились в большом количестве кости лошади, коровы, в меньшем — свиньи, собаки.

В значительном количестве собраны фрагменты глиняных сосудов, часть которых была орнаментирована. По форме преобладающими являются банкообразные сосуды, или имеющие слегка отогнутый наружу край. Орнамент обычно покрывает подвенечную часть сосуда, реже встречается более широкий охват отделкой по стенкам сосуда (рис. 4).

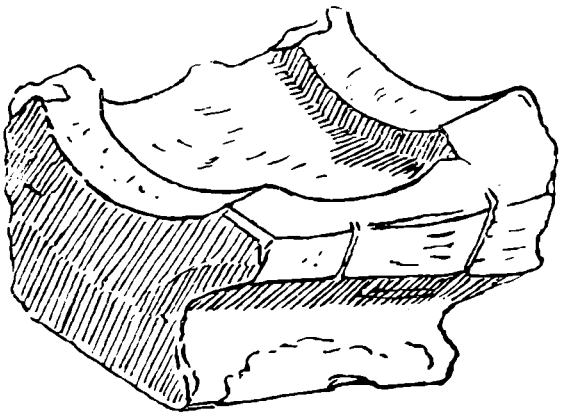

Рис. 3. Обломок формочки для литья. Около $^1/_1$ н. в.

Ниже от намеченного места землянки № 19 обнаружено залегание под поздним торфяником илистого слоя серой глины, что дает основание

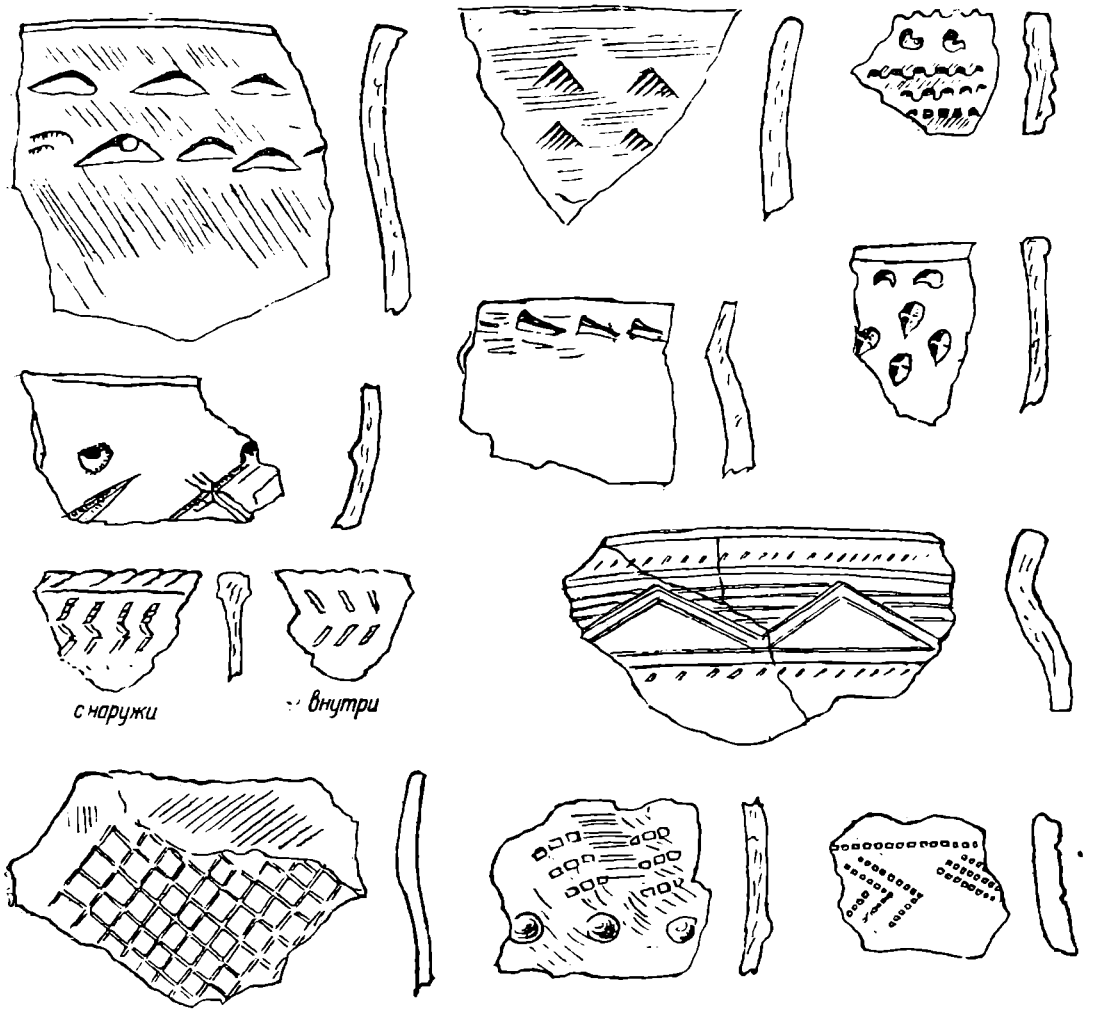

Рис. 4. Образцы орнаментированной керамики. Около $^1/_2$ н. в.

допускать, что сырье для формочек, как и для сосудов, было местное. Предположение об использовании местных материалов в процессе древнего металлургического производства можно подкрепить еще и тем фактом, что левый берег р. Воронеж служит и в настоящее время источником формовочного песка для литья местных заводов.

Результаты проведенных работ разведочного характера, выявившие вкратце описанное поселение, культурный слой которого содержит в сравнительно большом количестве остатки древней металлургии, чрезвычайно плохо изученной до настоящего времени, выявили необходимость в постановке более широких исследовательских работ. Эта необходимость усугубляется также и тем обстоятельством, что обследованный памятник находится под угрозой дальнейшего разрушения как стоящий в пределах растущего городского и заводского строительства.

НЕКРОЛОГ

В. Я. КОЗЛОВСКАЯ

ПАМЯТИ ПРОФ. В. Е. ДАНИЛЕВИЧА

16 ноября 1936 г. в г. Киеве скоропостижно скончался профессор Киевского университета и Института красной профессуры историк и археолог В. Е. Данилевич.

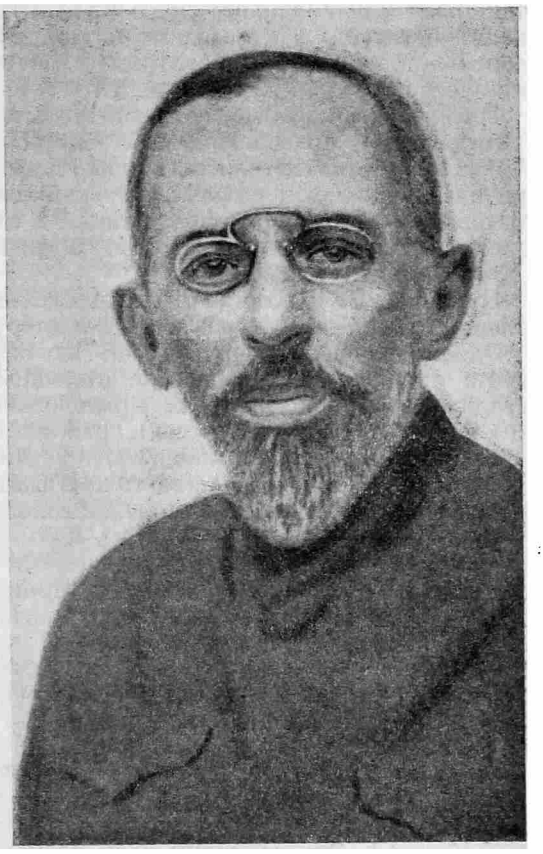
Около 35 лет (с небольшими перерывами), до самой своей смерти, он занимал должность профессора высшей школы.[1]

Из составленной им самим короткой автобиографии узнаем, что В. Е. родился в 1872 г. в Курске, где в то время служил его отец. Среднее и высшее образование он получил в Киеве. В университете он занимался под руководством проф. Антоновича, под влиянием которого и выбрал тему для своей диссертации — «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия». Эта монография относится к так наз. областным монографиям по истории Киевского государства, написанным по инициативе и под руководством проф. Антоновича его учениками.

Упомянутая монография В. Е. по богатству имеющегося в ней фактического материала не потеряла своего значения и до нашего времени, хотя и была напечатана еще в 1896 г. (в «Киевских университетских известиях»). Особенно много собрано в ней фактического материала, относящегося к изучению феодальных отношений в Белоруссии.

Свою профессорскую деятельность В. Е. начал в 1902 г. в Харьковском университете, а после смерти проф. Голубовского (в 1907 г.), по приглашению Киевского университета, занял в нем кафедру по древнему периоду русской истории. В этом же университете он читал ряд специальных курсов по источниковедению, исторической географии, археологии.

Еще работая в Харьковском университете, В. Е. заинтересовался историей Слободской Украины XVII в. и по этому вопросу собрал значительный материал. Однако задуманная им на эту тему монография не была окончена. Собранный материал частью был опубликован в виде отдельных статей («К истории управления Слободской Украины в XVII столетии», «Время образования Слободских черкасских полков», — последняя статья была напечатана в сборнике в честь проф. Ключевского).

В. Е. Данилевич.

[1] «Записки Истор.-філолог. відд. Українськ. Академії Наук», Київ, 1919, стр. XXXV.

Довольно многочисленные печатные работы В. Е. ясно обрисовывают широту его научных интересов. Кроме работ по разным вопросам, касающимся истории Белоруссии и Украины, он не мало написал также и по вспомогательным историческим наукам.

По нумизматике, дающей материал для освещения экономических отношений разного времени, он дал описание монетных кладов — сначала принадлежащих мюнцкабинету Киевского университета (это была первая напечатанная научная работа В. Е., помещенная в «Киевских университетских известиях» в 1892 и 1893 гг.), потом — монетных кладов, найденных в Днепропетровщине («Сборник статей Екатеринославского научного общества по изучению края», Екатеринослав, 1905); он составил также карту монетных кладов и находок единичных монет Харьковского края и написал богатую фактическим материалом работу — «Значение нумизматики в изучении русской истории».[1]

Интересуясь сфрагистикой, он поместил в тогдашнем археологическом журнале «Археологическая летопись южной России» критическую заметку на работу Орешникова «Материалы по русской сфрагистике», в которой высказал некоторые свои взгляды в этой области.

Наконец, В. Е. составил несколько небольших статей по этнографии и фольклору.

Однако главный упор в своей научной работе он делал на разработке отдельных исторических вопросов и на археологических исследованиях. Интересы к археологии В. Е. сохранил до самого конца своей жизни.

В этом коротком некрологе я только сжато коснусь деятельности В. Е. как археолога.

Еще будучи студентом, летом 1893 г. В. Е. исследовал неолитическую стоянку и мастерскую в б. Могилевской губернии. Добытый при этом подъемный материал он передал Киевскому университетскому музею «Древностей» и в журнале «Киевская старина»[2] поместил подробное описание как собранного материала, так и условий его нахождения.

Окончив университет, он совместно с Мельник-Антонович произвел в 1901 г. раскопки курганов на Ахтырщине (Харьковская область). Эти раскопки дали возможность В. Е. близко познакомиться со славянским похоронным обрядом (на территории Харьковщины) и с похоронными обрядами с так наз. «скорченными и окрашенными» скелетами, относящимися к эпохе раннего металла. Исследования курганов возле ст. Кириковки дали интересный вариант раннего скифского погребения, также со скорченными и окрашенными скелетами. К этому же периоду его научной деятельности относятся исследования неолитической стоянки и мастерской возле с. Хухры (все перечисленные исследования были произведены в Харьковской области).

В. Е. принял также деятельное участие в раскопках Донецкого городища, находящегося под Харьковом, и посвятил ему две статьи; в одной из них он касался исторических данных об этом городище и связывал Донецкое городище с летописным Донцом («Археология и летописи южной России», 1904), в другой — описывал археологический материал, добытый раскопками этого городища («Сборник Харьковского историко-филологического общества», XIII).[1]

Приблизительно к этому времени относятся и две небольшие работы В. Е. об археологических памятниках Крымского полуострова. Его заметка о древностях в окрестностях Кекенеиза не потеряла еще своего интереса и до наших дней, как на это указывают ссылки на нее в работах об археологических исследованиях на новостройках в изданиях ГАИМК.

Еще более широкой масштаб приняла работа В. Е. в Киеве, где он читал лекции не только в университете, но и на Высших женских курсах. Кроме основного курса по древней истории России, он читал курс по археологии, называвшийся тогда курсом «русских древностей». Лекции по этому предмету были изданы в сжатом виде под названием «Пособие к курсу русских древностей» (1913). Это издание представляло собой одну из первых попыток сделать сводку известного в то время археологического материала. Здесь были собраны сведения, касавшиеся не только археологии Европейской России, но и Кавказа, Средней Азии и Сибири. И хотя это «пособие» значительно уже устарело, но до сих пор не потеряло интереса как справочная книга.

Работая в университете и на Высших женских курсах, В. Е. занялся также и музейным делом. Для иллюстрации своих лекций в университете он пользовался коллекциями университетского музея «Древностей», а при Высших женских курсах для этой же цели организовал небольшой археологический музей, напечатавший под

[1] На эти работы в научной литературе встречаем неоднократные ссылки.

[2] 1895, кн. 4.

[1] После Октябрьской революции это городище стало предметом особого внимания. В 1928—1930 гг. в связи с шоссейными работами, широко прорезавшими место древнего поселка возле Донецкого городища, была организована археологическая экспедиция, работавшая параллельно с упомянутыми строительными работами. Ср. статью проф. Федоровского «Хроніка археологіі та мистецтва», ч. I, 1930, и там же (ч. 2, 1930) заметку В. Е. о выставке археологических материалов Донецкого городища.

его редакцией два выпуска «Сборника археологического музея Высших женских курсов в Киеве».

Интриги правой профессуры Киевского университета прервали в 1915 г. профессорскую деятельность В. Е. в Киеве, и он должен был выехать из Киева.

Вернувшись в Киев после Октябрьской революции (в 1918 г.), В. Е. энергично взялся за поднятие университетского музея «Древностей», который после возвращения из Саратова его фондов, эвакуированных туда вместе с Киевским университетом во время империалистической войны, хотя и был восстановлен, но находился в состоянии упадка. В. Е. сумел привлечь к музейным работам своих студентов, и музей пополнился новым, точно паспортизированным археологическим материалом, собранным ими.

В 1928 г. в киевских музейных и научных кругах явилась мысль основать отдельный Археологический музей, в котором должны были быть соединены все археологические фонды, разбросанные в Киеве по разным местам. Археологические коллекции музея «Древностей» для этой цели были переданы в Музейный городок и составили базу, на которой через 2 года начал разворачиваться «Археологический музей» Академии Наук УССР. В. Е., насколько мог, принимал участие в создании этого музея.

Параллельно с преподавательской деятельностью (В. Е. читал курсы по истории народов СССР и специальные курсы по источниковедению, археологии и др)., в эти годы своей жизни он много внимания уделял работе с аспирантами, а также участвовал в работе киевских научно-исследовательских учреждений.

К этому времени относится его небольшая монография «Археологічна минувшина Київщини», изданная в 1925 г. Украинской Академией Наук и явившаяся результатом обработки археологического материала одной из наиболее изученных в этом отношении частей Украины.

Эта работа представляет собой опыт синтетического очерка археологического прошлого Киевщины, в которой он видел территорию, некогда заселенную древлянами и полянами. Монография эта была его последней работой более широкого характера.

В. Е. оставил много критических заметок на научные работы других ученых. Особенно много написал он их в последние годы своей жизни. Всего им напечатано около 100 научных работ разного характера.

Как бы критически мы ни относились к его старым работам, в которых сильно влияние буржуазной науки, мы все же должны признать его советским ученым, умершим на служебном посту, во время работы в университете и институте Красной профессуры.

Несмотря на надорванные годами и болезнями силы (у него была сердечная болезнь и застарелый туберкулез), В. Е. до самой своей смерти сохранял энергию и трудоспособность. В общественной жизни он принимал участие по мере своих сил; одним из последних его выступлений была горячая, проникнутая возмущением речь, сказанная им на собрании в Киевском университете по поводу контр-революционной террористической деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева.[1] В. Е. зорко, с громадным интересом следил за ростом и грандиозными успехами социалистического строительства нашего Союза и старался, насколько ему позволяли силы и далеко не молодой возраст, включиться в это строительство. Все свои знания, накопленные за свою многолетнюю научную деятельность, он отдал подготовке молодых кадров в Киевском университете и Институте красной профессуры и тепло и участливо относился к своим ученикам.

---

[1] Киевская газета «Комуніст», 20 августа 1936 г.

ХРОНИКА

А. П. ОКЛАДНИКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА АНГАРЕ

(1936 г.)

В конце XIX в. Н. И. Витковский открыл и раскопал известный неолитический могильник в устье р. Китоя. Значение его открытия определялось тем, что это был первый, ставший известным и научно-исследованным, бесспорно неолитический могильник не только в Восточной Сибири, но и в России того времени вообще.

Китойский могильник дал науке драгоценный материал, безупречно, для своего времени, обработанный исследователем и вошедший в обиход мировой науки. Окрыленный своим успехом, Н. И. Витковский продолжал работы на Ангаре и позже. Он первый, и пока единственный из археологов, охватил своими исследованиями долину Ангары на огромном протяжении, далеко за ангарскими порогами. С тех пор исследователи не пытались продолжить работы Витковского в таких же масштабах и ограничивались, преимущественно, отдельными пунктами долины Ангары. Таковы работы в окрестностях Иркутска М. П. Овчинникова и других археологов. Предпринимавшиеся одно время попытки повторения маршрутов Витковского не дали ожидавшихся значительных результатов, возникли даже мысли о бедности ангарской долины — суровой и холодной тайги — памятниками прошлого. Этому способствовало и то обстоятельство, что последние находки самого заслуженного исследователя Ангары Н. И. Витковского дали меньше, чем можно было ожидать после открытия Китойского могильника.

В 1932, 1933, 1934 и, наконец, 1936 г. Иркутский музей систематически, хотя и с очень скудными средствами, вел, тем не менее, исследования в ангарской долине, доказавшие вопреки создавшемуся предубеждению, что эта область в полной мере заслуживает изучения и богата памятниками прошлого.

Работы последнего, 1936 года, были, пожалуй, наиболее эффективными и плодотворными. Археологическая экспедиция Иркутского музея, организованная по инициативе директора музея Н. Г. Григорьева при содействии ГАИМК, в составе четырех участников (И. В. Аремовского, А. Н. Мельникова, В. Д. Запорожской и автора заметки) ставила целью завершение предварительного археологического обследования долины Ангары от Иркутска до Братска (около 600 км), начатого в 1932 г. и продолжавшегося в 1933—1934 гг. Эта главная цель была достигнута. Участниками экспедиции пройдено на лодке 600 км, полностью обследован правый и левый берег Ангары от Иркутска до Балаганска, весь правый берег и частично левый от Балаганска до Братска. Археологическая карта этого района — области проектируемых гигантов - гидроэлектростанций, — занятого лесостепями и степными участками (до Шиверы) и глухой тайгой (до Братска) в результате работ 1936 г. пополнились десятками новых точек. На ней появились значки, обозначающие новые, неизвестные до сих пор, часто первоклассные, памятники.

Самым интересным в 1936 г. явилось открытие следов палеолитического поселения на правом берегу Ангары в окрестностях села Бурети (Нижней), в местности «Сухая Падь». Здесь были обнаружены кости мамонта, северного оленя, дикой лошади, джигатая, вместе с немногочисленными, но характерными для верхнепалеолитических поселений каменными изделиями (скребки, ножи, резец, нуклеусы и т. д.).

Фауна сближает палеолитическую стоянку в Бурети с известной Мальтинской; значительно также сходство каменного инвентаря обоих поселений — Мальты и Бурети, одинаково имеющих в отличие от поздних памятников сибирского палеолита «западный» облик. Лучшей находкой в Бурети явилась статуэтка из бивня мамонта, изображающая, повидимому, женщину, одетую в меховой костюм арктического типа (комбинезон с капюшоном на голове, вроде

эскимосских, чукотско-коряцких и т. п. костюмов полярного Севера). Палеолитическая стоянка Буреть, этот яркий и характерный памятник, является пока на территории края вторым после Мальты памятником столь глубокой древности. Дальнейшие исследования в Бурети могут дать, нужно думать, новые и не менее ценные вещественные данные для изучения древнейшей человеческой культуры в Сибири.

Исследования неолитических памятников также дали много нового и неожиданного. Обнаружены не встречавшиеся ранее типы поздне-неолитических захоронений. После вскрытия одной особо тщательно устроенной, традиционной, каменной кладки под ней вместо целого скелета оказался один череп с сохранившимися при нем украшениями головного убора. Найдены погребения в сидячей позе, причем поразительная сохранность костяков позволяет иметь полное представление о положении трупа в могиле. Один из погребенных находился в такой позе: он сидел в узкой яме, опираясь на ее стенку спиной, опустив голову на грудь. Руки были скрещены на груди, а кисти рук охватывали локти. Ступни ног находились на одном уровне с тазовыми костями, колени первоначально были на уровне лба. Такая поза близко напоминает погребальные обряды, зарегистрированные на Американском континенте — от Алеутских островов до Перу. Костяк, явно, сохраняет обычную, видимо, для «неолитиков» в быту позу отдыха. Есть захоронения ничком, на животе (рис. 1). Обнаружен ряд по-

Рис. 1. Погребение в пади «Гаранькин лог».

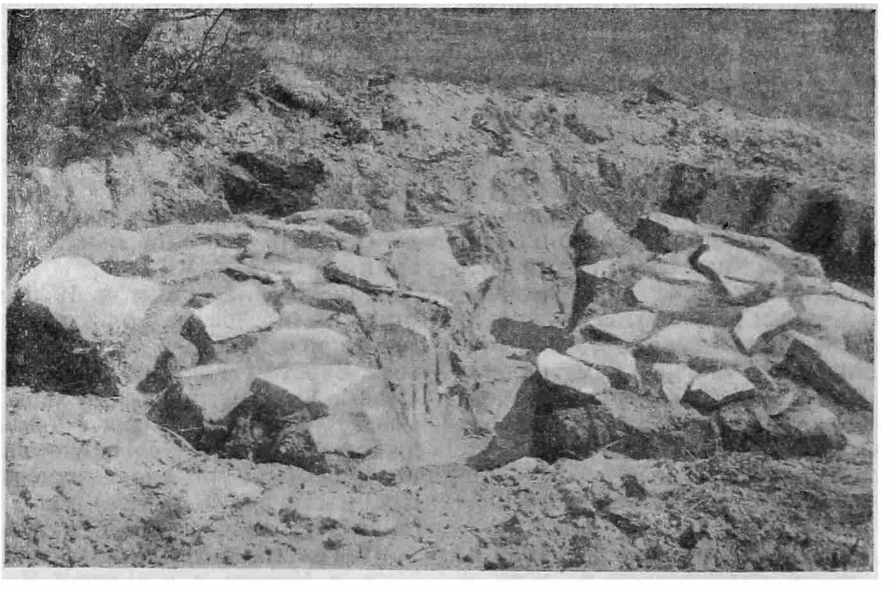

Рис. 2. Неолитическая могильная кладка.

гребений со скорченными костяками в различных вариациях этой позы. Особенно интересно погребение в каменной кладке, повторяющей форму и размер берестяной эвенкийской лодки, к сожалению разграбленное, но сохранившее часть инвентаря, сближающего его с найденным в 1934 г. в том же (Шиверском) могильнике двойным погребением «господина и раба», содержавшем уникальное медное изображение фантастического «змея». Эти своеобразные погребения связываются как с памятниками «Глазковской культуры» (энеолит), так и с «таежной бронзой» (Метляевские находки и т. д.).

В 1936 г. обнаружены в большом числе погребения, принадлежащие к наиболее

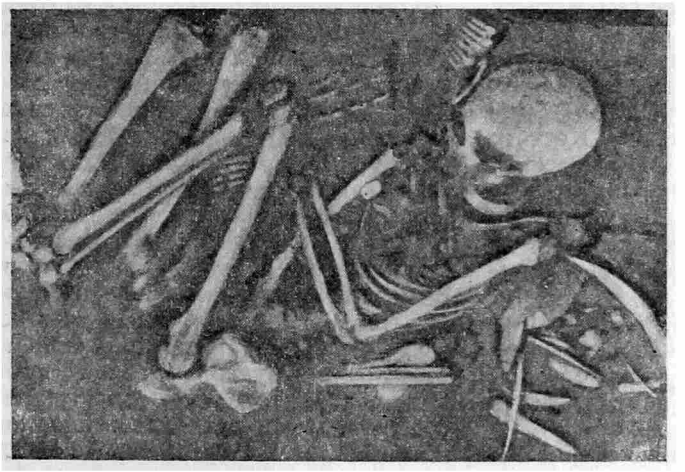

Рис. 3. Погребение шамана д. Аносово.

раннему комплексу типичного неолита (рис. 2) тайги, сопровождающиеся характерным и богатым погребальным инвентарем, находящем аналогии в древнейших поселениях неолитической эпохи (нижние слои Улан-Хада и т. д.). Распадаясь, повидимому, на две хронологически различные группы, эти памятники характеризуются особо совершенным, даже «изысканным» инвентарем. В 1936 г. особенно интересны находки этого типа из могильников около дд. Пономарево и Верхне-Середкино (шлифованные долотовидные орудия геометрически правильных форм из сланца и нефрита, кинжалы и наконечники, копья с вкладными лезвиями из каменных ретушированных пластин и lames, остатки луков «усиленного типа» — их костяные обкладки, мелкий каменный инвентарь, круглодонные сосуды с оттисками «плетенья» и своеобразным орнаментом).

Найдены погребения близкие по типу китойским, в том числе и более поздние, связывающиеся с энеолитом (Глазковская стадия). Энеолитические памятники представлены, кроме обычных «бедных» погребений, рядом «богатых» с очень своеобразными чертами погребального обряда, отражающими некоторые важные элементы общественного уклада, и, повидимому, развитие отцовского рода. Таковы могилы «удвоенные», с параллельными захоронениями мужчины и женщины, могилы «рядовые» — с захоронением 3—4 человек в соседних могилах, вытянутых в одну линию, могилы с парными и более погребениями (Усть-Уда, Подострожное, падь Нохой и др). Обращает на себя внимание не только наличие «бедных» и «богатых» погребений, но и резкое, зачастую, различие инвентаря, сопровождающего мужчин и женщин.

В отличие от ранее отмеченных погребений из докитойского комплекса, энеолитические содержат не столько охотничий, сколько рыболовный инвентарь — крючки из меди и бронзы (Усть - Уда), костяные крючья и великолепные гарпуны из рога и кости (падь Нохой).

Обращают на себя внимание найденные в 1936 г. остатки украшений из перламутровых кружков-

Рис. 4. Скульптурное изображение головы человека.

бусинок, нашивавшихся на головной убор и платье. Этот убор, дополнявшийся дисками и «браслетами» из белого нефрита, поразительно напоминает некоторые важные элементы национальной одежды эвенков, которую буржуазные этнологи (Широкогоров, Копперс) рассматривают как доказательство «южного происхождения» эвенков в виду ее чрезмерно «легкого» для холодной тайги облика. Сравнение археологических данных (падь Ленковка, Нохой, Фофаново, Хабсагай) с этнографическими и антропологическими (работы Рогинского и Дебеца) позволяет высказать сомнение в справедливости таких утверждений. Идеальная в условиях лесного эвенкийского быта, легкая и не стесняющая движения, одежда эвенков в ее основных элементах налична в тайге еще в эпоху энеолита, когда на Ангаре обитали люди с явно «тунгусоидными» черепами.

Одно из наиболее интересных и самых ранних энеолитических погребений было обнаружено у деревни Аносово. Костяк, лежавший (рис. 3) в скорченном положении, имел на голове остатки кожаного головного убора, украшенного медными бляшками или трубочками; в состав головных украшений входил и большой нефритовый «браслет». За спиной костяка лежали двумя скоплениями различные вещи, явно входившие в инвентарь особого, непроизводственно-трудового назначения, в том числе массивная лопаточка, вырезанная из рога лося, и скульптурное изображение головы человека на длинной костяной «шпильке» (рис. 4). Вполне вероятно, что как и женское погребение из Усть-Уды (1934 г.), аносовское погребение является шаманским.

Особое место занимают некоторые погребения, не укладывающиеся в рамки трех основных стадиальных комплексов, наметившихся к данному времени. Таковы погребения в пади Частые, Хиньской, сопровождавшиеся наконечниками «свидерского» типа с боковыми выемками и подправленным с брюшка плоской ретушью острием и некоторые другие.

Соотношение же основных комплексов в рамках относительной хронологии получило новое и веское подтверждение в виде счастливой находки (два случая) ранних неолитических погребений в сочетании с более поздними — энеолитическими впускными (Пономаревский могильник, 1936 г.).

Кроме погребений в 1936 г. был зарегистрирован ряд новых неолитических поселений различного времени.

Найдены новые городища (Курумчинского типа VII—X вв. н. э.). Обнаружены новые местонахождения наскальных рисунков, исполненных красной краской, выбитых на скале «выстукиванием», вырезанных и нацарапанных острым орудием (д. Бали, д. Макарьево-Свирская, о-в Маракту́й, о-в Верхний Каменный). Лучшие по сюжетам и стилю рисунки найдены в окрестностях д. Макарьево. Писаницы на о-ве Маракту́е находятся в ближайшем соседстве с древним городищем, пересекающим своим валом и рвом верхнюю скалистую часть острова.

Под скалистыми навесами островов и обрывистых берегов в ряде мест обнаружены следы древних поселений со своеобразной керамикой эпохи раннего (?) железа и, возможно, энеолита.

Четырехлетними работами (1932–1936 гг.) Ангарской археологической экспедиции Иркутского музея доведено до конца предварительное разведочное обследование ангарской долины между Иркутском и Братском, по сути уже перешагнувшее рамки «разведок». Но на очереди новые задачи.

Байкал — естественный центр таежного Прибайкалья. В Байкал впадает Селенга, уходящая истоками в недра центральной Азии. Ее бассейн связан в историческом прошлом с мощным очагом древней китайской культуры и соседними странами, с Амуром. Из Байкала вытекает Ангара, пробивающая дорогу через хребты и тайгу к Енисею, на запад, к Западной Сибири — Уралу и на север к Ледовитому океану. Этот древний путь облегчал взаимные связи и передвижения людей, обитавших в его орбите. Он пересекал и связывал их области. Обследование памятников былой человеческой культуры на всем протяжении, хотя бы той же Ангары, может значительно содействовать уяснению исторического прошлого конкретных судеб народов и племенных групп, населяющих и населявших Сибирь.

Закончить предварительное археологическое обследование всей долины Ангары — сердца таежной Сибири, — значит повторить работы 1932—1936 гг. на участке Братск-Стрелка (место слияния Ангары с Енисеем) протяжением около 1200 км в гораздо более тяжелых условиях полного бездорожья (ангарские пороги, отсутствие судоходства), глухой тайги и безлюдья. Результаты, судя по опыту предшествующих лет, оправдают все затраты и усилия, которых потребует такое предприятие.

Вторая задача, не менее трудоемкая, — развернутое исследование памятников прошлого на верхнем участке Ангары, в зоне подготовляющегося гигантского строительства Малого и Большого Ангаростроев и связанных с ними промышленных комплексов. Этим памятникам, имеющим часто исключительную мировую научную ценность, не избежать затопления. Они, следовательно, должны быть раскопаны в ближайшие пять лет.

С намеченными здесь задачами местным оганизациям не справиться, необходима помощь центра, нужно плановое содействие и руководство с его стороны.

Л. Н. СОЛОВЬЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ БЛИЗ Г. ОЧЕМЧИРИ В АБХАЗИИ

Земляными работами при строительстве очемчирского порта были обнаружены в большом кургане, среди болот, остатки зданий и черепки посуды, среди которых встречались древнегреческая чернолаковая посуда и поливная — феодальной эпохи.

Экспедиция Института абхазской культуры (Л. Н. Соловьев) и Археологического института при Наркомпросе Грузии (М. М. Иващенко) произвели в конце 1935 г. и начале 1936 г. археологическое обследование, подтвердившее существование у впадения р. Джикумура в море поселения, расположенного на трех искусственно насыпанных курганах. Поселение несомненно было связано с небольшой имеющейся здесь бухтой и глубоким устьем р. Джикумура, подпруженным морем и представляющим удобную стоянку для судов.

Наиболее древний культурный слой поселения, лежащий на уровне моря, а местами опускающийся ниже этого уровня, заключает остатки стоянки, возможно относящейся к начальной поре металла. Раскопками довольно полно вскрывается картина жизни обитателей небольшого поселка, занимавшихся охотой и рыбной ловлей среди девственных лесов, росших когда-то на морском побережье. Среди многочисленных, хорошо сохранившихся костей животных мы узнаем кабанов, оленей, туров, медведей. Нередки находки длинных каменных зернотерок, встречаются кремневые вкладыши для серпов. Хозяйственная деятельность группы опиралась на каменную индустрию. Наиболее ответственные орудия охоты и земледелия делались из кремня способом изящной отжимной ретуши. Сюда относятся стрелки с выемкой и острыми шипами у основания, гарпуны, пилки, вкладыши для серпов.

Этот характерный для эпохи инвентарь дополняют своеобразные орудия из морской гальки, встречающиеся в большом количестве. Они имеют разнообразное употребление. Здесь мы видим овально удлиненные ножи, овальные скребла, стамескообразные орудия, наконец, изредка, примитивные топоры. Часто встречаются грузила для сетей, сделанные из выщербленной по краям гальки.

Не только орудий, но и следов меди или какого-либо другого металла не найдено. Тем не менее стоянку следует относить не к столь раннему времени, судя по господствующим типам кремневых изделий и по высокостоящей технике изготовления глиняной посуды. Фрагменты последней встречаются здесь в большом количестве и говорят о довольно большом разнообразии форм и технических приемов. Здесь, например, встречаются фрагменты весьма тонкостенной черноглиняной посуды с хорошо лощеной орнаментированной поверхностью. Впрочем, быть может, этот вид керамики импортного происхождения. Это не умаляет общих высоких качеств керамики.

Остатков жилищ или каких-либо других конструкций в культурном слое стоянки не найдено. В одном случае были отмечены небольшие площадки из обожженной глины, могущие служить полом жилища.

Очемчирские находки не стоят одиноко. В Мингрелии были обнаружены в последние годы такие же «жилые курганы», раскопки которых близ Поти и в Анаклии дали находки, весьма близкие нашей энеолитической стоянке, но, повидимому, представляющие ее последующую фазу. Отсюда, однако, не следует, что Очемчирская стоянка располагалась на периферии области распространения этих памятников. В Лечкоп близ Сухуми были найдены многочисленные орудия из морской гальки, близко напоминающие очемчирские. Если подтвердятся эти предположения, то возможно ареал распространения этой культуры придется продвинуть значительно дальше на север. Время стоянки предположительно определяется границей 2-го и 3-го тысячелетий.

После перерыва, который отмечается образованием поверх синей глины, заключающей остатки стоянки, почвенного горизонта, на берегах р. Джикумур жизнь возобновляется. Здесь существует небольшое поселение, точно датируемое греческой чернолаковой посудой V—IV вв. до н. э.

С этим временем совпадает увеличение активности геологических процессов, вызвавшее опускание берега моря и накопление поверх синей глины, заключающей остатки стоянки слоя желтовато-серого суглинка, мощностью около 2 м. В результате культурный слой стоянки местами оказался ниже уровня моря, а остатки античного поселения распределились в слое желтого суглинка, не образуя культурного слоя, в силу быстрого накопления осадков.

Надо полагать, что опускание берега и связанное с ним заболачивание было главной причиной, побудившей соорудить первый курган (западный), давший удобную для поселения сухую площадку, защищенную широким водяном рвом. При этом в синюю глину, составлявшую насыпь кургана, попали кремневые орудия и керамика стоянки. Основной же культурный слой «жилого кургана» содержит на ряду с многочисленными остатками костей животных;

ракушек, древесины и стеблей растений также фрагменты посуды местной и импортной античного времени с довольно значительной долей чернолаковой посуды. Дальнейшее опускание берега и заплывание рвов вызвало новую присыпку кургана, сделаную уже за счет желтого суглинка. Повидимому, и эта присыпка не выходит из пределов V—IV вв. до н. э.

Поселение занимало также часть прилегающей к кургану равнины, где обнаружены остатки землянок. Повидимому, это было незначительное поселение, имевшее значение пристани для каботажного плавания, периодически посещавшееся греческими купцами. Население было преимущественно туземное, о чем ясно говорит преобладание туземной керамики над импортной, а также характер металлических изделий. При раскопке поселения найдены бронзовые гривны и браслеты с змеиными головами, медный колокольчик, своеобразная золотая подвеска в виде птичек с бусинками в клюве. На соседнем кургане еще до начала раскопок были найдены золотые бусы, повидимому, связанные с погребением. Интересны фрагменты костяной поделки с изображением головы воина в греческом шлеме. Связь находок с погребениями не установлена. Город, повидимому, погиб от пожара, о чем говорят кучи мусора с пережженными чернолаковыми черепками, выброшенные в ров.

Средневековое поселение превосходило своим размером предыдущие. В это время не только была густо заселена поверхность «жилых курганов», но и далее на восток у поселка Портстроя мы встречаем ясные следы поселений. Отсюда в глубь берега шел укрепленный рубеж (вал) по крутому склону долины р. Моквы. Средневековое поселение было мало затронуто раскопками, так как его центр лежит восточнее места раскопок. Была прослежена главная магистраль водопровода, подававшая воду по глиняным трубам из родников к западному и, повидимому, к центральному кургану. Были раскопаны и остатки двух горнов, служивших для обжигания извести. Частично обследована стена, сложенная из булыжника на извести, кольцом окружавшая 3-й курган. У восточного кургана обнаружен фундамент здания, сложенного на извести из булыжника с прокладкой больших плоских кирпичей. Здание было украшено колоннами из специально изготовленных круглых кирпичей.

На длительность существования феодального поселения указывают, с одной стороны, античные традиции в керамике, с другой — поливная посуда, предположительно XII—XIII вв. Представляется маловероятным, чтобы поселение, имевшее портовое значение, существовавшее с перерывами на протяжении 18 веков, не было упомянуто древними авторами. Быть может неожиданно открытые на берегах р. Джикумура руины следует приурочить к пристани Гиенос (упоминаемой в IV в. до н. э.). В XII в. Арканджело Ламберти указывает на своей карте в районе, соответствующем Очемчири, пристань Ткиэнес.

С. В. КИСЕЛЕВ

РАСКОПКИ КАРАСУКСКОГО МОГИЛЬНИКА НА Р. БЕЕ В ХАКАССИИ ЛЕТОМ 1936 г.

Саяно-алтайская археологическая экспедиция МОГАИМК и ГИМ летом 1936 г. произвела обширные раскопки на территории и в ближайших окрестностях известного Чаа-таса (древне-хакасского могильника) в 6.5 км к югу от станции Уйбат Ачинско-Минусинской железнодорожной ветки. Здесь работали С. В. Киселев и Л. А. Евтюхова. Раскопками, главным образом, были исследованы таштыкские могилы и каменные курганы Чаа-тас, давшие большой материал, по-новому освещающий историю Хакассии с II в. до н. э. по VII в. н. э. В ближайшем номере «Советской археологии» мы подробно информируем об этих находках.

Одновременно с основными раскопками наша экспедиция исследовала десять карасукских могил из могильника, расположенного в 15 км к юго-востоку от Уйбатского Чаатаса, на высоком мысу над р. Беей. Всего мы насчитали в нем до 40 могильных оградок.

Особенностью могильника является то, что на ряду с могилами, отмеченными оградками, он имеет могилы с насыпанными над ними довольно значительными курганами с вершиной в северной части.

Мы раскопали 6 таких курганов (могила № 2 — высота 0.75 и диаметр 17 м; № 4— 0.4 и 12 м; № 5—0.3 и 8 м; № 6—0.3 и 12 м; № 7—0.25 и 12 м; № 8—0.2 и 11 м).

Все могилы, кроме № 2, имели и четыреугольные оградки из вертикально врытых плиток (могила № 1— ЗЮЗ, ВСВ и т. д., 4.1 на 4.1 м; № 3 — ССЗ, ЮЮВ и т. д., 6.65 на 6.65 м; № 4 — оградка разрушена;

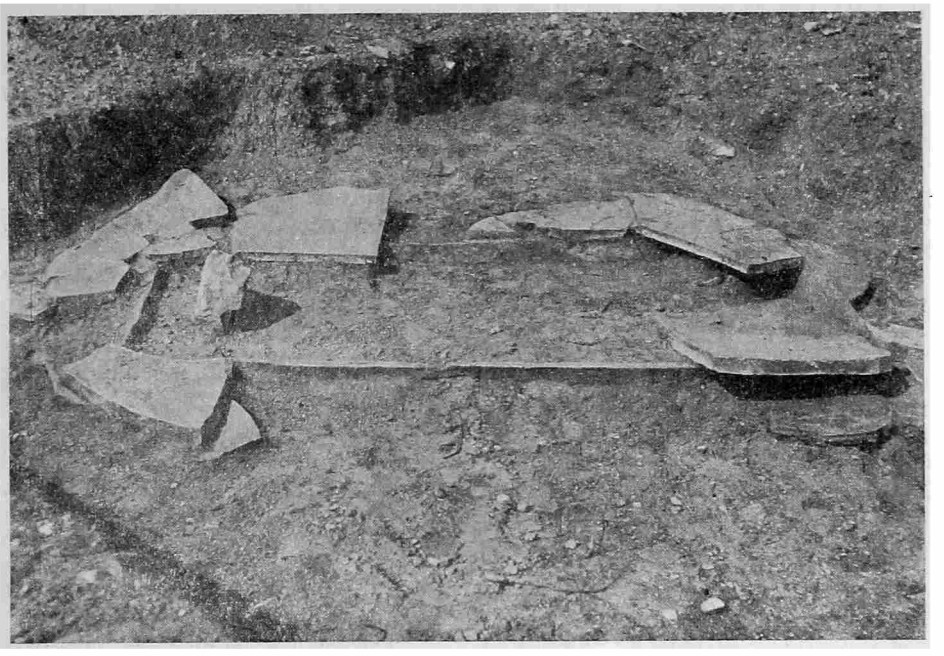

Рис. 1. Плиты, покрывающие могильный ящик.

Рис. 2. Общий вид погребения.

№ 5 — также, ориентирована по странам света; № 6 — ВСВ, ЗЮЗ и т. д., 7.5 на 7.5 м; № 7 — ВСВ, ЗЮЗ и т. д., 7 на 7 м; № 8 — ВСВ, ЗЮЗ и т. д. 6 на 6 м; № 9 — Ю и С: 4.2 и В и З : 6.3 м; № 10 — по странам света 3 на 3 м). Все могилы, кроме № 9, где в оградке было 2 погребальных ящика, имели в центральной части по одной вырытой в материке погребальной яме, обставленной по стенкам тщательно обтесанными плитами девонского песчаника, в виде трапециевидного в плане ящика. (Размеры и ориентировка ящиков: могила № 1 — ящик разбит, форма ямы нарушена грабителями; № 2 — длина ВСВ — ЗЮЗ 2.45, ширина ВСВ стенки 1.1 м, ЗЮЗ — 0.9 м, глубина 0.95 м; № 3 —

длина СВ—ЮЗ 1.7 м ширина СВ 0.85 м, ЮЗ 0.65 м, глубина 0.55 м; № 4—длина ВСВ—ЗЮЗ 2.37 м, ширина ВСВ 1 м, ЗЮЗ 0.8 м, глубина 0.7 м; № 5 — длина ЗВ 2.25 м, ширина В 1 м, 3.095 м, глубина 0.75; № 6 — длина ВСВ — ЗЮЗ 2.2 м, ширина ВСВ 1 м, ЗЮЗ 0.9 м, глубина 0.4 м; № 7—длина ВСВ—ЗЮЗ 1.8 м, ширина ВСВ 0.85 м, ЗЮЗ 0.75 м, глубина 0.25 м; № 8 — длина ВСВ — ЗЮЗ 2 м, ширина ВСВ 1 м, ЗЮЗ 0.85 м, глубина 0.25 м; № 9 (южный) длина ВСВ—ЗЮЗ 2 м, ширина ВСВ — 0.9, ЗЮЗ 0.85 м, глубина 5.05 м; № 9(северный)длина ВСВ—ЗЮЗ 2.1 м, ширина 8, глубина 0.45 м; № 10 — длина ВСВ — ЗЮЗ 1.5 м, ширина ВСВ 0.7, ЗЮЗ 0.66 м, глубина 0.38.) Плиты, покрывавшие ящики, во всех случаях были разбиты грабителями (рис. 1). Только у ящика № 3 покрытие было цело, но провалилось, соскользнув с одной стенки. Все ящики, кроме № 3, были ограблены. Погребения №№ 1, 2, 6—10 были ограблены настолько, что от костяков остались лишь отдельные разбросанные и поломанные кости. Среди них интересно бедро из могилы № 2, некогда переломленное и сросшееся в накладку кусок на кусок. Среди костей человека уцелели отдельные обломки сферических сосудов (в могиле № 2 с резными и заштрихованными треугольниками и в могиле № 6), кости ног коровы (№ 9 — южная и № 9 северная) и лопатка овцы (№ 10).

Погребение № 3 сохранилось полностью (рис. 2). На грунтовом дне ящика вдоль его северо-западной стенки лежал костяк женщины на левом боку головой на северо-восток, ноги — левая вытянута, правая несколько согнута, руки вытянуты несколько вперед, кистями перед тазом. У левого и правого виска лежали по 3 медных спиральных проволочных височных кольца с остатками волос и кожи. Под нижней челюстью своеобразный «кулон» из пяти ремешков, отходящих вниз от одной круглой медной бляхи и обложенных медными обоймочками.

В восточно-северо-восточном углу ящика стоял сферический сосуд, украшенный двумя рядами четыреугольных вдавлений. От горшка к югу лежали кости ноги барана и у левого локтя — баранья лопатка. На ножной кости барана, острием к середине локтевой кости левой руки лежал медный нож с рубчатой рукояткой с кольцом сверху, украшенным тремя кнопками. Острие ножа несколько оттянуто назад. Эта находка датирует большую серию аналогичных ножей Минусинского края,[1] Забайкалья[2] и Монголии.[3] Острый конец ножа отломан провалившейся плитой покрытия. У конца ножа сохранились кусочки шерстяной ткани из толстых ниток и остатки деревянного предмета и деревянной же кнопки с медным гвоздиком, возможно от ножен.

Погребение № 4 было ограблено еще до того, как разложились связки — за это говорит нижняя часть левой ноги, целиком (от колена) отброшенная к западно-юго-западной стенке. Соответственная часть правой ноги отсутствовала. Остальные части костяка были целы. Они принадлежали взрослому мужчине, лежавшему вдоль северо-северо-западной стенки, головой на восток-северо-восток, на левом боку, повидимому, вытянуто, с руками, согнутыми в локте почти под прямым углом и протянутыми от локтя прямо к юго-юго-восточной стенке, вдоль которой от кисти левой руки, лежали ножная кость, 2 ребра и лопатка барана.

Также частично был потревожен костяк взрослой женщины погребения № 5. Она лежала вдоль северной стенки головой на восток, вытянуто на спине, с руками: левой, вытянутой вдоль тела, и правой, согнутой в локте, кистью над кистью левой. Правая нога вся целиком была оторвана от несколько сдвинутого таза и брошена, образуя с левой косой крест (бедренным суставом к кости левой руки). На правой ноге (ниже колена) лежали без особого порядка 4 ребра и позвонок коровы. В юго-восточном ящике в дно был как бы втоптан небольшой обломок острия медного ножа, около которого лежал кусочек кожи.

---

[1] 10 экземпляров хранятся в Минусинском музее, 1—в Томском университете, 2—изданы Кузнецовым-Красноярским в «Минусинских древностях», вып. 1, табл. VIII, 3, 6.; 1 — см.: Радлов. «Сибирские древности», т. I, вып. 1, табл. IV, рис. 19 (МАР, вып. 3, СПб., 1888).

[2] А. Махалов. Формы для отливок и бронзовые ножи Забайкалья, т. I, рис. 3 (Материалы Читинского краевого музея, вып. 1).

[3] Inner Mongolia and the region of the Great Wall, Tokyo and Kioto, 1935, Corpus III, 3, 4, 26.

Н. Н. ЧЕРНЯГИН

РАСКОПКИ ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Раскопки на территории Псковского «крома» (детинец или кремль) летом 1936 г. были произведены по инициативе Псковского государственного музея, поставившего своей целью систематическое исследование Псковского городища.

Эти предварительные разведочные раскопки имели задачей выяснение характера наслоений наиболее древней части Псковского городища и, в первую очередь, решение вопроса о степени разрушения этого участка кремля, так как земляные работы, производившиеся Петром I во время шведской войны для сооружения бастионов, внушали большие сомнения в сохранности культурных напластований.

Псковский «кром» занимает высокий, крутой известковый мыс, вытянутый стрелкой с юга на север и образованный впадением р. Псковы в Великую. Площадь его обнесена древней боевой стеной, образующей неправильный треугольник, основанием которого является линия «Давмонтовой стены» (с юга), а вершиной — остатки башни «Кутнего Костра», находящиеся на северной оконечности высокой части мыса. С внутренней стороны к крепостным стенам (за исключением западной) присыпаны в петровское время упомянутые бастионы, земля для которых, видимо, бралась с этой же площади, чем, вероятно, и объясняется резкое понижение почвы северного и северо-восточного участков кремля. Раскоп размером 10 на 7 м был заложен у подошвы восточного бастиона (присыпанного к стене, идущей над р. Псковой) в качестве продолжения к западу пробного небольшого раскопа, произведенного К. К. Романовым в 1930 г.

Намечавшиеся здесь напластования (непосредственно у бастиона) оказались уцелевшими лишь частично. На раскопанной площади в 70 кв. м были обнаружены в трех местах значительные по объему нарушения слоя в виде вклинившихся в него до материка ям. В одном случае стены эти были связаны с каким-то сооружением (кладкой), найденным уже в разрушенном состоянии (остатки фундамента). Площадь, давшая при вскрытии нетронутую стратиграфию, равняется приблизительно 50 кв. м. Разрушение ряда культурных слоев при насыпании бастионов подтвердилось. На исследованном участке отсутствуют данные для датировки более поздней, чем XIII в., если не считать слоя обгорелого зерна, непосредственно под дерном, сопровождающегося большим количеством обломков кирпича, печных изразцов, шлака, гвоздей, скоб и т. д., относящихся к XVIII в. Дальнейшие раскопки должны уточнить вопрос о хронологии позднейших уцелевших горизонтов и, может быть, при наличии достаточного датирующего материала позволят установить более поздние даты. Но в пределах раскопа 1936 г. таких данных нет; русская же поздняя керамика, встреченная в большом количестве, не является датирующим материалом.

Вскрытый нами участок Псковского кремля характеризуется рядом глиняных настилов (фрагменты полов), разделенных прослойками подзола и перегноя, с включением линз дресвы, рыбьей чешуи, древесных остатков и тремя интенсивными угольными слоями. Мощность этих напластований достигает 170—180 см.

Фрагменты глиняных полов уже встречаются на глубине 45—50 см в сопровождении лепленой от руки керамики. Выше залегает толстый (30—70 см) слой подзола и суглинка с многочисленными включениями известняка, булыжника и содержащий в верхних своих горизонтах керамику, изготовленную при помощи гончарного круга.

Обычно эти полы подостланы и часто бывают покрыты тонкими прослойками древесной коры. В одном случае пол был перерезан небольшой ямой, содержавшей древесный уголь (очаг).

Фрагментарное состояние глиняных настилов не дало возможности установить в плане их конфигурацию.

Основным материалом, сопровождающим культурное наслоение, является керамика и многочисленные кости животных, среди которых чаще всего попадаются кости лошади, козла, быка, дикой свиньи, реже — кости и чешуя рыб, в том числе осетра, и кости птиц; встречен также рог оленя. Фаунистический материал еще нуждается в детальной обработке.

В верхних горизонтах (до 30 см) посуда, изготовленная на гончарном круге, с обычным линейным и волнистым орнаментом является единственным видом керамики. Это фрагменты горшков с отогнутым венчиком и выпуклыми стенками, обычно встречающихся в русских курганных погребениях. Ниже, на ряду с этой керамикой, встречена лепная тонкостенная с относительно гладкой поверхностью и незначительной примесью мелкой дресвы.

Нижние горизонты (от 70—80 см и ниже) характеризуются весьма массивными фрагментами грубой керамики, лепленой от руки (плоскодонные массивные сосуды) с бугристой поверхностью, с большой примесью крупной дресвы. Найдены фраг-

менты «защипнутых» волнистых венчиков.

Этого типа посуда известна в Ленинградской области в удлиненных курганах с трупосожжением, в частности, в районе Пскова, а также в сопках по Волхову.

На ряду с этой керамикой, на горизонте 95—100 см спорадически встречались редкие находки керамики совершенно иной, тонкостенной, черной, с лоснящейся поверхностью, прямым тонким венчиком и с плавной линией перехода к плечику сосуда.

Происхождение этой ранней керамики окского типа, известной, правда, и в ранних городищах на верхней Волге, на Псковском городище, и ее место в смене поселений, следы которых сохранились на месте древнего Пскова, могут быть выяснены лишь дальнейшими раскопками. Пока же, в пределах исследованной нами площади кремля, этот тип посуды не является характерным, составляя ничтожный процент всего керамического материала (находки ее насчитываются единицами).

Однако наличие этой керамики и архаический характер материала, связанного с нижними горизонтами культурных наслоений Псковского кремля, дают повод относить первоначальное поселение у устья р. Пскова к отдаленной древности.

Из других находок заслуживают быть отмеченными в верхних горизонтах (0—40 см): железный топор «норманского типа» с опущенной бородкой, железная мотыга, железный наконечник стрелы и кремневый скребок на укороченной пластине. В пределах горизонтов 40—60 см найдены пронизки из стеклянных посеребренных бус, буса красная пастовая, костяной наконечник стрелы, кистень, костяной гребень в виде пластинки с резными фигурками животных и изображением ладьи с парусом. Далее встречен обломок гладкого, синего стеклянного браслета; ниже на глубине 80 см застежка бронзовая с массивными головчатыми концами (так наз. «моцинского» типа).

Преимущественно в нижних горизонтах найден ряд костяных шильев; из других бытовых остатков встречено большое количество глиняных пряслиц, грузил, точильных брусков.

При всей ограниченности добытого материала (в нижних горизонтах находки очень малочисленны) можно, однако, заключить, что псковский кремль является в то же время древним городищем, о чем свидетельствуют нижние его горизонты, содержащие в основном археологический комплекс, относящийся к эпохе древних славян. В находках здесь доминируют кости домашних и диких животных и рыб.

Спорадически встреченные зерна ржи не дают пока возможности установить роль земледелия в хозяйственной жизни этих наиболее ранних поселений Псковского городища.

П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

КАЛУЖСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ им. Н. Я. МАРРА 1936 г.

I

В 1935 г. Академией истории материальной культуры было начато обследование археологических памятников на территории проектируемой Калужской ГЭС, сооружение которой предполагается осуществить несколько ниже слияния Оки с Угрой. В 1935 г. было произведено обследование берегов Оки от г. Белева до Калуги. В 1936 г. работы в этом районе были продолжены и выразились в обследовании низовьев р. Угры и в раскопке городища у с. Спаса на левом берегу Оки, в 2 км выше устья Угры.

Берега Угры, в начале нынешнего столетия служившие местом работ Н. И. Булычева,[1] представляют собой местность, чрезвычайно богатую археологическими памятниками, восходящими к эпохе неолита, но главным образом относящимися к первому тысячелетию н. э. Особого внимания заслуживают многочисленные городища, а также сопровождающие их курганы, содержащие остатки сожжений.

По причинам, точно установить которые сейчас затруднительно, исследованиями Н. И. Булычева совершенно не было за-

[1] Н. И. Булычев. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки, М., 1899; Раскопки по среднему течению р. Угры, М., 1913; Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги, М., 1903.

тронуто нижнее течение Угры — местность как будто бы наиболее интересная, так как несомненно, что место слияния двух важнейших водных артерий края — Оки и Угры — являлось центром всей этой области, населенной в первом тысячелетии н. э. вятичами.

Угра была обследована в 1936 г. на протяжении 60 км от с. Никола Ленивец до устья, причем изучением были охвачены лишь участки поймы и непосредственно примыкающие к ней участки коренного берега, т. е. места, которые пострадают в будущем в результате поднятия уровня воды плотиной ГЭС. На этом участке было обнаружено 22 пункта местонахождений памятников. На них в двух местах оказались незначительные остатки неолитических стоянок, в девяти местах — курганы конца первого тысячелетия н. э., в шести пунктах — городища середины и второй половины первого тысячелетия н. э. и в остальных местах — древние селища, главным образом IX—X и XI—XII вв. Ни один из обнаруженных памятников раскопкам не подвергался.

Остатки неолитических поселений без культурного слоя были обнаружены с левой стороны у самого устья Угры. Они дали очень мало материала и не обещают интересных находок.

Особый интерес представляют городища и, несомненно, связанные с ними курганы. На левом берегу Угры, против д. Миленка курган диаметром 10 м и высотой 2 м оказался внутри валов городища, представляющего собой округло-прямоугольный участок берега, с трех сторон окруженный двумя невысокими валами. Курган имеет на вершине глубокую кладоискательную яму, в стенках которой были обнаружены обломки сосудов с черной лощеной поверхностью, т. е. времени V — VII вв. н. э. На других пяти городищах, представляющих собой либо участки берега, окруженные с трех сторон валами, либо укрепления на мысах коренного берега, курганов найдено не было. Но они располагались рядом с некоторыми городищами, по одному или по два, причем, как правило, на противоположном берегу р. Угры, на пойме. Курган оказался напротив прекрасного городища, расположенного у с. Никола-Ленивец, время которого, повидимому, VII—VIII вв. н. э. Два кургана расположены против городища у с. Покров, относящегося, повидимому, к этому же времени. Один из курганов в настоящее время распахан, причем плугом были вывернуты глиняный сосуд и сожженные кости. Большой расплывчатый курган имеется невдалеке от городища «Корабль», около д. Миленка, на правом берегу Угры. Городище имеет культурный слой, содержащий обломки грубой, лепной посуды и посуды с черной, лощеной поверхностью. Такие же находки были сделаны на двух городищах у д. Свинухово на правом берегу Угры, около которых курганы обнаружены не были.

В тех местах, где курганы обнаружены отдельно от городищ,[1] они также не образуют больших групп. У д. Звизжа, на левом берегу Угры встречено 4 кургана, около хутора Красный Городок — 2 кургана, около с. Рождества, против д. Балабанова, у д. Греблики и выше д. Балабанова — по одному. Последний несколько лет тому назад был раскопан местным врачом, обнаружившим под насыпью жженые человеческие кости. Все курганы имеют диаметр от 10 до 15 м, при высоте 0.75—1.50 м. Исключение составляет курган у д. Гребенки, имеющий форму конической сопки. Его высота 4.5 м при диаметре 10 м. Около кургана на пашне найдена все та же черная лощеная керамика.

Из обнаруженных селищ любопытный материал дало лишь одно, находящееся на краю невысокого правого коренного берега Угры, слева от выхода в пойму р. Рудинцы. В ямах, из которых брали песок, ясно видны профили пяти землянок в виде ям 4 м в поперечнике и 0.70 м глубины. Здесь собраны: лепная керамика IX—X вв., куски глиняной обмазки и кости животных.

II

Городище у с. Спас, на котором были произведены небольшие раскопки, внешне представляет собой совершенно исключительный памятник. Оно занимает удлиненный мыс высокого коренного берега прямоугольной в плане формы с ровной площадкой и почти отвесными склонами. От массива коренного берега мыс отделен высоким валом и глубоким рвом, за пределами которых на участке плато расположена вторая часть городища, окруженная валом и рвом с трех сторон. На соседних участках берега везде прослеживается культурный слой. При земляных работах постоянно находят человеческие скелеты, сопровождаемые кое-каким инвентарем, среди которого следует отметить семилопастные височные кольца так наз. московского типа. Таким образом здесь располагаются остатки огромного поселения, относящегося к XI—XIII вв. н. э.

Раскопкой была охвачена часть основного городища, примыкающая к его правому склону. Раскоп имел прямоугольные очертания и размеры 10 на 14 м. На этой площади были открыты остатки полуземляного жилища, размером 4 на 4 м, со срубом, опущенным в землю на глубину 1 м, деревянным полом и печкой-каменкой на глиняном основании, расположенной в центре у задней стены. Надземные части постройки и, вероятно, крыша были густо обмазаны глиной,

[1] Так как исследована была лишь узкая полоса вдоль берега, нельзя утверждать, что около этих курганов выше по берегу нет поселений; напротив, вероятно, они там имеются.

лежащей в культурном слое городища целыми пластами. Рядом обнаружена погребная яма овальной формы со стенками, обмазанными глиной, а также другая яма, назначение которой осталось неясным.

Часть раскопа 1936 г. совпала со старым раскопом, которым была разрушена вторая прямоугольная полуземлянка.

В остатках строений, а также в культурном слое в большом числе найдены кости животных (пока что еще не определенные), керамика, изделия из железа — ножи, шпоры, долота, шилья, гвозди и т. д., жернова, точильные камни. Найдены обломки стеклянных браслетов, украшения и предметы убора из бронзы и, наконец, арабская монета XI в.

Под культурным слоем XI—XIII вв. кое-где сохранился более древний слой, относящийся, повидимому, к VI—VII вв. Он дал грубую лепную, а также черную лощеную керамику, костяные наконечники стрел, прясла от веретен с орнаментом и т. д.

На других частях поселения древний слой не прослеживается.

Огромные размеры памятника заставляют рассматривать его как город, расположенный вблизи устья Угры. Было бы чрезвычайно интересным найти его имя, увязать памятник с каким-либо из известных по летописи вятических городов. Пока что в этом отношении не вырисовывается ничего определенного.

А. П. СМИРНОВ

ИССЛЕДОВАНИЕ ГОРОДИЩА СУВАР

(Экспедиция МОГАИМК 1936 г.)

Исследования городища Сувар [1] 1936 г. свелись к незначительным раскопкам рекогносцировочного характера с целью отыскания древнего могильника и были произведены в двух пунктах на территории, примыкающей непосредственно к городищу, в местах, где по сведениям были находимы человеческие кости. Кроме того, к юго-востоку от городища был заложен один разведочный шурф 2 на 2 м для выяснения наличия культурного слоя.

В результате исследований 1933—1935 гг. уже было установлено наличие пригорода к северо-востоку-востоку от укреплений городища, протянувшегося до околицы д. Кузнечихи.

К юго-востоку такого пригорода не обнаружено, о чем можно судить по отсутствию культурного слоя в шурфе, сделанном в этом году.

Исследованиями этого года был обнаружен культурный слой и на правом берегу р. Утки, на территории, занятой д. Агневской и простирающейся на запад до д. Даниловки.

К востоку от городища, приблизительно в 0.5 км от линии вала, крестьянами д. Татарский Городок был найден человеческий череп. Раскоп 10 на 4 м, заложенный на месте находки, дал наличие культурного слоя мощностью около 40—50 см, залегающего поверх погребенного чернозема.

Характер добытого материала и открытых сооружений в раскопках этого года аналогичен найденному исследованиями 1933—1935 гг. Точно так же, как и тогда, в верхних слоях (например, слой 3 участка 8) были обнаружены остатки глиняных цилиндрических печей, повторяющие находки 1935 г. Точно так же встречен деревянный настил, представляющий остаток пола, повидимому, жилого здания (слой на глубине 0.5 м). И, наконец, известные в большом числе по раскопкам прошлых лет зерновые ямы открыты и в этом году в числе восьми штук. Эти ямы имели форму цилиндра, полушарную и форму усеченного конуса. В одной из них, № 6—7, на дне был обнаружен органический слой, в котором сохранились зерна пшеницы. По размерам ямы аналогичны открытым прежде.

Вещевой материал, довольно многочисленный, представлен, главным образом, керамическими находками. В числе их встречаются обломки посуды, сделанной от руки без выточки на гончарном круге, из глины с примесью толченой раковины с поверхностью, украшенной линейным веревочным орнаментом. Наиболее многочисленна группа посуды, сделанная на ручном круге из желтой глины. Довольно часты также обломки коричневой лощеной посуды. Значительно реже встречаются черепки красного цвета и черной лощеной посуды. Вся керамика пористая. Особый интерес представляют несколько черепков посуды, сделанной на ручном гончарном круге из глины с примесью дресвы, отчего поверхность сосудов неровная. Эта группа керамики по фактуре напоминает позднедьяковскую. Найденные керамические об-

[1] Городище находится в Кузнечихинском районе Татарской АССР. Раскопки производились в 1933 г. В 1934—1935 гг. в центре городища был открыт большой архитектурный комплекс XI—XIV вв. н. э.

ломки позволяют судить о форме сосудов. Встречены горшки, кувшины, чашки, крышки от сосудов с цилиндрическими ручками, лампы обычной формы и сфероконические сосуды. Последние сделаны из тех же сортов глины, что и обычная керамика. Необходимо отметить найденный в фрагментарном состоянии в одной из ям необожженный сосуд сфероконической формы, сделанный из голубой глины. Эта находка решает вопрос о том, что сфероконические сосуды голубой глины не являются привозными из Средней Азии, а представляет собой произведения местных ремесленников. Орнаментика сосудов обычная: линейный волнистый и зубчатый орнаменты расположены по плечикам сосудов. Заслуживает быть отмеченным орнамент в виде плетения.

Как и в раскопках прошлых лет, весьма редко встречается поливная посуда зеленого цвета, — обстоятельство, подтверждающее раннюю дату этого памятника.

При исследовании этого года был найден один обломок днища с клеймом ремесленника, напоминающим русскую букву У. Встречено также одно днище сосуда, сделанного на ножном гончарном кругу.

Последние сосуды довольно редки в собраниях вещей болгарской культуры, как можно судить хотя бы по коллекции Лихачева в центральном музее Татреспублики. Это обстоятельство заставляет отнестись с некоторой осторожностью к утверждению некоторых исследователей о позднем введении ножного гончарного круга.[1] Из других вещей довольно часты глиняные прясла бочкообразной формы, битрапецоидные и плоские, железные кольца, ножи, железные пробойники для работы по металлу, гвозди. Встречены также железная стрелка, ключ и пружина замка, одна медная накладка, одна сферическая полая медная бляшка, одна костяная накладка и несколько обломков рога и кости с явными следами опила. Из костяных вещей найдена одна пластинка с четырьмя отверстиями. Весь полученный материал и характер культурного слоя не дает никакого основания искать там погребений. Найденный крестьянами череп безусловно является случайной находкой и не может служить доказательством наличия могильника.

Все предметы, среди которых почти отсутствуют вещи, характерные для монгольской эпохи, заставляют датировать пригород в основном болгарской эпохой. Это же подтверждает и материал отдельных ям.

Так, яма № 2 содержала пружину от железного замка цилиндрической формы и обломки глиняной посуды, сделанной из желтой глины. В яме № 3, которая стратиграфически, судя по профилю юго-западной стенки, относится к верхнему слою, были встречены обломки посуды коричневой лощеной и посуды из желтой глины.

В ямах №№ 4 и 5 найдены обломки посуды, среди которой встречены керамика с веревочным орнаментом, сделанная без гончарного круга, и посуда коричневого и желтого цвета — обычная для болгарских слоев.

В яме № 6—7, содержавшей в нижней части слоя органические остатки с зернами пшеницы, найдено железное ушко от котла, стрелка бипирамидальной формы, железный пробойник и обломки той же керамики. Все вещи, дающие раннюю датировку домонгольской эпохи.

Яма № 8 содержала обломки посуды черного цвета, украшенной веревочным орнаментом, и ключ от железного замка.

Все эти материалы подтверждают раннюю датировку пригорода и дают право предполагать, что в монгольскую эпоху эта часть поселения может быть и не была заселена, так как значение Сувара в это время сильно упало по сравнению с эпохой X—XII вв.

Раскоп № III был заложен на правом берегу речки Утки, в 150 м к юго-юго-западу от д. Огнеевки, около дороги в Даниловку, где в продолжение ряда лет при распашке были находимы человеческие кости с отдельными вещами.

Разведочная траншея прорезала культурный слой, при разработке которого был сделан ряд находок и одно расстроенное погребение, потревоженное, повидимому, при распашке местности.

Культурный слой представляет однородную массу без каких-либо следов сооружений и прослоек. В этом отношении он напоминает наслоение, открытое к югу от укрепления, в местности, называемой «Лодка», где был в 1934 г. открыт могильник. Это последнее обстоятельство свидетельствует о том, что культурный слой в этой части был перекопан при устройстве могил. Единственное погребение было открыто на глубине 30 см. Оно состояло из плохо сохранившейся бедренной кости, ориентированной с севера на юг. По положению кости можно полагать, что костяк лежал головой на север.

При погребении никаких вещей не найдено. Время могильников определяется следующими соображениями. На этой территории отложился культурный слой, который, судя по найденным вещам, датируется временем болгарской эпохи. Там встречена керамика коричневого и желтого цвета, лощеная и простая. Встречена посуда, сделанная из глины с примесью дресвы и с поверхностью, напоминающей позднe-

[1] М. В. Воеводский. Глиняная посуда Москвы XVI—XVIII вв. по материалам, собранным при работах Метростроя. Сборник по трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л. М. Кагановича, Л., 1936, стр. 169; его же. О гончарной технике первобытно-коммунистического общества. Советская археология, т. I, Л., 1936, стр. 61.

дьяковскую. Стенки посуды имеют в разрезе темную полосу, указывающую на невысокий обжиг. Найдена посуда, сделанная от руки, без выточки на гончарном круге, черного цвета, украшенная в верхней части веревочным орнаментом. Из других вещей встречены: одно пряслице, сделанное из обломка посуды, глиняный конус неопределенного назначения, железная стрелка, железная пряжка с длинной пластинкой для прикрепления ремня и железная пластинка.

Весь немногочисленный материал дает основание для ранней датировки (X—XII вв.).

Кладбище могло здесь возникнуть только после запустения этой территории и, повидимому, может относиться ко времени XIII—XIV вв.

Кроме работ, связанных с отысканием древнего могильника, было обследовано урочище, называемое Свар-гора, где, по преданиям, находился древний город Сувар. Оно находится к северо-востоку от д. Кузнечихи.

Обследование этого пункта дало ряд керамических находок, указавших на наличие какого-то поселения. А по сведениям, полученным от крестьян с. Кузнечихи, лет 60—70 назад при распашке там неоднократно были находимы топоры, ножи, прясла и железная цепь.

В настоящее время почти никаких следов культурного слоя не сохранилось. Точно так же не было найдено никаких признаков укреплений.

Осмотр оврагов, разросшихся по сведениям за последние 30—40 лет и прорезавших местность во всех направлениях, дал возможность установить стратиграфию холма. Глубина оврага на расстоянии 100 м от моста, по дороге в д. Катюшино, равняется 8.50 м. Верхний слой чернозема 30 см частично смыт с верхних участков холма; второй слой 48 см — песок, также смытый с верхних участков; третий слой — чернозем — мощностью до 30 см; четвертый слой 7.42 м — красная глина.

Для исследования «Свар-горы» на ее поверхности был заложен ряд шурфов, давших два слоя: верхний растительный, в некоторых шурфах, расположенных в более низких плоскостях, непосредственно сливающийся с культурным, и, ниже, слой глины. В верхнем слое встречены были немногочисленные обломки керамики, дающие возможность условно датировать памятник. Первая группа состоит из нескольких обломков современной посуды — белой фаянсовой и коричневой поливной. Вторая группа представлена черной лощеной серебристой керамикой с поверхностью, заглаженной неправильными прямоугольниками. Обломки аналогичны керамике XVI—XVII вв. московских слоев.

Третья группа — обломки грубой посуды желтого и красного цвета, довольно пористой, напоминающей некоторые черепки Суварского городища. Как можно судить по некоторым днищам, посуда сделана на ножном гончарном кругу.

Эти находки дают основание полагать, что на месте Свар-горы существовало поселение, которое, судя по многочисленным находкам, сделанным местными крестьянами, оставило насыщенный вещами культурный слой, разрушенный за последние десятилетия.

Этот слой мог принадлежать поселку (деревне) и датируется немногочисленными находками керамики — концом XIV — XVII вв.

Предание о нахождении древней башни на площади Свар-горы не подтвердилось. Найденные обломки кирпичей относятся к позднему времени.

Вопрос о том, почему местное население связывает этот холм с именем древнего города Сувара, может быть объяснен тем, что после окончательного падения Сувара в XIV в. часть его жителей поселилась недалеко от города (в 6—7 км), перенеся вместе с тем на новое место и название древнего города.

Г. В. ПОДГАЕЦКИЙ

КРАТКИЙ ОТЧЕТ О РАБОТАХ ОРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Строительство Орск — Новая Аккермановка, угрожавшее разрушением целому ряду археологических памятников, выявленных специально проведенной Б. Н. Граковым разведкой, вызвало необходимость в организации экспедиции. На основании правительственных постановлений об охране памятников древности на новостройках Государственной академией истории материальной культуры им. Н. Я. Марра был заключен договор с Управлением строительства, которое обязалось субсидировать в 1936 г. необходимые в районе строительства археологические работы, а Академия — провести последние.

В состав Орской экспедиции вошли: Г. В. Подгаецкий (начальник экспедиции), М. З. Рабинович и С. С. Черников (научные

сотрудники). В дальнейшем в работах экспедиции принял участие Оренбургский областной краеведческий музей, выделив для этого как своего представителя в лице К. В. Сальникова (старший научный сотрудник), так и соответствующие средства.

Изыскания велись одновременно двумя отрядами, один из которых работал на трассе строительства Орск — Аккермановка а второй под руководством К. В. Сальникова к востоку от Орска близ аула Джанатан.

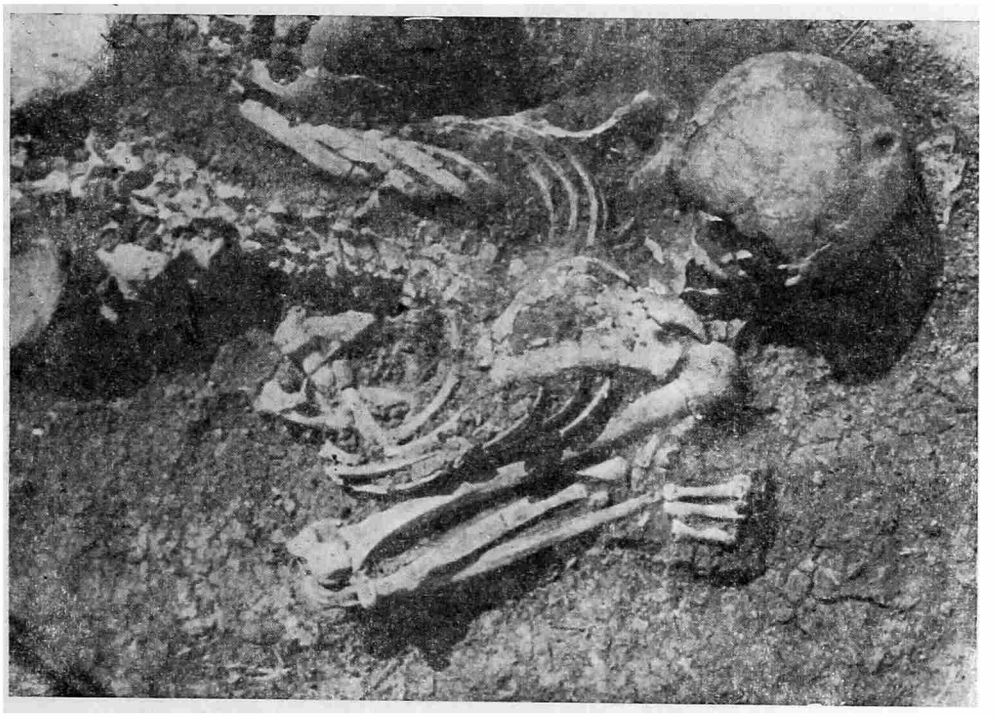

Рис. 1. Деталь первого захоронения. Могильник близ пос. Н.-Аккермановки.

К началу полевых исследований почти на всем протяжении тридцатикилометровой полосы строительства земляные работы строительства были закончены, за исключением небольших промежутков. В числе их оказался участок, находившийся на 27-м км близ пос. Новая Аккермановка, на котором был расположен древний могильник, подвергшийся изучению в первую очередь.

Наружными признаками существования в данном пункте могильника являлись кольцеобразные каменные выкладки, т. е. сооружения, достаточно хорошо известные по предшествовавшим археологическим изысканиям и характерные для погребений эпохи бронзы южного Урала. Занимая площадь, примерно, 65 на 150 м, по своей длине расположенную по линии западо-западо-юг — востоко-востоко-юг, могильник состоял из 20 хорошо выраженных каменных колец, частично соединенных по два или по три вместе. Надо отметить, что не все камни в кольцах сохранили свое первоначальное положение и, судя по разбросанности многочисленных камней на территории могильника, часть выкладок к настоящему времени разрушена. Большинство выкладок представляло собой кольца, состоящие из одного ряда камней, у некоторых же или имелся в центре второй подобный круг или камни кольца были уложены не в один ряд, а широкой полосой.

В процессе исследований было вскрыто 15 погребений, из которых 5 оказались разрушенными. Погребения залегали на глубине 0.3—1.0 м от современной поверхности почвы. Вследствие однородности грунта, в котором они находились, проследить контуры могильной ямы удалось лишь в двух случаях. Костяки лежали на правом или левом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми руками, так что кисти рук находились у головы. Ориентировка костяков была в основном на запад с небольшими отклонениями в ту или иную сторону (чаще к югу). В двух случаях были встречены парные погребения. Одно из них представляло собой захоронение двух взрослых субъектов, другое — двух подростков. Подростки были захоронены лицом к лицу так, что подогнутые ноги их перекрывали друг друга. В парном же погребении взрослых один костяк, принадлежавший, повидимому, мужчине, лежал в скорченном положении

на левом боку, а другой — полувытянутый — находился перед ним, частично покрывая кости его конечностей (рис. 1). Следует отметить неестественность позы второго костяка, вызывающую предположение о насильственной смерти и сбросе в могилу данного субъекта.

Инвентарь погребений оказался чрезвычайно бедным и однообразным. При каждом костяке встречены глиняные сосуды, стоявшие в головах покойников, в количестве одного, двух (чаще) экземпляров. В парном захоронении между бедренными костями ног одного из взрослых субъектов, лежавшего на боку, была найдена изготовленная из створки раковины поделка круглой формы с большим круглым отверстием в центре и малым, овальным — в боковой части, напоминающая близкие по типу костяные изделия, хорошо известные из погребений со скорченными костяками степной части Восточной Европы. Металл представлен в исследованных погребениях лишь одной находкой, а именно — обломками небольшого бронзового (или медного) прутика, лежавшего перед костями рук захороненного, рядом со створкой речной раковины. В некоторых погребениях найдены кости домашних животных; в частности, среди детских — альчики и бабки.

В грунте, окружавшем черепа, иногда встречались мелкие, расплывшиеся угольки.

По способу захоронения и инвентарю исследованные погребения близки к так наз. андроновской культуре, имея в то же время ряд локальных отличий по сравнению с типичными захоронениями этой поры в Западной Сибири.

Остальные исследованные экспедицией памятники оказались скифо-сарматскими.

Так, дальнейшим местом работы первого отряда была избрана курганная группа на 14-м км строительства, находившаяся на правом берегу Урала. В состав группы входило 7 земляных насыпей, 4 из которых полностью или частично были обложены камнями.

В виду отсутствия средств и времени в данном пункте был исследован лишь один курган, земляная насыпь которого при диаметре в 14 м имела высоту в 0.60 м. Погребение, совершенное в прямоугольной со слегка округленными углами могильной яме, впущенной в материк на глубину 1.20 м, оказалось наполовину разрушенным; insitu сохранилась лишь нижняя часть костяка. В засыпи могильной ямы, помимо костей верхней части туловища, были встречены два втульчатых наконечника стрел, 8 пастовых и стеклянных бус, 3 сердоликовые бусы, 2 кольца (одно на фаланге) в виде спирально свернутых в $2^1/_2$ оборота бронзовых прутиков (плоского в сечении и круглого). В головах костяка, лежавшего в вытянутом положении, головой на юг, стоял глиняный орнаментированный сосуд.

Работы второго отряда близ аула Джанатан заключались в исследовании большой курганной группы, состоявшей из 39 насыпей.[1] Курганы тянутся на протяжении 1400 м неправильной цепью по направлению к северо-северо-востоку с невысокой возвышенности, полого спускающейся к р. Ори. Вследствие кратковременности работ отряда удалось исследовать лишь 4 кургана (высота насыпей от 0.17 до 0.36 м, диаметр — от 10 до 16 м).

В первом кургане была вскрыта катакомба глубиной в 2.25 м. Как выяснилось в процессе раскопок, она была использована для захоронений дважды. Вначале в ней были захоронены два взрослых покойника: один в нише, а другой — на дне входной ямы. Затем последовало разграбление, что можно усмотреть в сильной нарушенности костяков и их инвентаря, лишь частично сохранивших свое первоначальное положение. Далее произошел небольшой обвал свода, случившийся, возможно, в связи с ограблением. На обвалившемся же грунте, прикрывшем остатки первого погребения, и было совершено второе захоронение подростка, причем для последнего ниша была слегка расширена. Найденные в могильной засыпи стеклянные бусы и бронзовый трехгранный наконечник стрелы, вероятно, входили в инвентарь первого погребения, на дне ямы которого вместе с костями были встречены обломок железного стержня, железный нож и кости барана. Под костями, в особом тайнике-углублении находился железный меч длиной в 1.13 м. Комплекс же второго захоронения (подростка) состоял из железного ножа, мелких стеклянных бусинок и костей барана. Представляющими существенный интерес явились следы орудий, которыми была вырыта катакомба, хорошо сохранившиеся на стенках последней в виде продолговатых узких желобчатых углублений.

В западной части этого же кургана находилась небольшая каменная кладка, под которой, на глубине 1.0—1.2 м, были встречены стоявшие почти отвесно кости лошадей (4 лопатки, часть таза и 3 пары трубчатых), а непосредственно под ними — остатки совершенно истлевшего детского костяка, ориентированного на юг.

Во втором кургане захоронение было совершено в грунтовой яме, имевшей настил из толстых досок и плах, перекрытый переплетенной дранью, покрытой, в свою очередь, камышом и прутьями. На дне ямы, покрытой берестой, оказался скелет взрослого субъекта с деформированным черепом, лежавший в вытянутом положении головой

[1] Группа № 18 по нумерации Южноуральской экспедиции ГАИМК 1933 г. (см. Б. Н. Граков. Археологические работы на новостройках. Известия ГАИМК. т. II, вып. 110, стр. 91—120).

на северо-запад. Под костяком находились две жерди, лежавшие параллельно на некотором расстоянии одна от другой. Захороненному были приданы четыре глиняных сосуда (один из них небольшой с шаровидным туловом, другой — четырехугольный), деревянная чашечка, железный нож, каменный точильный брусок и уздечка с железными удилами, деревянным кольцом и медными серебряными бляшками.

В третьем кургане, опять-таки в грунтовой могильной яме, поверх которой находилась выкладка из камней, оказался костяк юного субъекта, захороненного в вытянутом положении головой на северо-запад. В ногах костяка стоял большой глиняный сосуд, а у костей правой руки лежал наконечник стрелы, тщательно сделанный из сланца.

Исследование четвертого кургана, произведенное, — как и всех остальных, — путем снятия всей насыпи, могильной ямы не обнаружило, хотя раскоп был доведен на всей площади до глубины в 1.0 м от вершины кургана, при высоте насыпи последнего в 0.20 м. Лишь у основания западной полы, на глубине 0.40 м от вершины была обнаружена грудка костей барана. За отсутствием средств и времени дальнейшее исследование этого кургана оказалось невозможным.

В течение трех дней, перед отъездом экспедицией был обследован район Орских новостроек, непосредственно примыкающий к городу. В результате этой рекогносцировки был выявлен целый ряд памятников погребального характера (преимущественно курганов), стоящих под угрозой разрушения со стороны растущего большого промышленного строительства и связанного с ним соцгорода. А это говорит о необходимости продолжения археологических работ в данном районе.

В процессе полевых работ экспедиции неоднократно пришлось давать работникам новостроек и местному населению (в частности, школьникам) как в экскурсионном порядке, так и в порядке индивидуальных бесед, а также через местную прессу, соответствующие разъяснения по поводу значения и охраны памятников древности.

Проведенные изыскания, несмотря на их незначительный объем, следует считать успешными, так как они не только дали возможность спасти от разрушения несколько археологических объектов, но и продвинули изучение столь малоисследованного района, каким является Орский, а также пополнили коллекции Оренбургского краеведческого музея, содействуя, таким образом, развитию как научно-исследовательской, так и политико-просветительной работы в области по изучению местного края.

Г. Ф. ДЕБЕЦ

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ АФРИКИ

(Библиографический обзор)

Археологические раскопки последнего десятилетия дали ряд новых находок, проливающих некоторый свет на вопрос об эволюции человека на африканском континенте.

I

Прежде всего следует отметить находку нового черепа австралопитека, о чем известный палеонтолог Р. Брум сообщает в выпуске «Nature» от 19 сентября 1936 г.[1]

Находка была сделана в июле 1936 г. в Стеркфонтейне близ Крюгерсдорпа (Трансвааль), среди обломков взорванной горной породы. Сохранились: часть естественного слепка мозговой полости, обломки основания черепа, теменной и затылочной костей, часть лицевого скелета со вторым премоляром и первыми двумя молярами. Предварительное исследование показало, что емкость черепа этого примата была около 600 см³. Первый моляр, который можно сравнить с тем же зубом черепа из Тонго (первый австралопитек), обнаруживает ряд черт сходства, но, вместе с тем, и некоторые отличия. Родство обеих находок, по мнению Брума, находится в пределах рода Australopithecus, виды же, вероятно, разные. Находку в Стеркфонтейне Брум называет Australopithecus transwaalensis. Подобно тому, как это отмечалось по отношению к виду A. africanus, в строении зубов и в других особенностях обнаруживается ряд человекоподобных признаков, не свойственных современным обезьянам. Геологический возраст Брум определяет как верхне-плейстоценовый (!) на основании сопровождающей фауны, о которой, однако, в заметке ничего более подробного не сказано. Возраст

[1] R. Broom. A New Fossil Anthropoid. Skull from South Africa. Nature, 1936, № 3490, pp. 486—488.

A. africanus определяется им как нижне- или средне-плейстоценовый.

В письме в редакцию «Nature», опубликованном 24 октября,[1] Брум сообщил, что в обломках взорванной горной породы им найдено еще два моляра и один премоляр той же особи. Близость их к соответствующим зубам человека не оставляет сомнений.

Если геологический возраст определен правильно и род Australopithecus окажется, следовательно, современником человека, то его значение для понимания процесса антропогенеза скорее даже увеличивается, так как он указывает, что у высших приматов в безлесной холмистой среде формируются конвергентным путем человекоподобные особенности. Ряд черт сходства с дриопитеками миоцена и плиоцена подтверждает взгляд на эту группу высших приматов как на наиболее близкую к непосредственным предкам человека.

II

Оживленные дискуссии разгорелись по поводу ряда палеонтологических находок в восточной Африке, в Олдуэ (Олдовай), Канам и Каньера. Все они относятся по типу к Homo sapiens, и суть вопроса заключается в приписываемом им ранне-четвертичном геологическом возрасте, что должно было доказывать древность типа современного человека и филогенетическую независимость его от неандертальца.

В советской прессе уже сообщалось[2] о той уничтожающей критике, которой подверглись попытки подобной датировки найденных остатков. Литологический анализ породы, застрявшей в трещинах и неровностях костей скелета из Олдуэ, показал его поздний, геологически, безусловно, современный возраст, сответствующий, по всей вероятности, слоям с индустрией ориньякского типа. Проверка геологических данных о находках из Канама и Каньеры показала, что автор находки Лики допустил ряд грубых ошибок в определении даже самой структуры слоев, не говоря об их возрасте, установить который вообще трудно вследствие многочисленных смещений.

Нечего и говорить, что определение возраста костей, найденных в этих слоях, еще более затруднительно. В общем находки из Канама и Каньеры следует признать геологически не датированными.

Однако Лики[3] основывается в своих заключениях не только на геологических, но и на морфологических данных. Обломок передней части нижней челюсти из Канама (все, что сохранилось от этой находки) характеризуется рядом признаков современного человека. Сюда относятся: 1) выступающий подбородок, 2) форма зубной дуги (поскольку ее можно восстановить), 3) малое расстояние между клыками, 4) малая величина клыков (судя по корням), 5) строение лингвальной поверхности челюсти (характер прикрепления к ней мышц) и 6) раздвоение корней первого премоляра. Несмотря на то, что этих признаков почти достаточно, чтобы причислить находку к Homo sapiens, Лики все же выделяет его в особый вид Homo kanamensis, являющийся непосредственным предком современного человека. Основанием для выделения являются: 1) отсутствие «шейки» на премолярах, 2) широкие каналы в их корнях и 3) форма сечения переднего корня первого премоляра.

Не говоря о том, что морфологическое (и физиологическое) значение этих особенностей ничтожно по сравнению с первыми, Лики даже не пытается установить вариацию этих вновь открытых им черт среди различных рас Homo sapiens. Между тем ясно, что только таким путем можно установить новую единицу в систематике. Но, если бы даже отмеченные Лики признаки выдержали этот критерий, то и в этом случае таксономическая единица (вид), несомненно, была бы слишком высокой для оценки подобных различий.

Обломки четырех черепов из Каньеры, относящиеся, по Лики, к шелльской эпохе, характеризуются слабым развитием надбровных дуг. В этом Лики видит инфантильный признак, что является для него подтверждением древности и примитивности черепов из Каньеры (их систематическое положение все же не выходит, по Лики, из пределов Homo sapiens). Следует заметить, что теория о происхождении человеческих рас от инфантильных форм базируется как раз на геологически сомнительных находках вроде Каньеры. Поэтому подкреплением предположения о древности каньерских остатков этот признак никоим образом служить не может.[1]

Большего внимания заслуживает находка, описанная Лики пока только в предварительном сообщении.[2] Речь идет о черен-

---

[1] R. Broom. The Dentition of Australopithecus. Nature, 1936, № 3495.

[2] М. Ф. Нестурх. Новые находки ископаемого человека. АЖ, 1932, № 2; М. А. Гремяцкий. Новое об ископаемых представителях. АЖ, 1936, № 1.

[3] L. S. B. Leakey. The stone age races of Kenya, London 1935.

[1] Теория Лики не представляет собой чего-нибудь оригинального. Это только новый вариант того направления в антропологии, которое можно назвать «нео-кольманизмом» и которое считает не неандертальцев, а инфантильные пигмейские формы древнейшим типом человека. В большинстве случаев под этим скрываются реакционные идеи в антропологии.

[2] L. S. B. Leakey. A New Fossil Skull from Eyassi, East Africa. Nature, 1936, December 26, pp. 1092—1094.

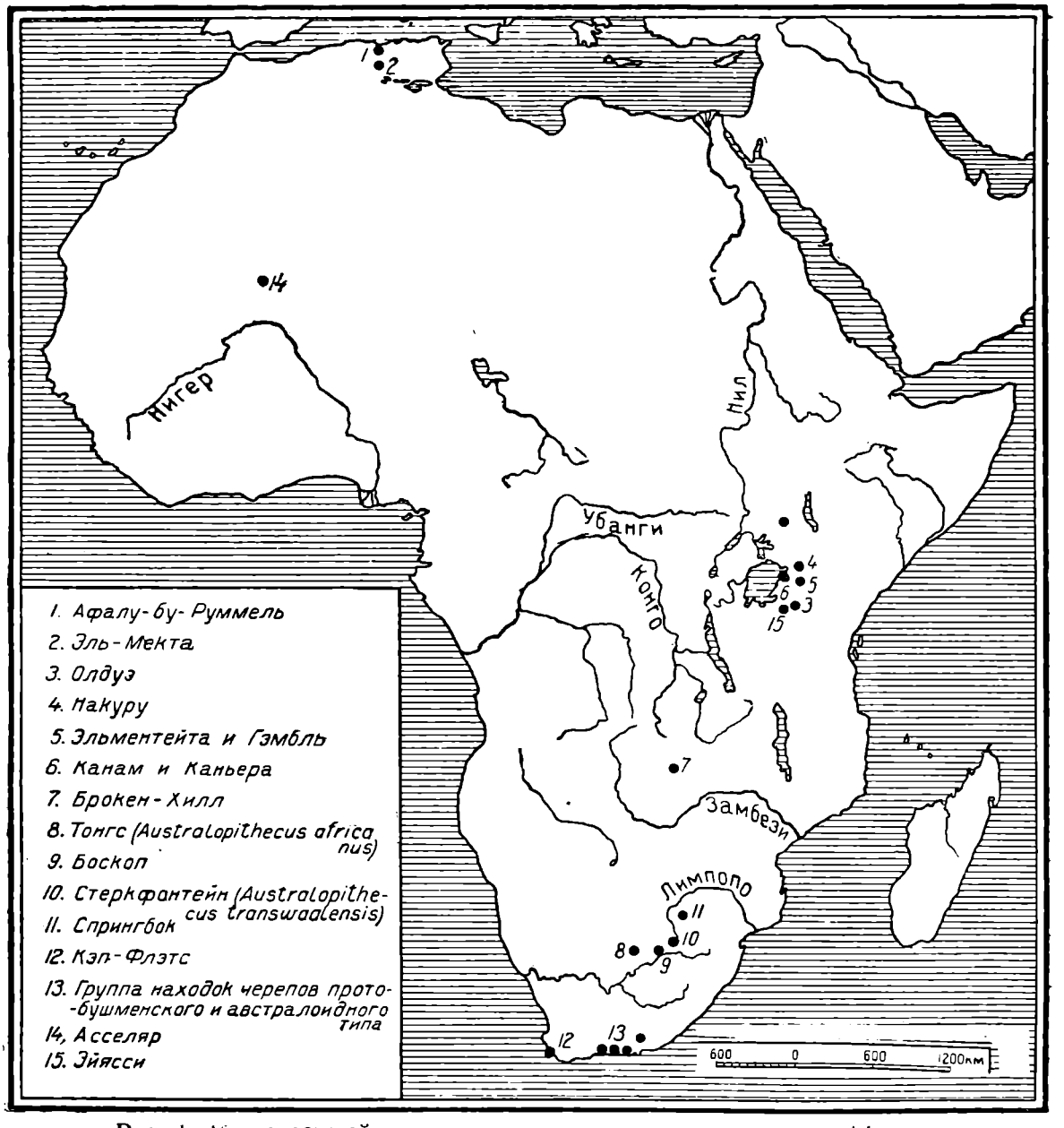

Рис. 1. Карта важнейших палеоантропологических находок в Африке.

ной коробке явно неандертальского типа, найденной на дне северо-восточной оконечности оз. Эйясси (при усыхании воды в сухое время года). Вместе с ней были найдены обломки еще двух черепов, но очень незначительные.

В сопровождающей фауне выделяются две группы костей — окатанные и не окатанные водой. К первой группе, очевидно более древней, относятся зубы гиппариона, бабуина типа Simopithecus и крупного жирафообразного. Ко второй — фауна в общем современного типа за исключением быка типа Bubalus, ископаемой антилопы и крупного хищника. К этой же группе по степени фоссилизации и окатанности относятся и кости человеческих черепов. Наконец, одновременными с этой поздней фауной являются и каменные орудия, также не носящие следов окатанности. Это пластины типа Леваллуа и обломки ручных рубил ашельского типа.

Кости черепа очень толсты, надбровная область характеризуется выраженным валиком. Затылочное отверстие расположено, как у обезьяны, т. е. задний край выше переднего (подобно черепу из Ля-Шапель; у других неандертальцев оно имеет человеческое расположение). Сосцевидные отростки небольшие и сходны с таковыми у синантропа. Затылочный гребень резко выражен. Примитивные признаки обнаруживаются также в зубах (клык и первый премоляр) и в строении барабанной части височной кости.

К сожалению, лобная часть не соединяется непосредственно с теменными костями и наклон лба, а также общие размеры черепа не могли быть определены с достаточной точностью.

Трудно что-либо сказать о геологической и археологической датировке Эйясского черепа до более подробной публикации материалов. Но если все сведения соответствуют действительности, то эта находка как нельзя лучше опровергает построения Лики. Из сообщенных им фактов совершенно не вытекает заключительная фраза статьи: «В течение плейстоценового периода человеческое семейство было представлено различными родами и видами, из которых выжил один Homo sapiens». Ясно, что характером фауны одного местонахождения при крайне недостаточной разработанности палеонтологии экваториальной Африки никак нельзя обосновать теорию одновременности мустьерской и ориньякской культур и соответствующих им видов человека.

III

Если в отношении древнейших культур Африки приходится пока заниматься, главным образом, «чисткой» их от всевозможных сенсационных открытий, то для верхнего палеолита мы имеем уже и данные положительного порядка.

Прежде всего сюда относятся черепа и скелеты из скалистого навеса Афалу-бу-Руммель на побережье Средиземного моря, в провинции Константины, так наз. малой Африки. Здесь геолог А. Арамбур раскопал в 1929 г. целый костеносный слой, содержавший частью целые погребения, но преимущественно черепа и отдельные кости. Как покрывающие, так и подстилающие слои содержали индустрию ориньякского типа с пластинами типа Ля-Граветт. Тридцать черепов взрослых индивидуумов удалось реставрировать настолько полно, что оказалось возможным взять все основные измерения мозгового и лицевого черепа. К сожалению, публикация этого ценнейшего материала произведена недостаточно тщательно. Отсутствуют индивидуальные измерения, для основных диаметров черепа не вычислены даже средние арифметические.[1]

Этот пробел лишь отчасти восполняется рисунками всех черепов. Впрочем, они удивительно однообразны. Лицо у них сравнительно короткое (70 мм у мужчин) и очень широкое (142 мм у мужчин), ортогнатное с сильно выступающим носом. Орбиты низкие (74), нос явно платиринный (54). Мозговой череп характеризуется весьма значительной емкостью (1622 куб. см для мужчин и 1456 куб. см для женщин) и очень толстыми костями. По общей форме долихоцефальный (75), очень высокий (около 140 мм), но с покатым у мужчин лбом и мощными надбровными дугами. Рост на шести мужских скелетах, на которых его можно было определить, оказался высоким (174 см), места прикрепления мышц сильно развиты. Тип этот характерен и для ранее описанных верхне-палеолитических черепов малой Африки. Поэтому он и назван авторами цитированной работы типом Эль-Мекта по месту первого нахождения. Сопоставляя его с другими ископаемыми формами Европы и Африки, французские палеоантропологи сближают тип Эль-Мекта с кроманьонцами, в особенности же с черепом из Оберкасселя. Это сходство авторы объясняют миграцией кроманьонской расы из Франции через Иберийский полуостров.

С этим объяснением вряд ли можно согласиться. Оно основано на предположении о том, что кроманьонский тип представляет собой специфический локальный вариант — расу в тесном смысле слова.

Между тем, я уже имел возможность указать в статьях, посвященных палеоантропологии СССР,[1] на любопытный факт тесного сходства древнейших черепов степной полосы Евразии с преобладающим типом верхнего палеолита Европы. Такое широкое распространение этого типа приводит к выводу о том, что мы имеем здесь дело не с локальным вариантом, а с обобщенным протоевропеоидным типом.

Характерными для этого типа являются следующие признаки: лицо низкое и очень широкое, не уступающее по ширине современным монголам и эскимосам. Ортогнатность. Нос резко выступающий. Сильно развитые надбровные дуги и мышечный рельеф. Долихо- или мезокефалия. Высота черепа обычно значительная. Рост обычно высокий. Носовой указатель, наклон лба, общая форма черепа (по Серджи) вариируют.[2]

IV

На востоке Африки упоминавшийся уже Лики открыл, кроме обломков из Канама и Каньеры, не имеющих, как мы видели, приписанного им научного значения, также несколько погребений верхне-палеолитического, мезолитического и неолитического

---

[1] C. Arambourg, M. Boule, H. Vallois et R. Verneau. Les grottes paléolithiques de Béni-Ségoual. Archives de l'Institut de Paléonthologie humaine, 1934, Mém. 13.

[1] Расовые типы Минусинского края в эпоху родового строя. Антрополог. журнал, 1932, № 2; Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье. Антрополог. журнал, 1936, № 1.

[2] Более подробно вопросы филогении европейских рас и связи их с протоевропеоидным типом изложены мной в статье «Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы». Антрополог. журнал, 1936, № 3.

возраста. Их датировка гораздо точнее. Наиболее древними являются скелеты из пещеры Гэмбль, найденные в слое с орудиями верхне - палеолитического (ориньякского) типа. Костяки лежали в сильно скорченном положении и были посыпаны красной охрой. В Эльментэйта остатки разрозненных скелетов были найдены в слое с орудиями типа, непосредственно предшествующего неолиту. Лики называет их мезолитическими. Наконец, в ряде пунктов были найдены погребения с полированными каменными орудиями и керамикой. Обряд погребения, отмеченный в пещере Гэмбль (скорченное положение и окраска), продолжал существовать и в неолите).

В общем, два черепа из ориньякских погребений пещеры Гэмбль, семь мезолитических из Эльментейта и шесть неолитических из разных пунктов могут быть объединены в одну группу, куда несомненно входит также череп из Олдуэ.

Лицо восточно-африканских черепов обычно очень высокое (75—80 мм) и среднеширокое (135—140 мм), т. е. резко противоположное типу Эль-Мекта. Иногда наблюдается небольшой прогнатизм. Нос узкий, иногда очень узкий, средне-выступающий, орбиты высокие. Мозговой череп резко долихокефальный (около 70), лоб чаще прямой или слабо наклонный, надбровье скорее слабо развито. Высота черепа вариирует, но большей частью превосходит ширину его. Рост большей частью очень высокий (175—180 см). В пропорциях скелета характерна очень длинная голень.

Эта характеристика приводит к выводу, что в верхнем палеолите и неолите восточной Африки мы имеем дело с так наз. эфиопской расой, сохранившей основные из перечисленных выше особенностей до настоящего времени. Этот интересный тип в настоящее время локализован в его наиболее резко выраженной форме несколько севернее, но многие черты его проявляются и у некоторых негров восточной Африки. При европеоидном лицевом скелете тип этот в настоящее время характеризуется негроидными признаками в пигментации, волосяном покрове и, насколько это возможно при данном типе черепа, в мягких частях лица.

Лики находит возможным только двумя путями объяснить европеоидные черты добытых и описанных им черепов. Либо, пишет он, наши представления о негрском черепе нуждаются в пересмотре, либо мы имеем в восточной Африке процесс смешения позднее пришедших негров с автохтонными европеоидами. В результате образовался смешанный тип с европейским черепом и негритянскими покровами.

Первое предположение совершенно не обосновано. Глубокие отличия лицевого скелета черепов из Гэмбль и Эльментейта (равно как и современных эфиопов) от негров не только бассейна Конго, Сенегала или Нигера, но также и той же Кении,[1] не возбуждают сомнений.

Вторая гипотеза уже высказывалась в свое время Фишером[2] и вряд ли может быть принята. Смешение негров с европейцами в Америке[3] и в других местах никогда не давало типа наследовавшего одни признаки от одного, а другие от другого компонента. И вообще у человеческих рас не наблюдалось подобных образований в результате метисации.[4]

В статье о тарденуазском костяке из грота Фатьма-Коба в Крыму[5] я попытался систематизировать данные о рассеянных там и тут негроидных признаках в лицевом скелете у древнего населения Европы. На основании этих данных нельзя не признать заслуживающей внимания высказанную многими авторами мысль о еврафриканском типе, представляющем своего рода европеоидно-негроидную стадию в расогенезе Homo sapiens. Черепа же из Гэмбль и Эльментейта представляют, повидимому, один из вариантов этого типа.

Вполне естественно встает вопрос о взаимоотношении еврафриканского типа с намеченным выше протоевропеоидным или кроманьонским в широком смысле слова. Данных для его разрешения пока совершенно недостаточно. Но, повидимому, они более или менее одновременны и не находятся в отношении прямого филогенетического родства. Дальнейшие стадии разрешения проблемы упираются в африканского неандертальца, т. е. в форму почти неизвестную, так как родезийский череп, во-первых, пока один, во-вторых, он все же не датирован геологически, и эпоха становления Homo sapiens на африканском материке (во всяком случае, в южной его части) остается невыясненной.

V

Южная Африка также дала за последнее десятилетие несколько любопытных палеоантропологических находок.

---

[1] См., напр., E. Kitson. A study of the Negro Skull with special reference to the crania from Kenya Colony. Biometrika, 1931, vol. 23. Носовой указатель у современных негров Кении 58, высота лица у мужчин 68.5 мм, лицевой угол 81°. Все это указывает на то, что негрский тип проявляется в настоящее время не только на покровах, но и на черепе населения Кении.

[2] Fischer E. Zur Frage einer äthiopischen Rasse. Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie, 1930, Bd. 27.

[3] См., напр., Davenport, C. B. and Stegguda M. Race Crossing in Jamaica. Washington, 1929.

[4] Речь идет о типе. Отдельные индивидуумы могут, конечно, сочетать иногда весьма крайние комбинации, но они всегда далеки от средних для всей метисной популяции.

[5] Антрополог. журнал, 1936, № 2.

Сюда относятся, прежде всего, черепа «австралоидного» типа, из числа которых наилучше сохранившийся найден в Кэп-Флэтс (окрестности Капштадта).[1] Брум сближает этот тип с готтентотами племени коранна, сохранившими до настоящего времени покатый лоб и сильно развитые надбровные дуги, характерные и для ископаемых «австралоидов», найденных с индустрией верхне-палеолитического типа.[2]

Но, кроме «австралоидов», в погребениях верхнего палеолита Южной Африки найдено также несколько скелетов иного типа. Они опубликованы, к сожалению, в недоступных для меня южно-африканских изданиях, и судить о них возможно только по сводке Буля и Валлуа.[3] Это долихокранные низкие черепа с прямым лбом и слабым надбровьем. Большинство исследователей называет их протобушменскими, что было впервые высказано еще по отношению к боскопскому черепу. Лицевые кости, там, где они сохранились, не противоречат этому предположению. От современных бушменских эти черепа резко отличаются только очень крупными абсолютными размерами, что связано, вероятно, с высоким ростом. Наличие переходных типов и сходство в общей конфигурации черепа заставляет признать весьма вероятным предположение о связи бушменского типа с боскопским и, следовательно, об эволюции этого типа в направлении резкого уменьшения роста и всех вообще абсолютных размеров. Эволютивные связи с «австралоидами» пока совершенно неясны. Хронологически оба типа иногда встречались в одновременных погребениях и в одном пункте.

VI

Гораздо беднее палеоантропологическими находками антропологически наиболее негроидная часть Африки. Только в 1927 г. в южной Сахаре, в отложениях высохшего плейстоценового озера, близ поста Асселяр был найден полный скелет человека, к сожалению, без вещей. Однако геологически он датируется временем безусловно гораздо более ранним, чем стоянки с «геометрической» индустрией той же области. Не детализируя, верхне-палеолитический возраст асселярского скелета можно считать установленным.

В общем череп относится к негроидной большой расе. В пользу этого предположения говорит сочетание низкого прогнатного лица с плоским и широким носом (указатель 55). Череп долихокранный (71), высокий, довольно крупных размеров (емкость 1520 куб. см) с прямым лбом и средне развитыми надбровными дугами. Рост, как и у всех вообще ископаемых костяков Африки, высокий (не менее 170 см).

Детальное сравнение с черепами современных африканских негров приводит М. Буля и Г. Валлуа к выводу, что асселярский скелет все же не вполне выражает черты архиморфного негрского типа, представленного теперь суданскими и гвинейскими неграми. Скорее он может быть сопоставлен с характеризующимися несколько ослабленной негроидностью племенами группы Банту. Среди ископаемых типов асселярский костяк обнаруживает наибольшее сходство не с костяками из других частей Африки, а с негроидными черепами «типа Гримальди» из Ментонских гротов.

Несколько ослабленную негроидность асселярского черепа авторы монографии рассматривают не в миграционном духе, а в эволютивном. Согласно высказанной ими точек зрения, окончательная выработка типично негрских признаков произошла позднее.

VII

В общем, имеющиеся данные не исключают возможность, что распределение расовых типов населения Африки в верхнем палеолите было, в основном, тем же, что и в настоящее время.

На севере материка в малой Африке был распространен тип Эль-Мекта, филогенетическая связь которого с берберским типом современности более чем вероятна. На востоке в древних черепах типа Олдуэ легко узнать представителей эфиопской расы. На юге преобладает протобушменский боскопский тип. Синхроничные ему «австралоиды» также имеют своих потомков в лице коранна. Наконец, асселярский костяк в бассейне Нигера является несомненным предком современных негров.

Общим для всех территорий направлением изменчивости от верхнего палеолита до наших дней является уменьшение абсолютных размеров, в первую очередь роста. Намечается также некоторое усиление характерных черт расы. Миграции, во всяком случае после-палеолитические, не играли, следовательно, значительной роли в расогенезе и расовой географии «черного материка».

---

[1] M. R: Drennan. An australoid skull from the Cape-Flats. Journ. of the R. Anthr. Inst, 1929, t. 59.

[2] R. Broom. A contribution to the craniology of the Yellowskinned Races of South Africa. Journ. of the R. Anth. Inst., 1923, t. 53.

[3] M. Boule et H. Vallois. L'homme fossile d'Asselar. Arch. de L'Inst. de Paléonthologie humaine, Mém. 9, Paris, 1932.